

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81 – 112.4
ББК 81.411.2

О. В. Аверкова

СТЕПЕНЬ УПОТРЕБЛЯЕМОСТИ НЕКОТОРЫХ ТЕРМИНОВ СИСТЕМЫ РУССКОГО РОДСТВА НОСИТЕЛЯМИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА (по данным лексикографических источников и анкетирования)

Рассматривается актуальность выявленных при помощи лексикографических источников 162 терминов родства для современного носителя русского языка. В ходе исследования было проведено анкетирование, в котором принял участие 91 человек. Результаты эксперимента отличаются от литературных данных, в связи с чем делается вывод о необходимости дальнейшего изучения проблемы.

Ключевые слова: термины родства, кровное родство, узаконенное родство, свойство.

Изучение терминов родства (далее – ТР) в зеркале гуманитарных наук (филологии социологии, права, истории, психологии и др.) ведется уже несколько десятилетий. Как отмечает М. Г. Муравьева, пик изучения терминологии родства приходится на 80-е гг. [9].

В рамках лингвистических исследований актуальны вопросы, касающиеся типовых черт лексики родства, таких как относительная простота и гармоничность семантических группировок, тенденция к замкнутости и стабильности, отчетливость парадигматических связей, основанных на однотипном наборе дифференциальных признаков (W. Goodenough, A. Kroeber, F. Lounsbury, A. A. Акишина, К. Вавра, С. И. Вайнштейн, Ш. И. Джалилова, И. К. Зайцева, М. В. Крюков, А. М. Кузнецов, О. Ю. Николенко, М. Ш. Сарыбаева).

На сложность функциональной семантики имен родства обращают внимание Н. В. Багичева, А. А. Бурькин, А. В. Зарецкий, Б. Н. Казаченко, А. И. Моисеев, В. А. Попов, О. С. Чеснокова, А. П. Чудинов.

Вопросами развития терминологии родственных отношений у славян с лингвистической точки зрения с учетом данных смежных наук, а именно вопросами терминологии и ее связи с социальной организацией, системой личных имен, сословными титулами, семейно-брачными отношениями в прошлом занимался О. Н. Трубачев. В работе «История славянских терминов родства» О. Н. Трубачев затрагивает проблему отнесения ТР к так называемому

детскому языку и указывает на необходимость точных результатов специальных исследований детской речи с целью их привлечения в помощь этимологии при изучении рассматриваемой проблемы.

Г. В. Дзибель заявляет о необходимости пересмотра распределения ТР в этимологические гнезда. Вопросами словообразования ТР занимались также Н. Ю. Микитенко и О. Ю. Николенко.

Результаты исследования типов заимствованных тюркских ТР в древнерусском языке представлены в статье А. В. Шабашова «Тюркские термины родства в древнерусских письменных памятниках (до 1480 г.)» [14].

Использование ТР для обозначения неродственных отношений рассматривается в трудах И. Б. Качинской и Е. Н. Успенской, а изучением применения ТР к географическим объектам занималась М. В. Ахметова.

Многие ученые обращают внимание и на тенденцию к сокращению числа терминов родства (В. Н. Бикбулатов, Г. В. Дзибель, Б. Н. Казаченко, О. Ю. Николенко, Х. Г. Юсупов и др.).

Так, Б. Н. Казаченко полагает, что были времена, когда родство по материнской линии имело большее значение, чем по отцовской, и приводит в пример термины родства, указывающие на это (*тетка великая, тетка малая, сестрина, сестренич* и др.). Но, как отмечает автор, «с исчезновением социальных причин, способствующих четкому различению тех или иных степеней родства, на наших глазах про-

исходит и утеря этих терминов (упрощение и замещение их на набор описательных слов, типа *мать жены* вместо *тещи* или *муж двоюродной сестры жены* вместо *двоюродный свояк*)» [5. С. 63]. В. Н. Бикбулатов объясняет процесс вытеснения терминов свойства соответствующими наименованиями кровного родства двумя факторами: большей значимостью отношений к своим собственным родственникам, нежели к родственникам супруга/супруги, существованием запретов и ограничений в общении с некоторыми свойственниками.

Х. Г. Юсупов отмечает, что и в рамках кровного родства наблюдается тенденция к сокращению числа ТР. Термины, обозначающие ближайшие степени родства, более устойчивы к изменениям. Неудивительно, что названия лиц в поколении внуков сохранились лишь в речи людей старшего поколения, которые выросли в семьях, включающих в себя 3 и более поколений. Нуклеаризация семьи в современном обществе снизила роль бабушек и дедушек в воспитании внуков, поэтому отношения через 1–2 поколения перестают отражаться в речи современных носителей языка.

Цель настоящей статьи – определить степень употребляемости некоторых терминов системы русского родства носителями современного русского языка по данным лексикографических источников и анкетирования.

В результате анализа 485 электронных словарей серии «На Академике» мы выявили 162 термина родства, включающие лексику для обозначения кровного, узаконенного родства и свойства.

Пометой «устаревшее» сопровождалось лишь 36 слов: *братанич, брательник, братова, братыч, вотчим, вуй, вуйка, вуйна, вуйчич, деверь, отпрыск, своячина, сестренич, сестрина, сестринец, сестрич, сестричиц, сестрична, стрий, стрия, строй, стрый, старый великий, старый малый, стрыйна, стрыйца, стрыйчич, стрыня, стрья, сыновец, уй, уйка, шурич, ятровка, ятровь*.

Усомнившись в актуальности для современной молодежи некоторых из оставшихся 126 ТР из составленного нами списка, мы провели анкетирование, в котором респондентам в возрасте от 17 до 35 лет был предложен полный список из 162 ТР и задание поставить «+» напротив тех ТР, которые они знали и которым могли дать определение; «+/-» – когда слово слышали, но его значение было неизвестно; «-» – если слово никогда ранее не встречалось.

В опросе принял участие 91 человек. Ограничений во времени не было.

По результатам эксперимента в ядерную зону по критерию актуализированности в сознании современной молодежи вошли 95 ТР: *бабушка, внук, внучка, двоюродная сестра, двоюродный брат, дед, дети, дочь, дядя, мать, младшая сестра, младший брат, муж, отец, правнук, правнучка, родители, сводный брат, старшая сестра, старший брат, супруг, супруга, сын, тесть, теца* – 100 % респондентам известны эти ТР; *баба, близнецы, двойняшки, дядька, жена, зять, мачеха, отчим, потомок, предок, приемный сын, свекровь, свекор, сноха, тетя, тройняшки, усыновленный* – 99 %; *прабабка, удочеренная* – 98 %; *прадед, сводная сестра* – 97 %; *вдова, вдовец, сват, сватья, тетка, троюродная сестра, троюродный брат* – 96 %; *невестка, племянник, приемная дочь* – 95 %; *падчерица* – 94 %; *двоюродная тетя, пасынок* – 93 %; *двоюродный дядя, племяш* – 91 %; *двоюродная племянница, двоюродный племянник, прародитель* – 90 %; *кузина, приемыш* – 89 %; *прародительница* – 88 %; *кузен, приемная мать* – 86 %; *приемный отец, троюродная тетя* – 85 %; *троюродный дед, троюродный дядя* – 83 %; *брательник, отпрыск, троюродная племянница, троюродный племянник* – 82 %; *единоутробная сестра* – 80 %; *двоюродная бабка, двоюродный дед, единоутробный брат* – 76 %; *названный сын* – 70 %; *внучатый племянник* – 67 %; *троюродная бабка* – 66 %; *названная дочь* – 64 %; *внучатая двоюродная племянница, внучатая племянница* – 63 %; *названная мать* – 62 %; *четвероюродный брат* – 60 %; *сваяк, свояченица, четвероюродная сестра* – 59 %; *золовка, шурин* – 57 %.

В периферийную зону попали следующие ТР: *сестрина* – 45 %; *деверь, своячина* – 41 %; *четвероколенный брат* – 35 %; *пращур* – 31 %; *сыновец* – 28 %; *привенчанная сестра* – 26 %; *привенчаннный брат* – 25 %; *великий дядя, вотчим* – 23 %; *братыч, великая тетя, пращурка, строй* – 21 %; *братова* – 20 %; *братанич, сестрич* – 19 %; *братана, сестрична* – 18 %; *сестренич, шурич* – 17 %; *братанина, сестринец* – 15 %; *примак* – 14 %; *братаниха, братана, сестричиц, сношенница, сыновица* – 12 %; *вуйна* – 11 %; *уйка* – 10 %; *вдомник, призяченный, пробанд, старый малый* – 9 %; *вуй, уй* – 8 %; *сиблинги, сибсы* – 7 %; *божай, старый великий, стрычка, стрый* – 6 %; *вуйка, приймак* – 4 %; *дщерич, нестера, нетий, стрий,*

стрыя, ятровь – 3 %; влазень, вуйчич, дщерша, стрыйна, стрыйца, стрыня – 2 %; стрия, стрыйчич, швагер, ятровка – 1 %; вабий, уйчич – 0 %.

Необходимо дать некоторые пояснения касательно результатов эксперимента:

1. Такие ТР, как *деверь*, *своячина* и *сестрина*, устаревают. Чуть менее половины опрошенных знает значения этих слов, примерно такое же число респондентов никогда не встречалось с подобными именованями родственников, остальные лишь слышали данные ТР, но их значение не знают.

2. Непонимание терминов родства *сибсы* и *сиблинги* обусловлено не устареванием слов, а их иноязычным происхождением.

3. Слово *брательник* осознается не в значении «сын младшего брата», а как уменьшительно-ласкательная форма к слову *брат*.

4. Слово *отпрыск* известно большинству опрошенных, хотя в словарях оно отмечено как устаревшее.

5. Если классифицировать хорошо- и малоизвестные ТР по типам родства, то получаем следующие результаты: на 52 известных современному носителю русского языка термина кровного родства приходится 40 малоизвестных; на 23 известных термина свойства – 14 малоизвестных; на 9 известных терминов узаконенного родства – 2 малоизвестных. Таким образом, термины кровного родства не являются устойчивыми к изменениям, что расходится с мнением некоторых лингвистов.

Как мы видим, данные лексикографических источников необходимо обновить, поскольку носители современного русского языка не осознают в 2 раза больше ТР, чем указано в словарях с пометой «устаревшее». Толкование некоторых ТР изменяется в ходе истории, что также требует дальнейшего изучения и фиксации.

В рамках настоящей статьи были предприняты попытки систематизировать выявленные в ходе анализа словарных статей русские ТР по критерию степени употребляемости в речи носителей языка, но вопрос систематизации этого пласта лексики по чистоте семантики, стилистической окраске и др. остается открытым.

Список литературы

1. Ахметова, М. В. Города как родственники (об одном типе метафорического употребления терминов родства в русском языке) /

М. В. Ахметова // Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства : альманах. – Вып. 13. – СПб.: МАЭ РАН, 2012. – С. 111–147.

2. Багичева, Н. В. Регулярное варьирование семантики существительных, обозначающих отношения родства : дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Багичева. – Екатеринбург, 1995. – 240 с.

3. Бикбулатов, Н. В. Башкирская система родства / Н. В. Бикбулатов. – М.: Наука, 1981. – 122 с.

4. Дзибель, Г. В. Индоевропейские термины родства, индоевропейские ларингальные и проблема языкового родства // Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства : альманах. – Вып. 13. – СПб.: МАЭ РАН, 2012. – С. 24–32.

5. Казаченко, Б. Н. Русское родство: прошлое и настоящее / Б. Н. Казаченко. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 304 с.

6. Качинская, И. Б. Русские термины родства и личное имя (по материалам архангельских говоров) / И. Б. Качинская // Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства : альманах. – Вып. 13. – СПб.: МАЭ РАН, 2012. – С. 95–110.

7. Мержоева, З. С. Концепты родства в молодежном языковом сознании русских и ингушей : дис. ... канд. филол. наук / З. С. Мержоева. – Саратов, 2009. – 159 с.

8. Микитенко, Н. Ю. Сопоставительный анализ русских и чешских терминов родства: в диахронии и синхронии : дис. ... канд. филол. наук / Н. Ю. Микитенко. – Элиста, 2004. – 137 с.

9. Муравьева, М. Г. История брака и семьи: западный опыт и отечественная историография / М. Г. Муравьева // Семья в ракурсе социального знания : сб. науч. ст. – Барнаул: Азбука, 2001. – С. 5–25.

10. Николенко, О. Ю. Лексико-семантическая группа наименований родства: функционирование, эволюция, словообразовательные потенции: на материале речи жителей г. Омска : дис. ... канд. филол. наук / О. Ю. Николенко. – Омск, 2006. – 234 с.

11. Родство // Википедия. – URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Родство>. – Дата обращения: 25.01.2015.

12. Словари и энциклопедии на Академике // Академик. – URL: www.dic.academic.ru. – Дата обращения: 25.01.2015.

13. Трубачев, О. Н. История славянских терминов родства / О. Н. Трубачев. – М.: Изд-во АН наук СССР, 1959. – 215 с.

14. Шабашов, А. В. Тюркские термины родства в древнерусских письменных памятниках (до 1480 г.) // Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства : альманах. – Вып. 13. – СПб.: МАЭ РАН, 2012. – С. 148–158.

15. Юсупов, Х. Г. Термины родства в башкирском языке / Х. Г. Юсупов // Вопросы башкирской филологии. – М., 1959. – С. 123–135.

Сведения об авторе

Аверкова Ольга Владимировна – старший преподаватель кафедры иностранных языков физико-технологического института Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина.

olga_averkova_87@mail.ru.

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 10 (365).

Philology. Arts. Issue 95. Pp. 7–11.

FREQUENCY OF USAGE OF RUSSIAN KINSHIP TERMS BY NATIVE SPEAKERS (according to the data from dictionaries and the results of the questionnaire survey)

O. V. Averkova

Ural Federal University n. a. the first President of Russia B. N. Yeltsin, olga_averkova_87@mail.ru

This article deals with the research of Russian kinship terms which became popular in 1980s. Such aspects as scientific features, functional semantics of this layer of lexis, word-building potential, and ability to mark non-kinship relations are analyzed in detail in a number of works by Russian linguists.

V. N. Bikbulatov, G. V. Dzibel, B. N. Kazachenko, O. Yu. Nikolenko, H. G. Yusupov mention the tendency of kinship terms to decrease. The author of this article develops this idea through the research based on analysis of dictionary entries to 162 Russian kinship terms and results of the questionnaire survey which involved 91 person aged 17–35.

The results of the experiment turned out to differ from the existing data. Respondents turned out to be not familiar with the meaning of 67 kinship terms whereas dictionaries marked only 36 as old-fashioned. Having analyzed the results, it was found that the usage frequency of the word doesn't depend on the type of kinship it marks. The group of blood kinship terms turned out to be as vulnerable to changes as the rest. The last conclusion is contrary to the opinion of some scientists that's why this issue has to be reconsidered.

Keywords: *kinship terms, blood kinship, legitimated kinship, kinship-in-law.*

References

1. Akhmetova M.V. Goroda kak rodstvenniki (ob odnom tipe metaforicheskogo upotrebleniya terminov rodstva v russkom yazyke) [Towns as relatives (about one type of metaphorical usage of kinship terms in Russian)]. *Algebra rodstva: Rodstvo. Sistemy rodstva. Sistemy terminov rodstva* [Kinship algebra: Kinship. Kinship systems. Systems of kinship terms], issue 13. St. Petersburg, 2012, pp. 111–147. (In Russ.).

2. Bagicheva N.V. *Regulyarnoe var'irovanie semantiki sushchestvitel'nykh, oboznachayushchikh otnosheniya rodstva* [Regular variation of semantics of kinship nouns. Thesis]. Ekaterinburg, 1995. 240 p. (In Russ.).

3. Bikbulatov N.V. *Bashkirskaya sistema rodstva* [Bashkir kinship system]. Moscow, Nauka, 1981. 122 p. (In Russ.).

4. Dzibel' G.V. *Indoevropeyskie terminy rodstva, indoevropeyskie laringal'nye i problema yazykovogo rodstva* [Indo-European terms of relationship, Indo-European laringalny and problem of language relationship]. *Algebra rodstva: Rodstvo. Sistemy rodstva. Sistemy terminov rodstva* [Kinship algebra:

Kinship. Kinship systems. Systems of kinship terms], issue 13. St. Petersburg, 2012, pp. 24–32 (In Russ.).

5. Kazachenko B.N. *Russkoe rodstvo: proshloe i nastoyashchee* [Russian kinship: past and present]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2010. 304 p. (In Russ.).

6. Kachinskaya I.B. Russkie terminy rodstva i lichnoe imya (po materialam arkhangel'skikh govorov). *Algebra rodstva: Rodstvo. Sistemy rodstva. Sistemy terminov rodstva* [Kinship algebra: Kinship. Kinship systems. Systems of kinship terms], issue 13. St. Petersburg, 2012, pp. 95–110. (In Russ.).

7. Merzhoeva Z.S. *Kontsepty rodstva v molodezhnom yazykovom soznanii russkikh i ingushey* [Kinship concepts in youth linguistic consciousness of the Russians and the Ingushs. Thesis]. Saratov, 2009. 159 p. (In Russ.).

8. Mikiteno N.Yu. *Sopostavitel'nyy analiz russkikh i cheshskikh terminov rodstva: v diakhronii i sinkhronii* [Comparison of the Russian and Czech kinship terms. Thesis]. Elista, 2004. 137 p. (In Russ.).

9. Murav'eva M.G. Istoriya braka i sem'i: Zapadnyy opyt i otechestvennaya istoriografiya [The history of marriage and family: western experience and domestic historiography]. *Sem'ya v rakurse sotsial'nogo znaniya* [Family: social aspect]. Barnaul, Azbuka, 2001, pp. 5–25 (In Russ.).

10. Nikolenko O.Yu. *Leksiko-semanticheskaya gruppa naimenovaniy rodstva: funkcionirovanie, evolyutsiya, slovoobrazovatel'nye potentsii: na materiale rechi zhiteley g. Omska* [Lexico-semantic group of kinship terms: functioning, evolution, word-building potential: on the basis of speech of Omsk citizens. Thesis]. Omsk, 2006. 234 p. (In Russ.).

11. Rodstvo [Kinship]. Available at: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Родство>, accessed 25.01.2015. (In Russ.).

12. Slovari i entsiklopedii na Akademike [Dictionaries and encyclopedias]. *Akademik* [Academician]. Available at: www.dic.academic.ru, accessed 25.01.2015. (In Russ.).

13. Trubachev O.N. *Istoriya slavyanskikh terminov rodstva* [History of Slavic kinship terms]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1959. 215 p. (In Russ.).

14. Shabashov A.V. Tyurkskie terminy rodstva v drevnerusskikh pis'mennykh pamyatnikakh (do 1480 g.) [Turkic kinship terms in Old Russian written monuments (before 1480)]. *Algebra rodstva: Rodstvo. Sistemy rodstva. Sistemy terminov rodstva* [Kinship algebra: Kinship. Kinship systems. Systems of kinship terms], issue 13. St. Petersburg, 2012, pp. 148–158. (In Russ.).

15. Yusupov Kh.G. Terminy rodstva v bashkirskom yazyke [Kinship terms in Bashkir]. *Voprosy bashkirskoy filologii* [Issues related to Bashkir philology]. Moscow, 1959, pp. 123–135. (In Russ.).

УДК 811.11 + 811.13 + 811.16
ББК 81.2/81.7

Е. М. Александрова

ВЛИЯНИЕ ЯЗЫКОВОГО СТРОЯ НА СПЕЦИФИКУ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ

Статья посвящена изучению языковой игры как лингвистического феномена. Уточняются понятия «двузначности» как основы языковой игры с семантическим механизмом и «неконгруэнтности» как основы языковой игры с синтаксическим механизмом. Выявляется специфика языковой игры, основанной на двузначности и неконгруэнтности в русской, английской и французской традициях. Исследуется влияние особенностей аналитических и синтетических языков на специфику создания языковой игры.

Ключевые слова: языковая игра, двузначность, неконгруэнтность, анекдот, семиотика.

Возрастающая в последнее время популярность использования языковой игры как лингвистического феномена в СМИ, рекламе, литературных и фольклорных произведениях, а также разговорной речи привлекает к ней все большее внимание исследователей различных областей знания.

Для того чтобы расширить и углубить знания о природе языковой игры, необходимо более детально изучить особенности ее структуры и компонентов.

Использование семиотического подхода к интерпретации и классификации феномена языковой игры, в основе которого лежат семиотические категории прагматики, семантики и синтактики, а именно существующие типы семиотических отношений (знаков к участникам коммуникации, к обозначаемым ими предметам и между собой в потоке речи), позволяет выделить следующие типы языковой игры:

1. Семантическая языковая игра, включающая случаи обыгрывания отношений между знаком, знаконосителем (предметом обозначения) и понятием о предмете.

2. Синтаксическая языковая игра – случаи обыгрывания отношений между знаками и их составляющими главным образом в речевой цепи и вообще во временной последовательности.

3. Смешанная языковая игра, предполагающая обыгрывание как семантических, так и синтаксических отношений.

Прагматика, также являющаяся семиотической категорией, представляет собой внетекстовую категорию и выводится за рамки классификации, являясь неотъемлемой со-

ставляющей как семантической, так и синтаксической и смешанной языковой игры.

В качестве знаков, связанных семантически или/и синтаксически, могут использоваться элементы различных уровней языковой системы. При проведении исследования, направленного на выявление характера знаков, были рассмотрены случаи обыгрывания графем, морфем, слов, словосочетаний и предложений. В ходе работы было выявлено, что основными элементами языка, используемыми в качестве знаков в языковой игре, являются

- сегмент слова;
- слово;
- сочетание слов.

Использование *графем*, достаточно часто встречающееся при создании языковой игры, как правило, предполагает параллельное использование *слов* при создании языковой игры с семантическим механизмом и *аббревиатур* при создании языковой игры с синтаксическим механизмом.

Рассмотрим пример семантической языковой игры с использованием графемы, найденный в английской традиции:

Q: *What letter is always wet?*
A: *C! (sea).*

В основе комического эффекта данного анекдота лежит аналогия звучания третьей буквы английского алфавита *C* [si:] и существительного *sea* [si:].

В следующем примере перестановка графем в аббревиатуре ДПС (дорожно-патрульная служба) приводит к образованию другой аббревиатуры ДСП, также имеющей денотат (древесно-стружечная плита):

Нелепая смерть! Сотрудника ДПС убило листом ДСП!

В данном случае, несмотря на перестановку графем, комический эффект заключается не в синтаксической несочетаемости или несовместимости знаков, а в аналогии звучания данных аббревиатур, что позволяет рассматривать данный пример как семантическую, а не синтаксическую языковую игру. Таким образом, графемы не могут рассматриваться как самостоятельные знаки, используемые при создании языковой игры.

При проведении исследования было выявлено, что языковая игра с семантическим механизмом основывается на двусмысленности.

Термин «двусмысленность», как правило, используется для характеристики явлений (выражений, высказываний), которые могут толковаться неоднозначно.

Двусмысленность становится объектом многих лингвистических исследований [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9].

При интерпретации данного понятия исследователями используются различные подходы, а в некоторых случаях высказываются противоположные точки зрения.

В настоящей статье термин «двусмысленность» используется для обозначения основы языковой игры с семантическим механизмом, когда отношения между знаком, законосителем и понятием о предмете могут быть истолкованы неоднозначно, что позволяет интерпретировать одно и то же сообщение несколькими способами.

В основе двусмысленности могут лежать такие лингвистические явления, как полисемия, омонимия, паронимия, буквальное понимание фразеологизмов, метафор, метонимических оборотов, свободных словосочетаний и так далее.

Далее мы рассмотрим случаи использования сегментов слов, слов и сочетаний слов для создания двусмысленности.

Рассмотрим следующий пример:

Сначала США насадят всем демократию. Потом странам придется покупать платную версию...

Сегмент слова «демократия» *демо* от греч. *d'ēmos* – народ может быть интерпретирован как сегмент существительного *демоверсия* (*демо-версия*), являющегося сокращением от *демонстрационная версия* (предварительная (ограниченная и, как правило, бесплатная) версия продукта).

В следующем примере в качестве знаков используются слова, многозначность которых лежит в основе комического эффекта:

В чем разница между ослом и ишаком?

Осел – это ученая степень, а ишак – должность.

Многозначность существительного *осел*, имеющего значения: 1) домашнее животное семейства лошадиных с длинными ушами и 2) тупой и упрямый человек, и существительного *ишак*: 1) помесь лошади и осла и 2) тот, кто постоянно много работает или выполняет тяжелую работу, приводит к возникновению двусмысленности в данном примере.

Именно слово является наиболее распространенной единицей при создании языковой игры.

Существенно реже задействуется обыгрывание сочетаний слов:

– Смотрите! Казалось бы, обычный «Чупа-чупс»! Но на нем сейчас кишат микробы!

– С чего ты взял?

– С пола. Будешь?

В данном случае выражение *с чего* оказывается в контексте двусмысленным, так как может интерпретироваться как обстоятельство причины (на каком основании, по какой причине) или как обстоятельство места (где, откуда).

Языковая игра может основываться не только на двусмысленности, но и на неконгруэнтности знаков.

Неконгруэнтность довольно редко берется во внимание в исследованиях, посвященных языковой игре. А. Росс, выделяя двусмысленность и неконгруэнтность в своей работе, к языковой игре, основанной на двусмысленности (*ambiguity*), относит фонологию, графологию, морфологию, лексику и синтаксис; к случаям языковой игры, основанной на несовместимости в языке (*incongruity*), относит семантику (синонимы, антонимы, тавтологию, парадокс, оксюморон, метафору и сравнение), а также прагматику, дискурс и регистр [5].

Неконгруэнтность, по мнению автора, сфокусирована на элементе неожиданности, она основывается на конфликте между ожидаемым и получаемым [1. С. 7]. Таким образом, А. Росс рассматривает неконгруэнтность прежде всего как несовместимость ожидания и результата.

В данной работе термин неконгруэнтность интерпретируется несколько иначе. Если А. Росс относит метафору к случаям некон-

груэнтности, то нами она рассматривается как механизм создания двусмысленности, так как является тропом, который, в отличие от фигур (приемов сочетания слов), представляет собой употребление слов в переносном смысле.

Под термином «неконгруэнтность» в настоящей статье понимается несовместимость (несоответствие, несовпадение, несоразмерность) знаков в речевой цепи, что может быть обусловлено их необычным расположением, сочетанием несочетаемого, особыми случаями синтаксического построения, а также трансформацией устойчивых сочетаний и так далее. Таким образом, неконгруэнтность является основой языковой игры с синтаксическим механизмом.

Приведем анекдоты, комический эффект которых основывается на использовании неконгруэнтности знаков при создании языковой игры.

В следующем анекдоте языковая игра строится на обыгрывании неконгруэнтности сегментов слова:

– *Кто такой недоперепил?*

– *Это тот, кто выпил больше, чем мог, но меньше, чем хотел.*

Соединение приставок *не-*, *до-* и *пере-* с корневой морфемой глагола *пить* в форме 3 лица ед. числа прош. вр. *пил* приводит к созданию нового знака, не имеющего денотата. Именно образование новых слов, как правило, становится результатом обыгрывания неконгруэнтности сегментов слов.

Случаи, когда обыгрывается неконгруэнтность слов, как правило, приводят к созданию синтаксических фигур (приемов синтаксической (синтагматической) организации речи, которые, не внося никакой дополнительной информации, придают речи художественные и экспрессивные качества и своеобразие), напр. оксюморона, используемого в следующем примере:

К визиту президента в больницу завезли здоровых больных.

Парадоксальное сочетание несочетаемых контрастных прилагательного *здоровых* и существительного *больных* является основой комического эффекта.

Неконгруэнтность устойчивых сочетаний слов (фразеологизмов, цитат, прецедентных текстов), как правило, приводит к созданию пародии – произведения, имеющего целью создание у читателя (зрителя, слушателя) комического эффекта за счет намеренного повторения

уникальных черт уже известного произведения, в специально измененной форме.

Рассмотрим примеры:

Одна голова хорошо, а два сапога пара.

Контаминация части пословицы *одна голова хорошо, а две лучше* и устойчивого выражения *два сапога пара*, являющихся неконгруэнтными, приводит к созданию комического эффекта.

Рассмотрим пример анекдота, составленного из известных читателю фрагментов, заимствованных у нескольких авторов:

Доктор, я тут вчера памятник себе воздвиг нерукотворный. Приходите после работы к нам в 6-ю палату на открытие. Идите прямо по тропе, не заблудитесь. Там народу будет много – и этот друг степей, и ныне буйный, то есть дикий... Вы за простыню дерните. Памятник и откроется...

Проведенное исследование особенностей языковой игры, основанной на двусмысленности и неконгруэнтности знаков, на материале анекдотов, представленных в русской, английской и французской традициях, показало, что в анекдоте языковая игра является достаточно распространенным средством создания комического эффекта: она получает свое развитие в каждой из исследуемых фольклорных традиций, составляя около 18 % всех случаев. При этом в каждой из традиций представлено аналогичное количество примеров, основанных на языковой игре.

Языковая игра, основанная на двусмысленности, встречается значительно чаще, чем языковая игра, основанная на неконгруэнтности, составляя более 77 %. Среди них 37 % составляют тексты на английском языке, 32 % на русском и 31 % на французском.

Неконгруэнтность становится основой языковой игры значительно реже, чем двусмысленность, – 27 %. В большей степени ее использование характерно для русской традиции – 44 %, тогда как в английской – 31 %, а во французской – 25 %.

Преобладание англоязычных примеров, основанных на двусмысленности, и русских примеров, основанных на неконгруэнтности, связано с преобладанием в них черт аналитизма или синтетизма.

Английский язык имеет больше черт аналитизма, в сравнении с русским (синтетическим), и французским, произошедшим от латинского (флективного и синтетического), но приобретшего аналитические черты.

Известно, что в древнем мире многие языки имели сильный синтетический характер, напр. языки греческий, латинский, санскритский, зендский и так далее. Новые языки приняли аналитический характер; больше всего из европейских языков подвинулся в этом направлении язык английский, который оставил только некоторые остатки склонений и спряжений.

В большей степени появлению языковой игры, основанной на двусмысленности, способствуют такие аналитические черты английского языка, как конверсия, переход слова из одной части речи в другую в том же виде, без различных приставок и окончаний, приводящий к распространению межчастеречной омонимии.

Появлению двусмысленности способствует и аналогия некоторых кратких морфологических форм, образующихся аналитическим путем, находящая отражение при создании языковой игры на омонимической основе. Это могут быть совпадения:

- форм вспомогательных и основных глаголов *had* (Past Perfect от гл. have) / *had* (Past Simple от гл. have);
- кратких форм вспомогательных глаголов, напр. *has/is* (– ‘s);
- формы выражения принадлежности и краткой формы глагола *to be* в форме 3 лица ед. числа (– ‘s);
- формы множественного числа имен существительных и окончания глаголов 3 лица ед. числа (Present simple) (– ‘s);
- некоторых падежных форм местоимений (напр. *him* его/ему) и так далее.

Наибольшее количество анекдотов, основанных на неконгруэнтности знаков, представлено в русской традиции. Это обусловлено синтетическим строем русского языка, которому, как всем флективным языкам, свойственно множество суффиксов, приставок и окончаний. Известно, что именно русский язык характеризуется большим количеством производных слов, по сравнению с английским и французским. Эта особенность создает дополнительные возможности при создании языковой игры на словообразовательной основе.

Непрямой (нефиксированный) порядок слов, обуславливающий возможность их перестановки для создания комического эффекта, также создает дополнительные возможности для создания языковой игры, основанной на неконгруэнтности знаков.

Подобные перестановки осуществляются в русской традиции не только во фразеологизмах и пословицах (встречающихся и в английской, и во французской культурах), но и в крылатых фразах и выражениях из кинофильмов, мультипликационных фильмов, песен советской эпохи, рекламы 90-х гг. и так далее, прочно вошедших в языковое сознание носителей русского языка, составляющих речевую субкультуру. Их контаминации и преобразования регулярно становятся основой комического эффекта.

Проведенное исследование позволило сделать некоторые выводы.

Языковая игра может основываться на двусмысленности или неконгруэнтности знаков как элементов различных уровней языковой системы.

Двусмысленность становится основой языковой игры значительно чаще, чем неконгруэнтность.

Результатом использования неконгруэнтности знаков различных языковых уровней является создание новых слов, не имеющих денотата, создание стилистических фигур, а также пародии.

Языковой строй оказывает значительное влияние на специфику создания языковой игры.

Преобладание примеров на русском языке в группе текстов, основанных на неконгруэнтности знаков, и английских примеров в группе текстов, основанных на двусмысленности, обусловлено лингвистическим строем данных языков, а именно: синтаксическим характером русского языка и аналитическим характером английского.

В большей степени появлению языковой игры, основанной на двусмысленности знака, способствуют такие черты аналитического строя, как конверсия, а также аналогия некоторых полных и кратких морфологических форм. Появлению языковой игры, основанной на неконгруэнтности, в большей степени способствуют такие особенности синтетического строя, как множество флексий и свободный порядок слов.

Список литературы

1. Empson, W. Seven Types of Ambiguity / W. Empson. – New York: New Directions Publishing, 1966. – 256 p.
2. Hirsh-Pasek, K. What did the brain say to the mind? A study of the detection and report of

ambiguity by young children / K. Hirsh-Pasek, L. R. Gleitman, H. Gleitman // *The Child's Conception of Language*. – Berlin: Springer Verlag, 1986. – P. 97–132.

3. Lew, R. *An Ambiguity-Based Theory of the Linguistic Verbal Joke in English*: A Thesis submitted to the faculty of Adam Mickiewicz University in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy / R. Lew. – 1996. – 72 p.

4. Oaks, D. D. Creating structural ambiguities in humor: getting English grammar to cooperate / D. D. Oaks // *Humor: International Journal of Humor Research*. – 1994. – № 7 (4). – P. 377–401.

5. Ross, A. *The language of humour* / A. Ross. – London: Routledge, 1998. – 118 p.

6. Ruch, W. Intolerance of ambiguity as a factor in the appreciation of humor / W. Ruch, F.-J. Hehl // *Personality and Individual Differences*. – 1983. – № 4. – P. 443–449.

7. Sanchez Roura, M. T. Syntactic ambiguity as a device in British humour / M. T. Sanchez Roura // *Revista Alicantina de Estudios Ingleses*. – 1995. – № 8. – P. 209–228.

8. Shultz, T. R. Development of the ability to detect linguistic ambiguity / T. R. Shultz, R. Pilon // *Child Development*. – 1973. – № 44. – P. 728–733.

9. Stageberg, N. C. *Ambiguity in Action: A Bawdy Count* / N. C. Stageberg. – Cedar Falls: University of Northern Iowa Press, 1979. – URL: <http://www.specgram.com/LP/24.stageberg.ambiguity.html>.

Александрова Елена Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языковой подготовки кадров государственного управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

elena_751@mail.ru

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 10 (365).
Philology. Arts. Issue 95. Pp. 12–17.*

THE INFLUENCE OF THE LANGUAGE SYSTEM ON THE SPECIFICS OF PUN

E. M. Aleksandrova

Department of linguistic training of civil service personnel Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, elena_751@mail.ru

The article is dedicated to the investigation of pun as a linguistic phenomenon. We specify the notions of “ambiguity” as the basis of pun with semantic mechanism and “incongruity” as the basis of pun with syntactic mechanisms. We identify the specifics of puns based on ambiguity and incongruity in Russian, English and French traditions. We investigate the influence of analytical and synthetic languages on the specifics of creating pun.

Keywords: *pun, ambiguity, incongruity, joke, semiotics.*

References

1. Empson W. *Seven Types of Ambiguity*. New York, New Directions Publishing, 1966. 256 p.
2. Hirsh-Pasek K., Gleitman L.R., Gleitman H. What did the brain say to the mind? A study of the detection and report of ambiguity by young children. *The Child's Conception of Language*. Berlin, Springer Verlag, 1986, pp. 97–132.
3. Lew R. *An Ambiguity-Based Theory of the Linguistic Verbal Joke in English, A Thesis submitted to the faculty of Adam Mickiewicz University in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy*. 1996. 72 p.
4. Oaks D.D. Creating structural ambiguities in humor: getting English grammar to cooperate. *Humor: International Journal of Humor Research*, 1994, no. 7 (4), pp. 377–401.
5. Ross A. *The language of humour*. London, Routledge, 1998. 118 p.

6. Ruch W., Hehl F.-J. Intolerance of ambiguity as a factor in the appreciation of humor. *Personality and Individual Differences*, 1983, no. 4, pp. 443–449.
7. Sanchez Roura M.T. Syntactic ambiguity as a device in British humour. *Revista Alicantina de Estudios Ingleses*, 1995, no. 8, pp. 209–228.
8. Shultz T.R., Pilon R. Development of the ability to detect linguistic ambiguity. *Child Development*, 1973, no. 44, pp. 728–733.
9. Stageberg N.C. *Ambiguity in Action: A Bawdy Count*. Cedar Falls, University of Northern Iowa Press, 1979. Available at: <http://www.specgram.com/LP/24.stageberg.ambiguity.html>

УДК 802

Н. В. Бычкова

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ РОЛЬ СИНТАКСИЧЕСКИХ СРЕДСТВ МЕДИАТЕКСТА ИНТЕРВЬЮ

На материале современных немецких массмедийных текстов интервью выявляется и анализируется комплекс языковых средств, выполняющий коммуникативно-прагматическую функцию. Устанавливается, что воздействующая роль интервью как вида текста в значительной степени предопределяется такими синтаксическими средствами, как эллиптические конструкции, парентезы, парцелляция, риторический вопрос, синтаксический параллелизм, асиндетон, аппозиопезис, структурно-семантические типы предложений.

Ключевые слова: *медиатекст, массовая коммуникация, прагматика, синтаксис, вид текста, интервью.*

К началу XXI в. средства массовой информации начинают активно воздействовать на общественное сознание.

Целью настоящей работы является выявление коммуникативно-прагматической роли синтаксических средств в одном из наиболее востребованных видов массмедийных текстов – интервью.

Непосредственным объектом исследования в нашей работе являются тексты интервью, опубликованные в журнале “Der Spiegel”, а также размещенные в сети Интернет на сайте данного журнала. Предмет исследования составляют синтаксические средства, используемые в процессе кодирования информации в изучаемом нами виде текста.

Актуальность работы заключается в необходимости детального рассмотрения и систематизации основных средств прагматического воздействия, используемых в интервью.

Одним из основных методов исследования в работе является метод дискурсивного анализа. Наряду с этим используется метод сплошной выборки, метод контекстуального анализа, а также общенаучные методы наблюдения и описания.

В лингвистике начала XXI в. широкое распространение приобретает изучение роли человеческого фактора в процессе функционирования языка. Одним из наиболее актуальных и перспективных подходов современного языкознания, связанных с исследованием речевой деятельности, становится коммуникативно-прагматический, способствующий изучению принципов и механизмов процесса речевого взаимодействия с учетом ведущих характеристик его участников.

Коммуникативно-прагматический подход выявляет свойства языковых единиц, которые проявляются в общении. Коммуникация представляет собой особую форму жизнедеятельности человека, поскольку это совместная деятельность участников коммуникативного процесса: адресата и адресанта. По способу адресности коммуникация может быть массовой, публичной, групповой, межличностной, конкретно-адресованной и др. Что касается массовой коммуникации, то она предполагает наличие организованного, коллективного отправителя текста, а его получателем, реципиентом является рассредоточенная, неомогенная массовая аудитория. Каналами массовой коммуникации являются технические средства: радио, пресса, телевидение, интернет, кинематограф [14. С. 562].

Коммуникация осуществляется в двух формах – устной и письменной. Эти конструктивные составляющие взаимодействуют друг с другом и имеют как сходные, так и отличные характеристики. Одной из общих черт указанных форм коммуникации является наличие категории диалогичности, под которой понимается «выражение в тексте средствами языка взаимодействия общающихся, понимаемого как соотношение смысловых позиций, как учет реакций адресата (в том числе второго Я), а также эксплицирование в тексте признаков собственно диалога» [5. С. 45]. «Коммуникативный аспект языка, ориентированный на исследование конечного итога – эффекта языковой коммуникации, – может быть назван прагматикой языка как его интегральная характеристика в плане взаимного воздей-

ствия коммуникантов в процессе общения» [6. С. 4]. Коммуникативно-прагматический подход предполагает учет того значимого компонента языковых единиц, который связан с человеком, использующим язык как орудие общения и делающим свой выбор для достижения поставленных задач при ориентации в ситуации в целом, в социальных признаках адресата и так далее [16. С. 5].

Медиадискурс отличается в настоящее время заметными изменениями в стратегиях и тактиках речевого поведения его участников, что служит основанием для изучения его в коммуникативно-прагматическом аспекте. Характеризуя современный медиадискурс, следует отметить его экспрессивный и оценочный характер, а также информационную и воздействующую функцию, которую он выполняет. В настоящее время в информационном пространстве также отмечается широкое распространение медиатекстов, под которыми понимаются тексты массовой коммуникации, сочетающие вербальный и медийный компоненты и рассчитанные на массового потребителя. Медиатексты становятся все более индивидуализированными, разнообразными и раскованными. Ключевое для традиционной лингвистики определение текста как «объединенной смысловой связью последовательности знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и целостность» [11. С. 505] при переносе в сферу массмедиа значительно расширяет свои границы. Здесь концепция медиатекста выходит за пределы знаковой системы вербального уровня, приближаясь к семиотическому толкованию понятия «текст», которое подразумевает последовательность любых, а не только вербальных знаков [4. С. 35]. Медиатекст при этом являет собой диалектическое единство языковых и медийных признаков. В современной лингвистике термин «медиатекст» определяется как «динамическая сложная единица высшего порядка, посредством которой осуществляется речевое общение в сфере массовых коммуникаций» [7. С. 3].

Проведенный нами анализ показывает, что медиатекст интервью обладает такими особенными прагматическими признаками, как большое количество адресатов, степень публичности, асимметрическое управление диалога благодаря интервьюеру, и так далее. Тексты журнальных интервью представляют очевидный интерес для дискурсивных исследований.

Интервью – это вербальный обмен лицом к лицу, где один человек – интервьюер – пытается получить информацию или выражения мнений, убеждений от другого человека (или от других людей в случае группового интервью). В современной германистике интервью понимается как диалогический метод получения информации.

Специфика интервью заключается в том, что оно проводится с глазу на глаз, изначально предполагая публикацию в средствах массовой информации. Интервью по актуальным и злободневным вопросам, опубликованные в журнальной прессе, представляют собой не первичный (примарный), как диалог по радио или по телевидению, а переработанный (вторичный, секундарный) диалогический текст, для создания текстового единства которого требуется творческая редакторская работа журналиста, умение придать тексту завершённый и цельный характер. Прагматическая ориентация текста интервью проявляется в передаче информации с запланированной установкой на ее социальную оценку в заданном направлении.

Современный медиатекст немислим без выражения авторского «я», без эмоционально-оценочной составляющей текста. Тенденция к субъективизации текста интервью проявляется в усилении личностного начала, актуализации фигуры автора. Данная тенденция проявляется также в усилении оценочности, эмоциональности и экспрессивности в рассматриваемом нами виде текста, здесь «превалируют сиюминутные вербальные эмоции автора, находящие выражение в знаках его экспрессивного самовыражения. Важен не смысл сказанного, а эмоции, рожденные сказанным» [12. С. 15]. Участники интервью равноправными коммуникативными партнерами не являются. Коммуникативное поведение интервьюируемого зависит от адресованных ему реплик, оно предопределяется ими.

Наиболее крупной коммуникативно-семантической единицей диалогической речи является *диалогическое единство* (ДЕ). Оно же выступает формально-синтаксической единицей интервью. Анализ взаимодействия собеседников происходит на различных уровнях ДЕ: синтаксическом, лексико-семантическом и коммуникативно-прагматическом.

Проведенный нами анализ показывает, что с точки зрения количества составляющих диалог реплик ДЕ могут быть двучленными и многочленными. Только тогда, когда смысловая связь

между вопросом и ответом дополнена грамматической и интонационной, сочетание двух реплик образует ДЕ.

Диалогический характер интервью порождает важные особенности речи. В частности, диалогичностью рассматриваемого вида текста обусловлена компрессия синтаксической структуры, наблюдаемая в анализируемом эмпирическом материале. Это способствует детальному изложению большого объема информации в сжатой форме. В диалоге возможна структурная незавершенность первых реплик, которая может быть либо случайной, либо преднамеренной. При случайной структурной незавершенности первых реплик второй собеседник опирается на высказывания первого собеседника, как если бы это была часть его собственного высказывания. Кроме того, второй собеседник может перебить первого, чтобы ответить на незаконченный вопрос; сообщить что-либо; высказать свое мнение; высказать свое предположение о том, что дальше хочет сказать первый собеседник [2. С. 406]. Например:

(1) Spiegel: Derzeit fühlen sich fürs Internet drei Minister zuständig... (Шпигель: Теперь, три министра чувствуют себя ответственными за интернет...)

De Maiziere: ...höre ich da Kritik? (Де Майцире: ...я слышу здесь критику?) [29. S. 136].

Следует отметить эмоционально-воздействующую функцию аппозицепезиса. Аппозицепезис как фигура стилистического синтаксиса при помощи незавершенности фразы позволяет передать прерывистость речи, а также эмоциональную напряженность. В этом случае ведущую роль играет пунктуация (многоточие), благодаря которой передается душевное волнение говорящего, например:

(2) Betancourt: Ich dachte es sei wichtig, dass die Welt wusste, dass wir lebten. Das wir in den Medien waren. (Бетанкурт: Я думала это было важно, чтобы мир знал, что мы были живы. Что мы были в средствах массовой информации.)

Spiegel: Doch die anderen Entführten... (Шпигель: Но другие заложники...) [26. S. 132].

При намеренной структурной незавершенности собеседники оставляют свои высказывания незаконченными, ожидая, что другой собеседник закончит их. Например:

(3) Spiegel: Und dann? (Шпигель: А потом?)

Hartmann: Raddatz ließ das juristisch prüfen. (Хартманн: Раддац проверил это с юридической стороны.) [30. S. 133].

При объединении этих двух реплик ДЕ превратилось бы в повествовательное предложение: „Und dann ließ Raddatz das juristisch prüfen“ (А потом Раддац проверил это с юридической стороны). Поэтому вопросы типа подобных первых реплик можно обозначить как «вопросительные фрагменты повествовательных предложений» [2. С. 408].

Анализ показывает, что текст немецкоязычного интервью допускает большую вариативность использования синтаксических средств.

В частности, разные типы эллиптических предложений как явление живой разговорной речи являются характерной чертой современного интервью [14. С. 22]. Так, например, эллипсисы, используемые в заголовках интригуют читателя, заставляя его продолжить чтение, а также придают выразительность всей публикации. Современные заголовки текстов интервью явно стремятся к компрессии, например: “Bayer gegen Schotte” («Баварец против шотландца») [28. S. 25]; “Ganz ehrlich” («Абсолютно честно»), [31. S. 32] „Harte Haltung“ («Жесткая позиция») [32. S. 24].

Помимо заголовков эллипсис распространен и в самом тексте интервью, который строится как диалог между журналистом и его респондентом. При этом, безусловно, существует известная свобода в отношении объема и формулировки ответов. Например:

(4) Spiegel: Wie erlebten Sie die Flucht aus der Tschechoslowakei? (Шпигель: Как вы пережили побег из Чехословакии?)

Schwarzenberg: Nicht tränerisch. (Шварценберг: Без слез.) [26. S. 85]

Прагматическую функцию в анализируемых нами текстах также выполняют разные структурно-семантические типы предложений. Так, например, употребление простых предложений объясняется тем, что «они, с одной стороны, достаточно емки, чтобы вместить все основные содержательно-мыслительные связи, с другой стороны, достаточно обозримы и доступны для легкого восприятия» [1. С. 241], например:

(5) “De Maiziere: Ja. Eine maßlose Sammlung von Informationen aus einem wenn auch übertriebenen Sicherheitsbedürfnis eines Landes heraus finde ich weniger schlimm als die Totalerfassung von Bewegungsprofilen; Gefühlen und Denken von Menschen aus geschäftlichem Interesse“ (Де Майцире: Да. В чрезмерном сборе информации из-за пусть даже преувеличенных требований безопасности страны я вижу

меньше плохого, чем в тотальной слежке за профилями движения; чувствами и мыслями людей из опасного любопытства) [30. S. 33].

Следует отметить, что нередко простые предложения распространяются при помощи парентетических конструкций. Главной прагматической функцией парантезы здесь является «передача максимума информации минимумом языковых средств» [10. С. 12]. Парантезы применяются не только для формирования добавочного сообщения, но и для концентрации внимания читателя на самом важном в сообщении, что и усиливает его действенность. Кроме того, парантезные конструкции служат для уточнения излагаемой интенции и повышения эмоциональности информации, передаваемой читателю посредством соответствующего языкового кода, например:

(6) “Schwarzenberg: Dafür sorgte meine Mutter. Sie rief mich, als ich zehn war, und sagte: Kary, du bist ein Teenager – sie war sehr englisch – jetzt muss ich mit dir ernst reden“. (Шварценберг: Об этом позаботилась моя мама. Она подозвала меня к себе, когда мне было десять лет и сказала: Кери, ты тинэйджер – она часто употребляла английские слова – мне нужно с тобой серьезно поговорить) [26. S. 86].

Вместо простых распространенных предложений, могут использоваться и сложноподчиненные (СПП). Использование СПП объясняется теми коммуникативными возможностями, которыми оно обладает, а именно: помогает полнее и всесторонне охарактеризовать описываемый предмет объективной реальности или какую-либо его часть, а также выражает взаимозависимые сложные мыслительные операции. Активное использование СПП в текстах интервью связано со стремлением логично представить информацию, разъяснить для адресата естественный ход событий, например:

(7) “Spiegel: Beten Sie manchmal heimlich dafür, dass die Berliner Koalition auseinanderbricht, damit Ihre Chancen bei der nächsten Landtagswahl in Hessen steigen?“. (Шпигель: Молитесь ли вы иногда тайно о том, чтобы берлинская коалиция развалилась, для того чтобы Ваши шансы на следующих выборах в парламент федеральной земли в Гессене выросли?) [24. S. 31].

Что касается синтаксического параллелизма, то его главной прагматической функцией является увеличение эмоциональной нагрузки сообщения, давления на адресата, например:

(8) Spiegel: Welche Kriterien sollten in Zukunft für derartige Großprojekte gelten, die

so viele Milliarden binden? Grube: Sie müssen verkehrswirtschaftlich notwendig sein. Sie müssen ökologisch sein. Und sie müssen natürlich finanzierbar sein“ (Шпигель: Какие критерии следует рассматривать в будущем для таких масштабных проектов, которые связывают такое количество миллиардов? Грубе: Они должны быть необходимы для транспортного хозяйства. Они должны быть экологическими. И они должны быть, конечно же, финансируемы.) [23. S. 112].

Относительно использования асиндетона, следует сказать, что его прагматическая роль заключается в том, что он придает высказыванию динамичность, помогает передать быструю смену действий, и оказать, таким образом, давление на непосредственного адресата речи. Например:

(9) Spiegel: Was war das Beste, das Sie jemals getan haben? (Шпигель: Что было самым лучшим из того, что Вы когда-либо сделали?)

Tyson: Vom Boxen zurückzutreten. Ich war ein Arschloch, ein Spinner, ein Verrückter, ein besessener Irrer, ein retardierter Psychopath. (Тайсон: Уход из бокса. Я был подонком, сволочью, сумасшедшим, одержимым безумцем, психопатом.) [26. S. 84].

Усилению прагматического воздействия способствует использование риторического вопроса, который содержит утверждение или отрицание, не требующего ответа. С грамматической точки зрения риторические вопросы формально совпадают с обычными вопросительными предложениями, но в прагматическом плане они характеризуются «замечательной яркостью и разнообразием эмоционально-экспрессивных оттенков» [3. С. 427], например:

(10) Bachmann: Seit Obama in Libyen intervenierte, sind in Syrien Krawalle ausgebrochen, und viele Menschen sind gestorben. Heißt das nun, dass wir auch in Syrien intervenieren müssen? (Бахманн: С тех пор как Обама вторгся в Ливию, в Сирии вспыхнули беспорядки, много людей погибло. Значит ли это, что мы теперь должны совершить интервенцию и на Сирию?) [26. S. 96].

Проведенное исследование показало, что в изучаемых текстах интервью используются различные синтаксические средства, которые помогают достичь желаемого прагматического воздействия на адресата. Анализируемые средства синтаксиса прямо или косвенно участвуют в достижении автором цели дать оценку, комментарий, проанализировать, выразить

мнение, разъяснить ход событий, сформировать определенную точку зрения у читателя.

Список литературы

1. Брандес, М. П. Стилистика немецкого языка / М. П. Брандес. – М.: Высш. шк., 1983. – 271 с.
2. Вейхман, Г. А. Грамматика текста : учеб. пособ. по англ. яз / Г. А. Вейхман. – М.: Высш. шк., 2005. – 640 с.
3. Голуб, И. Б. Стилистика русского языка / И. Б. Голуб. – М.: Айрис-пресс, 2010. – 448 с.
4. Добросклонская, Т. Г. Вопросы изучения медиа текстов: опыт исследования современной английской медиа речи / Т. Г. Добросклонская. – М.: МАКС Пресс, 2000. – 203 с.
5. Кожина, М. Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / М. Н. Кожина. – М.: Флинта, 2003. – 696 с.
6. Колшанский, Г. В. Прагматика языка / Г. В. Колшанский // Лингвистика и методика в высшей школе : сб. науч. тр. / Г. В. Колшанский. – М.: Просвещение, 1980. – С. 3–8.
7. Лисицкая, Л. Г. Прагматическая адекватность медиатекста: взаимодействие контента и аксиологии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Л. Г. Лисицкая. – Краснодар, 2010. – 18 с.
8. Маслова, А. Ю. Введение в прагмалингвистику : учеб. пособие / А. Ю. Маслова. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 152 с.
9. Нестерова, Н. Г. Современный медиадискурс: в поисках подхода к изучению / Н. Г. Нестерова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2009. – С. 37–41.
10. Нечаев, К. А. Сообщения экономического содержания в немецкой прессе. Типологические особенности малоформатных текстов : автореф. дис. ... канд. филол. наук / К. А. Нечаев. – М., 2000. – 16 с.
11. Николаева, Т. М. Текст / Т. М. Николаева // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 507 с.
12. Петрова, Н. Е. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии : учеб. пособие / Н. Е. Петрова, Л. В. Рацибурская. – М.: Флинта: Наука, 2014. – 160 с.
13. Рождественский, Ю. В. Сферы риторической эффективности / Ю. В. Рождественский // Роль языка в средствах массовой коммуникации. – М., 1986. – С. 36–37.
14. Таюпова, О. И. Лингвистические аспекты теории коммуникации / О. И. Таюпова, Л. Г. Юсупова // Вестник Башкирского университета. – 2014. – № 2. – С. 561–565.
15. Таюпова, О. И. Синтаксические средства экспрессивной речи в современных публицистических интервью / О. И. Таюпова, Н. В. Бычкова // Вестник Башкирского университета. – 2014. – № 1. – С. 136–139.
16. Формановская, Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход / Н. И. Формановская. – М.: Русский язык, 2002. – 216 с.
17. Brikner, K. Linguistische Textanalyse. Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden / K. Brikner. – Berlin: E. Schmidt, 2010. – 160 s.
18. Bussmann, H. Lexikon der Sprachwissenschaft / H. Bussmann. Stuttgart: Kröner, 2002. – 904 s.
19. Lüger, H. Pressesprache / H. Lüger. – Tübingen: Niemeyer, 1995. – 171 s.
20. Pospiech, U. Vom Schreibprozess zum Textprodukt / U. Pospiech, K.-D. Bunting // Jahrbuch Deutsch als Fremdsprache B. 27 / Hrsg. v. A. Wierlacher, K. Ehrlich. – München: iudicium-Verl., 2001. – S. 379–402.
21. Rau, H. Qualität in einer Ökonomie der Publizistik. Betriebswissenschaftliche Lösung für die Redaktion / H. Rau. – Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2007. – 305 s.
22. Sandig, B. Textstilistik des Deutschen, 2., völlig neu bearb. und erweitert / B. Sandig. – Berlin: De Gruyter, 2006. – 584 s.
23. Spiegel № 18.4.11
24. Spiegel № 7.11.11
25. Spiegel № 2.1.12
26. Spiegel № 9.1.12
27. Spiegel № 31.10.11
28. Spiegel № 30.1.12
29. Spiegel № 31.03.14
30. Spiegel № 07.04.14
31. Spiegel № 7.06.14
32. Spiegel № 18.08.14

Сведения об авторе

Бычкова Наталья Валерьевна – аспирант Башкирского государственного университета.
n.bychkovskaya@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 10 (365).

Philology. Arts. Issue 95. Pp. 18–24.

COMMUNICATIVE PRAGMATIC ROLE OF SYNTACTIC MEANS OF THE MEDIA TEXT

N. V. Bychkovskaya

Bashkir State University graduate student. n.bychkovskaya@mail.ru

The purpose of this article is to analyze syntactic means of modern German. On the example of magazine interviews it is found that in this form of text a combination of such syntactic phenomena as ellipsis, parenthesis, parcellation, rhetorical question have communicative and pragmatic role.

Keywords: *media text, communication, pragmatic, syntax, type of text, interview.*

References

1. Brandes M.P. *Stilistika nemeckogo jazyka* [Stylistics of the German language]. Moscow, Vyssh. shk., 1983. 271 p. (In Russ.).
2. Vejzman G.A. *Grammatika teksta* [Text Grammar: Textbook. Collec. England. lang]. Moscow, Vyssh. shk., 2005. 640 p. (In Russ.).
3. Golub I.B. *Stilistika russkogo jazyka* [Russian stylistics]. Moscow, Ajris-press Publ., 2010. 448 p. (In Russ.).
4. Dobrosklonskaja T.G. *Voprosy izuchenija media tekstov: opyt issledovanija sovremennoj anglijskoj media rechi* [The study of media texts: the experience of the study of contemporary English media voice]. Moscow, MAKS Press Publ., 2000. 203 p. (In Russ.).
5. Kozhina M.N. *Stilisticheskij jenciklopedicheskij slovar' russkogo jazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of Russian]. Moscow, Flinta Publ., 2003. 696 p.
6. Kolshanskij G.V. *Pragmatika jazyka [Language Pragmatics]. Lingvistika i metodika v vysshej shkole* [Linguistics and methods in higher education]. Moscow, Prosveshhenie Publ., 1980, pp. 3–8. (In Russ.).
7. Lisickaja L.G. *Pragmaticeskaja adekvatnost' mediateksta: vzaimodejstvie kontenta i aksiologii* [Pragmatic adequacy of media text: the interaction of content and axiology]. Krasnodar, 2010. 18 p. (In Russ.).
8. Maslova A.Ju. *Vvedenie v pragmalingvistiku* [Introduction pragmalinguistics]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2008. 152 p. (In Russ.).
9. Nesterova N.G. *Sovremennyj mediadiskurs: v poiskah podhoda k izucheniju* [Modern media discourse: in search of approaches to the study]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija* [Bulletin of Tomsk state university. Philology], 2009, pp. 37–41. (In Russ.).
10. Nechaev K.A. *Soobshhenija jekonomicheskogo sodержaniya v nemeckoj presse. Tipologicheskie osobennosti maloformatnyh tekstov* [Messages economic content in the German press. Typological features of small-format text]. Moscow, 2000. 16 p. (In Russ.).
11. Nikolaeva T.M. *Tekst* [Text]. *Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow, Sovetskaja jenciklopedija Publ., 1990. 507 p. (In Russ.).
12. Petrova N.E. *Jazyk sovremennyh SMI: sredstva rechevoj agressii* [Language of modern media: the means of aggression speech]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2014. 160 p. (In Russ.).
13. Rozhdestvenskij Ju.V. *Sfery ritoricheskoj jeffektivnosti* [Fields of rhetorical performance]. *Rol' jazyka v sredstvah massovoj kommunikacii* [The role of language in the media]. Moscow, 1986, pp. 36–37. (In Russ.).

14. Tajupova O.I. Lingvisticheskie aspekty teorii kommunikacii [Linguistic aspects of communication theory]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of the Bashkir University], 2014, no. 2, pp. 561–565. (In Russ.).

15. Tajupova O.I. Sintaksicheskie sredstva jekspressivnoj rechi v sovremennyh publicisticheskikh intervju [Linguistic aspects of communication theory]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of the Bashkir university], 2014, no. 1, pp. 136–139. (In Russ.).

16. Formanovskaja N.I. *Rechevoe obshhenie: kommunikativno-pragmaticheskij podhod* [Speech communication: communicative pragmatic approach]. Moscow, Russkij jazyk Publ., 2002. 216 p. (In Russ.).

17. Brikner K. *Linguistische Textanalyse. Eine Einführung in Grunbegriffe und Methoden* [Linguistic text analysis. An introduction to Grunbegriffe and methods]. Berlin, E. Schmidt, 2010. 160 p. (In German).

18. Bussmann H. *Lexikon der Sprachwissenschaft* [Lexicon of Linguistics]. Stuttgart, Kröner, 2002. 904 p. (In German).

19. Lüger H. *Pressesprache* [Press language]. Tübingen, Niemeyer, 1995. 171 p. (In German).

20. Pospiech U., Bunting K.-D. Vom Schreibprozess zum Textprodukt [From the writing process for text Product]. *Jahrbuch Deutsch als Fremdsprache* [Yearbook of German as a Foreign Language]. München, iudicium-Verl., 2001, pp. 379–402. (In German).

21. Rau H. *Qualität in einer Ökonomie der Publizistik. Betriebswissenschaftliche Lösung für die Redaktion* [Quality in an economy of journalism. Studing solution for editors]. Wiesbaden, VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2007. 305 p. (In German).

22. Sandig B. *Textstilistik des Deutschen, 2., völlig neu bearb. und erweit* [Text Stylistics of the German, 2., completely new edit. and advanced]. Berlin, De Gruyter, 2006. 584 p. (In German).

23. Spiegel № 18.4.11. (In German).

24. Spiegel № 7.11.11. (In German).

25. Spiegel № 2.1.12. (In German).

26. Spiegel № 9.1.12. (In German).

27. Spiegel № 31.10.11. (In German).

28. Spiegel № 30.1.12. (In German).

29. Spiegel № 31.03.14. (In German).

30. Spiegel № 07.04.14. (In German).

31. Spiegel № 7.06.14. (In German).

32. Spiegel № 18.08.14. (In German).

УДК 8 11. 512. 141'373. 72
ББК 81. 2(2Рос-Баш)

М. Р. Валиева

К ВОПРОСУ ЭТИМОЛОГИИ НАЗВАНИЙ СЪЕДОБНЫХ ЛУКОВИЧНЫХ РАСТЕНИЙ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Формирование и развитие башкирского языка и его диалектов в сравнительно-историческом освещении (на общетюркском фоне)», проект № 13-14-02009.

Настоящая статья посвящена описанию и этимологии названий съедобных луковичных растений в башкирском языке и его говорах. Основной целью данной статьи является попытка выявить этимологии наименований апеллятивов *һуған* «лук», *йыуа* «общее название дикорастущих луковичных растений», *оҫкон* (*оқсон/окһон*) «лук косой». До настоящего времени данные лексемы башкирского языка не подвергались специальному этимологическому исследованию.

Ключевые слова: башкирский язык, этимология, генетическая связь, наименования дикорастущих луковичных растений.

Общее международное научное название луковичных растений – (лат.) *Allium* в башкирском языке выражается апеллятивами *һуған* «лук», *йыуа* «общее название дикорастущих луковичных растений», *оҫкон* (диал. *оқсон/окһон*) «лук косой».

В современном башкирском языке активно употребляется слово *һуған* «лук», которое восходит к пратюрк. *sōqan*, др. тюркск. **soyın*. Наименование лука в других тюркских языках зафиксировано по-разному: тат. *суган*, чув. *сухан*, баш. *һуған*, алт. *согоно*, алт. диал. *соқына*, тув. *согуна*, *сонгуна*, тоф. *согунак*, чагт. *соған*, *сойған*, кбалк. *сохан*, тур. *soğan*, азерб. *adi soğun*, казах. *жуа*, *пияз*, ккалп. *piyaz* и в монгольских языках употребляется форма *сонги*, *сонгино* и т. п. В угорских языках данный апеллятив наблюдается в формах удм. *сугон*, мар. *шоған*, венг. *haguta*.

Интересно отметить то, что в отличие от всех вышеперечисленных алтайских языков в составе мадьярского *haguta* и башкирского *һуған* имеется фарингальная фонема [h]. В башкирском слове *һуған* специфическая фарингальная согласная фонема [h] может быть результатом влияния ираноязычных сарматских племен. Иранскую гипотезу происхождения башкирских специфических звуков [h, ʒ, ɟ] поддерживают лингвисты Н. К. Дмитриев, Н. Х. Максютова и др. Фарингальная фонема [h] неоднократно становилось предметом исследования [8; 13; 15; 16].

В алтаистике и тюркологии многие языковеды связывают этимологию слова *soyan* с китайской лексемой *tsuy*. Например, Г. И. Рамstedт сопоставил монг. *soyina* «лук» с тюрк. **soyan* и высказал предположение о возможной генетической связи с китайским *tsuy* «лук» [32. С. 296]. В словаре Э. В. Севортяна отмечено, что этимология Г. И. Рамstedта поддержана и развита Л. В. Дмитриевой. Э. Р. Тенишев также указывает, что формы *сөйән*, *сойан*, *сыйан* «луковичное растение» употребляются в языке желтых уйгуров и данные формы являются китайским заимствованием [32. С. 296; 9. С. 167].

Можно предположить, что древнетюркское слово *соган* «лук», в том числе и башк. *һуған* «лук», было заимствовано в 603–740 гг., когда башкирские племена вошли в состав Западно-тюркского каганата. Известно, что в 658–659 гг. основные земли Западно-Тюркского каганата были оккупированы китайскими войсками. В 704 г. Западный Тюркский каганат освободился от китайской зависимости, однако нападения агрессивных соседей и внутренние противоречия привели каганат к гибели в 740 г.

Истоки инициальной фарингальной согласной в башкирском слове *һуған* «лук» были отмечены выше. В данном апеллятиве наблюдается другое фонетическое отличие – переход праязыкового *o > y* (*soyan > һуған*). Тюркологами отмечено, что изменение *o* в *y* характерно для татарского, башкирского и отчасти чувашского языков, ср. **ot*, баш. *ут*, тат. *ут*, чув. *удь* «тра-

ва»; *soyan, баш. *һуган*, тат. *суган*, чув. *сухан* «лук» [21. С. 15; 31. С. 151; 22. С. 68, 98, 101; 23. С. 236–242; 24. С. 166–172]. Возможно, данный рефлекс праязыкового *o > u* является ареальным фонетическим явлением тюркских языков Поволжья (в болгарском, башкирском, татарском и отчасти в чувашском), который возник под влиянием волжско-болгарского языка на соседние контактирующие языки. Сужение и неполное образование губных гласных наблюдается в тюркских языках Поволжья.

«Древнетюркский словарь» содержит полезные сведения о луке, связанные с народной медициной, также о его местонахождении в природе: *kim qan qasansar soynni bişurup mır birlä jesär ketär* «если кто-либо мочится кровью, то пусть он сварит лук и съест [его] с медом, [болезнь] пройдет»; *soynluç* «место, где обильно растет лук»; *soynluç taç* «гора, покрытая [растущим на ее склонах] луком». Также дано весьма интересное словосочетание *soyn saqalı* «чешуйки луковицы» и проиллюстрирована связь с другими членами предложения: *soyn saqalı satun saqalı birlä soçır* «измельчив чешуйки луковицы и чеснока» [10. С. 507].

В башкирском языке все культурные луковичные растения обозначают словом *һуган*. Имеются следующие устойчивые словосочетания и выражения с данным апеллятивом: *башлы һуган*, *һуганбаш*, *төплө һуган* «репчатый лук; луковица», *йәшел һуган*, *һуган кыяғы* «зеленый лук, перо лука», *һуган сәскәһе*, *һуган сәсәге* «соцветие лука», *һуган кабығы* «луковая шелуха», *һуган орлого*, *кара һуган*, *арышһуган* (дём., ик.) «луковые семена, лук-чернушка», *вак һуган*, *орлок һуганы* «лук-сеянец, лук-севок», *йыллау һуганы*, *йыллаған һуган*, *кышлау һуганы* (сред.), *тиле суган* (дём.) *ужым һуганы* (сред.), *батун* (кизил.), *ботом* (миас.) «батун, особый вид зеленого лука, не образующий луковицы», *баш ебәргән һуган*, *баш ярган һуган*, *башланған һуган*, *сәскә аткан һуган* «цветущий лук» и т. п. Также с компонентом *һуган* имеется множество фразеологических оборотов, поговорок и пословиц: *һуган һурһаһы эсеу* «испытывать нужду», *һуган һыуы һурыу* «голодать», *һуган һужмай илата* «лук без битья заставляет плакать»; *Суфый һуган һөймәс*, *күрһә*, *кабығын да куймас* «суфий (отшельник) не любит лука, как увидит – даже шелуху не оставит», *Кәбестә арһаһында һуган да һыуга туйған* «даже лук напился вволю из-за капусты», *Һүз – һуган кабығы: беренен аһаң, икенсене сыға*

«слово – словно луковая шелуха: слово слово родит» и т. п.

Вторая лексема *йыуа* «дикий чеснок; дикий лук» распространена в башкирских говорах для обозначения общих названий дикорастущих съедобных луковичных растений. Данное слово, кроме башкирского языка, встречается во многих тюркских и угорских языках в разных фонетических вариациях: др. тюрк. *java, *jafa*, баш. *йыуа*, тат. *юа*, диал. *жуа*, ног. *йуа*, туркм. *юва*, диал. *ажува*, тур. *уиуа*, *уива*, кирг., каз. *жуа*, кырг. *жсуа* «перо лука», чаг. *йава*, уйг. *йава*, перс. *йавваи*, куман. *уова*; мар. *юа*, удм. *юа* и т. п.

Башкирское *йыуа* может быть в составе наименований разного дикорастущего лука и его видов: например, *ат йыуаһы*, *әсе йыуа*, *һаҫык йыуа*, *һескә һуган*, *әтмәкәй*, *әтнек* – лук линейный, *йүкә йыуаһы*, *селек йыуаһы*, *кәзә йыуаһы*, *төз йыуа*, *төз һуган* – лук прямой, *оҫкон*, *оҫһон*, *боҫкон*, *кыя һуган*, *оҫкон йыуаһы* – лук косой, *күл йыуаһы*, *һаз йыуаһы*, *сөсө йыуа*, *кырлы һуган* – лук угловатый, *талғыр йыуа*, *йомро һуган* – лук шаровидный, *карга йыуаһы*, *алдаткыс һуган* – лук обманчивый, *кыуыш йыуа*, *киҫәр йыуа*, *киҫәр һуган* – лук-скорода, лук-резанец, *ялбыр йыуа* (или *һуган*) – лук предвиденный, *калмык йыуаһы*, *дала йыуаһы*, *һалтыш һуган* – лук понижающий или лук-слизун, *тау йыуаһы* – лук горный, *һаз йыуаһы* – лук болотный, *дала йыуаһы*, *ялан йыуаһы* – лук степной, *кырсын йыуаһы* – лук с темно-зелеными листьями круглой формы, пресноватым вкусом, *һарык йыуаһы*, *әтмәкәй*, *кызғылт йыуа* – лук красноватый, *һары йыуа* – лук желтеющий, *айыу йыуаһы*, *урман йыуаһы*, *һаҫык йыуа* – лук медвежий, или черемша и т. п.

Среди башкир самым излюбленным видом дикого лука является горный лук *тау йыуаһы*, (лат. *Allium oreoprasum*). Это многолетнее травянистое растение, у которого ареал вида охватывает северные и западные районы Центральной Азии и Урал. Обычно произрастает на скалах и каменистых склонах.

Видимо, башкиры знали о горном луке *тау йыуаһы* давно. Об этом свидетельствуют фольклорные тексты – башкирский эпос, пословицы и народная медицина.

Горный лук имеет разные, весьма интересные диалектные наименования в говорах башкирского языка: *һарык йыуаһы* «лук овечий» (дём., кизил., сред., ик-сакмар., ай.), *кәзә йыуаһы* (иргиз.) «лук козий», *ташйыуа* или *таш йыуаһы* (среднеурал.) «лук камня или лук,

который растет среди камней», *йүкә йыуаһы* (дём., средн., кизил., ик-сакм.) «лук липы», *сөсө йыуа* (ик.) «сладкий лук», *йомро йыуа* (средн.) «круглый лук, то есть лук, у которого перо имеет трубчатую форму», *бәкес* (ик.), *беттекәй* (аргаяш.) «вшивый лук», *талғыр йыуа* (ик-сакмар.) «пестрый лук», *суган* (дём.), *әтмәкәй*, *әтмәкес*, *әтбәкес* (ик-сакмар.), *әтпәкес*, *әппәкес* (сакмар.), *әмзә* (дём., туксоран., иргиз.) и др. [7].

Возможно, данные наименования обозначают разновидности лука *горного* на Урале, растущего группами на каменистых горах. Кроме того, не все имеют плоскую форму листьев, а по вкусовым качествам делятся на сладкие и горькие.

Следующий вид дикого лука – лук угловатый, или мышный чеснок – (лат. *Allium angulosum*) является не менее известным среди башкир. Данное дикое многолетнее травянистое растение также именуется в говорах по-разному: *һаз йыуаһы* (ай.) «болотный лук», *күл йыуаһы* (миас.) «озерный лук», *күрән йыуаһы* (сакмар.) «осоковый лук», *кырлы һуган* (средн.), *тумар йыуаһы* (аргаяш.) «лук на кочках», *жуасуган* (гайнин.), *тугай йыуаһы* (аргаяшск), *сөсө һуган* (средн.) «сладкий лук», который имеет трубчатую форму листьев и растет в болотистой местности.

Башкиры также по-разному называют степной лук (лат. *Allium inaequale*), который обычно растет по степным и песчаным склонам: *калмак йыуаһы*, *калмык йыуаһы* (кизил, миас.), *ялан йыуаһы*, *дала йыуаһы*, *һалпыш һуган*.

Кроме выше перечисленных названий, лексема *йыуа* присутствует в составе наименования разных известных и неизвестных для науки видов дикого лука на Урале, например, *кәһәл йыуаһы* (миас.) – трубчатый дикий зеленый лук, *сәүкә йыуаһы* (кизил.) – лук, растущий на каменистых горах, с листьями, похожими на злаковые, *карга йыуаһы* (кизил.) – лук обманчивый, или цибуля (лат. *Allium decipiens*) с широкими плоскими, линейными листьями, *кырсын йыуаһы* – лук с темно-зелеными листьями круглой формы, пресноватым вкусом и т. п.

По полевым, экспедиционным материалам и монографическим исследованиям этнологов известно, что башкиры употребляют достаточно большое количество растений, принадлежащих к луковичным. Все вышеперечисленные луковичные растения используются населением рано весной, когда в пище не хватает ви-

таминов (лук горный, лук угловатый, лук ко-сой, лук обманчивый, медвежий лук и другие виды).

Особого внимания заслуживает разновидность «лук медвежий», или черемша *айыу йыуаһы* (лат. *Allium ursinum*). Данный вид лука на Урале является самым крупным диким видом после лука победного (*Allium victorialis*) *урман йыуаһы*, *һаҫык йыуа*. Свое название *айыу йыуаһы* получил благодаря тому, что проснувшийся после зимней спячки медведь лакомится этим луком и быстро восстанавливает свои силы. Народное название черемши характеризуется эпитетом «медведь» *айыу* не только в башкирском языке. В других языках мира данное растение получило образное название: ср.: азерб. *ayi sogani*, баш. *айыу йыуаһы*, венг. *medvehagyma*, нем. *bärlauch*, рус. *медвежий лук*, кроме этого и международное латинское название также происходит от апеллятива лат. *ursus* – «медведь».

Следует отметить, что многие башкирские наименования дикорастущих съедобных луковичных растений носят образный характер: например, *сәүкә йыуаһы* дословно переводится как «галочий лук», *каз йыуаһы* – гусиный лук, *карга йыуаһы* – вороний лук, *һарык йыуаһы* – овечий лук, *кәзә йыуаһы* – козий лук, *ат йыуаһы* – лук конский и т. п.

С медвежьим луком *айыу йыуаһы* и другими видами дикорастущих съедобных луковичных растений (*талғыр йыуа*, *тау йыуаһы*, *сөсө йыуа*, *оҫкон*) связаны многие башкирские весенние обряды, праздники, например, *йыуа ашарға барыу*, *йыуа йыйырға барыу*, *айыу йыуаһына барыу*, *кәкүк сәйе*, *язғы урманға сығыу*, *урман һуганына сығыу*, *йыуаға сығыу* и т. п., когда женщины, девушки и дети ходили есть и собирать *йыуа* в весенний лес с появлением съедобной зелени [29. С. 132]. Среди них особенно славится коллективный поход за медвежьим луком или черемшой – *айыу йыуаһына барыу*.

Башкиры собирают молодые листья черемши *айыу йыуаһы* обычно весной, до цветения, и в пищу употребляют стебель, листья. Свежие, сладкие листья черемши на вкус напоминают зелень чеснока и лука, они богаты витамином С. Собранную траву используют в свежем виде или добавляют в мясные супы, в мясные, творожные, яичные начинки для пирогов *бәләш*, *шәңкә*, *бәрәмәс*. Также стебли и листья черемши солят и маринуют на зиму. Луковицу растения употребляют летом. Луковицу дикого лука башкиры называют *тумалак йыуа* или *йыуа*

тумалагы – в дословном переводе означает «шарообразный или круглый лук».

Следует отметить, что башкиры знали чеснок не только как съедобное, но и как лекарственное растение. Им давно было известно, что медвежий лук *айыу йыуаһы* обладает противогрибковым, противоглистным и антимикробным действием. Кроме перечисленного, в башкирской народной медицине медвежий лук *айыу йыуаһы* употребляется при весеннем авитаминозе, как антимикробное средство и в лечении различных кишечных инфекционных заболеваний; кроме того, он способствует нормализации обмена веществ. Возможно, в целях народной медицины совершались весенние обряды, которые были перечислены выше.

Третий вид дикого лука – *оҫкон / окһон* «лук косой, лук линейный, горный чеснок, лук ускун» (лат. *Allium obliquum* Linnaeus) также является распространенным ингредиентом в пище башкир, который произрастает в степях или на лугах Урала. В отличие от *йыуа*, данное луковичное растение употребляют до поздней осени, особенно при приготовлении разных пирогов *бәләштәр*.

Данное наименование дикого лука *оҫкон / окһон* наблюдается во многих тюркских и угорских языках: уйг. *usqin*, алт. *ускун, ускум*, шор. *оксум*, хак. *ухсум, усхум*, турк. *eşqin, eskin, uşqin*, сиб. тат. *оском, тат. уксын, уксым*, чув. *уксӓм, оксӓм*, мар. *уксым* и т. п.

Ботаники считают лук косой древним, реликтовым растением, появившимся еще в доледниковом периоде. Этимология слова *оҫкон / окһон* «ускун» также уходит в глубокую древность. По фонетическому строю слово *оҫкон / окһон* не оставляет сомнения о том, что данная форма является собственно башкирской. Однако распространение этого слова не только во многих тюркских, но и в угорских языках, заставляет задуматься о более древнем его происхождении. Кроме того, по утверждениям татарского языковеда Р. Г. Ахметьянова, форма *оксинос* в той же семантике имеется и в греческом языке, в частности, в бактрийском [3. С. 200].

В башкирских говорах существуют разные фонетические вариации лексемы (лит.) *оҫкон*: (карид.) *оксон йыуа*, (сакмар.) *оһконош*, (средн.) *окһон, хоҫкон, боҫкон*, (дём.) *оксон*, (сев.-з. д.) *уксын*. Данное слово имеет несколько синонимов в говорах: (дём.) *кырагай сарымсак*, (средн.) *кыр харымһагы, хәмзә йыуаһы, әмзә*, (ик-сакмар.) *әтмәкәй, әтмәкес, кыя һуган, һарык йыуаһы, кәзә йыуаһы* и т. п.

В заключении статьи отметим, что нами собраны и исследованы наименования диких луков в башкирском языке, которые использовались древними башкирами в качестве сезонной пищи и при лечении пищевода, стоматита, цинги и т. п. В ходе исследования этимологии слов *һуган, йыуа, оҫкон (окһон)* выявлено, что апеллятив *һуган* своим истоком восходит к пратюркскому *sōqan* и генетически связан с китайским словом *tsuŋ* «лук». Лексема *йыуа* является общим названием дикорастущих луковичных растений в башкирском языке и наблюдается во многих тюркских языках, в том числе и в орхоно-енисейских памятниках в форме *java, jafa*. *Оҫкон (окһон)* по фонетическому облику является собственно башкирским словом, однако языковеды данное слово связывают с формой *оксинос* бактрийского (греч.) языка в той же семантике.

Список литературы

1. Академический словарь башкирского языка. – Уфа: Китап, 2013. – Т. 4.
2. Академический словарь башкирского языка. – Уфа: Китап, 2013. – Т. 6.
3. Ахметьянов, Р. Г. Этимологический словарь татарского языка / Р. Г. Ахметьянов. – Бирск: Бирск. гос. соц-пед. академия, 2006. – Т. 3. – 233 с.
4. Валиева, М. Р. Булгаризмы в апеллятивной лексике башкирского и мадьярского (венгерского) языков / М. Р. Валиева // Вестник Восточной экономико-юридической гуманитарной академии. – 2014. – № 3 (71). – С. 155–160.
5. Валиева, М. Р. Башкирские гласные [ә], [и] и их происхождение / М. Р. Валиева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 26 (355). – С. 17–20.
6. Валиева, М. Р. Булгаризмы Поволжья в апеллятивной лексике башкирского языка / М. Р. Валиева // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России. Материалы XIV Всероссийской научной конференции. – Уфа, 2014. – С. 126–130.
7. Диалектологический словарь башкирского языка / отв. ред. Э. Ф. Ишбердин. – Уфа, 2002. – 432 с.
8. Дмитриев, Н. К. К вопросу об изучении башкирского языка / Н. К. Дмитриев // Вопросы башкирской филологии. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – С. 22–23.
9. Дмитриева, Л. В. Из этимологии названий растений в тюркских и монгольских языках /

- Л. В. Дмитриева // Исследования в области этимологии алтайских языков. – М., 1979. – С. 166–168.
10. Древнетюркский словарь. – Ленинград, 1969. – 676 с.
11. Дыбо, А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков / А. В. Дыбо. – М., 2007. – 227 с.
12. Егоров, В. Г. Этимологический словарь чувашского языка / В. Г. Егоров. – Чебоксары, 1964. – 357 с.
13. Ишкильдина, Л. К. К вопросу изучения происхождения специфических башкирских звуков *h*, *ç*, *z* / Л. К. Ишкильдина // Феномен евразийства в материальной и духовной культуре, этнологии и антропологии башкирского народа. – Уфа, 2009. – С. 203–205.
14. Ишкильдина, Л. К. Историческое развитие консонантизма башкирского языка (на материале диалектов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. К. Ишкильдина. – Уфа, 2013. – 28 с.
15. Киекбаев, Дж. Г. О звуках *z*, *ç*, *h* и их развитии в башкирском, туркменском и якутском языках / Дж. Г. Киекбаев // Ученые записки. Серия филология. – 1958. – № 5, вып. № 6 – С. 89–145.
16. Максютлова, Н. Х. Восточный диалект башкирского языка в сравнительно-историческом освещении / Н. Х. Максютлова. – М.: Наука, 1976. – 292 с.
17. Муллагулов, М. Г. Собирачество и рыболовство у башкир / М. Г. Муллагулов. – Уфа, 2007. – 159 с.
18. Русско-венгерский словарь. – Будапешт, 1957. – 1968 с.
19. Севортян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные / Э. В. Севортян. – М.: Наука, 1974. – Т. 1. – 768 с.
20. Севортян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на букву «Ж», «Ж», «Й» / Э. В. Севортян, Л. С. Левитская. – М.: Наука, 1989. – Т. 4. – 292 с.
21. Серебренников, Б. А. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков / Б. А. Серебренников, Н. З. Гаджиева. – М., 1986. – 302 с.
22. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика / отв. ред. Э. Р. Тенишев. – М.: Наука, 1984. – 484 с.
23. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции / отв. ред. Э. Р. Тенишев. – М.: Наука, 2002. – 767 с.
24. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / под ред. Э. Р. Тенишева, А. В. Дыбо. – М.: Наука, 2006. – 901 с.
25. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика : 2-е изд., доп. – М.: Наука, 2001. – 822 с.
26. Федотов, М. Р. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи / М. Р. Федотов. – Самара, 1990. – 336 с.
27. Хайретдинов, С. С. Русско-башкирский, башкирско-русский словарь видовых названий растений Башкортостана / С. С. Хайретдинов. – Уфа: РИО БашГУ, 2002. – 117 с.
28. Хайретдинов, С. С. О возможности применения топонимических данных в изучении распространения полезных растений (на материале лука косого) / С. С. Хайретдинов // Вопросы топонимии Башкирии. – Уфа, 1981. – С. 68–73.
29. Хисамитдинова, Ф. Г. Мифологический словарь башкирского языка / Ф. Г. Хисамитдинова. – Уфа, 2009. – 250 с.
30. Хусаинова, Л. М. Об особенностях звука *h* башкирского языка / Л. М. Хусаинова // Профессор Н. К. Дмитриев и актуальные проблемы тюркологии. – Уфа, 2008. – С. 396–399.
31. Щербак, А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков / А. М. Щербак. – Л.: Наука, 1970. – 203 с.
32. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на букву «Л», «М», «Н», «П», «С» / автор сл. статей Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, В. И. Рассадин. – М.: Наука, 2003. – Т. VII. – 446 с.

Сведения об авторе

Валиева Мадина Раилевна – младший научный сотрудник Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН.

valieva_1979@list.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 10 (365).
Philology. Arts. Issue 95. Pp. 25–31.*

ETYMOLOGY OF THE NAMES OF EDIBLE BULBS IN THE BASHKIR LANGUAGE

M. R. Valieva

Russian Academy of Sciences Scientific Center. valieva_1979@list.ru

This article is devoted to the description and etymology of the names of edible bulbous plants in the Bashkir language and its dialects. The main purpose of this paper is to identify the etymology of such appellatives as һуған ‘onion’, йыуа ‘common name of wild bulbous plants’, оҫкон (оҫхон / охон) ‘onion oblique’. So far, the data taken from the Bashkir language was not subjected to special etymological studies. In the study of the etymology of words һуған, йыуа, оҫкон (оҫхон), the author claims that һуған goes back to the PreTurkic sōqan and is genetically related to the Chinese word tsuŋ ‘onion’. Йыуа is the common name of wild bulbous plants in the Bashkir language and it is observed in many Turkic languages including in the Orkhon-Yenisey monuments in the form of java, jafa. Оҫкон (оҫхон) in its phonetic form is actually a Bashkir word but linguists associated the word with the form oksinos Bactrian (gr.) with the same semantics.

Keywords: *Bashkir language, etymology, genetic linkage, the names of wild bulbous plants.*

References

1. *Academicheskij slovar bashkirskogo yazyka* [Academic Dictionary of the Bashkir language. Vol. 4]. Ufa, Kitap Publ., 2013. 944 p. (In Russ.).
2. *Academicheskij slovar bashkirskogo yazyka* [Academic Dictionary of the Bashkir language. Vol. 6]. Ufa, Kitap Publ., 2014. 944 p. (In Russ.).
3. Ahmet'janov R.G. *Etymologicheskij slovar Tatarskogo yazyka*. [Etymological dictionary of the Tatar language. Vol. III]. Birk, Birk. state. soc-ped. Academy Publ., 2006. 233 p. (In Russ.).
4. Valieva M.R. *Bulgarizmy v appelliyativnoy lexike bashkirskogo i madyarskogo (vengerskogo) yazykov* [Bulgarism in appellative lexicon of the Bashkir and Magyar (Hungarian) language]. *Vestnik VEGU* [Bulletin VEGU], 2014, no. 3, pp. 155–160. (In Russ.).
5. Valieva M.R. *Bashkirskije glasnye [ə], [u] i ikh proiskhojdenye* [Bashkir vowels [ə], [u] and their origin]. *Vestnik Chelyabinskogo Gosudarstvennogo universiteta. Philologiya. Iskusstvo* [Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philology. Arts.], 2014, issue 93, no. 26 (355), pp. 17–21. (In Russ.).
6. Valieva M.R. *Bulgarizmy Povoljia v apellyativnoy lexike Bashkirskogo yazyka* [Bulgarism Volga region in the appellative lexicon of the Bashkir language]. *Actualnye problemy dialectologii yazykov narodov Rossii* [Actual problems of dialectology languages of the peoples of Russia]. Ufa, 2014, pp. 126–130. (In Russ.).
7. *Dialectologicheskij slovar Bashkirskogo yazyka* [Dialectological Dictionary of the Bashkir language]. E.F. Ishberdin (ed.). Ufa, 2002. 432 p. (In Russ.).
8. Dmitriev N.K. *K voprosu ob izuchenii bashkirskogo yazyka* [On the question of the study of the Bashkir language]. *Voprosy bashkirskoy philologii* [Questions Bashkir philology]. Moscow, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1959, pp. 22–23. (In Russ.).
9. Dmitrieva L.V. *Iz etimologii nazvaniy rasteniy v turkskikh i mongolskikh yazykakh* [The etymology of the names of plants in Turkic and Mongolian languages]. *Issledovaniya v oblasti etimologii altajskikh yazykov* [Studies on the etymology of the Altaic languages]. Moscow, 1979, pp. 166–168. (In Russ.).
10. *Drevneturkskiy slovar* [The Dictionary of Old Turkic]. Leningrad, 1969, 676 p. (In Russ.).
11. Dybo A.V. *Linguisticheskiye contacty rannikh turkov* [Linguistic contacts early Turks]. Moscow, 2007, 227 p. (In Russ.).
12. Egorov V.G. *Etymologicheskij slovar Chuvashskogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Chuvash language]. Cheboksary, 1964, 357 p. (In Russ.).
13. Ishkildina L.K. *K voprosu izycheniya proiskhogdeniya spetsificheskikh bashkirskikh zvukov [h, θ, ð]*, [On the question of the origin of specific study of Bashkir sounds [h, ç, ʒ]]. *Phenomen Eurasiystva v materialnoy i dukhovnoy kulture, etnologii i antropologii bashkirskogo naroda* [The phenomenon of

Eurasianism in the material and spiritual culture, Ethnology and Anthropology of the Bashkir people]. Ufa, 2009, pp. 203–205. (In Russ.).

14. Ishkildina L.K. *Istoricheskoe razvitie konsonantizma bashkirskogo yazyka (na material dialektov) : avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Historical development consonantism Bashkir language (based on the dialect). Abstract of thesis]. Ufa, 2013, 28 p. (In Russ.).

15. Kiekbaev J.G. *O zvukakh [ð, θ, h,] i ikh razvitiye v bashkirskom, turkmenskom i jakutskom jazykah* [About the sounds [ð, θ, h,] and their development in the Bashkir, Turkmen and Yakut languages]. *Uchenye zapiski. Seriya filologiya* [Scientific notes. Series Phil.], 1958, vol. 6, no. 5, pp. 3–15. (In Russ.).

16. Maksyutova N.H. *Vostochnyj dialect bashkirskogo yazyka v sravnitelno-istoricheskom osveshenii* [Eastern dialect of the Bashkir language in the comparative-historical interpretation]. Moscow, Nauka Publ., 1976, 292 p. (In Russ.).

17. Mullagulov M.G. *Sobiratelstvo i rybolovstvo u Bashkir* [Gathering and fishing Bashkirs]. Ufa, 2007, 159 p. (In Russ.).

18. *Russko-vengerskiy slovar* [Russian-Hungarian dictionary]. Budapest, 1957, 1968 p. (In Russ.).

19. Sevortyan E.V. *Etimologicheskii slovar turkskikh yazykov: Obsheturkskie i mejturkskie osnovy na glasnye* [Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and mezhtyurkskie bases on vowels]. Moscow, Nauka Publ., 1974, vol. 1. 768 p. (In Russ.).

20. Sevortyan E.V., Levitskaya L.S. *Etimologicheskii slovar turkskikh yazykov: Obsheturkskie i mejturkskie osnovy na bukvy «Ж» «Ж» «Ї»* [Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and mezhtyurkskie basics with the letter «Ж» «Ж» «Ї»]. Moscow, Nauka Publ., 1989, vol. 4. 292 p. (In Russ.).

21. Serebrennikov B.A., Hadjiyeva N.C. *Sravnitelno-istoricheskaya grammatika turkskikh yazykov* [Historical and comparative grammar of Turkic languages]. Moscow, 1986. 302 p. (In Russ.).

22. *Sravnitelno-istoricheskaya grammatika turkskikh yazykov. Fonetika* [Historical and comparative grammar of Turkic languages. Phonetics]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 484 p. (In Russ.).

23. *Sravnitelno-istoricheskaya grammatika turkskikh yazykov. Regionalnye rekonstruktsii* [Historical and comparative grammar of Turkic languages. Regional reconstruction]. E.R. Tenishev (ed.), Moscow, Nauka Publ., 2002. 767 p. (In Russ.).

24. *Sravnitelno-istoricheskaya grammatika turkskikh yazykov. Praturkskiy yazyk-osnova. Kartina mira praturkskogo etnosa po dannym yazyka* [Historical and comparative grammar of Turkic languages. Turkic language-base. Picture of the world-Turkic ethnic group according to language]. A.V. Dybo, E.R. Tenishev (eds.), Moscow, Nauka Publ., 2006. 901 p. (In Russ.).

25. *Sravnitelno-istoricheskaya grammatika turkskikh yazykov. Lexika* [Historical and comparative grammar of Turkic languages. Vocabulary]. Moscow, Nauka Publ., 2001. 822 p. (In Russ.).

26. Fedotov M.R. *Chuvashsko-Mariyskie yazykovye vzaimosviazi* [Chuvash-Mari language relationship]. Saransk, 1990. 336 p. (In Russ.).

27. Khairetdinov S.S. *Russko-bashkirskiy, Bashkirsko-Russkiy slovar vidovykh nazvaniy rasteniy Bashkortostana* [Russian-Bashkir, Bashkir-Russian Dictionary of species names of plants in Bashkortostan]. Ufa, RIO BSU Publ., 2002. 117 p. (In Russ.).

28. Khairetdinov S.S. *O vozmozhnosti primeneniya toponimicheskikh dannykh v izuchenii rasprostraneniya poleznykh rasteniy (na materiale luka kosogo)* [On the possibility of the use of toponymic data in studying the propagation of useful plants (based on onion oblique)]. *Voprosy toponimii Bashkirii* [Questions toponymy Bashkiria]. Ufa, 1981, pp. 68–73.

29. Hisamitdinova F.G. *Mifologicheskii slovar bashkirskogo yazyka* [Mythological dictionary Bashkir language]. Ufa, 2009. 250 p. (In Russ.).

30. Khusainova L.M. *Ob osobennostiyakh zvuka h bashkirskogo yazyka* [About the features of the sound Shha Bashkir yazka]. *Professor N.K. Dmitriev i aktualnye problem turkologii* [Professor N.K. Dmitriev and actual problems of Turkic studies]. Ufa, 2008, pp. 396–399. (In Russ.).

31. Shcherbak A.M. *Sravnitel'naya fonetika Turkskikh yazykov* [Comparative phonetics of Turkic languages]. Leningrad, Science Publ., 1970. 203 p. (In Russ.).

32. *Etimologicheskii slovar Turkskikh yazykov: obsheturkskie i mejturkskie osnovy na bukvy «L» «M» «N» «P» «S»* [Etymological Dictionary of Turkic Languages: common Turkic and mezhtyurkskie basics with the letter “L”, “M”, “N”, “P”, “S”]. Author seq. articles L.S. Levitskaya, A.V. Dybo, V.I. Rassadin. Moscow, Nauka Publ., 2003, vol. VII. 446 p. (In Russ.).

УДК 81'42
ББК 81.00

А. В. Вовкула

ИНТЕРАКТИВНАЯ ФОРМА КОММУНИКАЦИИ В МЕДИАДИСКУРСЕ

Выделены специфические особенности интерактивной формы речевой коммуникации. На основе отмеченных свойств построена модель исследуемого вида речевого общения. Описана специфика функционирования интерактива в различных форматах медиадискурса, которые дифференцируются по форме речи, субъекту и объекту воздействия, форме обратной связи, носителю инициативы.

Ключевые слова: *интерактив, формат медиадискурса, коммуникация, речевое воздействие.*

Интерактивное общение как речевая форма коммуникации стало основным способом организации медиадискурса. Это явление находится во взаимосвязи с современной технологичностью, расширением аудиторного пространства, возможностью оказывать информационное воздействие в едином для всех участников коммуникации времени, режиме онлайн. Понятие «интерактивность», широко распространенное в медиасфере, сегодня активно используется в педагогической и научной среде. Вместе с тем его значение неоднозначно, толковые словари фиксируют полисемию понятия и поступательное расширение семантического поля. Лексема восходит к английскому «interactive» – взаимодействующий. Согласно прямому значению, взаимодействие происходит на уровне «человек-машина». Так, словарь иностранных слов дает следующее определение: «Интерактивный – относящийся к взаимодействию с компьютером» [9]. Энциклопедический словарь, наряду со значением «относящийся к компьютерным системам, воспринимающим ввод команд и данных от пользователя во время работы систем», приводит производное значение: «диалоговый, осуществляющий взаимодействие между человеком и средством массовой информации (интерактивное телевидение, интерактивный опрос)» [11]. Толкование интерактивности как связи человека и средства массовой информации (телевидение, радиостанция) ряд словарей приводит в качестве основного [4; 5].

Семантика диалоговости мотивирует появление субъекта взаимодействия внутри понятия [10]. Диалог перемещается с уровня «человек – машина» в сферу межличностной коммуникации. Так, энциклопедический сло-

варь по психологии и педагогике определяет интерактивность как свойство, характеризующее обмен информацией в межличностном общении [12]. Применительно к процессу обучения понятие «интерактивность» означает наличие обратной связи между педагогом или средством обучения и учащимися [1. С. 84]. Райзберг Б. А. трактует интерактивность как свойство процесса коммуникации, определяемое отношением коммуникационного сообщения к предшествующим, то есть необходимостью ответной реакции на приход сообщения (информации) и нахождение ответа в контексте предыдущих событий; способ повышения эффективности взаимодействия участников коммуникации [7. С. 193]. Слепцова М. А. определяет интерактивность как характеристику взаимоотношений адресата с адресантом, которая заключается в воздействии на адресата [8. С. 252–254]. Воздействующую функцию интерактивности выделяет также Шопен Н. Она определяет понятие как способность активно влиять на содержимое и направленность СМИ, возможность свободно высказывать свое мнение. Интерактивность – общение в реальном времени, обратная связь, которую адресант дает адресату сразу после получения сообщения. Это диалог, в котором у участников общее не пространство, но время [13].

Суммируя перечисленные свойства понятия, можно выделить особенности интерактивной коммуникации. Описание процесса коммуникации представлено многочисленными исследованиями. Первая известная модель была предложена в «Риторике» Аристотелем и включала три основных элемента: оратор, речь, слушатель. В XX в. схемы коммуникативного акта разрабатываются в трудах Г. Лас-

суэлла, К. Шеннона, Р. О. Якобсона, М. Бахтина, О. Г. Почепцова. Простейшая модель коммуникации включает следующие компоненты:

- говорящий,
- слушающий,
- сообщение,
- код, посредством которого осуществляется сообщение,
- канал связи,
- коммуникативный контекст и возможные помехи,

- механизм обратной связи, которая может осуществляться как вербально, так и невербально [3. С. 46].

Опираясь на данную схему, предложим круговую модель **интерактивной формы коммуникации**, которая включает следующие элементы:

- **субъекты воздействия**, каждый из которых является и отправителем, и получателем сообщения; в рассматриваемой модели субъекты именуется коммуникаторами; коммуникатор понимается как индивид или группа, являющийся источником и носителем коммуникации [3];

- **сообщения**, которыми обмениваются коммуникаторы;

- **процессы кодирования, декодирования** сообщения коммуникаторами в акте коммуникации, а также **процесс рефлексии**, подразумевающий осмысление и анализ полученной информации с целью корректировки своих представлений о предмете коммуникативного взаимодействия и осознание индивидом того, как его сообщение воспринимается партнером по общению [1];

- **инструмент** осуществления названных процессов – **язык как код передачи информации**;

- **факторы**, воздействующие на протекание процесса общения: **канал коммуникации** (телевидение, радио, ресурс Интернет), **коммуникативный контекст**, включающий специфику формата интерактива, **хронотоп** (рис. 1).

Данную модель характеризует активная позиция всех участников коммуникации. Одновременно она предполагает смену ролей, вследствие которой каждый из участников является и отправителем, и получателем сообщения. Механизм обратной связи, создающий второй, интерактивный, коммуникативный виток, обуславливает рефлексию коммуникатором-1 информации, которая возвращается к нему в обработанном, измененном, дополненном виде, выступая результатом проявленной инициативы.

Еще одну особенность интерактивной формы общения предопределяет канал коммуникации. Его «медийность» предполагает постоянное присутствие незримого зрителя речевого взаимодействия, третьего лица, который становится объектом воздействия коммуникаторов. Так, речевой акт делается многоголосным и превращается в полилог, реализующий обратную связь посредством рейтингов телевизионных передач, веб-порталов и так далее.

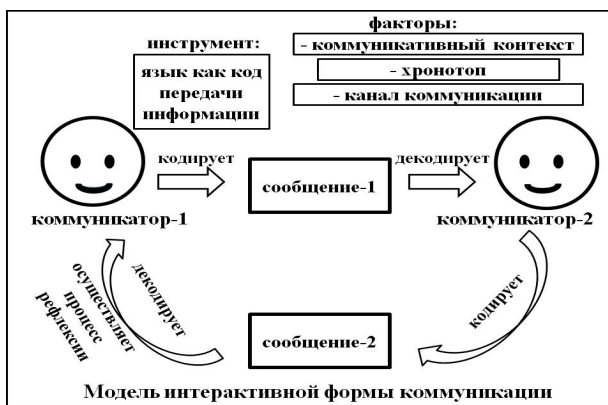

Рис. 1. Модель интерактивной формы речевой коммуникации

Согласно данной модели, интерактивную форму речевой коммуникации можно определить как трансляцию информации и получение обратной связи коммуникаторами с целью воздействовать на адресата, в роли которого выступают участники речевого акта и широкая аудитория, в режиме единого времени с использованием канала коммуникации, предполагающего публичность, присутствие третьего лица: телевидение, радио, ресурс Интернет.

Коммуникативное пространство медиадискурса представлено многообразием форм интерактива, каждая из которых имеет свою специфику функционирования. Для их наименования и описания воспользуемся понятием формата, введенным Г. Г. Почепцовым [6. С. 124]. Функционирование интерактивных форм речевой коммуникации в различных форматах представлено в таблице.

Форматы объединяет наличие обратной связи в режиме онлайн, а также присутствие третьего лица в коммуникативном поле участников диалога. В то же время позиции самих коммуникаторов характеризуются различной степенью активности, а сообщения – разной степенью информативности в зависимости от специфики формата, который задает рамки потенциально возможного персуазивного эффекта речи участников беседы. Так, субъектом

Таблица

Функционирование различных форм интерактива

Функционирование различных форм интерактива										
формат	режим функционирования	форма речи	инициатива	субъект воздействия	объект воздействия	канал коммуникации	позиция 3 лица (широкой аудитории)	форма обратной связи		
ток-шоу	дискуссия, обмен мнениями, обсуждение определенного вопроса, темы	устная, диалог	у всех участников коммуникации	каждый из участников	все участники коммуникации и широкая аудитория	телевидение, радио, Интернет	выступает в роли слушателя, формирует рейтинг программ, имеет возможность обсудить тему на официальных сайтах передач	устные реплики участников коммуникации в рамках эфира		
		устная, полилог								
интервью	полемика, защита собственной позиции, спор	устная, диалог	у интервьюера	интервьюемый, в меньшей степени – интервьюер	широкая аудитория, в меньшей степени – интервьюемый и интервьюер	Интернет	выступает в роли интервьюера, имеет возможность обсудить тему на официальных сайтах передач	устный		
		режим «вопрос-ответ»								
пресс-конференция, официальный форум	режим «вопрос-ответ» с участием широкой аудитории в качестве интервьюера	режим «вопрос-ответ»	редакция интернет-портала, отдельные участники форума	авторы материалов, размещенных на портале, отдельные участники форума	целевая аудитория портала	Интернет	комментирует контент портала, может оценивать комментарии участников обсуждения, может подписаться на соответствующие официальные группы в социальных сетях, оказывая влияние на рейтинг СМИ	развернутый ответ интервьюируемого		
		режим «вопрос-ответ» с участием широкой аудитории в качестве интервьюера								
форум в рамках интернет-портала	обсуждение контента телепроекта, новостного факта в рамках интернет-портала электронных СМИ	письменная	редакция интернет-портала, отдельные участники форума	авторы материалов, размещенных на портале, отдельные участники форума	целевая аудитория портала	Интернет	комментирует контент портала, может оценивать комментарии участников обсуждения, может подписаться на соответствующие официальные группы в социальных сетях, оказывая влияние на рейтинг СМИ	комментарий на форуме, оценивание комментариев, письмо в редакцию с инициативой или указанием на ошибку		

Окончание таблицы

интернет-блог	публикация в сети Интернет сообщений, содержащих выражение своих позиций, мнений по отношению к значимым событиям	у автора блога	автор блога	аудитория блога	Интернет	оценивает и комментирует публикации	письменные комментарии
	режим обсуждения темы, межличностное общение						
интернет-опрос	опрос, опосредованный техническим устройством, компьютером, телефоном	у организатора опроса	организатор опроса	широкая аудитория	Интернет	-	краткий ответ письменный балл, голос
			организатор голосования				
СМС-голосование					Телевидение		
вопрос эксперту	вопросы авторитетному лицу в радио-эфире, а также в рамках специализированных веб-сайтов	у автора вопроса	авторитетное лицо, в меньшей степени автор вопроса	все участники коммуникации, включая широкую аудиторию	Радио, Интернет	выступает слушателем, знакомится с контентом сайта	устный развернутый ответ эксперта

воздействия выступает коммуникатор-1 в формате интернет-блога, интернет-опроса, СМС-голосования, коммуникатор-2 – в формате интервью, пресс-конференции, официального форума, вопроса эксперту в радиозэфире. Все участники коммуникации оказывают речевое воздействие в формате ток-шоу, интернет-форума. Таким образом, возможность коммуникатора-1 достичь илокутивной интенции ограничена спецификой канала коммуникации – ресурс Интернет с письменной формой коммуникации. Тогда как коммуникатор-2 может воздействовать на аудиторию устным словом с экрана телевизора, где его речь поддерживают метакоммуникативные средства общения: жест, постанка, использование ресурсов голоса. В то же время носителем инициативы, которая выполняет задачи контроля над ходом диалога, выступает коммуникатор-1 в рамках всех форматов, исключая ток-шоу и интернет-форум, где поочередно инициатива переходит от одного участника к другому, где каждый говорящий оказывает воздействие на партнеров по коммуникации.

Таким образом, в потенциально сильной позиции находится участник формата ток-шоу. Эта форма предполагает и возможность контроля над организацией диалога при сохранении инициативы, и возможность воздействовать как на участников коммуникации в рамках пространства телестудии, так и на широкую аудиторию. Преимущество в персуазивном аспекте ток-шоу перед интернет-форумом (при прочих равных условиях) заключается в визуальном канале коммуникации, предоставляющем дополнительные возможности воздействия на зрителя, а также в массовой природе вещания данного средства передачи информации. В слабой позиции оказывается коммуникатор-2 в форматах интернет-опроса и СМС-голосования. Его назначение – в реализации рефлексивной функции коммуникатора-1, на которого он имеет влияние через минимальный инструмент формирования имиджа, – голос или балл. Тогда как участники-2 интервью, пресс-конференции могут воздействовать на широкую аудиторию вербально и развернуто.

Форматы дифференцируются по степени потенциально возможной активности массовой аудитории. Условия для реализации обратной связи в разнообразии форм создают интернет-порталы телевизионных каналов, интернет-СМИ, электронные версии газет и

журналов. Посетитель сайта может обсудить тему избранной программы или новостную публикацию на форуме, оценить комментарии, задать вопрос редакции портала, выступить с предложением соавторства. Также читатель может стать участником соответствующей группы в социальной сети, оказывая влияние на рейтинг ресурса.

Форматы интерактивной коммуникации делают медиадискурс многоголосным, восполняющим интеллектуальные потребности многообразной аудитории. Обратная связь открывает возможность для выявления интересов публики, преобразования стратегий воздействия, расширения тематического спектра обсуждаемых вопросов. Подобная кооперация лежит в основе любого успешного взаимодействия, предопределяя достижение целей коммуникации.

Список литературы

1. Азимов, Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – М.: Издательство ИКАР, 2009. – 446 с.
2. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – М.: ЛКИ, 2008. – 283 с.
3. Князев, А. А. Энциклопедический словарь СМИ / А. А. Князев. – URL: <http://voluntary.ru/dictionary/>.
4. Политическая наука: словарь-справочник / сост. И. И. Санжаревский. – URL: <http://glos.virmk.ru/>.
5. Популярный словарь русского языка. Толково-энциклопедический / сост. А. П. Гуськова, Б. В. Сотин. – URL: <http://popular.academic.ru/1517/>.
6. Почепцов, Г. Г. Теория коммуникации / Г. Г. Почепцов. – М.: Рефл-бук, 2001. – 651 с.
7. Райзберг, Б. А. Современный социально-экономический словарь / Б. А. Райзберг. – М.: Инфра-М, 2012. – 193 с.
8. Слепцова, М. А. Интерактивный аспект иронических высказываний в газетном тексте / М. А. Слепцова // Известия российского государственного университета им. А. И. Герцена. – 2007. – № 45. – С. 252–254.
9. Словарь иностранных слов / под ред. Н. Г. Комлева. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/17392/.

10. Тришин, В. Н. Большой словарь-справочник синонимов русского языка системы ASIS. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/224150.
11. Энциклопедический словарь. – URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/es/77151/>.
12. Энциклопедический словарь по психологии и педагогике. – URL: http://psychology_pedagogy.academic.ru/7290/.
13. Шопен, Н. Интерактивность – это пульс жизни / Н. Шопен // Научно-культурологический журнал «Релга», 15.03.2002, № 4 (82). – URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/>.

Сведения об авторе

Вовкула Анна Васильевна – аспирант кафедры русского языка и методики обучения русскому языку Челябинского государственного педагогического университета, педагог дополнительного образования МБУДОД Детско-юношеский центр.
vasilisa.16@mail.ru

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 10 (365).
Philology. Arts. Issue 95. Pp. 32–38.*

INTERACTIVE FORM OF SPEECH COMMUNICATION IN THE MEDIA DISCOURSE

Vovkula A. V.

Chelyabinsk State Pedagogical University. vasilisa.16@mail.ru

In this article the definition of interactive forms of verbal communication is formulated. It involves the translation of information and receiving feedback in order to influence the recipient, as by participants of a speech act and the general audience in the mode of a single time using a communication channel, involving publicity and the presence of a third person: TV, radio, Internet resources.

On the basis of the allocated properties the model of an investigated type of speech dialogue is constructed. The model includes the following elements:

- subjects effects, each of which is both the sender and recipient of the message; in the model entities referred communicators,
- messages exchanged,
- the processes of encoding, decoding messages in the act of communication, as well as the process of reflection that involves reflection and analysis of the information obtained in order to adjust their ideas about the subject of communicative interaction and individual awareness of how his message is perceived by a partner in communication,
- tool implementation of these processes - the language of the code transmission of information,
- factors affecting the flow process of communication: communication channel (TV, radio, Internet resource), communicative context, including the specifics of interactive format, chronotope.

Keywords: *interactive format, media discourse, communication, speech influence.*

References

1. Azimov E., Shchukin N. *Novyy slovar' metodicheskikh terminov i ponyatiy (teoriya i praktika obucheniya yazykam)* [New dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of language teaching)]. Moscow, IKAR Publ., 2009. 446 p. (In Russ.).
2. Issers O. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communication strategies and tactics of the Russian language]. Moscow, LKI Publ., 2008. 283 p. (In Russ.).
3. Knyazev A.A. *Entsiklopedicheskiy slovar' SMI* [Encyclopedic Dictionary of Media]. Available at: <http://voluntary.ru/dictionary>, accessed 19.02.2015. (In Russ.).
4. Sanzharevskiy I. *Politicheskaya nauka : slovar'-spravochnik* [Political Science : dictionary directory]. Available at: <http://glos.virmk.ru/>, accessed 19.02.2015. (In Russ.).

5. Gus'kova A., Sotin B. *Populyarnyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-entsiklopedicheskiy* [Popular Dictionary of the Russian language. Glossary and encyclopedic]. Available at: <http://popular.academic.ru/1517/>, accessed 19.02.2015. (In Russ.).
6. Pocheptsov G.G. *Teoriya kommunikatsii* [Communication theory], Moscow, Refl-buk Publ., 2001. 651 p. (In Russ.).
7. Rayzberg B.A. *Sovremennyy sotsioekonomicheskiy slovar'* [Modern socioeconomic Dictionary]. Moscow, Infra-M Publ., 2012. 193 p. (In Russ.).
8. Sleptsova M.A. *Interaktivnyy aspekt ironicheskikh vyskazyvaniy v gazetnom tekste* [Interactive aspect of ironic utterances in the newspaper text]. *Izvestiya rossiyskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. I. Gertsena* [Proceedings of the Russian State University. Herzen], 2007, no. 45, pp. 252–254. (In Russ.).
9. Komlev N. *Slovar' inostrannykh slov* [Dictionary of Foreign Words]. Available at: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/17392/, accessed 19.02.2015. (In Russ.).
10. Trishin V.N. *Bol'shoy slovar'-spravochnik sinonimov russkogo yazyka sistemy ASIS* [Big Glossary of synonyms Russian language system ASIS]. Available at: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/224150, accessed 19.02.2015. (In Russ.).
11. *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Collegiate Dictionary]. Available at: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/es/77151/>, accessed 19.02.2015. (In Russ.).
12. *Entsiklopedicheskiy slovar' po psikhologii i pedagogike* [Collegiate Dictionary of Psychology and Pedagogy]. Available at: http://psychology_pedagogy.academic.ru/7290/, accessed 19.02.2015. (In Russ.).
13. Shopen N. *Interaktivnost' – eto pul's zhizni* [Interactivity – is the pulse of life]. *Nauchno-kul'turologicheskiy zhurnal «Relga»* [Nauchno-kul'turologicheskiy zhurnal «Relga»], no. 4. Available at: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/>, accessed 19.02.2015. (In Russ.).

УДК 378.14

Ю. А. Воронцова, Е. Ю. Хорошко

ФОРМИРОВАНИЕ, РАЗВИТИЕ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ

Рассматривается речевая культура как важный компонент эффективной профессиональной коммуникации. Отмечается, что речевая культура является значимым аспектом профессиональной подготовки сотрудников полиции. Делается вывод, что комплексный подход к формированию, развитию и совершенствованию речевой культуры необходим для решения практической задачи формирования культурно-речевой компетенции.

Ключевые слова: *компетенция, речевая культура, культурно-речевая компетенция, методика преподавания.*

Обучение русскому языку осуществляется на основе компетентностного подхода: развивается и совершенствуется языковая и лингвистическая (языковедческая), коммуникативная и культуроведческая компетенции. Понятие «языковая компетенция» было введено в научный обиход Н. Хомским, который назвал языковые умения говорящего «linguistic competence» [17]. Чуть позже представление о связи речевых условий и правил употребления тех или иных слов и грамматических конструкций Д. Хаймс определил термином «коммуникативная компетенция» («communicative competence»), в структуре которой выделил грамматическую, социолингвистическую, стратегическую, дискурсивную компетенции [18].

Понятие коммуникативной компетенции разрабатывалось А. Д. Апресяном, Л. П. Крысиным, К. Ф. Седовым, А. П. Сквородниковым, Г. А. Копниной и др. В настоящее время в литературе встречаются различные классификации составных частей коммуникативной компетенции: лингвистическая, социолингвистическая, социокультурная, социальная, дискурсивная, стратегическая (компенсаторная), когнитивная, поведенческая и др. Содержание базовых компетенций достаточно подробно описано в теории и практике преподавания русского языка. Вопросам формирования коммуникативной компетенции в процессе преподавания русского языка и культуры речи посвящены работы Т. А. Распоповой, Е. А. Быстровой, О. В. Константиновой, А. А. Муравьевой, Л. Г. Кыркуновой, О. М. Косяновой, Е. Г. Чеботаревой, А. В. Соколовой и др.

В образовательных организациях системы МВД России материалы курсов, которые рассматривают проблемы использования человеком языка в своей профессиональной деятельности и других видах общения, становятся незаменимым средством для формирования профессиональной и коммуникативной компетентности обучающихся. Заметим, что культура речи современного человека заключается как в знании норм современного русского языка, так и в умении выбирать и грамотно использовать специальные слова и словосочетания, характерные для определенного стиля речи.

Языковые курсы ориентируют обучающихся не только на получение традиционно значимых знаний и умений, но и на получение такой информации, которая имеет отношение к общему культурному, личностному развитию, активно включает знания из других областей. Посредством своего объекта исследования и предмета изучения курс русского языка обращен и к вопросам изучения норм языка, и к вопросам развития и воспитания языковой личности. Специфика данного курса такова, что отбор содержания ведется и с позиций профессионализации, и с позиций формирования культуросообразной личности. В этой связи актуальным является известное высказывание И. И. Срезневского: «Язык – не только орудие познавательной и мыслительной силы человека, но и сама эта сила... Без всякой другой науки человеку еще можно обойтись; без знания родного языка <...> обойтись нельзя: это знание – свидетельство на его право быть сочленом в народном обществе, свидетельство его человечности» [15. С. 40].

Владение языком, умение общаться, добиваться успеха в процессе коммуникации являются теми характеристиками личности, которые влияют на достижения специалиста в профессиональной деятельности.

«Русский язык в деловой документации» представляет собой синтетический курс разных речеведческих дисциплин: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. Целевая установка данной дисциплины состоит в совершенствовании речевой культуры обучающихся, формировании устойчивых профессиональных компетенций. Значимой темой курса является культура речи, освоение которой позволит обучающимся овладеть основными способами организации языковых средств и закономерности их употребления для достижения максимальной эффективности общения. Сочетание профессионально-деловой и социокультурной ориентации составляет специфику коммуникативной направленности курса. Поэтому дисциплина «Русский язык в деловой документации» прежде всего нацелена на формирование лингвистической и коммуникативной компетенции. Используемый на занятиях учебный материал [2; 3] должен быть «ориентирован на формирование носителя полнофункциональной речевой культуры, другими словами, такой развитой языковой личности, которая владеет не только языковой компетенцией, но и общефилологической, коммуникативной и этико-эстетической» [11. С. 122].

Следует отметить, что основу профессиональной юридической культуры составляет культура речевая, реализующаяся в умении отбирать и использовать оптимальные языковые средства в каждой конкретной ситуации правотворчества и правоприменения. Выполняя свои профессиональные обязанности, сотрудники полиции вынуждены что-то обсуждать, советовать, вести переговоры, задавать вопросы, отвечать на них, составлять документы. Это требует наличия определенных знаний и компетенций, выработки необходимых навыков речевой коммуникации.

К речи сотрудника полиции предъявляются высокие требования: точность, логичность, ясность, правильность, соблюдение правил речевого этикета и так далее, другими словами, речевая культура является ориентиром профессионального поведения.

Реальность речевого употребления показывает, что от языковой личности требуется языковое чутье, умение подбирать точный,

уместный, грамматически правильный вариант. Анализ письменных и устных материалов позволяет обозначить следующие проблемы, возникающие при продуцировании различных текстов: трудности в восприятии и переработке текстовой информации; отсутствие умения организовать речевое общение в определенной ситуации; недостаточное владение орфоэпическими, лексическими и грамматическими умениями и навыками; неумение соотносить языковые средства с целями, задачами и условиями общения. Например, *осУжденный, возбУждено, звОнит, средствА, умышленн[аго] убийств. Предоставить сведения в электронном виде согласно приложения. Вчера, буквально сегодня... . Некоторым присутствующим повезло, что не присутствовали на данном мероприятии. Мотивировка от непонятной до вообще непонятной. После этого девушка вернулась обратно и попросила помощи у сотрудников полиции. Приметы подозреваемой, выдававшей себя за Снегурочку: без парика светло-русого цвета с косой (найден брошенным на лестничной клетке). Неизвестный гражданин был одет в черную кепку, малиновую куртку и брюки полосатого цвета. При первичном внешнем осмотре у потерпевшего была обнаружена закрытая черепно-мозговая травма. Подозреваемый укусил зубами потерпевшую. Подозреваемый доехал до сюда и совершил нападение.* Наблюдается тенденция формирования представления о необязательности речевого этикета в современном общении: *я извиняюсь; я дико извиняюсь; эй / ты / иди сюда.* Подобные коммуникативные неудачи связаны с отсутствием знаний разновидностей русского языка, речевых умений целенаправленного использования языковых средств при создании текста [1; 6].

Все юридические специальности являются коммуникативно ориентированными, так как для них взаимодействие с людьми является необходимой формой профессионального существования. А коммуникативная функция в условиях правового регулирования является одной из главных сторон деятельности сотрудника полиции. Поэтому сотрудник полиции должен в полной мере владеть культурно-речевой компетенцией (термин А. П. Сковородникова, который определяется как совершенное владение языком, как «совокупность знаний, умений и навыков, соответствующая высшему типу речевой культуры» [13. С. 6]). Теория типов речевой культуры разработана и описана

О. Б. Сиротининой [8], уточнения и конкретизация данной теории нашли отражение в работах И. А. Стернина [16]. Компоненты, критерии и признаки элитарного (высшего) типа речевой культуры подробно представлены в работах О. Б. Сиротининой А.П. Сковородникова И. А. Стернина, М. А. Лаппо [5; 8; 9; 10; 16].

А. П. Сковородников, Г. А. Копнина считают, что структура культурно-речевой компетенции состоит из следующих базовых компетенций: собственно языковая, коммуникативная, этико-эстетическая, а также общефилологическая, которая включает категории и понятия, необходимые для системного освоения всего культурно-речевого комплекса [13. С. 4]. Согласно предложенной ими концепции культурно-речевая компетенция включает в себя базовые речеведческие понятия: культура речи, нормы языка и речи, типы речевой культуры, риторический (речевой идеал), коммуникативные качества хорошей речи, постулаты речевого общения [13; 14].

«Значение комплекса речевых дисциплин, касающихся речевой культуры, становится решающим для формирования стиля жизни, который формируется через стиль мысли, стиль речи и воплощается в разных видах культурно-созидательной деятельности. Отсутствие речестилевого и культурноречевого образования означает общественную стагнацию» [1]. Необходимость развития и совершенствования культурно-речевой компетенции обучающихся очевидна, но, к сожалению, речевая подготовка в образовательных организациях системы МВД России, как правило, ограничена рамками курса «Русский язык в деловой документации» с установленным лимитом учебного времени в объеме 40 часов, который не позволяет качественно решать поставленные образовательные задачи по формированию и развитию речевой культуры обучающихся. К тому же «Русский язык в деловой документации» не дает целостного научного представления о видах речевой деятельности, речевых ситуациях профессионального общения; о видах делового общения, о видах и жанрах ораторской речи, об основных видах аргументов, о невербальной коммуникации; о критериях риторического текста, образе оратора, теории изобретения и расположения, о культуре ведения спора; о построении и произнесении публичной речи; о языке права, нормотворческой и юрислингвистической экспертной деятельности и так далее.

Наблюдается явное противоречие, заключающееся в том, что реализация современных требований, предъявляемых к уровню речевой культуры как значимому аспекту профессиональной подготовки сотрудника полиции, не обеспечивается в должной мере существующей системой речевой подготовки. «Как бы основательно ни преподавался русский язык, знание только системы языка оказывается недостаточным для формирования навыков целесообразной, уместной и красивой речи» [7. С. 206].

Необходима постоянная специальная работа в области формирования лингвистических знаний, речевых умений и риторических навыков, составляющих основу культурно-речевой компетенции.

Следует отметить, что формирование, развитие и совершенствование речевой культуры – это последовательный целенаправленный процесс, эффективность которого определяется комплексным подходом. Поэтому для формирования речевой культуры одной дисциплины недостаточно, так как «речевое (риторическое) воспитание не есть воспитание “контактности” или “коммуникабельности”, оно предполагает прежде всего философичность и образованность, ответственность за сказанное или написанное слово, нравственно-этическую основу поступков» [1].

В профессионализме сотрудника полиции особо выделяется умение построить и реализовать свое речевое воздействие таким образом, чтобы оно лучше всего соответствовало целям и задачам правоохранительной деятельности. Каждый специалист должен уметь высказывать свое мнение, пожелание, уметь разъяснить, доказывать, предупреждать, просить, призывать к действию, что требует сформированности компонентов речевой культуры: нормативного, этического, коммуникативного. Полагаем, что языковая подготовка сотрудников полиции, должна включать цикл специальных речеведческих дисциплин, например, «Русский язык и культура речи», «Риторика», «Язык права», «Юридическая лингвистика», «Юрислингвистическая экспертиза», «Язык и стиль процессуальных документов» и др., что позволит направить усилия на формирование, укрепление, расширение речевой культуры. Только последовательная, целенаправленная речевая подготовка позволит сформировать практически необходимую культурно-речевую компетенцию. Только совокупность этих усло-

вий позволит обеспечить формирование культурно-речевой компетенции.

Уверенное владение родным языком, способность быстро понимать речь окружающих и грамотно реагировать на нее, умение ясно излагать свои мысли в устной и письменной форме необходимы специалисту в любой области. А сотруднику полиции требуется не просто знание языка, владение им, но и умение на этом языке высказать суть, содержание своей позиции, уметь отстоять свою точку зрения, обосновать, защитить или обвинить. Процесс подготовки к профессиональной правоохранительной деятельности неразрывно связан с культурой, причем в самом широком смысле этого слова с культурой как формой социальной жизнедеятельности, как общественным способом бытия, как мировоззрением и совокупностью взглядов и норм поведения. Для формирования культурно-образной личности курс русского языка использует только ему присущие средства освоения и преобразования действительности, опираясь при этом на общечеловеческие и духовные ценности, влияет на разные стороны личности, на нравственные, психологические, физиологические качества, тем самым целенаправленно воздействуя на личность. Следовательно, данный курс в образовательных организациях системы МВД России дает уникальные возможности формировать идеальное сознание будущих специалистов.

Таким образом, комплексный подход к формированию, развитию и совершенствованию речевой культуры в процессе профессиональной подготовки сотрудника полиции необходим для решения практической задачи формирования культурно-речевой компетенции. Без культурно-речевой компетенции невозможна эффективная профессиональная коммуникация, так как речеведческие дисциплины не только обогащают духовный и интеллектуальный мир обучающихся, вызывая их собственное развитие и самосовершенствование, но и являются оптимальным средством подготовки компетентного специалиста, обладающего необходимыми и достаточными качествами для осуществления эффективной профессиональной деятельности.

Список литературы

1. Аннушкин, В. И. Русские классические учения о речи: история и современность

/ В. И. Аннушкин. – URL: http://www.pereplet.ru:18000/text/annushkin_7.html.

2. Воронцова, Ю. А. Особенности преподавания русского языка в юридическом вузе / Ю. А. Воронцова, Е. Ю. Хорошко // Методический и лингвистический аспекты преподавания филологических дисциплин в высших профессиональных учебных заведениях : сборник материалов межвузовского научно-практического семинара. – Орел, 2010. – С. 53–56.

3. Воронцова, Ю. А. Русский язык для юристов (практический курс) : учеб/ пособие / Ю. А. Воронцова, Е. Ю. Хорошко. – Белгород, 2012. – 176 с.

4. Караулов, Ю. Н. О состоянии русского языка современности / Ю. Н. Караулов. – М., 1991. – 57 с.

5. Лаппо, М. А. Кого можно назвать носителем элитарной речевой культуры? / М. А. Лаппо // Культура речи. – 2014. – № 4. – С. 67–72.

6. Мустайоки, А. Разновидности русского языка: анализ классификации / А. Мустайоки // Вопросы языкознания. – 2013. – № 5. – С. 3–21.

7. Новикова, Т. Ф. Региональная специфика курса культуры речи / Т. Ф. Новикова // Современные тенденции функционирования русского языка и культура речи вузовского преподавателя : в 2 ч. – Белгород, 2006. – Ч. 2. – С. 206–211.

8. Сиротинина, О. Б. Устная речь и типы речевых культур / О. Б. Сиротинина // Русистика сегодня. – М., 1995. – № 4. – С. 3–21.

9. Сиротинина, О. Б. Элитарная речевая культура / О. Б. Сиротинина // Хорошая речь. – Саратов, 2003. – С. 222–228.

10. Сковородников, А. П. Об элитарном (полнофункциональном) типе речевой культуры и культуре речи / А. П. Сковородников // Мир русского слова. – 2008. – № 2. – С. 51–59.

11. Сковородников, А. П. Из материалов к учебному словарю-справочнику «Эффективная речь» / А. П. Сковородников, А. Г. Копнина // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. supplement. – 2009. – № 2. – С. 122–131.

12. Сковородников, А. П. Модель культурно-речевой компетенции студента высшего учебного заведения / А. П. Сковородников, Г. А. Копнина // Журнал Сибирского федерального университета. – 2009. – № 2. – С. 5–18.

13. Сковородников, А. П. О культурно-речевой компетенции студента высшего учебного заведения / А. П. Сковородников, Г. А. Копнина

на //Филологические науки. – 2009. – № 3. – С. 3–15.

14.Сковородников, А. П. О формировании речевой культуры студента высшего учебного заведения (в аспекте компетентностного подхода) / А. П. Сковородников, Г. А. Копнина // Мир науки, культуры, образования. – 2008. – № 4 (11). – Раздел 3. Филология. Искусствоведение. – С. 30–34.

15.Срезневский, И. И. Об изучении родного языка вообще и особенно в детском возрасте / И. И. Срезневский. – М., 2010. – 120 с.

16.Стернин, И. А. Типы речевых культур / И. А. Стернин. – Воронеж, 2013. – 23 с.

17.Хомский, Н. Язык и мышление / Н. Хомский. – М., 1972. – 126 с.

18.Hymes, D. On Communicative Competence / D. Hymes // Sociolinguistics/ J. B. Pride, J. Holmes (eds.). – Harmondsworth: Penguin, 1972. – P. 269–293.

Сведения об авторах

Воронцова Юлия Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Белгородского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации.

vorontsova73@mail.ru

Хорошко Елена Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Белгородского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации.

e-letto@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 10 (365).

Philology. Arts. Issue 95. Pp. 39–44.

FORMATION, DEVELOPMENT AND MASTERING OF SPEECH CULTURE DURING PROFESSIONAL TRAINING OF POLICE OFFICERS

Yu. A. Vorontsova

Department of humanitarian and socio-economic disciplines Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. vorontsova73@mail.ru

E. Yu. Khoroshko

Department of humanitarian and socio-economic disciplines Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. e-letto@mail.ru

The article deals with the speech culture as an important component of effective professional communication. Speech culture is an important aspect of professional training of police officers. The conclusion is that complex approach to the formation, development and mastering of speech culture is required for development of speech cultural competence.

Keywords: *competence, speech culture, speech cultural competence, methods of teaching.*

References

1. Annushkin V.I. *Russkie klassicheskie ucheniya o rechi: istoriya i sovremennost'* [Russian classical schools of thought: history and contemporaneity]. Available at: http://www.pereplet.ru:18000/text/annushkin_7.html, accessed 16.01.2015. (In Russ.).

2. Vorontsova Y.A., Khoroshko E.Y. Osobennosti prepodavaniya russkogo yazyka v yuridicheskom vuze [Peculiarities of teaching Russian language in the law institute]. *Metodicheskiy i lingvisticheskiy aspekty prepodavaniya filologicheskikh distsiplin v vysshikh professional'nykh uchebnykh zavedeni-*

yakh: sbornik materialov mezhvuzovskogo nauchno-prakticheskogo seminara [Methodological and linguistic aspects of teaching philological disciplines at higher professional educational institutions: the collection of materials of interuniversity scientific-practical seminar], Orel, 2010, pp. 53–56. (In Russ.).

3. Vorontsova J.A., Khoroshko E.Y. *Russkiy yazyk dlya yuristov (prakticheskiy kurs) : uchebnoe posobie* [Russian language for lawyers (practical course) : work-book], Belgorod, 2012, 176 p. (In Russ.).

4. Karaulov M.A. *O sostoyanii russkogo yazyka sovremennosti* [On Russian Language of Modern Times]. Moscow, 1991, 57 p. (In Russ.).

5. Lappo M.A. Kogo mozno nazvat' nositelem elitarnoy rechevoy kul'tury? [Who can be called a bearer of elite speech culture?]. *Kul'tura rechi* [Speech culture], 2014, № 4, pp. 67–72. (In Russ.).

6. Mustayoky A. Raznovidnosti russkogo yazyka: analiz klassifikatsii [Russian language varieties: classification analysis]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Issues of linguistics], 2013, № 5, pp. 3–21. (In Russ.).

7. Novikova T.F. Regional'naya aspektizatsiya kursa kul'tury rechi [Regional aspectizing of speech culture course]. *Sovremennye tendentsii funktsionirovaniya russkogo yazyka i kul'tura rechi vuzovskogo prepodavatelya* [Contemporary tendencies in russian language functioning and speech culture of academics]. Belgorod, 2006, part 2, pp. 206–211. (In Russ.).

8. Sirotinina O.B. Ustnaya rech' i tipy rechevykh kul'tur [Oral speech and speech culture types]. *Rusistika segodnya* [Russian philology today], Moscow, 1995, № 4, pp. 3–21. (In Russ.).

9. Sirotinina O.B. Elitarnaya rechevaya kul'tura [Elite speech culture]. *Khoroshaya rech'* [Good speech]. Saratov, 2003, pp. 222–228. (In Russ.).

10. Scovorodnikov A.P. Ob elitarnom (polnofunktsional'nom) tipe rechevoy kul'tury i kul'ture rechi [On elite (fully functional) type of speech culture and culture of speech]. *Mir russkogo slova* [World of russian words], 2008, № 2, pp. 51–59. (In Russ.).

11. Scovorodnikov A.P., Kopnina A.G. Iz materialov k uchebnomu slovaryu-spravochniku «Effektivnaya rech'» [Revisiting information to the learner's dictionary – reference book “Effective speech”]. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. Supplement*, 2009, № 2, pp. 122–158. (In Russ.).

12. Scovorodnikov A.P., Kopnina A.G. Model' kul'turno-rechevoy kompetentsii studenta vysshego uchebnogo zavedeniya [College student's model of speech cultural competence]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta (spetsvypusk «Kul'tura rechevogo obshcheniya»)* [Journal of siberian federal university (the special edition of the “culture of communication”)], 2009, № 2, pp. 5–18. (In Russ.).

13. Scovorodnikov A.P., Kopnina A.G. O kul'turno-rechevoy kompetentsii studenta vysshego uchebnogo zavedeniya [On college student's speech cultural competence]. *Nauchnye doklady vysshey shkoly «Filologicheskie nauki»* [Scientific papers of higher school “philological sciences”], 2009, № 3, pp. 3–15. (In Russ.).

14. Scovorodnikov A.P., Kopnina A.G. O formirovani rechevoy kul'tury studenta vysshego uchebnogo zavedeniya (v aspekte kompetentnostnogo podkhoda) [On formation of college student's speech culture (in the aspect of competency building approach)]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniy. Razdel 3. Filologiya. Iskusstvovedenie* [The world of science, culture, education. Part 3. Philology. Study of Art], 2008, № 4 (11), pp. 30–34. (In Russ.).

15. Sreznevsky I.I. *Ob izuchenii rodnogo yazyka voobshche i osobenno v detskom vozraste* [On learning of native language in general and particularly in childhood]. Moscow, 2010, 120 p. (In Russ.).

16. Sternin I.A. *Tipy rechevykh kul'tur* [Speech culture types]. Voronezh, 2013, 23 p. (In Russ.).

17. Khomsky N. *Yazyk i myshlenie* [Language and thinking]. Moscow, 1972, 126 p. (In Russ.).

18. Hymes D. On Communicative Competence. *Sociolinguistics (Pride J.B., Holmes J. (eds.))*. Harmondsworth, Penguin, pp. 269–293.

УДК 811.1/.8
ББК 80/84

А. Ю. Гордиенко

УПОРЯДОЧЕННОСТЬ КАК ПРИНЦИП ОРГАНИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА МНОЖЕСТВА В ЕСТЕСТВЕННОМ ЯЗЫКЕ

Рассмотрена категория упорядоченного множества для английских существительных *variety*, *diversity*, *assortment*, *selection*, *range*, *series* и *set*, выделено три семантических типа упорядоченности. Выделение категории упорядоченности и разграничение ее по типам позволяет точнее описать различия в значениях данных языковых единиц.

Ключевые слова: упорядоченное множество, ограниченное множество, дистрибутивный анализ, семантика существительных, последовательность в расположении объектов.

Проблема выбора говорящим той, а не иной языковой единицы всегда была и остается актуальной в языковой коммуникации, являющейся основной средой и источником всего человеческого поведения. Эффективность языковой коммуникации во многом зависит от правильности выбора языковой единицы, а выбор языковой единицы определяется ее семантикой. В рамках семантической структуры языковой единицы выделяются семантические компоненты, или признаки, которые и различают значения сопоставляемых языковых единиц.

В настоящей статье предпринята попытка разграничить значения синонимичных языковых единиц, а именно английских слов *variety*, *diversity*, *assortment*, *selection*, *range*, *series* и *set* (вносящих информацию о множестве объектов, различающихся на основе существования каких-либо различий между ними в рамках этого множества). Разграничение, как показало исследование, производится на основании уточнения наличия/отсутствия в значениях данных слов признака упорядоченности. Под упорядоченностью понимается наличие некоторой закономерности (логического правила) в размещении объектов множества. В процессе исследования были также выделены типы упорядоченности – характер порядка существования объектов в рамках множества, что позволило точнее описать значения сопоставляемых языковых единиц.

Объекты будут считаться неупорядоченными, если в их распределении в рамках множества отсутствует какая-либо закономерность. Информация о неупорядоченности объектов в рамках множества может привноситься глаголом, в семантике которого содержится указа-

ние на «разбросанность» и отсутствие какой-либо закономерности (логики) в распределении объектов:

The kitchen table was strewn with a variety of products [1] – «Стол был завален разнообразными продуктами». (Ср. дефиницию глагола *strew*: *strew* – v. to scatter over a surface; to cover with scattered things, где элементы *to scatter* (раскидывать), *scattered* (разбросанный) приносят представление о неупорядоченности).

Как представляется, существительное *a series of* приносит представление об упорядоченности объектов, составляющих множество. Об этом свидетельствует, во-первых, то, что в ходе проведения исследования не были выявлены примеры, в которых данное существительное указывает на неупорядоченные объекты. Так, в рамках дистрибутивного анализа были проанализированы высказывания, в которых встречается данная именная группа (ИГ). Было определено, что во всех рассмотренных контекстах отсутствует признак, вносящий информацию о бессмысленности и хаосе в распределении объектов или явлений. Ср. типичные высказывания с ИГ *a series of*: *Language is governed by a series of conventions* [1] – «Языком управляют ряд условностей», *This theory was presented by a professor in a series of lectures* [1] – «Данную теорию профессор изложил в ряде своих лекций», где отсутствуют элементы, вносящие информацию о неупорядоченности событий или предметов. Для проверки вышеупомянутого предположения о том, что существительное *a series of* вносит информацию о наличии упорядоченных, связанных между собой объектов, информантам был предложен ряд высказываний, где ИГ *a series*

of используется вместе с глаголами, вносящими информацию о неупорядоченности в распределении объектов в рамках множества (например, глагол *to strew* – дефиницию данного глагола см. выше). Все эти предложения были оценены как неправильные, ср. **The kitchen table was strewn with a series of products*. Как представляется, невозможность употребления группы *a series of* в приведенном высказывании объясняется именно тем, что глагол *to strew* привносит представление о хаосе в распределении объектов, и данная информация вступает в противоречие с тем представлением об упорядоченности, которое вносит исследуемое существительное *a series of*.

Употребление глаголов, вносящих информацию, напротив, об упорядоченном распределении объектов, например, глагола *to line* в данном контексте представляется приемлемым, хотя и не предпочтительным, ср. *The kitchen table was lined with a series of products* – «На кухонном столе были разложены в ряд разнообразные продукты». Возможность употребления группы *a series of* в приведенном высказывании объясняется именно тем, что в семантике глагола *to line* содержится указание на геометрическую упорядоченность объектов (ср. дефиницию данного глагола: *line* – v. to arrange things in lines).

Таким образом, можно заключить, что в семантике существительного *a series of* присутствует компонент значения, вносящий информацию о существовании некоторого порядка в распределении объектов в рамках множества. Для того чтобы определить характер и особенности такого порядка, был проведен дистрибутивный анализ найденных в BNC словосочетаний с существительным *a series of* и на основании этого была выдвинута гипотеза, которая впоследствии нашла свое подтверждение (после проведения эксперимента с информантами).

Как представляется, в семантике существительного *a series of* заложена информация о временной последовательности в расположении объектов, то есть объекты следуют один за другим на оси времени. В высказывании *A series of leaflets has been published outlining some of the main issues of the WWF work* [1] – «Была опубликована серия листовок, освещающих основные аспекты работы WWF» привносится представление о том, что объекты (листочки) связаны между собой отношением временного следования одного объекта за другим (данный признак принадлежит контексту). Приведем

еще один пример: в предложении *Critics see it as the latest in a series of recent moves to curb internet freedom* [1] – «Критики считают это последней из ряда недавних мер по ограничению свободы в сети Интернет» вносится информация о наличии ряда мер/шагов, осуществляемых один за другим на шкале времени. (Ср. дефиницию слова (*the*) *latest*: *most recent*, то есть данное прилагательное, употребленное в превосходной степени, привносит представление о существовании других событий/явлений, происходящих ранее события/явления, на которое указывает данное прилагательное (*the*) *latest* = *последний*). Таким образом, события происходят в разные моменты времени, следуя одно за другим. В таких контекстах чаще всего и встречается исследуемое слово *a series of*. Ср. также *A series of prominent political figures visited Iraq during November* [1] – «Ряд известных политических деятелей посетил Ирак в ноябре». В данном высказывании *during November* указывает на период времени, в течение которого происходили события, следовавшие одно за другим. Ср., напротив, высказывание **People of East European capitals held a series of simultaneous rallies on Saturday afternoon* – «Люди из стран Восточной Европы провели ряд одновременных митингов в субботу днем», которое информанты оценили как неприемлемое, поскольку ИГ *a series of*, вносящая информацию о том, что события/объекты следуют одно за другим, вступает в противоречие с элементом контекста *simultaneous*, вносящем информацию, напротив, об одновременном течении событий или явлений. (Ср. словарное определение *simultaneous*: *existing, occurring, or operating at the same time*).

Существительное *range* также привносит представление об упорядоченном расположении объектов. Однако характер упорядоченности иной, чем в ИГ *a series of*. Как показало исследование, в семантике существительного *range* также содержится идея шкалы, но не временной (как для *series of*), а линейной (числовой). Порядок следования объектов на такой шкале определяется своими логическими правилами. Например, логическими правилами для расположения чисел вдоль числовой прямой являются отношения «больше», «меньше», «равно». В семантике слова *range* содержится указание на упорядоченное множество объектов, расположенных вдоль некоторой линейной шкалы. Такое множество объектов может быть не только упорядоченным, но и ограни-

ченным, поскольку представление о линейной шкале предполагает возможность выделения диапазона с четко обозначенными границами, в рамках которых расположены объекты. Так, в высказывании *The range of melting temperatures for paraffins is from 45°C to 52°C* [1] – «Диапазон температур плавления парафинов составляет от 45°C до 52°C» существительное *range* несет информацию о том, что рассматриваемый диапазон температур является не только упорядоченным, но и ограниченным. Ограниченность на температурной шкале задается с помощью предлогов *from ...to / om...do*.

Слово *variety* и другие исследуемые слова, в отличие от *range*, не употребляются для обозначения такого упорядоченного ограниченного множества, границы которого четко обозначены. Так, замена существительного *range* на *variety* в вышеприведенном высказывании приводит к появлению предложения, которое было оценено информантами как абсолютно неприемлемое: **It's available in a variety of from 2 inches to 6 inches in diameter* – «Данный предмет бывает в размере от 2 до 6 дюймов в диаметре», где предлоги *from... to* также задают идею фрагмента числовой шкалы, что и накладывает определенные ограничения на использование слова *variety* в данном высказывании. Существительные *assortment, set, series, selection* также не употребляются в таком контексте, где заложена информация об упорядоченном и четко ограниченном в пределах шкалы множестве, ср.:

*The assortment of melting temperatures for paraffins is from 45°C to 52°C,

*The set of melting temperatures for paraffins is from 45°C to 52°C,

*The series of melting temperatures for paraffins is from 45°C to 52°C,

*The selection of melting temperatures for paraffins is from 45°C to 52°C.

В пользу предложенной интерпретации значения слова *range* как содержащего указание на упорядоченное множество, объекты которого расположены вдоль некоторой шкалы, также свидетельствует характер сочетаемости данного существительного с прилагательными, в семантике которых содержится информация об ограниченности этой шкалы, например, *limited, narrow*. (Ср. дефиницию слова *limited*: *confined within limits; restricted or circumscribed* и словарное толкование прилагательного *narrow*: *limited in extent or space; limited in range or scope*, где элементы *confined within limits, lim-*

ited привносят представление о существовании неких пределов и границ, в рамках которых расположены объекты). В таких контекстах использование существительного *range* представляется вполне допустимым и правильным. Ср. *These theories describe a limited range of occurrences* [1] – «Эти теории описывают ограниченное количество вероятностей» или *It is clearly shown within a narrow range of geometrical parameters* [1] – «Это ясно показано на узком диапазоне геометрических параметров». В то же время при замене существительного *range* на существительное *variety* в данных контекстах информанты оценили полученные высказывания как абсолютно недопустимые, ср. **These theories describe a limited variety of occurrences* или **It is clearly shown within a narrow variety of geometrical parameters*. Так, существительное *variety* не употребляется не только для указания на фрагмент числовой шкалы (как мы видели выше), его употребление в словосочетаниях с прилагательными, вносящими информацию об ограниченности расположения объектов в пределах шкалы (*narrow, limited*), также невозможно.

Существительное *range* употребляется и для обозначения упорядоченного, ограниченного множества, границы которого могут быть и не заданы эксплицитно – такое множество можно назвать «размытым» с точки зрения обозначения его границ. Ср. *Reading schemes have been heavily criticized for a wide range of reasons* [1] – «Программы чтения беспощадно критиковались по целому ряду причин», где прилагательное *wide* вносит информацию о размере множества (объектов), в то же время может создаваться представление о существовании иной геометрии в расположении объектов – не в виде линии, а, например, круга. (Ср. дефиницию данного прилагательного: *wide – of great range or scope; embracing a great number or variety of subjects, cases*, где элементы *great range, great number* вносят информацию о большом количестве объектов). В таком контексте, где границы заданы размыто и в фокусе внимания большое количество объектов, на что указывает определяющее слово *wide*, замена существительного *range* на слово *variety* представляется вполне приемлемой, и даже предпочтительной, как указывают информанты – *Reading schemes have been heavily criticized for a variety of reasons*. Употребление остальных исследуемых существительных – *set, series, selection* – в таком контексте оценивается информантами как

абсолютно неприемлемое – **Reading schemes have been heavily criticized for a wide set of reasons.*

Таким образом, существительное *range* вносит информацию об упорядоченном, ограниченном в пределах шкалы множестве, границы которого могут быть обозначены эксплицитно (например, предложениями *from... to*) или могут быть размытыми и указывать на размеры множества (*wide, limited, narrow*). Если фрагмент шкалы задан четко числовыми значениями (*from... to*), или если информация об ограниченности шкалы вводится прилагательными *narrow, limited*, тогда замена на слово *variety* невозможна, поскольку в семантике этого существительного нет представления, во-первых, об упорядоченности множества объектов и, во-вторых, отсутствует идея фрагмента шкалы. И лишь в том случае, когда речь идет о размытом множестве объектов, границы которого существуют, но эксплицитно не заданы (об этом свидетельствует прилагательное *wide*, например), тогда слова *range* и *variety* становятся взаимозаменяемыми.

Исследуемое существительное *assortment* не маркировано по признаку упорядоченности. Так, в предложении *An assortment of flower pots was neatly arranged on the window sill according to their size* [1] – «Разнообразные цветочные горшки были аккуратно расставлены на подоконнике в соответствии с их размером» существительное *assortment* указывает на упорядоченные объекты в рамках множества. Однако эта информация об упорядоченности принадлежит контексту и привносится глаголом и наречием с семантикой «организованности» и системности: *neatly arranged*.

Слово *assortment* может также употребляться в контексте, где привносится информация о неупорядоченности объектов, составляющих множество: *The backcourt was rubbish and in a mess: an assortment of the abandoned furniture and fittings was dragged off and dumped there* [1] – «Задний двор был захламлен: туда была вытащена и свалена всякая мебель, крепежи к ней».

Таким образом, существительное *assortment* употребляется в контекстах, вносящих информацию как об упорядоченности, так и

неупорядоченности объектов, составляющих множество, что позволяет утверждать, что оно не маркировано по этому признаку.

Как показало исследование, объекты в рамках множества могут быть также упорядочены по функции, то есть в этом случае состав объектов множества соответствует определенной цели и назначению.

В семантике существительного *selection* заложена идея функционального назначения объектов множества. Для верификации данного утверждения информантам было предложено оценить высказывание, в котором присутствует представление о неосмысленном и бесцельном распределении объектов в рамках множества. Такое высказывание было оценено как неправильное, ср. **Absorbed in heavy thoughts he was automatically arranging a selection of pens and crayons in a row*. Некорректность употребления слова *selection* в данном контексте объясняется тем, что элемент *automatically* привносит идею о неосознанном и спонтанном выполнении действия (см. словарную дефиницию: *automatically – done unconsciously*), и данная информация противоречит тому представлению о целевом назначении объектов множества, которое привносит существительное *selection*.

Проведенный анализ исследуемых существительных на предмет наличия в их семантике выделенного признака упорядоченности и последующее выделение трех ее типов (ср. геометрия линии для слова *range*, временная последовательность для слова *series*, упорядоченность по функции для единицы *selection*) позволил разграничить и точнее описать значения исследуемых языковых единиц. Таким образом, следует признать, что введенная нами категория упорядоченного множества обладает описательной силой для интерпретации значения языковых единиц, в частности, исследуемых английских существительных *variety, diversity, assortment, selection, range, series* и *set*.

Список литературы

1. British National Corpus. – URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>. – Дата обращения: 20.10.2014.

Сведения об авторе

Гордиенко Анастасия Юрьевна – аспирант кафедры западноевропейских языков и переводоведения Института иностранных языков Московского городского педагогического университета.
kayun@inbox.ru

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 10 (365).
Philology. Arts. Issue 95. Pp. 45–49.*

**ORDER AS A PRINCIPLE OF ORGANIZING A NUMBER OF OBJECTS
IN NATURAL LANGUAGE**

A. Yu. Gordienko

*West European languages and theory of translation of Institute of foreign languages of the Moscow
city pedagogical university*

The article focuses on the category of an ordered number of objects for English nouns *variety, diversity, assortment, selection, range, series* and *set*, three semantic types of order have been described. The category of order and its three types helps better distinguish between meanings of the given substantives.

Keywords: *ordered number of objects, limited number of objects, distributional analysis, semantics of nouns, sequence of objects.*

References

1. British National Corpus. Available at: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>, accessed 20.10.2014.

УДК 811'1
ББК 81

Ю. А. Гурская

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ФАМИЛИЙ

Исследуется становление второго компонента антропонимической формулы в памятниках письменности Великого княжества Литовского XIV–XVI вв. Особое внимание уделяется социокультурным факторам, повлиявшим на формирование и развитие фамилий.

Ключевые слова: *фамилия, антропоним, антропонимическая формула, семейно-родовые связи, социолингвистика, ономастика.*

В ономастических исследованиях неоднократно отмечался комплексный характер ономастики. Имя собственное является сложным языковым знаком, обладающим особыми культурогенными возможностями. В онимии отражаются социальные, исторические, культурные факторы, которые не оставили уже следа в обычной лексике. В связи с этим ономастические данные все чаще начинают сопоставлять с результатами исторических, антропологических, культурологических, социологических исследований.

В статье предпринимается попытка рассмотреть влияние социокультурных факторов, а также существующей в социуме системы ценностей на процесс формирования фамилий. Материалом для исследования послужили памятники письменности Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ) XIV–XVI вв. [1; 3; 4; 5; 6].

Имя и фамилия, как особые типы языковых знаков, сопровождают человека на протяжении всей жизни и сохраняют память о нем после его смерти. Понятие *доброе имя* было известно уже в праиндоевропейской культуре, о чем свидетельствуют личные сложные имена со значением пожелательности, ср. др.-инд. *Su-namaṃ* «пусть он имеет доброе имя» [13. S. 115]. Позже данную функцию стала выполнять фамилия, которая идентифицирует человека в социуме и вместе с личным именем отличает его от других людей, являясь главным элементом в именовании человека. Во многих культурах фамилия рассматривается как носитель моральных ценностей человека, его семьи, а также целого рода, в силу чего является важнейшим элементом культуры.

Несмотря на фундаментальные исследования в области исторической антропонимии,

процесс возникновения и становления фамилий в социокультурном аспекте изучен недостаточно. Существенную роль в изучении формирования фамилий играет исследование антропонимической формулы, структура и состав которой складывались в течение длительного времени. Под антропонимической формулой понимается «определенный порядок следования различных видов антропонимов и номенов в официальном именовании человека данной национальности, сословия, вероисповедания в определенную эпоху» [9. С. 35].

В памятниках письменности чаще всего представлена расширенная формула именованья, включающая, помимо антропонимов, апеллятивные конкретизаторы, такие как указание на родственные связи именуемого, его социальное происхождение, род занятий, место рождения и/или проживания. В разные эпохи состав и порядок следования компонентов не были постоянными.

Как показывает исследованный материал, самыми продуктивными на территории белорусского ареала, входившего в состав Великого княжества Литовского, были двусоставные наименования. В документах XIV–XVI вв. отмечается процесс формирования пяти основных видов дополнительных наименований, от которых образовывались фамилии: 1) семейно-родовые с суффиксами *-ович/-евич/-ич, -еня/-аня, -ов/-ев, -ин*, указывавшие на родственные связи именуемого; 2) оттопонимические с суффиксом *-ский/-цкий*, характеризовавшие человека по месту жительства или владения населенным пунктом; 3) профессионально-должностные; 4) отпрозвищные, фиксирующие наиболее примечательные свойства человека; 5) заимствованные фамилии. Данные

именования имели социальную дифференциацию. Оттопонимические наименования с суффиксами *-ский/-цкий*, а также фамилии балтийского происхождения, образованные на базе сложных имен индоевропейского типа, были характерны для представителей привилегированных сословий. Отпрозвищные фамилии являлись типичными для низших социальных слоев и бедной шляхты.

Для исследования процесса формирования фамилий проанализируем: 1) наследование фамилии членами одной семьи в пределах одного и более поколений; 2) охват общей фамилией членов всей семьи; 3) принятие женой фамилии мужа; 4) охват общей фамилией представителей всего рода.

Истоки формирования разных типов фамилий прослеживаются в памятниках XIV–XV вв. Выявление наследования фамилий в данный период затруднено в связи со способами идентификации лиц в исторических документах, поскольку имена детей часто употреблялись вместе с именем и фамилией отца, однако фамилия не дублировалась при именах детей. Нужно также учитывать, что количество источников для разных эпох неодинаково. Меньше всего документов сохранилось с XIII и 1-й половины XIV в. Тем не менее проанализированные материалы позволяют проследить начало процесса наследования фамилий по отцу.

Как известно, наиболее древним типом дополнительного наименования в синтетической форме, оформленным суффиксами, являются патронимы. Морфологическим показателем патронимичности в рассмотренных памятниках были суффиксы субстантивной группы: а) *-ович/-евич; -ич/-иц; -инич* и б) адъективной группы: *-ин; -ов/-ев; -онок/-ёнок*.

Суффикс *-ич*, по мнению исследователей, является очень древним, восходит к прасл. **-itjъ*, который имел деминутивное значение и давал *Nominademinutiva* и *Nominapatronymica* [7. С. 43].

В ВКЛ наименования с суффиксом *-ич, -ович/-евич* не имели сословного ограничения, как в Московском государстве, ср. [10]. С помощью патронимов идентифицировались все слои населения: *доилды Жвилтовичи; пану Сенку Кгедикголдвичу; з мецан Прокоп Хотевич; слуги ... на имя Олизаровичи* [3. С. 52, 53, 71, 87].

Анализ значительного количества разных типов документов позволил уточнить и дополнить общее положение антропонимистов

о том, что в XV–XVII вв. второй член двучленной структуры наименования на *-ович, -евич* выполнял функцию патронима, то есть не являлся наследственным семейным наименованием. Так, в самой старшей «Переписи» ВКЛ 1528 г. зафиксировано около 13 060 шляхетских семей, среди которых выделяется десять крупнейших магнатских родов с дополнительным наименованием на *-ич/-ович/-евич*, которые являлись уже фамилиями: *Глебовичи, Ильиничи, Боговитиновичи, Зеновичи-Корсаки, Костевичи, Немировичи, Олельковичи, Пацевичи, Ходкевичи, Хребтовичи*.

Анализ источников одной и той же территории на разных хронологических срезах позволяет установить генеалогические ветви, подтверждающие раннюю фиксацию фамилий среди представителей шляхетского сословия. Например, в Литовской Метрике зафиксированы представители крупнейшего магнатского рода Зеновичей-Корсаков: пана *Юря Зеновьевича... отца его пана Ивана Зеновьевича; Ян Юревич Зеновевича*. В «Переписи» 1528 г. род Зеновьевичей представлен Иваном Михайловичем и Яцком Михайловичем Зеновьевичами, сыновьями Михаила Зеновьевича; сыновьями Ивана Зеновьевича – Богданом, Глебом и их матерью: *Иван Михайловичъ Зеновевича, Богданъ Ивановичъ Зеновевича, Глеб Ивановичъ Зеновевича; пани Ивановая Зеновевича*. Антропоним зафиксирован и в форме *Pluralia tantum* без личных имен: *тые ж вси Зеновевичи* [8. С. 52, 154], что свидетельствует о существовании в данный период наименований, передававшихся по наследству и охватывающих членов семьи.

Указание на то, что оним на *-ович/-евич* не является образованием от имени отца (отчеством), содержится и в наименованиях некоторых представителей менее известных родов: дворянин наш *Яцко Васильевичъ Копчевича... отцу его пану Василю Копчевичу* [3. С. 78].

Процесс утраты наименованиями на *-ович/-евич* первоначального патронимического значения выражается также в XV в. параллельной идентификацией одного и того же лица патронимом и его антропонимической основой: пан *Миколаи Радивил*, пан *Миколаи Радивилович* [3. С. 73], пан *Михаило Кезкаилович*, пану *Кезкаилу*, ср. пани *Кезкаиловои* [3. С. 20].

Данный тип фамилий в памятниках до XV в. составляет более 70 % двучленных наименований. Впоследствии их число увеличивается вплоть до середины XVI в.

После XVI в. начинают возрастать оттопонимические фамилии на *-ский*, образованные от названий местности. Увеличение частотности оттопонимического типа фамилий среди богатой шляхты совпадает с возрастанием политической, культурной роли данного сословия в государстве. С 1569 г. после объединения Польской Короны и ВКЛ в одно государство начинает утверждаться шляхетская демократия, в результате чего все представители этого сословия получили равные права перед законом, привилегии (освобождение от налогов), имели полную свободу голоса, право выбирать монарха.

В «Переписи» 1528 г. отмечается употребление оттопонимических фамилий на *-ский*, охватывающих два поколения: *Воитех Юревичъ Носиловъский, Янь а Станислав Воитеховичи Носиловский* [8. С. 54]. В данном документе зафиксировано 114 фамилий на *-ский* в форме *Pluralia tantum*, репрезентирующих целую семью или род, при которых опущены личные имена в качестве первого компонента, ср.: *земяне Поплавские; Турликовские, Бернатские, Патковские, Сутинские, Островские, Каменские, Горские, Оленские, Сивицкие, Корытенские, Чарнатские, Плиские, Пневские, Калимские, Залеские* и др. [8. С. 110]. Частотность данного типа фамилий значительно возрастает на юго-западе на территории белорусско-польского пограничья.

Наряду с более поздними синтетичными именованиями в памятниках XV – начала XVI в. зафиксированы оттопонимические дескрипции, выраженные описательным выражением с предлогом *з/с*, которые указывали на место проживания лица, выступая как важный идентификатор личности: *Клим Ловеико с Полоцка; Верещака зъ Смоленска; Барсоба з Каменца; Сташко Коморникъ з Высокого Двора; Миклашь з Белска* [6. С. 163]; *Прокопъ з Вретемя* [8. С. 342]. Спорадически в одном списке фиксируются параллельные формы именования лиц, происходивших из одной местности: *Миклашь Дорогичанинь / Олехно з Дорогичина; Костюшко Менянин / Ивашко Коннице з Менска* [6. С. 163–166].

В рассматриваемый период широко представлены также наименования лиц по месту рождения или проживания с формантами *-анин/-енин/-янин/-итин/-ец*. Данные единицы чаще стоят в постпозиции, однако употребляются иногда еще в сменяемых антропонимах. Наиболее частотны фамилии, образованные

от названий городов. *-анин: Яцыне Киянину; Мацьку Жолудчанину; Милошу Городнянину* [4. С. 35, 57, 60]; *-итин: Якову Москвитину* [3. С. 30]; *-ец: Ходьку Могилевъцу, Насонь Борановец; Фурьсу Браславъцу; Сеньку Мстиславцу; Григорю Новгородъцу, Петькови Керновъцу* [4. С. 54, 60, 122].

Несмотря на то, что фамилии отпрозвищного происхождения являются продуктом более позднего времени (XVII–XVIII вв.), отдельные наименования уже в конце XIV – начале XV в. функционировали как наследственные, другие выполняли функции прозвищ, обозначая представителей одного поколения, и со временем исчезли.

В «Переписи» 1528 г. отмечаются отпрозвищные фамилии представителей шляхетского сословия, которые распространяются на братьев и передаются далее одного поколения от отца к сыновьям. Так, фамилия магнатского рода Сапега восходит к родоначальнику боярину *Сапиге* 1440 из Смоленской земли, который упоминается в книгах Литовской Метрики в первые годы правления Казимира Ягеллончика. Фамилия *Сопега* впервые отмечена в документах XV в. на Смоленщине: *Богдан Сопежич* 1440 [3. С. 31]. В «Переписи» 1528 фиксируются: *пан Януш Сопега; Михаило Ивановичъ Сопега* [8. С. 52–53].

В XV в. отмечены также профессионально-должностные фамилии: *Янь Казночеи; Васку Стрелцу з братьею* [3. С. 42, 81]. Указание на род занятий в составе антропонимической формулы, послужившее основой для формирования профессионально-должностных фамилий, чаще отмечается при именовании людей незнатного происхождения. Данные апеллятивные конкретизаторы стоят в препозиции: *бортникъ Головачъ*, реже в постпозиции: *Мичипорец... кузнец; Бутюсу, осочнику* [3. С. 30, 23, 32].

В силу того что Великое княжество Литовское было многонациональным государством, в документах фиксируется значительное количество фамилий, заимствованных из европейских и неевропейских языков. Данные антропонимы отражают разную степень фонетической и морфологической адаптации к славянским языкам. Так, формант *-ович/-евич* фиксируется в памятниках письменности на всей территории ВКЛ, участвуя в образовании фамилий славянского, балтийского, татарского, еврейского происхождения: *Евневич* < лит. *Jaiŋnis* < *jáunas* «молодой»; *Солтановичъ* < *Салтан* < араб. *sultān*; *Шлом-ич* < *Шлома: Соломон; Мошк-ович*, ср.

Мовшович, Мошес, Москович <Mosé: Mouсей [11. С. 257]. Однако преобладал данный суффикс в фамилиях, образованных от славянских апеллятивов, а также в сочетании с именами православного вероисповедания.

Как известно, фамилии тесно связаны со структурой семьи, рода, которые в средневековье были основной общественной организацией. Особую политическую и экономическую роль в средневековье род и семья играли среди рыцарства, позднее шляхетского сословия. Сильная родовая организация отмечается в XVI в., когда рыцарство выступало на войне целыми родами. С усилением социальной и экономической роли шляхты в жизни государства в XVI в. представители одного рода выступали вместе не только в военных походах, но и в публичной жизни, поддерживали друг друга в хозяйственных делах, поэтому семейно-родовой тип именовании получил в средневековье наибольшее распространение. В XV–XVI вв. принадлежность к общему роду среди шляхты маркировалась чувством принадлежности к одному гербу, родовой легенде, в которой почетное место занимал основатель рода [12. Т. II. С. 121]. Значимость семейно-родовых связей находит отражение в документах, где в антропонимическую формулу активно вовлекаются термины родства, содержащие наименования членов семьи, близких и дальних родственников: *отец, дядек, сын, брат, братанич, пасынок, свекр, зять, швогер, мать, жона, сестра, дочка, невестка, удава, падчерица, дети*, ср.: *Петрь Володкевич и з братаничом Мателем и з дядкомъ своимъ Кзабриалом* [8. С. 60].

Как уже было отмечено, фамилии выполняли особые функции: идентифицирующую, объединяющую всех членов семьи, рода, маркирующие принадлежность к «своим» в отличие от «чужих». Данные функции находят отражение в документах с помощью наименований в форме *Pluralia tantum*, свидетельствующих об охвате общей фамилией братьев: *Левъковичомъ двумъ, Петру а Сидору; Гаврило з братом Ивашком Гарбузовы; Воловичи шесть братьов* [8. С. 52, 61, 95, 99].

В XV в. в Литовской Метрике зафиксированы изолированные наименования в плюральной форме без личных имен, указывающие на охват единой фамилией целой семьи и/или рода: *бояромъ витебскимъ ... Ольферевичомъ, Ильиничомъ, Володьковичомъ, Дашковичомъ, Немировичомъ, ... Милошевичомъ* [4. С. 109]. Об охвате единой фамилией представителей

одной семьи свидетельствуют лексемы *все, разом: тые ж вси Зеновевичи ... разом; Лавринецъ Томъковичсам; Ян Томъкович сам; с тыхвсих 3 кони* [8. С. 52, 61, 95, 99, 118].

Охват единым наименованием представителей одной семьи, рода, который первоначально засвидетельствован среди княжеских и шляхетских родов, постепенно получил распространение среди низших социальных слоев, ср.: *Журидовичи, кожемяки; две семьи: Голухастов семью, на имя Ходыку, а Лихолажю; 20 человек на имя Жворбоничи; Лецевичов 5 семеи; семья Хожавчичи, братеники* [3. С. 23, 34, 51, 53].

Принятие женой фамилий мужа с суффиксами *-ский/-цкий* зафиксировано в XV в. среди княжеских родов, а также представителей шляхетского сословия. Распространение фамилии мужа на жену отмечено среди всех рассмотренных типов формирующихся фамилий: *кнегини Мари Семеновои Гольшанскои* [3. С. 26]; *пани Станьковая Довъкшевича Барбара* [5. С. 265]; *пани Станиславовая Кондратовича, пани Марина* [5. С. 284]; *пани Кезкаиловои* [3. С. 30]; *пани Шедиборовои* [3. С. 55]; *Иванова жона Совина Анна* [5. С. 67].

Активное развитие системы наименований в антропонимической формуле тесно связано со становлением и развитием государства, его социальных и правовых структур. Расширение экономических связей внутри страны, социально-экономическое развитие государства способствовало формированию правовой системы, которая со второй половины XIII в. складывалась на основе местного обычного права, правовых актов государственных и судебных органов в ВКЛ. В этот период наряду с архаичным правом начинает развиваться письменное право, зафиксированное в грамотах. Высшей ступенью законодательства в государстве стал изданный на старобелорусском (западнорусском) языке Статут Великого княжества Литовского 1529 г., который является первым в Европе сводом законов, разработанным на основе местного права [2. С. 50].

На совершенствование деловой документации государства и формирование строгой системы наименований в рамках антропонимической формулы оказывало влияние и расширяющаяся внешнеполитическая деятельность ВКЛ, требующая четкой фиксации в документах политических отношений деятелей Великого княжества Литовского с представителями Польши, Пруссии, Московского княжества,

Ливонского ордена и Крымского ханства.

Таким образом, к XV – началу XVI вв. в документах прослеживаются истоки сложного и длительного процесса формирования фамилий. Второй компонент антропонимической формулы приобретает функции фамилии и становится основным в идентификации личности.

Рассмотренные в памятниках письменности конца XIV – начала XVI вв. дополнительные наименования, зафиксированные в качестве второго и третьего компонентов, постепенно приобретали базовые характеристики, присущие современным фамилиям. На формирование фамилий оказывали влияние как лингвистические, так и экстралингвистические факторы, важнейшими из которых были социально-экономическое развитие государства, а также существовавшая в обществе система семейных обычаев и традиций, представление о фамилии как важнейшем культурном наследии семьи и целого рода.

Список литературы

1. Акты, издаваемые Археографическою Виленскою комиссией для разбора древних актов : в 39 т. – Вильна, 1888. – Т. 14. – 703 с.
2. Грыцкевіч, А. Дзяржаўныя палітычны лад / А. Грыцкевіч // Вялікакняства Літоўскае : Энцыклапедыя : у 2 т. – Мінск, 2005. – Т. 1. – С. 40–50.
3. Литовская метрика. – Вильнюс: Ин-т истории Литвы, 1998. – Кн. 3. – 162 с.
4. Литовская метрика. – Вильнюс: Ин-т истории Литвы, 1998. – Кн. 4. – 285 с.
5. Литовская метрика. – Вильнюс: Ин-т истории Литвы, 1998. – Кн. 5. – 285 с.
6. Литовская метрика. – Вильнюс: Ин-т истории Литвы, 1998. – Кн. 8. – 708 с.
7. Мартынов, В. В. Праславянская и балтославянская суффиксальная деривация имен / В. В. Мартынов. – Минск, 1973. – 58 с.
8. Перапісвойска Вялікакняства Літоўскага 1528 года / падрыхт. А. І. Груша, М. Ф. Спірыдонаў, М. А. Вайтовіч. – Мінск, 2003. – 442 с.
9. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М., 1978. – 200 с.
10. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ / А. М. Селищев // Избранные труды А. М. Селищева. – М., 1968. – С. 97–128.
11. Унбегаун, Б. О. Русские фамилии : пер. с англ / Б. Унбегаун. – М., 1989. – 440 с.
12. Bystroń, J. S. Dzieje obyczajów w dawnej Polsce: wiek XVI – XVIII : w 2 t. – Warszawa: Panstw. Inst. Wydaw, 1960. – Т. 2. – 625 s
13. Milewski, T. Indoeuropejskie imiona osobowe / T. Milewski. – Wrocław: Zakł. Nar. Im. Ossolińskich, 1969. – 228 s.

Сведения об авторе

Гурская Юлия Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры культуры речи и межкультурных коммуникаций Белорусского государственного педагогического университета им. Максима Танка.

julia.gurskaja@mail.ru

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 10 (365).
Philology. Arts. Issue 95. Pp. 50–55.*

LINGUISTIC AND CULTURAL FOUNDATIONS OF SURNAME FORMATION

J. A. Gurskaja

Belarusian state pedagogical university of Maxim Tank. julia.gurskaja@mail.ru

The article investigates the formation of the second component of the anthroponymic formula in the written records of the Grand Duchy of Lithuania XIV – XVI centuries. Special consideration is given to social and cultural factors that influenced the formation and development of surnames.

Keywords: *surnames, anthroponym, anthroponymic formula, family and tribal ties, sociolinguistics, onomastics.*

References

1. *Akty, izdavaemye Archeograficheskoju Vilenskoju komissiej dlja razbora drevnih aktov* [Acts issued by the Archeological Commission Vilna to parse the ancient acts]. Vil'na, 1888, vol. 14. 703 p. (In Russ.).
2. Gryckeovich A. Dzjarzhaŭnyi palitychny lad [State political system] *Vjalikaeknjastva Litoŭskae* [Grand Duchy of Lithuania]. Minsk, 2005, Vol. 1, pp. 40–50. (In Belarusian).
3. *Litovskaja metrika* [Lithuanian metric]. Vil'njus, 1998, vol. 3. 162 p. (In Russ.).
4. *Litovskaja metrika* [Lithuanian metric]. Vil'njus, 2004, vol. 4. 285 p. (In Russ.).
5. *Litovskaja metrika* [Lithuanian metric]. Vil'njus, 1993, vol. 5. 285 p. (In Russ.).
6. *Litovskaja metrika* [Lithuanian metric]. Vil'njus, 1993, vol. 8. 708 p. (In Russ.).
7. Martynov V.V. *Praslavjanskaja i balto-slavjanskaja suffiksals'naja derivacija imen* [Proto-Slavic, and Balto-Slavic suffix derivation names]. Minsk, 1973. 58 p. (In Russ.).
8. *Perapisvojska Vjalikagaknjastva Litoŭskaga 1528 goda* [Grand Duchy of Lithuania 1528]. Minsk, 2003. 442 p. (In Russ.).
9. Podol'skaja N.V. *Slovar' russkoj onomasticheskoj terminologii* [Dictionary Russian onomastic terminology]. Moscow, 1978. 200 p. (In Russ.).
10. *Proishozhdenie russkih familij, lichnyh imen i prozvišč* [Origin of Russian names, personal names and nicknames] *Izbrannye trudy A.M. Selishheva* [Selected works of A.M. Selishchev]. Moscow, 1968, pp. 97–128. (In Russ.).
11. Unbegaun B.O. *Russkie familii* [Russian surnames]. Moscow, 1989. 440 p. (In Russ.).
12. Bystron J.S. *Dzieje obyczajów w dawnej Polsce: wiek XVI–XVIII* [The history of manners in the old Poland: age XVI–XVIII]. Warszawa, Państw. Inst. Wydaw, 1960, vol. 2. 625 p. (In Polish).
13. Milewski T. *Indoeuropejskie imiona osobowe* [Indo-European personal names]. Wrocław, Zakł. Nar. Im. Ossolińskich, 1969. 228 p. (In Polish).

УДК 811.133.1
ББК 80/84

С. М. Давлетшина

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УПРАВЛЯЕМЫХ ПОСЕССИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Рассматривается одно из средств выражения посессивности во французском языке – управляемые именные сочетания с предлогами *de*, *à*, *avec*. Характерной особенностью таких сочетаний является свернутая предикативность, которая позволяет отделять посессивные семы от непосессивных. Предлог *de* является доминирующим в передаче семантики притяжательности.

Ключевые слова: *посессивность, семантика предлогов, семный анализ, латентный предикат.*

В реализации семантики посессивности во французском языке большую долю выразительных средств составляют номинативные сочетания. Управляемые посессивные конструкции представляют собой сочетание двух неравноправных существительных, связанных предлогом. Данные конструкции служат для выражения статики притяжательных отношений и могут выражать как отношение обладания, так и отношение принадлежности. Управляемые посессивные конструкции служат для передачи собственно посессивных отношений, но могут также передавать семантику притяжательности как сопутствующую информацию.

Наиболее употребительны во французском языке именные предложные конструкции с предлогами *de*, *à* и *avec*.

Целью данной статьи является анализ подобных конструкций с точки зрения выражения ими посессивных отношений.

В современной отечественной лингвистике наибольшее количество сторонников насчитывает теория, согласно которой предлоги рассматриваются как служебные слова. Существование разнообразных лексико-семантических характеристик предлогов объясняется неоднозначным толкованием класса служебных слов. Сторонники классификации предлогов как элементов, предназначенных для связи слов в сочетаниях и предложениях, не отрицали их лексической содержательности. Так, Ф. Ф. Фортунатов, хотя и считал, что предлоги «выражают в самостоятельных предметах мысли данные отношения их к другим предметам», тем не менее, признавал, что они «оз-

начают нечто... в значениях полных слов как частей предложения» [7. С.170].

В. В. Виноградов также отмечал наличие лексического значения у предлогов, подчеркивая, что оно может быть выражено в различной степени [1. С. 677]. А. И. Смирницкий полагает, что все служебные слова характеризуются хоть и ослабленным, но все же собственным лексическим значением [4. С. 361].

Таким образом, существуют две основные точки зрения, с позиций которых могут проводиться описания предлогов:

- 1) семантическая – с точки зрения выражаемых предлогами внеязыковых отношений;
- 2) синтаксическая – с точки зрения выполняемой предлогом роли как чисто синтаксического средства.

Тем не менее, даже исследователи, склонные считать основной функцией предлогов обеспечение связи, не отрицают известной семантической наполненности предлогов.

Г. А. Тер-Авакян отмечает, что некоторые значения предлогов проявляются «только при определенных семантических соотношениях между компонентами предложного сочетания» [5. С. 39].

К. Тогебю тоже обращает внимание на влияние контекста в определении семантики именного словосочетания с предлогом *de*, «*la plus fréquente et la plus abstraite des prépositions françaises*» [11. С. 39]. Подразделяя предлоги на обязательно связанные со следующими за ними существительными (*prépositions conjointes*) и не связанные (*prépositions disjointes*), он относит к числу первых предлоги *de*, *à*, *en*, *par*, *entre*, *vers*, *parmi*, *dès*, *chez*, а такие

предлоги, как *pour, contre, selon, sans, derrière, devant, avant, après, avec*, он считает способными выступать в функции наречного дополнения или предикатива.

Предлог *de* французского языка, «*la seule préposition vide de la langue française*» [8. С. 25], способен выражать самые разные типы отношений между компонентами словосочетания.

Л. Теньер относит предлог *de* к классу неполнозначных, семантически пустых слов – транслятивов, основной функцией которых является изменение категории полнозначных слов. Так, в сочетании *le rire d'enfant* «*le*» и «*de*» являются транслятивами, превращая глагол *rire* в существительное «смех», а существительное *enfant* – в относительное прилагательное «детский».

Компонентный анализ предлога *de* демонстрирует его способность выражать самые разные типы отношений между компонентами словосочетания. Среди множества значений, передаваемых предлогом *de*, отмечаем сему «принадлежность». Традиционно предлог *de* считается одним из средств выражения посессивности.

К. Тогебю считает, что сочетание «*de* + имя существительное» соответствует генитиву, в том числе посессивному, в этом случае он имеет значение «*qu'a*» [11. С. 50].

Г. Гийом полагает, что серия значений предлога *de* «замкнута в одном направлении реальным значением принадлежности, но не имеет предела в другом, выливаясь в бесконечный ряд производных от значения принадлежности смыслов, не поддающихся никакому прогнозированию» [9. С. 48]. Так, в словосочетании *le livre de l'enfant* значение реального обладания сообщается определенным артиклем, в то время как в конструкции *le livre d'enfant* значение обладания виртуально, что подтверждается грамматически – отсутствием артикля. Единственным ограничением на употребление именной предложной модели является требование представления субъекта в 3 лице.

Конструкции с предлогом *de* способны выражать оба типа посессивных отношений – значение принадлежности *O de P* (*le vélo du voisin* «велосипед соседа») и отношение обладания *P de O* (*le maître du vélo* «хозяин велосипеда»). При этом следует отметить преобладающее употребление посессивных конструкций, выражающих отношение принадлежности, в силу ограниченного набора имен с семантикой «посессор»: *propriétaire, possesseur, maître, hôte*.

Еще одним типом именных групп являются конструкции с несогласованным беспредложным определением. Французский язык строит по этому типу как конструкции цвета, так и сочетания иной семантики: *chemisier lilas* «рубашка сиреневого цвета», *col style polo* «воротник в стиле поло», *shirt style collègue* «рубашка в школьном стиле». На эту тенденцию к экономии средств выражения обратил внимание в числе первых Л. Теньер, определяя ее как смену категориального значения полнозначных слов без помощи транслятивов. Такие сочетания, как *boulevard Gambette, tour Eiffel*, относятся к типу конструкций, соединенных с помощью примыкательной связи.

Для французского языка характерны некоторые виды именных групп, значение которых связано с отношением лицо–признак, лицо–оценка. Так, среди конструкций с предлогом *de* выделяется аппозитивное сочетание, построенное по инвертированной схеме: семантически центральный элемент в нем присоединяется предлогом: *la ville de Paris* «город Париж»; *cette marmotte de Rose* «эта соня Роза»; *ce cochon de Burle* «эта свинья Бюрль». Эта конструкция часто встречается во всех стилях речи, она охватывает определенные семантические типы сочетаний – географические названия и оценочные выражения, относящиеся, в первую очередь, к лицам.

Именные предложные сочетания содержат латентный предикат, восстановление которого помогает отделить посессивные семы от непосессивных. Так, не представляется возможным толковать словосочетание *le fauteuil du grand-père* «кресло дедушки» однозначно как *le fauteuil appartenant au grand-père* «кресло, принадлежащее дедушке». Возможны такие семы, как *le fauteuil où le grand-père s'installait habituellement* «кресло, в котором обычно сидел дедушка» или *celui qui me rappelle l'histoire relative à mon grand-père* «то, которое напоминает мне историю, связанную с дедушкой». Так, объект обладания *fauteuil* «кресло» функционирует как показатель неограниченного набора возможных контекстов. А обозначение конкретного посессора *grand-père* «дедушка» позволяет выбрать один из них, единственно возможный в данной ситуации.

Синонимом конструкции *N1 de N2* является модель типа *N1 à N2*, которая также отражает подчинительные отношения между главным и зависимым компонентами сочетания. Именные сочетания с предлогом *à* употребительны

в современном французском языке и обнаруживают способность передавать основные типы внеязыковых отношений. Предлог *à*, соединяющий существительные, обладает полисемантической структурой. Некоторыми исследователями признается способность предлога *à* выражать, среди прочих, посессивные отношения [2].

Существует и другая точка зрения, сторонница которой Т. П. Ильина утверждает, что в современном французском языке посессивное значение практически не передается с помощью этого предлога. Вследствие этого отношения, выражаемые предлогом, интерпретируются как косвенно-объектные [3. С. 16].

Сочетания вида N1 *à* N2 могут выражать как отношения принадлежности O *à* P (*le fils à papa* «маменькин сынок»), так и отношения обладания P *à* O (*l'homme à barbe* «человек с бородой»). Несомненно, реализация такого типа конструкций зависит от семантики компонентов посессивных отношений. Так, модель P *à* O имеет скорее характеризующее значение, если объект обладания находится в отношении неотчуждаемой принадлежности посессору. Следовательно, в этом случае имя объекта обладания чаще сопровождается какими-либо определителями. Трудно вообразить сочетание * *la femme au profil* букв. «женщина с профилем» или * *la fleur à pétales* букв. «цветок с лепестками», в то время как конструкции, содержащие квалификатор (*la femme au profil noble* «женщина с благородным профилем») или квантификатор (*la fleur à huit pétales* «цветок с восемью лепестками»), широко употребительны. Мы рассматриваем подобные конструкции как характеризующе-посессивные, выражающие значение принадлежности как сопутствующее, следовательно, несобственно посессивные. Если в сочетаниях типа P *à* O объект обладания находится в полуотторжимой (*homme à moustaches*) или отчуждаемой (*dame aux camélias*) собственности посессора – лица, то данная конструкция выражает чисто посессивную семантику.

Другой тип посессивных отношений, выражаемый с помощью маркера *à* – O *à* P, также требует соблюдения некоторых условий употребления. Так, субъект данного отношения чаще всего бывает представлен антропонимом, хотя, по мнению К. Тогебю, употребление предлога *à* перед именами лиц является характерным для разговорной речи [11. С. 50]. Возможно, по этой причине частотность кон-

струкций O *à* P в литературной речи низка и ограничивается, как правило, фразеологическими единицами: *la barque à Caron* (букв. лодка Харона) «смерть», *le fils à papa* «маменькин сынок».

Конструкция N1 *à* N2 может быть отождествлена с конструкцией, содержащей посессивный маркер «avec» – N1 avec N2. Однако Б. Потье противопоставляет эти два предлога, объясняя семантическую оппозицию *à/avec* тем, что *avec* выражает окказионально возникающие связи, а предлоги *à* и *de* – постоянные отношения. Автор иллюстрирует свое утверждение следующими примерами: *T'as vu la dame avec le gros chien?* (A+B) *T'as vu la dame au gros chien?* (A← → B) [10. С. 238].

Следует отметить, что в сочетании N1 avec N2 объекты посессивного отношения никак не связаны друг с другом, они лишь соположены. Компонентный анализ предлога *avec* подтверждает, что для конструкции N1 avec N2 нехарактерно выражение собственно посессивных отношений.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что конструкции, соединенные посессивными маркерами *de* или, в редких случаях, *à* и *avec*, представляют собой сложные знаки, образованные комбинацией простых знаков.

Посессивные отношения преимущественно передаются во французском языке биномиальной конструкцией N1 *de* N2. Менее регулярно посессивные отношения выражаются именными сочетаниями с предлогами *à* и *avec*.

Характерной особенностью таких сочетаний является свернутая предикативность, которая позволяет отделять посессивные семы от непосессивных.

Список литературы

1. Виноградов, В. В. Русский язык / В. В. Виноградов. М.;Л.: Наука, 1947. – 784 с.
2. Грекова, Л. Н. Именные словосочетания с предлогом *à* в современном французском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. Н. Грекова. – Минск: МГПИИЯ, 1987. – 22 с.
3. Ильина, Т. П. Развитие именных словосочетаний с посессивным значением во французском языке XI–XVI вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. П. Ильина. – М.: МГПИИЯ им. Мориса Тореза, 1984. – 24 с.
4. Смирницкий, А. И. Морфология английского языка / А. И. Смирницкий. – М.: Изд-во лит-ры на ин. яз., 1959. – 440 с.

5. Тер-Авакян, Г. А. Французские предлоги, их семантика и употребление : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Г. А. Тер-Авакян. – М.: ИЯ АНССР, 1984. – 44 с.
6. Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер. – М.: Прогресс, 1988. – 656 с.
7. Фортунатов, Ф. Ф. Избранные труды в 2 т. / Ф. Ф. Фортунатов. – М.: Учпедгиз, 1956. – Т. 1. – 450 с.
8. Gougenheim G. Y a-t-il des prépositions vides en français? / G. Gougenheim // *Le français moderne*. – 1959. – P. 13–25.
9. Guillaume G. Le problème de l'article et sa solution dans la langue française / G. Guillaume. – Paris, 1919.
10. Pottier, B. Théorie et analyse en linguistique / B. Pottier. – Paris: Hachette, 1987. – 224 p.
11. Togeby, K. Les mots invariables / K. Togeby // *Grammaire française*. V. IV. – Copenhagen: Akademisk Forlag: Etudes romanes de l'université de Copenhague, 1984. – P. 23–88.

Сведения об авторе

Давлетшина Светлана Мансафовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германского языкознания и зарубежной литературы Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы.

davletshinasm@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 10 (365).

Philology. Arts. Issue 95. Pp. 56–60.

CONTRASTIVE ANALYSIS OF FRENCH POSSESSIVE STRUCTURES

S. M. Davletshina

Department of Romance and Germanic linguistics and foreign literature the Bashkir State Pedagogical University. M. Akmulla. davletshinasm@mail.ru

This article discusses one of the means of possession expression in French – nominal phrases with prepositions *de*, *à*, *avec*. Latent predicate is a distinctive feature of such constructions. Transformation allows separating possessive semes from the others. The preposition “de” dominates over all other prepositions expressing possession.

Keywords: *possession, preposition semantics, componential analysis, latent predicate.*

References

1. Vinogradov V.V. *Russkij jazyk* [Russian language]. Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1947. 784 p. (In Russ.).
2. Grekova L.N. *Imennye slovosochetaniya s predlogom à v sovremennom francuzskom jazyke* [Noun phrase with the preposition à in modern French language]. Minsk, MGPIIJa Publ., 1987. 22 p. (In Russ.).
3. Il'ina T.P. *Razvitie imennyh slovosochetaniy s possessivnym znacheniem vo francuzskom jazyke XI–XVI vv.* [Development of nominal phrases with possessive meaning in the French language XI–XVI centuries]. Moscow, MGPIIJa im. Morisa Toreza, 1984. 24 p. (In Russ.).
4. Smirnitskij A.I. *Morfologija anglijskogo jazyka* [English Grammar]. Moscow, Izd-vo lit-ry na in. jaz., 1959. 440 p. (In Russ.).
5. Ter-Avakjan G.A. *Francuzskie predlogi, ih semantika i upotreblenie* [French prepositions, their semantics and the use]. Moscow, IJa ANSSR, 1984. 44 p. (In Russ.).
6. Ten'er L. *Osnovy strukturnogo sintaksisa* [Fundamentals of structural syntax]. Moscow, Progress Publ., 1988. 656 p. (In Russ.).
7. Fortunatov F.F. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1956, vol. 1. 450 p. (In Russ.).

8. Gougenheim G. Y a-t-il des prépositions vides en français? [Will it empty prepositions in French?]. *Le français modern* [The modern French]. 1959, pp. 13–25. (In French).
9. Guillaume G. *Le problème de l'article et sa solution dans la langue française* [The problem of the article and its solution in the French language]. Paris, 1919. (In French).
10. Pottier B. *Théorie et analyse en linguistique* [Theory and analysis in linguistics]. Paris, Hachette, 1987. 224 p. (In French).
11. Toegeby K. Les mots invariables [Invariable words]. *Grammaire française* [French grammar]. Copenhague, Akademisk Forlag: Etudes romanes de l'université de Copenhague, 1984, vol. IV, pp. 23–88. (In French).

УДК 81.255.2
ББК Ш 107

Л. В. Енбаева, В. А. Гесс

СОПОСТАВИТЕЛЬНО-ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ДВОЙНИК»

Сопоставительно-переводческий анализ может выявить межкультурную динамику интертекстуальных элементов и способствует оценке качества перевода. В статье предлагается двухчастная модель анализа, использование которой демонстрируется на примере произведения Ф. М. Достоевского «Двойник» и его перевода К. Гарнетт. Результат анализа – выявление специфики отражения категории интертекстуальности в тексте и переводе.

Ключевые слова: сопоставительно-переводческий анализ, интертекстуальность, интертекстуализм, двойничество.

Современные тенденции развития глобальной информационной инфраструктуры привлекают внимание лингвистов к проблемам межкультурных контактов и перевода. Интертекстуальность занимает особое место среди объектов научных исследований. Она функционирует как инструмент межтекстовых связей и формирования единого поля культурной и поликультурной среды, что вызывает интерес к изучению ее видов и единиц, механизмов и принципов, лингвистических и психологических основ и закономерностей, художественно-эстетического воздействия на читателя. Все перечисленные вопросы актуальны и для переводоведения. Интертекстуальность как объект перевода является одним из сложнейших феноменов с одной стороны, и одним из важнейших для определения границ перевода – с другой. Исследователи переводоведческого аспекта интертекстуальности опираются на классические для данной проблематики работы М. М. Бахтина, Ю. Кристевой, Р. Барта, И. К. Жолковского, Ж. Дерриды, М. Риффатера, Ю. Н. Тынянова, И. В. Арнольд, и анализируют такие вопросы, как интертекстуальный барьер в переводе (И. С. Алексеева) [2], интертекстуальность и семиотика перевода (Ю. С. Степанов, Г. В. Денисова) [17; 7], перевод интертекстуальных включений, интертекстуальные связи и компенсация смысловых потерь (А. А. Гусева, Е. М. Дронова, Н. В. Климович, Л. Н. Лунькова, М. Л. Малаховская) [6; 9; 10; 13; 14], стратегии перевода (Л. Б. Бойко, Н. А. Кузьмина) [4; 11] и др. Данное исследование проблемы перевода интертекстуальных элементов оттал-

кивается от идеи диалогичности М. М. Бахтина [3], анализа категории интертекстуальности В. П. Москвина и Ю. С. Степанова [16; 17], типологии интертекста Г. В. Денисовой [7], и находится в русле исследований оценки качества перевода. Методологией оценки является сопоставительно-переводческий анализ интертекстуальности. В качестве объекта сопоставительного анализа выбрано произведение Ф. М. Достоевского «Двойник» и его перевод, выполненный К. Гарнетт [22].

Сопоставительно-переводческий анализ интертекстуальности может выявить межкультурную динамику интертекстуальных элементов. Методология такого анализа разрабатывается в исследованиях М. Л. Малаховской, Г. В. Денисовой, П. Тороп [14; 7; 19]. В работе М. Л. Малаховской он определяется как анализ, целью которого является оценка адекватности перевода с точки зрения воссоздания в нем интертекстуальной составляющей исходного текста и имеет следующие этапы: выявление лексико-грамматических интертекстуальных связей, сюжетных и стилистических, композиционно-тематических и референциальных интертекстуальных связей [14]. В данном исследовании предлагается вариант сопоставительно-переводческого анализа с двухчастной структурой: анализ плана содержания и анализ плана выражения. Он опирается на трактовку двух основных типов интертекстуальности Ю. С. Степанова: 1) «тематическая интертекстуальность» – элементы плана содержания текста: темы, мотивы, сюжеты, образы; 2) «материальная интертекстуальность» – элементы

плана выражения текста [17]. Цель первого этапа анализа – определить, на каком уровне лингвостилистической организации текста функционирует интертекстуальное включение. Используется текстологический подход к интертекстуальному анализу, обуславливающий выделение следующих стадий: 1) выявление эстетических сигналов «чужого» в рассматриваемом тексте, 2) определение их статуса, 3) проведение систематизации, 4) анализ связей с текстом-источником, 5) изучение возможных смысловых трансформаций и функций в исследуемом тексте [18]. Цель второго этапа – сопоставление интертекстуализмов в произведении и его переводе. Результат анализа – выявление специфики отражения категории интертекстуальности в тексте и переводе, оценка эффективности выбранных способов передачи интертекстуальности. На данном этапе используется типология Г. В. Денисовой, включающая 4 группы интертекстов, на основе которой мы можем говорить о 4 группах интертекстуальных включений:

1) интертекстуализмы, принадлежащие мировой семиосфере, т.е. так называемой универсальной энциклопедии;

2) интертекстуализмы, общие для большинства представителей определенной лингвокультуры, то есть принадлежащие национальной энциклопедии;

3) интертекстуализмы, представляющие собой отличительную черту индивида, то есть являющиеся частью индивидуальной энциклопедии;

4) интертекстуализмы, использующиеся как первичное средство коммуникации, которые определяются как стереотипные [7. С. 120].

Исчерпывающий литературоведческий и текстологический анализ проблемы интертекстуальности в творчестве Ф. М. Достоевского мы находим в работах М. М. Бахтина и Ю. Н. Тынянова. М. М. Бахтин пишет о создании Ф. М. Достоевским нового типа художественного мышления, который условно называет полифоническим, о многоголосности и многоплановости, диалогичности как принципе композиции. Он указывает на то, что гоголевские герои ранних произведений Достоевского становятся героями самого Достоевского через осознание. Гоголевский мир остается в Двойнике содержательно, но доминантой художественного видения является процесс самосознания героя [3]. Ю. Н. Тынянов анализирует отражение гоголевской традиции в твор-

честве Достоевского. «Двойник», по его словам, близок к «Носу» Гоголя и его моторные образы – образам «Мертвых душ», стиль его отражает гоголевский «оборот фраз»: повторение имени, гиперболизм, система вещных метафор, маски, синтаксически-интонационные фигуры, стилизация переходит в пародию [20]. Идеино-эстетический уровень произведения реализует идеи двойничества. Согласно определению С. З. Агранович и И. В. Саморуковой, двойничество – в широком смысле – архетип культуры и структура художественного языка, в которой образ человека корректируется одним из исторических вариантов бинарной (дуальной) модели мира [Агранович]. Произведения о двойничестве обращены к контрастности социальной действительности и ее освоения, к ценностному конфликту, двомирию. В «Двойнике» Ф. М. Достоевского Голядкин-старший и Голядкин-младший соотносятся как две стороны больной души героя, реализуя антагонистический тип двойничества [1]. Согласно исследованию А. А. Михалевой, оно имеет статус катастрофического явления, ставящего под угрозу основу бытия героя [15]. Произведение вскрывает процесс разрушения внутренней целостности личности.

Систематизируем результат первого этапа анализа в соответствии с уровнями лингвостилистической организации текста, выделяемыми Н. А. Купиной: идейно-эстетическим, жанрово-композиционным и собственно языковым [12]. Наиболее ярким интертекстуальным включением на уровне идейно-эстетическом является идея двойничества, на жанрово-композиционном уровне – многоплановость и диалогичность как принцип композиции, на языковом уровне интертекстуализмы связаны с повторением имен, гиперболизацией, системой «говорящих» имен, пародией.

Проведем сопоставление выделенных интертекстуализмов в произведении и его переводе с целью описания специфики отражения категории интертекстуальности в тексте и переводе, оценки эффективности выбранных способов передачи интертекстуальности.

Двойничество широко распространено в искусстве и литературе различных исторических периодов и культур. В произведениях русских классиков мы находим его у А. С. Пушкина («Уединенный домик на Васильевском острове»), В. Ф. Одоевского («Сильфида»), Н. В. Гоголя («Шинель») и др. В англоязычной литературе тема двойничества используется Э. По

(«Вильям Вильсон»), У. Шекспиром («Двенадцатая ночь», «Король Лир»), Ч. Диккенсом («Повесть о двух городах»), С. Т. Кольриджем («Кристалль») Д. Ш. Ле Фаню («Зелёный чай»), Р. Л. Стивенсоном («Странная история доктора Джекила и мистера Хайда», «Хозяин Баллантрэ»). Таким образом, на идейно-эстетическом уровне лингвостилистической реализации текста осуществляется преемственная связь литературных произведений. Эта преемственность имеет межкультурное измерение, следовательно, эстетика двоемирия и бинарности произведения, переведенного с русского языка на английский, не должна восприниматься в принимающей культуре как чужеродный элемент. Двойничество как интертекстуализм мы относим к первой группе по типологии Г. В. Денисовой и считаем, что его перевод не является сложным. Анализ читательских отзывов на перевод книги, доступный на сайте www.amazon.com (customer reviews), показывает, что такое предположение оказывается верным. Большая часть читателей отмечает тему двойничества и подчеркивает тонкий психологизм ее раскрытия: «The tradition of the doppelganger story in literature is far from an original one, but Dostoyevsky deals with it here in a unique new way... Dostoyevsky here explores the human mind, laying down ... the mastery of psychological realism.» Среди критических отзывов на данном этапе анализа можно отметить один: «Should I blame Borges (“The Other”), Conrad (“The Secret Sharer”), Gogol (“The Nose”) or Poe (“William Wilson”) ? I honestly don't know. All I can say is that the short works of these authors, all four of them, will stay with me far, far longer than Dostoyevsky's *The Double*. – «Винить ли мне Борхеса («Другой»), Конрада («Тайный сообщник»), Гоголя («Нос») или По («Вильям Вильсон») ? Честное слово, не знаю. Все, что я могу сказать – произведения всех четырех авторов останутся со мной долго, гораздо дольше, чем Двойник Достоевского». Автор отзыва видит преемственную связь литературных произведений, но скептически относится к эстетическому эффекту прочитанного произведения.

Многоплановость и диалогичность как принцип композиции свойственны в целом произведениям Ф. М. Достоевского. В анализируемом произведении данные особенности жанрово-композиционного уровня лингвостилистической организации текста также связаны с идеей двойничества. Некоторые исследо-

ватели отмечают текстологическое сходство произведений данной тематики. Например, Т. В. Грудкина описывает влияние двойничества как литературного феномена на внешнюю форму художественного произведения. [5] Фабула и система персонажей в оригинале и переводе сопоставимы. Действие оригинального произведения разворачивается в российских реалиях, но для англоязычного читателя такой контекст, вероятно, только подчеркнет его композиционные особенности. На данном этапе анализа мы выделяем в качестве интертекстуализмов, важных для понимания фабулы и системы персонажей, «говорящее» имя главного персонажа и наименования должностей. Отнесем их ко второй группе интертекстуальных включений по классификации Г. В. Денисовой, и отметим, что они сложны для перевода, так как передают имплицитную информацию, являющуюся культурно-специфичной, требуют комментария. Комментарий имени и должности главного героя мог бы раскрыть отсутствие у него социально-значимых или индивидуальных качеств для вхождения в то общество, в которое он стремится. Нужно отметить, что все имена собственные в переводе транслитерируются или транскрибируются (Yakov Petrovitch Golyadkin, Petrushka, Krestyan Ivanovitch Rutenspitz, etc.), переводческий комментарий к переведенным таким образом интертекстуализмам отсутствует. Также отсутствует комментарий к переводу должности главного героя (титулярный советник, должность 9 класса в табели о рангах) и к переводу должности асессора (должность 8 класса, с данным чином в статской службе приобреталось потомственное дворянство), о которой упоминает Голядкин на приеме у Рутеншпица. Анализ читательских отзывов показывает, что такой подход переводчика приводит к нивелированию социального измерения трагедии главного героя. Читатели отмечают мастерство описания разлада личности, возникновения и развития психического заболевания, но, очевидно, не видят, что наряду с личностными посылками Достоевский указывает на комплекс социальных причин потери осознания своей человеческой ценности.

Для сопоставления интертекстуализмов на языковом уровне лингво-стилистической композиции прокомментируем перевод следующих интертекстуальных включений: имена собственные (Крестьян Иванович Рутеншпиц – Krestyan Ivanovitch Rutenspitz, Петрушка – Petrushka, Ка-

ролина Ивановна – Karolina Ivanovna), Петербургская поэма – A Petersburg Poem, «Северная пчела» – the Northern Bee. Их можно отнести одновременно и ко второй и к третьей группе по классификации Г. В. Денисовой, так как, с одной стороны, имплицитная информация является национально-специфичной, с другой стороны – она содержит отсылки к индивидуально-личным ассоциациям, проявляющимся в контексте творчества Достоевского: его отношение к Н. В. Гоголю, заимствование приема «говорящих» имен, соотнесение произведения по жанру с «Мертвыми душами», включение темы Петербурга, пародирование материалов литературных газет своего времени, к которым он критически относился. В указанных случаях переводчик прибегает к транскрибированию, транслитерированию и калькированию, не предлагает комментарий. Перевод такого рода интертекстуальных включений очень сложен, иногда даже комментарий может не дать желаемого эффекта, как в случае с повторяющимися именами собственными. Художественный прием, призванный обратить внимание читателя на значение говорящего имени, теряет эстетический эффект, когда имя переводится без сохранения основы для образования ассоциаций. Один из читательских комментариев содержал следующее мнение: *Adding to this frustration was the constant repetition of the names... was it really necessary to repeat names over and over ... it added to the chaotic nature of the story.* – «Дополнением к разочарованию был постоянный повтор имен... действительно ли была необходимость в постоянном повторении имен... это усилило хаотичность произведения». Исключением могло бы стать имя доктора Крестьяна Ивановича Рутеншпица, так как перевод (Rutenspitz) сохраняет отсылку к немецкому *shpitzruten*. То, что эта ассоциация естественным образом воспринимается англоязычными читателями свидетельствует, например, то, что имя в дальнейшем повторяется в англоязычной литературе – в пьесе Ч. Буша «The Third Story» есть персонаж – немецкий доктор Dr. Ruten-shpitz. [22] Вероятно, фамилию Рутеншпиц можно отнести к первой группе интертекстуализмов. В оригинале, однако, обыгрывается противопоставление имени, отчества и фамилии, создается эффект гиперболизации характеристик персонажа, подчеркивающий контрастное восприятие Голядкиным социального положения доктора в сравнении со своим, этот художественно-эстетический эффект и отсылка к историческим реалиям жизни

петербургских немцев теряются в переводе. В целом пренебрежение интертекстуальностью приводит к утере эстетического эффекта художественных приемов повтора, гиперболизации, «говорящих» имен, пародии.

Таким образом, проведенный сопоставительно-переводческий анализ интертекстуальности позволяет прийти к следующим выводам. Первый этап анализа выявил, что наиболее ярким интертекстуальным включением на идейно-эстетическом уровне является идея двойничества, на жанрово-композиционном уровне – многоплановость и диалогичность как принцип композиции, на языковом уровне – повторение имени, гиперболизм, система «говорящих» имен, пародия. На втором этапе анализа было проведено сопоставление выделенных интертекстуальных включений с их переводными эквивалентами с целью описания специфики отражения категории интертекстуальности и возникающих проблем перевода. Сравнение сопровождалось типологизацией интертекстуальных включений по классификации Г. В. Денисовой и анализом восприятия перевода англоязычными читателями. В произведении представлены интертекстуализмы 1–3 групп. Особенность их заключается в совмещении характеристик различных групп и интертекстуальной опосредованности эффекта стилистических приемов. Анализ позволяет говорить об относительной успешности перевода двух интертекстуализмов «Двойник» и «Рутеншпиц», что обусловлено их принадлежностью к интернациональной семиосфере. В целом же интертекстуальность произведения в переводе К. Гарнетт не сохраняется, что подтверждается результатами анализа читательских отзывов. Предложенный сопоставительно-переводческий анализ интертекстуальности позволил проследить межкультурную динамику интертекстуальных элементов (или ее отсутствие) на произведении, перевод которого неуспешен с точки зрения сохранения интертекстуальности или художественно-стилистического эффекта, опосредованного интертекстуальностью. Анализ других произведений, усовершенствование процедур анализа перевода интертекстуальных включений составляют перспективу данного исследования.

Список литературы

1. Агранович, С. З. Двойничество / С. З. Агранович, И. В. Саморукова. – Самара: Самарс. ун-т, 2001. – 132 с.

2. Алексеева, И. С. Апофеоз интертекстуальности (о переводе поэмы Тимура Кибирова «Когда Ленин был маленьким» на немецкий язык и об интертекстуальном барьере в переводе) / И. С. Алексеева // Третьи Федоровские чтения. – 2001. – Вып. 3. – С. 13–19.
3. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – М.: Худ. лит., 1972. – 470 с.
4. Бойко, Л. Б. К вопросу о переводе интертекста / Л. Б. Бойко // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. – 2006. – Вып. 2. Сер. Филологические науки. – С. 52–59.
5. Грудкина, Т. В. Феномен двойничества в русской литературе XIX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. В. Грудкина. – ИвГУ, 2004.
6. Гусева, А. А. Интертекстуальность как переводческая проблема : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. А. Гусева. – М., 2009. – 19 с.
7. Денисова, Г. В. Интертекстуальность и семиотика перевода: возможности и способы передачи интертекста / Г. В. Денисова // Текст. Интертекст. Культура : сб. докл. междунар. науч. конф. – М.: Азбуковник, 2001. – С. 112–128.
8. Достоевский, Ф. М. Собрание сочинений в 15 томах / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1988. – Т. 1. – 463 с.
9. Дронова, Е. М. Проблемы перевода стилистического приема аллюзии в англо-ирландской литературе первой половины XX века / Е. М. Дронова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2004. – № 1. – С. 83–85.
10. Климович, Н. В. Особенности перевода интертекстуальных элементов библейского происхождения в художественном тексте / Н. В. Климович // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). – 2013. – № 10 (138). – С. 141–146.
11. Кузьмина, Н. А. Феномен художественного перевода в свете теории интертекста / Н. А. Кузьмина // Текст. Интертекст. Культура : сб. докл. междунар. науч. конф. – М.: Азбуковник, 2001. – С. 97–111.
12. Купина, Н. А. Лингвистический анализ художественного текста / Н. А. Купина. – М., 1980. – 78 с.
13. Лунькова, Л. Н. Интертекстуальность художественного текста: оригинал и перевод : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. Н. Лунькова. – М., 2011. – 38 с.
14. Малаховская, М. Л. Интертекстуальные связи в художественном тексте в сопоставительно-переводческом аспекте (на материале произведений К. С. Льюиса) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. Л. Малаховская. – СПб., 2008. – 19 с.
15. Михалева, А. А. Герой-двойник и структура произведения (Э. Т. Гофман и Ф. М. Достоевский) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. А. Михалева. – М.: РГГУ, 2006. – 20 с.
16. Москвин, В. П. Интертекстуальность: Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили. – М.: Изд-во URSS, 2013. – 168 с.
17. Степанов, Ю. С. «Интертекст», «интернет», «интерсубъект» (к обоснованию сравнительной концептологии) / Ю. С. Степанов // Известия РАН. Сер. литературы и языка. – 2001. – Т. 60, № 1. – С. 3–11.
18. Термины и понятия: методы исследования и анализа текста : словарь-справочник. – Назрань: Пилигрим, 2011. – 108 с.
19. Тороп, П. Х. Проблема ИнТекст / П. Х. Тороп // Ученые записки Тартусского государственного университета. – 1981. – Вып. 567. – С. 33–44.
20. Достоевский и Гоголь (к теории пародии) / Ю. Н. Тынянов // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. – С. 215.
21. Dostoevsky, F. The double (1846). Notes from the underground, the double and other stories / F. Dostoevsky. – N. Y.: Barnes and Noble, 2003.
22. Dziemianowicz, J. 'The Third Story' is easily summed up: One big letdown / J. Dziemianowicz // Daily News, February 4, 2009. – URL: <http://www.nydailynews.com/entertainment/music-arts/story-easily-summed-big-letdown-article-1.388398>.

Сведения об авторах

Енбаева Людмила Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания иностранных языков, доцент кафедры английской филологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета.

l.v.enbaeva@gmail.com

Гесс Вероника Александровна – выпускница Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета.

l.v.enbaeva@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 10 (365).

Philology. Arts. Issue 95. Pp. 61–67.

COMPARATIVE ANALYSIS OF INTERTEXTUALITY TRANSLATION IN “THE DOUBLE” BY F. DOSTOEVSKY

Enbaeva L. V.

Perm State Humanitarian Pedagogical University. l.v.enbaeva@gmail.com

Gess V. A.

Perm State Humanitarian Pedagogical University. l.v.enbaeva@gmail.com

Comparative analysis of translation can reveal cross-cultural dynamics of intertextualisms and is conducive to translation quality assessment. The article puts forward a two-fold model with an example analysis of F. Dostoevsky’s *The Double* and its translation by C. Garnett. The analysis results in the identification of intertextuality characteristics.

Keywords: *comparative analysis of translation, intertextuality, intertextualism, a doppelganger concept.*

References

1. Agranovich S.Z. *Dvojnichestvo* [Duplicity]. Samara, Samarskij universitet, 2001. 132 p. (In Russ.).
2. Alekseeva I.S. Apofeoz intertekstual’nosti (o perevode pojemy Timura Kibirova «Kogda Lenin byl malen’kim» na nemeckij jazyk i ob intertekstual’nom bar’ere v perevode) [Apotheosis of intertextuality (the translation of the poem by Timur Kibirov “When Lenin was a kid” into German and an intertextual barrier in translation)]. *Tret’i Fedorovskie chtenija* [Third Fedorovskaya read], 2001, issue. 3, pp. 13–19. (In Russ.).
3. Bahtin M.M. *Problemy pojetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky’s Poetics]. Moscow, Hudozhestvennaja literature Publ., 1972. 470 p. (In Russ.).
4. Bojko L.B. K voprosu o perevode interteksta [On the question of intertextuality translation]. *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta* [Bulletin of the Russian State University of Kant. Filologicheskie nauki], 2006, issue 2, pp. 52–59. (In Russ.).
5. Grudkina T.V. *Fenomen dvojnichestva v russoj literature XIX veka* [Duality phenomenon in Russian literature of the XIX century]. IvGU Publ., 2004. (In Russ.).
6. Guseva A.A. *Intertekstual’nost’ kak perevodcheskaja problema* [Intertextuality as a translation problem]. Moscow, 2009. 19 p. (In Russ.).
7. Denisova G.V. Intertekstual’nost’ i semiotika perevoda: vozmozhnosti i sposoby peredachi interteksta [Intertextuality and semiotics translation: opportunities and ways of transmission of intertextuality]. *Tekst. Intertekst. Kul’tura* [Text. Intertext. Culture]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2001, pp. 112–128. (In Russ.).
8. Dostoevskij F.M. *Sobranie sochinenij v 15 tomah* [Collected works in 15 volumes]. Leningrad, Nauka Publ., 1988, vol. 1. 463 p. (In Russ.).
9. Dronova E.M. Problemy perevoda stilisticheskogo priema alljuzii v anglo-irlandskoj literature pervoj poloviny XX veka [Problems of translation of stylistic allusions reception in the Anglo-Irish literature of the first half of XX century]. *Vestnik VGU, Serija «Lingvistika i mezhkul’turnaja kommunikacija»* [Bulletin of VSU Series “Linguistics and intercultural communication”], 2004, no. 1, pp. 83–85. (In Russ.).
10. Klimovich N.V. Osobennosti perevoda intertekstual’nyh jelementov biblejskogo proishozhdenija v hudozhestvennom tekste [Transfer Features intertextual elements of biblical origin in a literary text]. *Vestnik TGPU* [TSPU Bulletin], 2013, no. 10 (138), pp. 141–146. (In Russ.).

11. Kuz'mina N.A. Fenomen hudozhestvennogo perevoda v svete teorii interteksta [Phenomenon of literary translation in the light of the theory of intertextuality]. *Tekst. Intertekst. Kul'tura* [Text. Intertext. Culture]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2001, pp. 97–111. (In Russ.).
12. Kupina N.A. Lingvisticheskiy analiz hudozhestvennogo teksta [Linguistic analysis of a literary text]. Moscow, 1980. 78 p. (In Russ.).
13. Lun'kova L.N. *Intertekstual'nost' hudozhestvennogo teksta: original i perevod* [Intertekstualnost art text: the original and the translation]. Moscow, 2011. 38 p. (In Russ.).
14. Malahovskaja M.L. *Intertekstaul'nye svyazi v hudozhestvennom tekste v sopostavitel'no-perevodcheskom aspekte (na materiale proizvedenij K. S. L'juisa)* [Intertekstaulnye communication in a literary text in comparative-translational aspect (based on the works of C. S. Lewis)]. Saint Petersburg, 2008. 19 p. (In Russ.).
15. Mihaleva A.A. *Geroj-dvojniki i struktura proizvedenija (Je.T. Gofman i F.M. Dostoevskij)* [Hero double and structure of the work (ETA Hoffmann and Dostoevsky)]. Moscow, RGGU Publ., 2006. 20 p. (In Russ.).
16. Moskvina V. P. *Intertekstual'nost': Ponjatijnyj apparat. Figury, zhanry, stili* [Intertextuality: conceptual apparatus. The figures, genres, styles]. Moscow, URSS Publ., 2013. 168 p. (In Russ.).
17. Stepanov Ju.S. «Intertekst», «internet», «intersub#ekt» (k obosnovaniju sravnitel'noj konceptologii) [“Intertext”, “internet”, “intersubjective” (relative to the justification Conceptology)]. *Izvestija RAN. Ser. literatury i jazyka* [Izvestiya RAN. series Literature and Language], 2001, Vol. 60, no. 1, pp. 3–11. (In Russ.).
18. *Terminy i ponjatija: Metody issledovanija i analiza teksta* [Terms and concepts: methods of investigation and analysis of the text]. Nazran, Piligrim Publ., 2011. 108 p. (In Russ.).
19. Torop P. H. Problema InTekst [Problem InTekst]. *Uchenye zapiski Tart. gos. un-ta* [Scientific notes Tart. state. un.], 1981, Issue 567, pp. 33–44.
20. Dostoevskij i Gogol' (k teorii parodii) [Dostoevsky and Gogol (the theory of parody)]. *Pojetika. Istorija literatury. Kino* [Poetics. The history of literature. Movie]. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 215. (In Russ.).
21. Dostoevsky F. *The double (1846). Notes from the underground, the double and other stories*. New York, Barnes and Noble, 2003.
22. Dziemianowicz J. “The Third Story” is easily summed up: One big letdown. *Daily News, February 4, 2009*. Available at: <http://www.nydailynews.com/entertainment/music-arts/story-easily-summed-big-letdown-article-1.388398>.

УДК 81-26

Е. О. Заляева

СИНТЕЗ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА ОДИНА В АНГЛИЙСКИХ НОМИНАЦИЯХ С ГРАММАТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРОЙ СЛОВСОЧЕТАНИЯ В «ЭДДЕ» (на материале переводов «Старшей Эдды» и «Младшей Эдды» на английский язык)

Статья написана с целью представить метаязык компонентного анализа английских номинаций с грамматической структурой словосочетания для моделирования семантического портрета верховного бога древних скандинавов, Одина, на материале переводов древнеисландских саг о богах и героях «Старшей Эдды» и «Младшей Эдды» средствами английского языка.

Ключевые слова: номинации с грамматической структурой словосочетания, сема, семный конкретизатор, семантический портрет, ядерная сема, периферийная сема, компонентный анализ, метаязык описания.

Наиболее важным источником сведений о дохристианской религии в Скандинавии являются песни о богах и героях, условно объединяемые названиями «Старшая Эдда» и «Младшая Эдда», созданные в 1200 гг. н. э. на исландском языке. Название данному культурно-историческому памятнику было дано в XVII в. первым исследователем рукописи, епископом Бриньольвом Свейссоном, который перенес на нее наименование книги исландского поэта и историка XIII в. Снорри Стурлусона. Книга представляет собой учебник поэтического искусства, содержащий обзор языческой мифологии, поэтической фразеологии с многочисленными иллюстрациями из старых исландских авторов и образцы стихотворных размеров, сочиненные Снорри Стурлусоном и составляющие вместе целую поэму [1].

Вопрос о происхождении, авторстве и датировке эддических поэм является предметом жарких дискуссий среди российских и зарубежных ученых. Совершенно очевидно, что произведение – коллективная работа людей, творивших в разное время. Более того, большинство поэм относилось к устному народному творчеству до того, как были переложены на бумагу [2].

Этимология слова «Эдда» не ясна. В соответствии с одним мнением «Эдда» – производное от «Одди», названия хутора, где воспитывался Снорри и, возможно, нашел материалы для своей книги. «Эдда» в таком случае значит «книга Одди». Вторая точка зрения основана на этимологии слова *oðr*, которое иногда имело значение «поэзия». «Эдда» в таком случае зна-

чит «поэтика». Третьи отождествляют название книги Снорри со словом «эдда», которое встречается в одной древнеисландской песне и, по видимому, значит «прабабушка». В этом случае книга Снорри означает «прабабушка» [3].

Сборник древнеисландских песен «Эдды» претерпел некоторое расширение: песни, аналогичные по стилю, стихосложению и содержанию тем песням, которые представлены в CR 2365, есть в некоторых других древнеисландских рукописях. С тех пор все подобные песни, вместе с песнями основной рукописи, стали называться «эддической поэзией», или поэзией «эддического стиля» как особый жанр древнеисландского эпоса.

Вся древнеисландская поэзия условно делится на два вида поэтического искусства – поэзию скальдов и эддическую поэзию. Эддическая поэзия отличается от скальдической тем, что авторы ее неизвестны, ее форма сравнительно безыскусна, а ее содержание – древние сказания о богах и героях или правила житейской мудрости.

Мифологические и героические песни «Эдды» пользуются большой популярностью во всех скандинавских странах. Однако известность их распространилась далеко за пределами Скандинавии. Тексты песен издавались свыше тридцати раз, а в переводе на 16 различных европейских языков – более ста пятидесяти раз, но все они были неполными. Их изданием занимались крупнейшие филологи-германисты, такие как немецкий ученый Яков Гримм и исландский исследователь Расму Рак.

Интерес к древнеисландскому литературно-художественному памятнику у англичан появился в конце XVIII в. Первый перевод «Старшей Эдды» на английский язык А. С. Котгла увидел свет в 1797 г. Ее второй перевод принадлежит Б. Торпу, изданный в 1866 г., а последующий, выполненный Г. А. Беллоузом, датируется 1923 г. Через 39 лет, в 1962 г., в Техасском университете США публикуется четвертый перевод Л. М. Холландера, а еще через 7, в 1969, выходят в свет два новых перевода: У. Х. Одена, дополненный и переизданный в 1981 г., и П. Терри, просмотренный и переизданный в 1990 г. Последний, седьмой перевод, опубликованный в 1996 г., принадлежит К. Ларрингтон.

Количество переводов «Младшей Эдды» на английский язык значительно уступает количеству английских переводов «Старшей Эдды». Первый перевод «Младшей Эдды» был выполнен в 1842 г. Э. Дейсоном, второй – в 1847 г. И. А. Блэквеллом, но все они считаются неполными. В качестве источников исследования был избран перевод «Старшей Эдды», выполненный К. Ларрингтон, «Младшей Эдды» – И. А. Блэквеллом, так как в данных переводах максимально совпадают последовательность песен, количество строф, а также их предисловие и послесловие с текстом оригинала.

Нужно отметить, что тексты «Старшей Эдды» и «Младшей Эдды» издавна привлекают внимание ученых, в первую очередь, в силу своих текстовых характеристик как уникального культурного и художественного памятника, создававшегося в течение длительного времени. В работах Т. В. Топоровой, например, изучены особенности имен собственных как средств идентификации мифологических персонажей на примере наименований древнеисландского бога Браги и древнегреческого бога Гермеса [4]. На материале номинаций флоры и фауны определены принципы описания эпического слова в древнеисландском поэтическом памятнике, отражающем мифопоэтическую модель мира, – «Старшей Эдде» (рукопись конца XIII – начала XIV в.). Исследования О. А. Смирницкой имеют целью выявление символики и мотивировки цветообозначений в эддических песнях [5], а также особенностей переводов «Эдды» на русский язык [6]. В. Ханзен стал первым ученым, осуществившим попытку установить местоположение описанных в «Эдде» событий: на основе тщательного сравнения древних текстов он предложил модель карты мифологических событий.

Однако исследования мифологического образа верховного бога древних скандинавов, Одина, немногочисленны. В работах В. И. Щербакова детально изучены миграции асов, подробно описаны путь следования Одина, взаимоотношения асов и ванов, их совместный вклад в формирование современных скандинавских народов [7]. Из лингвистических работ известно только исследование А. Лассен, которая занималась моделированием текстовых образов Одина на материале «Саг об Инглингах» и «Младшей Эдды» [8].

Впервые семантический портрет как объект исследования был представлен в диссертации С. В. Первухиной на материале перевода Библии New International Version. Вслед за С. В. Первухиной, под семантическим портретом персонажа текста понимаем структуру единиц метаязыка – сем или семантических признаков, входящих в разноуровневые номинации персонажа в данном тексте и упорядоченных по тематическому признаку [9].

Метаязык, используемый для представления значений различных языковых единиц, определяется в работе как язык, средствами которого описываются и исследуются свойства некоторого другого языка. Метаязык состоит из отдельных знаков и правил их комбинирования, то есть из лексики и синтаксиса.

Нужно отметить, что номинации Одина и его характеристика в «Эдде» включают различные в структурно-языковом отношении единицы: однословные единицы, представленные как именами собственными (Hropt, Grimnir, Glapsvinn, Fjolsvinn и др.), так и именами нарицательными (warrior, guest, wanderer и др.); словосочетания (Father of the Slain, Father of Hosts, father of magic и др.); предложения (Now is the song of the High One recited, in the High One's hall и др.); сверхфразовые единства (The runes you must find and the meaningful letter, a very great letter, a very powerful letter, which the mighty sage stained and the powerful gods made and the runemaster of the gods carved out и др.).

На наш взгляд, важной характеристикой верховного бога является множество сложных в структурном отношении имен и прозвищ Одина, появление которых в тексте сказаний «Эдды» связано с традициями скальдической поэзии, где приняты поэтические синонимы – хейти и непрямые упоминания о предмете – кеннинги, дву- или многочленные заменители существительного в обычной речи: Father of the Slain, Terrible One of the AEsir, Best of the

AEsir, Father of Hosts, Mighty Sage, High One, runemaster of the gods, the sanctuaries of men, Father of Men, the wisest of beings, beloved of Frigg, Baldr's father, heir to Bur, Masked One, Father of All, the hallmark of a pervert, the old man on the cliff, the sacrifice for men, the son of the Slaughter-tame, the first of gods и др.

Среди номинаций Одина с грамматической структурой словосочетания выделяем метафорические (21 единица: the ancient sacrifice, Father of magic, Raven's god и др.) и неметафорические номинации (11 единиц: Baldr's father, heir to Bur, the old man, the wisest of beings и др.).

Для выделения денотативного макрокомпонента значения номинаций Одина был осуществлен компонентный анализ (далее – КА) 32 номинаций с грамматической структурой словосочетания. Алгоритм КА включал 4 ступени: 1) составление списка единиц перевода; 2) наведение сем каждой языковой единицы; 3) маркировка единицы перевода в соответствии с указанным в словаре лексико-семантическим вариантом; 4) КА денотативного макрокомпонента значения. Процедуры 1), 2), 3) в некоторых случаях носили рекуррентный характер.

Продемонстрируем логику исследования на примере наименований *mighty sage* и *the sacrifice for men*. В тексте «Старшей Эдды» фиксируем наименование *mighty sage*, референтом которого является Один: “*That is now proved, what you asked of the runes, / of the potent famous ones / which the great gods made / and the mighty sage stained <...>*” [10]. В соответствии с алгоритмом исследования выявляем соотношение данной номинации с лексико-семантическим вариантом (далее ЛСВ) слова, зафиксированного в словаре Cambridge Advanced Learner's Dictionary (далее CALD) *mighty 1: very large, powerful, important*. Семема *sage*, также как и *mighty* имеет один ЛСВ – *wise, especially as a result of great experience*. В составе денотативного макрокомпонента значения посредством КА выделяем следующие семы: a being + has + wisdom/experience (important).

Рассмотрим текстовую иллюстрацию наименования *the sacrifice for men*: “*Up rose Odin, the sacrifice for men*” [10. P. 243]. Лексема *sacrifice* имеет своим коррелятом ЛСВ 2, зафиксированный в словаре следующим образом: *someone, who gives up something that is valuable to you in order to help another person*. Лексема *man* в составе данного словосочетания соотносится с ЛСВ 2, семантизированным в слова-

ре CALD как *a representative of a human race*. Семный состав, выявленный при помощи КА, можно представить следующим образом: a being + gives up + the things (valuable) + for the sake of + people.

Частотность всех номинаций исследуемой группы не превышает двух. В качестве иллюстраций последовательно представим описание некоторых из них: *runemaster of the gods*, *Father of the Slain*, *Father of Men*.

Номинация *runemaster of the gods* (букв. *мастер рун среди богов*) реализует представление об Одине как создателе рун и боге: “*The runes you must find and the meaningful letter, / a very great letter, / a very powerful letter, / which <...> the runemaster of the gods carved out*”. Лексема *runemaster* однозначна и семантизирована в словаре как *a person, who made runes first*, в то время как *God* имеет своим коррелятом ЛСВ 2, семантизированный в словаре, как *a spirit or being believed to control some part of the universe or life and often worshipped for doing so, or a representation of this spirit or being*. На основе полученных данных в составе денотативного макрокомпонента значения посредством КА выделяем следующие семы: a being + made (first) + symbols (magic) + among beings.

Рассмотрим словосочетание *Father of the Slain* (букв. *Отец убиенных*) в тексте «Старшей Эдды»: “*Attention I ask from all the sacred people, / greater and lesser, the offsprings of Heimdall; / **Father of the Slain**, you wished I should declare the ancient histories of men and gods, those which I / remember from the first*”. ЛСВ 2 семемы *Father*, семантизированный в словаре как *an older man who you treat like a father, especially by asking for his advice, help or support*. Семема *Slain* имеет один ЛСВ – *person killed in a violent way*. Семный состав денотативного макрокомпонента, полученный посредством КА: a being + took care of + people (killed in a violent way).

Контекст “*Vafthrudnir said: the wolf will swallow the **Father of Men** <...>*” [10. P. 4] объективирует представление об Одине как Отце человечества. Лексема *Father* в данном контексте реализует ЛСВ 2 – *the man who began something or first made something important*. Лексема *Man* в данной строфе реализует значение *a representative of the human race*. КА сочетания данных лексем дает следующий семный состав: a being + who was the first to make + human beings.

Как видим, для всех номинаций Одина семема *being* является ядерной. Большая часть интегральных сем, общих для данной группы но-

минаций (11), представлена семой обладания *has*. В качестве иллюстраций рассмотрим номинации *heir to Bur, Baldr's father*. На основе значения номинации *heir to Bur* (*heir – someone, who continues to do the work of someone important, who has died or who has the same symbolic position as they had*; *Bur – a being, which was born before Odin*) представим семный состав данной языковой единицы: *a being + has + the right + to continue the work + of a being*. Компоненты наименования *Baldr's father* имеют следующие значения: *Baldr – Odin's son*; *father 1 – a male parent*. Таким образом, семная структура данной номинации может быть представлена в виде последовательности сем: *a being + has + relationship + with a male child*.

11 номинаций имеют в структуре значения семы процессуальности, выявляемые при помощи КА. Например, *Choosing Father*: *a being + chooses + objects*; *the sole slayer*: *the only being + kills + people/objects*. Как видим, данные номинации содержат семы, характеризующие референт через его действия: *chooses* (букв. *выбирает*), *kills* (букв. *убивает*).

7 номинаций имеют в структуре значения имплицитные семы темпоральности, выявляемые при помощи КА. Например, *Father of Men*: *a being + made (was the first to make) + human beings*; *Father of gods*: *a being + made (was before everyone else) + beings*. Очевидно, что в обоих случаях сема темпоральности объективируется при разложении семы *made* на составляющие (семы *first* и *before*).

На основе проведенного анализа структуры значений номинаций Одина с грамматической структурой словосочетания выявлена одна инвариантная ядерная сема *being* (*существо*), что позволяет рассматривать параметры референта с точки зрения как человеческого, так и божественного происхождения, и соотносимая с ней логема *Odin is a being, which has power*.

Таким образом, посредством логико-лингвистического метода и КА номинаций Одина с грамматической структурой словосочетания выявлены дополнительные семы в составе мета-языка описания верховного бога древних скандинавов. Общее количество сем составило 49.

Классификация семного инвентаря английских номинаций Одина с грамматической структурой словосочетания репрезентирует семантический портрет Одина как структурную организацию сем и семных конкретизаторов, вербализующих характеристики референта через другие лица и «не-лица» (экстраобъект-

ная детерминированность), а также внешние и внутренние параметры референта (интраобъектная детерминированность).

В качестве иллюстрации рассмотрим реализацию экстраобъектной детерминированности, мотивируемую другим лицом в составе следующих номинаций (13)*: *the son of a Slaughter-tame*: *a being + has + relationship (relative + father)*; *the ancient sacrifice*: *a being + gives up + the things (valuable) + for the sake of + people* и др.

Экстраобъектная детерминированность, мотивируемая «не-лицом» (артефактом, животным, всемогущим существом, объектом природы), объективирована в 18 номинациях. Рассмотрим иллюстрации некоторых из них: *the old man on the cliff*: *a being + stands + on a rocky surface*; *the first of the gods*: *a being + has + superiority + among beings* и др.

Номинация *mighty sage*: *a being + has + wisdom/experience (important)* реализует внутренние характеристики языческого бога. Внешние параметры референта объективированы в номинации *the hallmark of a pervert*: *a being + has + sexual behavior (unusual)*.

Как показали результаты исследования, Один – существо, наделенное, в первую очередь, определенными социальными характеристиками: 12 номинаций (37,50 %) (*a great chieftain, High One, Masked One, Baldr's father, the beloved of Frigg* и др.), составляющие содержат семы *power, superiority, influence* и так далее. Описание языческого бога через его функциональные параметры: семы *wisdom, experience, actions u m.д.* в составе номинаций *Father of All, Father of Men, Choosing father, runemaster of the gods* являются более частотным: 19 номинаций (59,40 %), а его физические характеристики (семы *age, behavior*) составляют наименьшую часть: 2 номинации (3,10 %) (*the old man on the cliff, the hallmark of a pervert* и др.).

Как видим, Один является сложной и многогранной фигурой, характеризующейся, главным образом, через функциональные параметры, а также состояние и действия, объективированные семами обладания, образующие ядро (*a being + has*), а также семами процессуальности и темпоральности, составляющие периферию.

Примечания

1. Заляева, Е. О. Сравнительно-сопоставительный анализ русского и английского вариан-

* Цифрой обозначена частотность номинаций

- тов модели семантического портрета Одина в «Эдде» / Е. О. Залаяева // Вестник Ленингр. гос. ун-та им. Пушкина. – 2014. – № 2. – Том 1. Филология. – 153 с.
2. *The Poetic Edda: The Mythological Poems.* – New York: Dover Publications, Inc. Mineola, 2004. – 288 p.
3. Старшая Эдда: древнеисландские песни о богах и героях. – СПб.: Наука, 2005. – 259 с.
4. Топорова, Т. В. К вопросу об именах собственных как средстве идентификации мифологических персонажей / Т. В. Топорова // Вопросы ономастики. – 2005. – № 2. – С. 45–51.
5. Смирницкая, О. А. Цветовые обозначения в «Эдде» в освещении исторической поэтики: *gauf* и *fölr* / О. А. Смирницкая // Скандинавские языки. Диахрония и синхрония. – Вып. 5. – М., 2001. – С. 215–233.
6. Снорри Стурлусон. Младшая Эдда / Снорри Стурлусон. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1970. – 254 с.
7. Щербаков, В. И. Асгард – город богов: история открытия / В. И. Щербаков. – М.: Гранд: Фаир-Пресс, 2000. – 364 с.
8. Lassen, A. Textual Figures of Óðinn / A. Lassen // *Old Norse religion in long-term perspectives: origins, changes and interactions* / A. Andrén, K. Jennbert, C. Raudvere (eds.). – Lund: Nordic Academic Press, 2006. – P. 280–284.
9. Первухина, С. В. Семантический портрет Иисуса Христа в переводе Библии New International Version : дис. ... канд. филол. наук / С. В. Первухина. – Волгоград, 2003. – 159 с.
10. *The poetic Edda.* – Oxford: Oxford University Press, 1996. – 323 p.

Сведения об авторе

Залаяева Екатерина Олеговна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков в сфере экономики, бизнеса и финансов Института управления, экономики и финансов Казанского (Приволжского) федерального университета.
erunaz@mail.ru

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 10 (365).
Philology. Arts. Issue 95. Pp. 68–73.*

ODIN'S SEMANTIC PORTRAIT SYNTHESIS WITHIN ENGLISH WORD-GROUP NOMINATIONS IN "THE EDDA" (BASED ON "THE ELDER EDDA" AND "THE YOUNGER EDDA" TRANSLATIONS INTO ENGLISH)

E. O. Zalyaeva

Department of Foreign Languages in economics, business and finance of the Institute of Management, Economics and Finance, Kazan (Volga) Federal University. erunaz@mail.ru

The main idea of this article is to demonstrate the componential analysis metalanguage of the word-group nominations of Odin, the chief heathen god of Old Scandinavians, in order to create his semantic portrait based on the translations of «the Elder Edda» and «the Younger Edda» into English.

Keywords: word-group nominations, a seme, a component specifier, a semantic portrait, a nuclear seme, a peripheral seme, a component analysis, descriptive metalanguage.

References

- Zaljaeva E.O. Sravnitel'no-sopostavitel'nyj analiz russkogo i anglijskogo variantov modeli semanticheskogo portreta Odina v «Jedde» [Rather-comparative analysis of the Russian and English versions of the model semantic portrait Odin in "Edda"]. *Vestnik LGU im. Pushkina* [Vestnik LGU name of Pushkin], 2014, no. 2, vol. 1, Philology. 153 p. (In Russ.).
- The Poetic Edda: The Mythological Poems.* New York, Dover Publications, Inc. Mineola, 2004. 288 p.
- Starshaja Jedda: drevneislandskie pesni o bogah i gerojah* [Elder Edda: Norse songs about gods and heroes]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2005. 259 p. (In Russ.).
- Toporova T.V. K voprosu ob imenah sobstvennykh kak sredstve identifikacii mifologicheskikh per-

- sonazhej [On the question of proper names as a means of identification of mythological characters]. *Voprosy onomastiki* [Questions of onomastic], 2005, no. 2, pp. 45–51. (In Russ.).
5. Smirnitskaja O.A. Cvetooboznachenija v «Jedde» v osveshhenii istoricheskoj pojetiki: rauðr i fölr [Color terms in the “Edda” in the lighting of historical poetics: rauðr and fölr]. *Skandinavskie jazyki. Diahronija i sinhronija* [Scandinavian languages. Diachronic and synchronic]. Moscow, 2001, issue 5, pp. 215–233. (In Russ.).
6. Snorri Sturluson *Mladshaja Jedda* [Younger Edda]. Leningrad, Nauka Publ., 1970. 254 p. (In Russ.).
7. Shherbakov V.I. *Asgard – gorod bogov: Istorija otkrytija* [Asgard - the city of the Gods: The History of the discovery]. Moscow, Grand: Fair-Press, 2000. 364 p. (In Russ.).
8. Lassen A. Textual Figures of Óðinn. *Old Norse religion in long-term perspectives: origins, changes, and interactions* (A. Andrén, K. Jennbert, C. Raudvere (eds.)). Lund, Nordic Academic Press, 2006, pp. 280–284.
9. Pervuhina S.V. *Semanticheskij portret Iisusa Hrista v perevode Biblii New International Version* [Semantic portrait of Jesus Christ in the Bible translation of New International Version]. Volgograd, 2003. 159 p. (In Russ.).
10. *The poetic Edda*. Oxford, Oxford University Press, 1996. 323 p.

УДК 8-1751
ББК 80.3

Ж. Б. Карабаев

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАТОРОВ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ «ГИПЕРБОЛА» В ЯЗЫКАХ РАЗНОЙ ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Осуществляется сопоставительно-типологический анализ лингвокультурологических особенностей вербализаторов универсальной концептуальной семантики «гипербола», которая объективируется равноуровневыми типами языковых единиц – лингвокультурем – со специфичными этнолингвокультурологическими характеристиками в современном английском, узбекском и русском языках.

Ключевые слова: когнитивная семантика, концептуальная семантика, концепт, языковая картина мира, лингвокультурология, лингвокультурема, изоморфизм, алломорфизм.

В современной лингвистике все более интенсивно развивается ее лингвокогнитивное направление, базирующееся на антропоцентрическом подходе при исследовании проблем взаимоотношения, с одной стороны, языка и мышления, языка и его носителей, роли языка в мироощущении, мировидении и миропознании, и, с другой стороны, роли носителей языка в его развитии [20; 21; 22; 4; 5; 6; 7; 13; 10; 2; 12; 17; 18; 19; 11; 15; 9 и др.]. При этом основным объектом исследования являются различные типы языковых единиц, наделенных способностью вербализовать ту или иную «концептуальную семантику» [22. С. 121], широко известную в лингвистике как «концепт». В связи с этим можно утверждать, что любой тип языковой единицы так или иначе связан с тем или иным концептом, который ею непосредственно объективизируется и вербализуется.

С точки зрения сопоставительно-типологического изучения языков концепты бывают общими (универсальными) и частными в силу их наличия или отсутствия в мышлении (концептосфере) носителей того или иного языка, соответственно манифестируемого или вербализуемого в языке национальными ресурсами [15. С. 393]. О таких типах концепта, как «микрконцепт, макрконцепт, гиперконцепт/суперконцепт или архиконцепт, общий(универсальный) концепт, частный концепт, парные концепты, гомоконцепты, гетероконцепты, аллоконцепты» и о «концептах-лакунах» подробнее см.: [15. С. 390–395]. К универсальным относится и концепт «гипербола/преувеличение», вербализованный такими типами

языковых единиц, как *life-and-death struggle* – *ҳаёт-мамонт жанги* – *борьба не на жизнь, а на смерть*; *blazing tap* – *кўзларидан ўт чақнаган (қалби олов) киши* – *красноречивый, искрящийся человек*; *deadly cold* – *ўлгудек совуқ* – *дикий холод*; *extremely important* – *ўта муҳим* – *исключительно важный*; *to run one's guts out* – *оёгини қўлига олиб (бор кучи билан) югурмоқ* – *бежать сломая голову*; *Nobody can help you* – *Сизга ҳеч ким ёрдам бераолмайди*, *armed to the teeth* – *тиши-тирногигача қуролланган* – *вооруженный до зубов* и так далее.

Концепт «гипербола» является по своей природе универсальным в силу того, что он является коммуникативно-важной концептуальной семантикой, облигаторно подлежащей вербализации в любом конкретном языке, без чего коммуникация между носителями языка не будет адекватной, а коммуникативное намерение (интенция) говорящего/пишущего – нереализованным.

Как видно из иллюстраций, в концептах типа «гипербола» находят выражение общечеловеческие и этнокультурные ценности, определяющие личность человека – носителя языка и смысл его поступков, действий и жизни целиком. Этот процесс свойственен представителям любого языкового коллектива, поэтому он имеет универсальную надэтническую природу. Однако в ходе вербализации трансформируемая мысль приобретает яркую этнокультурную и лингвокультурологическую выраженность, что наглядно проявляется при анализе английских, узбекских, русских, и любых других культурных концептов, в частности, концепта «гипербола».

В настоящей статье нами предпринята попытка раскрыть лингвокультурологические особенности вербализаторов концепта «гипербола» и разработать их лингвокультурологическую таксономику в языках разной типологической принадлежности, а именно в английском (репрезентирующем языке с преимущественно аналитическим строем), в узбекском (являющемся языком с преимущественно агглютинативным строем) и в русском (относящемся к флективному типу языка).

Лингвокультурологический аспект исследования вербализаторов концепта «гипербола» предполагает выделение ведущих тенденций, в наибольшей степени характеризующих особенности гиперболического смыслообразования и стоящего за ним национального менталитета и соответственно лингвалитета.

Исследование продуктивности таких семантических сфер как концептуальная семантика «гипербола» в качестве источников гиперболизации, направленность гиперболических переносов, степень их регулярности позволяет подойти к рассмотрению средств вербализации гиперболы как гиперболической системы, особенности которой имеют и собственно лингвистическую и лингвокультурологическую характеристики меры признака явлений.

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что лингвокультурологические особенности «гиперболем» как эмических (языковых) единиц, закономерно коррелирующихся с «гиперболами» этических (речевых) единиц, могут вполне служить прочным основанием для разработки их таксономики как «лингвокультурем» [ср.: 3. С. 54–56; 17. С. 9–14; 1. С. 31 и др.], концептуализирующих гиперболизированную характеристику меры признака явлений окружающего нас мира. В силу действующего в лингвистике разграничения языка (как явления эмического порядка, обладающего семиологической релевантностью) и речи (как явления этического характера, лишённого этой релевантности) мы понимаем под термином «гиперболема» языковую единицу, а под термином «гипербола» – речевую единицу как конкретную реализацию первой в речи [16. С. 210].

Таким образом, лингвокультурологическая таксономика гиперболем современного английского, узбекского и русского языков базируется на таких категориях и аспектах, которые формируются на базе осмысления этносоциокультурных особенностей языкового сознания

(лингвалитета), языкового знания (лингвосферы) и речевого поведения носителей той или иной лингвокультуры при ее сопоставлении с другими лингвокультурами. С этой точки зрения, являясь немаловажной категорией лингвокультурологии, универсальный культурный концепт, точнее, культурно-концептуальная семантика «гипербола», закономерно вербализуется единицами различных уровней языковой иерархии, начиная с фоном и кончая текстами» [16. С. 319].

При таксономике гиперболем сравниваемых языков их главным диагностирующим признаком является наличие или отсутствие в них той части, которая является «гиперболизатором» [16. С. 321], имеющим некую генерирующую фреймовую силу в структурно-семантической, коммуникативно-прагматической и лингвокультурологической организации данных гиперболем, с одной стороны, как тропов (словесных стилистических средств без гиперболизаторов), и как фигур речи (с гиперболизаторами), с другой.

На основе анализа эмпирического материала сопоставляемых языков (В статье в качестве иллюстративного материала нами использованы примеры, взятые из словарей сопоставляемых языков: Кунин, А. В. *Англо-русский фразеологический словарь* : в 2 т. М.: Советская энциклопедия, 1967; Рахматуллаев, Ш. *Ўзбек тилининг қисқача изоҳли луғати*. Тошкент: Фан, 1964; Ожегов, С. И. *Словарь русского языка* / под ред. Н. Ю. Шведовой. 14-е изд., стер. М., 1982. Hornby, A. S. *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English*. Volumes I, II. Moscow: Russian Language Publishers, 1982, Oxford: Oxford University Press, 1982; *New English-Russian Dictionary*, edited by prof. I. R. Galperin. Volumes I, II. Moscow: Russian Language, 1979; *Узбекско-русский словарь* / под ред. С. Ф. Ақобирова, Г. Н. Михайлова. Ташкент: Гл. ред. Узбекской Советской энциклопедии, 1988; *Русско-узбекский словарь* / под ред. Р. Абдурахмонова. М., 1954, а также АБВУУ *Lingvox 5* и др.) нами установлено, что к таковым как раз и относятся следующие гиперболизаторы, выраженные:

1) антропонимическими лексемами: *Даққи Юнус (Ёнус), Алмисоқ, Румий, Фарход, Janus, Aristotle, Jesus, Arthur* и так далее: *as old Adam/ as old as Methuselah – Даққи Юнус (Ёнус) дан (эски) нарса – старо, как мир, быльём поросло (старая вещь, оставшаяся с времен Януса); Алмисоқдан қолган нарса – старо, как мир,*

быльем поросло, старая вещь, оставшаяся с времен Алмисока; *renowned as Roonie* – Румий-дек оламга донги кетган – всемирноизвестный как Румий; *Strong as Farhad* – Фархаддек бақувват – силен как Фархад, *He was a burning, blazing Jack that was like a volcano spouting forth strength, robustness, and health* – Жек ҳайбатидан от хуркийдиган одам – Джек был человеком, похожим на вулкан, брызжущий силой и здоровьем; *Arthurian romances* – Афсонавий Артур шоҳ ҳақидаги романлар ва достонлар – романы и поэмы «Артурова цикла» (о легендарном короле Артуре); *Babbit's preparations were somewhat less elaborate than the plans for a general European war* – Бэббитнинг тайёргарликлари ялти Европа уришига тайёргарликлардан бир оз кам бўлди ҳолос. – Приготовления Бэббита были чуть меньше планов подготовки к общей европейской войне, *Benjamin's mess* – энг катта улуш – львиная доля и т. п. ;

2) топонимическими лексемами: *Camp David approach* (Кэмп Дэвидчасига ёндашув (кэмп-дэвидский подход), *Nurnberg processes* – Нюрнберг жараёнлари – Нюрнбергские процессы; *to see one's Waterloo* – энасини Учқўргондан кўрсатмоқ – устроить кому-то Учкурган; *fool always rushes to the fore* – Тентакка Кува бир тош «для дурака дорога нипочем» и так далее;

3) зоонимическими лексемами (зоонимами):

а) выражающими названия животных: *as hungry as a wolf* – бўридек оч – голодный как волк, *as clumsy as a bear* – айиқдек қўпол – неуклюжий как медведь; *a bear service* – қош қўяман деб, қўз чиқармоқ – медвежья услуга; *lion's share* – шернинг ҳақи /энг катта улуши/ – львиная доля; *as cunning as a fox* – тулкидек айёр – хитрая как лиса; *as brave as a tiger* – йўлбарсдек қўрқмас – храбрый как тигр; *as a sheep among the shearers* – эчкининг ўлгиси келса, қассобнинг пичогини ялайди – как овца, отдающая себя на заклание; *as a hog on ice* – ўзига ўта ишонган карандимок киши – нахал, самоуверенный, развязный человек; *crocodile tear* – сохта қўз ёшлари – крокодилы слезы и так далее;

б) выражающими названия птиц: *Homeless quail sings everywhere* – бедананинг уйи йўқ, қайга борса битбилдиқ – нет дома у перепела, поет где попало; *to repeat as a parrot* – тўтидек такрорламок – повторять как попугай; *swan song* – лебединая песня; *swallow* – биринчи қалдиргоч – первая ласточка и так далее;

в) выражающими названия насекомых: *he wouldn't hurt (harm) a fly* – паишага ҳам озор

бермайди, (мухи, муху, комара) – не обидит (пальцем не тронет); *suck (drink) smb.'s blood as a gadfly* – сўнадек қонини сўрмоқ – сосать кровь (чью-то) как овод; *snail slow* – ўлгудек (шилликқуртдек) секин – медлительный, как улитка и так далее;

4) лексемами, выражающими названия растений: *plane tree* – чинор – чинара, *pine* – қайрагоч – сосна; *straw* – поя- солома и так далее; *the last straw* – охирги элак (сабр косасини тоширмоқ) – предель терпения; *pine beauty* – ўта хавфли қарагай ҳашиорати – очень опасное сосновое насекомое и так далее;

5) соматическими лексемами: *nose* – бурун – нос, *hand(s)* – қўл- руки, *mouth* – оғиз – рот, *tongue* – тил – язык; *head* – бош- голова, *eye* – кўз – глаз и так далее): *poke one's nose into every matter* – ҳарбир ишга бурнини тикмоқ – совать нос (вмешиваться в чужие дела; *огзинга қараб гапир* – *watch your language* – следи за языком; *no face* – бети йўқ – нет лица; *to swallow one's tongue* – тилини ютмоқ – проглатить язык; *to rack one's brains* – бошини қотирмоқ – ломать себе голову над чем-л.; *to lose one's head* – бошини йўқотиб қўймоқ – потерять голову; *to keep an eye on* – кўз-қулоқ бўлмоқ – смотреть в оба; *to answer with one's head* – калла (бош) билан жавоб бермоқ- отвечать головой; *to pull one's leg* – бошини, каллани гангитмоқ – морочить голову и так далее;

б) лексемами, выражающими религиозные (духовные) явления: *For god's sake* – Худо ҳаққи – Ради бога; *Heaven (God) knows* – Худо шохид (Худо тепамада турибди) – Бог знает; *Honest to God* – Худо ҳақи, қасам ичаман – клянусь богом; *God save us* – Худо сақласин – Божи упаси; *God (Heaven) forbid* – Худо кўрсатмасин, Худо асрасин – не дай бог и так далее;

7) лексемами, выражающими явления галактики. *Moop* – ой- месяц; *sun* – қуёш – солнце, *star* – юлдуз – звезда: *as beautiful as the full moon* – тўлин ойдек гўзал – такая красивая как полная луна; *You are my sun (shine)* – Сен менинг қуёшимсан – Ты моё солнце и так далее;

8) лексемами, обозначающими драгоценные металлы и вещества: *gold* – тилла/олтин – золото; *silver* – кумуш-серебро; *brilliant* – бриллиант – бриллиант; *diamond* – олмос – алмаз; *purple* – жавоҳир – пурпур и др.: *a golden head* – тилла калла – золотая голова; *golden hands* – олтин қўллар – золотые руки; *silver shoes* – кумуш туфлилар- серебрянные туфли; *golden season* – олтин мавсум – золотой сезон; *golden wedding* – олтин тўй – золотая свадьба;

golden age – олтин аср- золотой век; *brilliant hands* – бриллиант қўллар – бриллиантовые руки и так далее.

Что касается гиперболических средств как тропов (словесных стилистических средств без гиперболизаторов) в сопоставляемых языках, то они наиболее частотны в повседневной коммуникации и преимущественно репрезентированы в языках метафорами, точнее, гиперболическими метафорами типа: *I am dead* – Мен ўлдим – Я умер; *My heart bled* – Менинг юрагим қон бўлди – Мое сердце кровоточило; *I lost my head* – Мен бошимни йўқотиб қўйдим – Я потреял голову и так далее.

Как видно из вышеизложенного, подавляющее большинство гиперболем в сопоставляемых языках выражается фразеологическими единицами, которые можно условно называть «фразеогиперболемами» [8. С. 147–148].

С точки зрения их аксиологического (ценностно-ориентационного) аспекта и характера гиперболических мотивационных признаков, последние способны уточнить, конкретизировать и манифестировать лингвокультурную специфику (лингвокультурологический аспект) гиперболического измерения национальной языковой личностью окружающей действительности и себя как субъекта: народа, этноса – носителя языка этого гиперболического «измерения», демонстрируя свое гиперболическое видение мира (которое с реальностью никогда не совпадает) в целях сильного, убедительного воздействия на партнера в коммуникации.

Следует также отметить, что в трех анализируемых языках, если в составе гиперболема есть гиперболизатор, происходит гиперболическая метафоризация, метонимизация, персонификация, равно как и гиперболическое уподобление, сравнение и т. п., а когда гиперболема не содержит гиперболизатора, то здесь налицо полная метафоризация.

Как видно, сопоставляемые языки обнаруживают определенные лингвокультурологические сходства и различия в системе гиперболических средств, вербализирующих концептуальную семантику «гипербола». Их сходства заключаются в том, что такие гиперболические средства как фонема, морфема, лексема, фраза, сентенсема, фразеоема и текстема как структурные гиперболические типы единиц в данных языках в принципе совпадают, хотя их фонологическая, лексико-синтаксическая, фразеологическая и текстологическая характеристики не одинаковы в силу

идиоматизма конструктивных моделей данных средств как эмических единиц. В английских вербализаторах концептуальной семантики «гипербола» задействована больше аналитическими средствами, в узбекском – преимущественно агглютинативными, в русском господствуют флективные средства выражения тех или иных морфолого-синтаксических отношений. При этом их сходства объясняются общими закономерностями развития языков как орудия познания мира, общения, обмена информацией, тогда как их различия свидетельствуют о том, что у носителей сопоставляемых языков разные способности и возможности мироощущения, мировидения и миропознания. Все это непосредственно связано с оригинальным мышлением носителей данных языков, облигаторно вербализующих его своими неповторимыми типами единиц различных уровней языковой иерархии (фонологическими, морфологическими, лексическими, синтаксическими, фразеологическими и текстологическими единицами с присущей им семиологической релевантностью как эмических единиц), тем самым служащими стилистическими средствами в обиходной речи носителей языков того или иного языкового сообщества.

Список литературы

1. Алимжанова, Г. М. Сопоставительная лингвокультурология: сущность, принципы, единицы : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Г. М. Алимжанова. – Алматы, 2010.
2. Ашурова, Д. У. Перспективы изучения исследований в свете новых направлений лингвистики / Д. У. Ашурова // Филология масалалари. – Ташкент. – 2004. – № 4.
3. Воробьев, И. И. Лингвокультурология: теория и методы / И. И. Воробьев. – М., 1997.
4. Демьянков, В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В. З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4.
5. Касевич, В. Б. О когнитивной лингвистике / В. Б. Касевич // Общее языкознание и теория грамматики : матер. чт., посв. 90-лет. со дня рожд. С. Д. Кацнельсона. – СПб.: Наука, 1998.
6. Кубрякова, Е. С. О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный» / Е. С. Кубрякова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2001. – № 1. – С. 4–10.

7. Кубрякова, Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М.: Языки славян. культ., 2004.
8. Кунин, А. В. Гипербола в сфере английской фразеологии: о фразеологической гиперболе / А. В. Кунин // Английская фразеология в функциональном аспекте : сб. науч. тр. Вып. 336. – М., 1989.
9. Маматов, А. Э. Тилга когнитив ёндашувнинг моҳияти нимада? / А. Э. Маматов // Ўзбек тилшунослигининг долзарб муаммолари (проф. А. Нурмонов тавлудининг 70 йиллигига бағишланган илмий-амалий анжуман материаллари). – Андижон, 2012.
10. Маслова, В. А. Введение в когнитивную лингвистику : учеб. пособие / В. А. Маслова. – М.: Флинта: Наука, 2004.
11. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М.: АСТ; Восток-Запад, 2007.
12. Сафаров, Ш. Когнитив тилшунослик / Ш. Сафаров. – Жиззах: «Сангзор» нашриёти, 2006.
13. Стернин, И. А. Методологические проблемы когнитивной лингвистики : науч. изд. / И. А. Стернин. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001.
14. Хошимов, Г. М. К теории концептов и их таксономики в когнитивной лингвистике / Г. М. Хошимов // Систем-структур тилшунослик муаммолари: филология фанлари доктори, проф. Н. К. Турниёзов таваллудининг 70-йиллигига бағишланган Республика илмий-назарий конференцияси материаллари. – Самарканд, 2010.
15. Хошимов, М. Ф. Таржиманинг лингвокогнитив асослари ва лингвокультурологик жиҳатлари / М. Ф. Хошимов, Г. М. Хошимов, А. Ф. Хошимов, Ж. Б. Қорабоев // Маданиятлараро ва илмий-техник алоқаларда таржиманинг ўрни ҳамда роли: Республика илмий-амалий анжумани материаллари тўплами. – Наманган: АДУ, 2014.
16. Қорабоев, Ж. Б. Инглиз тилидаги «муболоға» концептини воқеалантирувчи фразеологик бирликларни ўзбек тилига ўгириш муаммолари / Ж. Б. Қорабоев // Маданиятлараро ва илмий-техник алоқаларда таржиманинг ўрни ҳамда роли: Республика илмий-амалий анжумани материаллари тўплами. – НамДУ, 2014.
17. Юсупов, У. Қ. Когнитив лингвистика хақида / У. Қ. Юсупов // Аюб Ғуломов ва ўзбек тилшунослиги масалалари. – Тошкент, 2007.
18. Юсупов, Ў. Қ. Концепт ва лингвокультура атамалари хусусида / У. Қ. Юсупов // Қиёсий-чоғиштирма, типологик ва умумий тилшуносликнинг долзарб муаммолари: Республика илмий-амалий анжумани материаллари. – Андижон: Жаҳон интер принт, 2010.
19. Юсупов, Ў. Қ. Маъно, тушунча, концепт ва лингвокультура атамалари хусусида / У. Қ. Юсупов // Стилистика тилшуносликнинг замонавий йўналишларида мавзусидаги илмий-амалий конференция материаллари. – Тошкент, 2011.
20. Langacker, R. W. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1. Theoretical Prerequisites / R. W. Langacker. – Stanford, 1987.
21. Langacker, R. W. Foundations of cognitive grammar. Vol. II: Descriptive application / R. W. Langacker. – Stanford / California: Stanford Univ. Press, 1991.
22. Jackendoff, R. Semantics and Cognition. 6th ed. – Cambridge (Mass.): The MIT Press, 1993.

Сведения об авторе

Карабаев Жасур Бахадирович – старший преподаватель Андижанского государственного университета им. З. М. Бабура, Узбекистан.

karabaevjasur@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 10 (365).

Philology. Arts. Issue 95. Pp. 74–80.

**LINGUOCULTUROLOGICAL FEATURES OF THE VERBALIZERS
OF THE CONCEPTUAL SEMANTICS OF “HYPERBOLE”
IN TYPOLOGICALLY DIFFERENT LANGUAGES**

J. B. Karabayev

Andizhan State University of Z. M. Babur, Uzbekistan. karabaevjasur@mail.ru

The article is devoted to the comparative typological study of linguistic and culturological features of the conceptual semantics of “hyperbole” verbalizers which is represented by the types of units of different levels of language hierarchy called “linguoculturemes” with specific ethnic, linguistic and culturological characteristics in Modern English, Uzbek and Russian.

Keywords: *cognitive semantics, conceptual semantics, concept, language picture, linguoculturology, linguocultureme, isomorphism, allomorphy.*

References

1. Alimzhanova G.M. *Sopostavitel'naja lingvokul'turologija: sushhnost', principy, ediniy : avtoref. uch. st. dokt. nauk* [Comparative cultural linguistics: the nature, the principles of unity]. Almaty, 2010. (In Russ.).
2. Ashurova D.U. Perspektivy izuchenija issledovanij v svete novyh napravlenij lingvistiki [Perspectives study in light of new research directions linguistics]. *Filologija masalalari* [Philology masalalari], Tashkent, 2004, no. 4. (In Russ.).
3. Vorob'ev I.I. *Lingvokul'turologija: teorija i metody* [Linguocultural linguistics: theory and methods]. Moscow, 1997. (In Russ.).
4. Dem'jankov V.Z. Kognitivnaja lingvistika kak raznovidnost' interpretirujushhego podhoda [Cognitive linguistics as a kind of interpretive approach]. *Voprosy yazykoznaniya* [Problems of Linguistics], 1994. no. 4. (In Russ.).
5. Kasevich V.B. O kognitivnoj lingvistike [About cognitive linguistics]. *Obshhee jazykoznanie i teorija grammatiki* [General Linguistics and Theory of grammar]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1998. (In Russ.).
6. Kubrjakova E.S. O kognitivnoj lingvistike i semantike termina «kognitivnyj» [On the cognitive linguistics and semantics of the term “cognitive”]. *Vestnik Voronezh. gos. un-ta. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija* [Bulletin of the Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication]. 2001. № 1. P. 4–10 (In Russ.).
7. Kubrjakova E.S. *Jazyk i znanie. Na puti poluchenija znanij o jazyke: chasti rechi s kognitivnoj točki zrenija. Rol' jazyka v poznanii mira* [Language and Knowledge. On the way of acquiring knowledge of the language: the parts of speech with cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world]. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. (In Russ.).
8. Kunin A.B. Giperbola v sfere anglijskoj frazeologii: o frazeologicheskoj giperbole [Hyperbole in English phraseology: hyperbole about the phraseology]. *Anglijskaja frazeologija v funkcional'nom aspekte* [English phraseology in the functional aspect], Moscow, 1989, Issue 336. (In Russ.).
9. Mamatov A.Je. Tilga kognitiv jondashuvning moxijati nimada? / A. Je. Mamatov // *Ўzbek tilshunosligining dolzarb muammolari* (prof. A. Nurmonov tavludining 70 jilligiga barishlangan ilmiy-amaliy anzhuman materiallari). Andizhon, 2012. (In Tajik).
10. Maslova V.A. *Vvedenie v kognitivncuju lingvistiku* [Introduction to Cognitive Linguistics]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2004. (In Russ.).
11. Popova Z.D. *Kognitivnaja lingvistika* [Cognitive Linguistics]. Moscow, AST Publ., Vostok-Zapad Publ., 2007. (In Russ.).
12. Safarov Sh. *Kognitiv tilshunoslik* [Cognitive linguistics]. Zhizzah, «Sangzor» nashrijoti Publ., 2006. (In Russ.).

13. Sternin I.A. *Metodologicheskie problemy kognitivnoj lingvistiki* [Methodological problems of cognitive linguistics]. Voronezh, Voronezh. gos. un-t, 2001. (In Russ.).
14. Hoshimov G.M. K teorii konceptov i ih taksonomiki v kognitivnoj lingvistike [On the theory of concepts and their taksonomy in cognitive linguistics]. *Sistem-struktur tilshunoslik muammolari* [System problems of structural linguistics]. Samarkand, 2010. (In Russ.).
15. Hoshimov M.F., Xoʻshimov F.M., Xoʻshimov A.F., Koraboev Zh.B. Tarzhimaning lingvokognitiv asoslari va lingvokul'turologik zhixatlari [Lingvokognitiv translation principles and aspects of ethnology]. *Madaniyatlararo va ilmiy-tehnika aloqalarida tarzhimaning y'ri xamda roli* [The role of cultural and scientific-technical relations and the role of translation]. Namangan, ADU Publ., 2014. (In Tajik).
16. Koraboev Zh.B. Ingliz tilidagi «mubolora» konceptini voqealantiruvchi frazeologik birliklarni y'zbek tiliga y'girish muammolari [English language mubolog'a units voqealantiruvchi concept turns into trash problems]. *Madaniyatlararo va ilmiy-tehnika aloqalarida tarzhimaning y'ri xamda roli* [The role of cultural and scientific-technical relations and the role of translation]. NamDU, 2014. (In Uzbek).
17. Jusupov U.K. Kognitiv lingvistika hakida [About cognitive linguistics]. *Ajub Fulomov va y'zbek tilshunosligi masalalari* [Job Gulomov and the Uzbek language]. Tashkent, 2007. (In Uzbek).
18. Jusupov Y'.K. Koncept va lingvokul'turema atamalari hususida [Lingvokulturema terminology and concept]. *Kijosij-chozishtirma, tipologik va umumumiy tilshunoslikning dolzarb muammolari: Respublika ilmiy-amaliy anzhumani materiallari* [Comparative chog'ishtirma, typological and decay of the pressing problems of linguistics]. Andizhon, Zhaxon inter print, 2010. (In Uzbek).
19. Jusupov Y'.K. Ma'no, tushuncha, koncept va lingvokul'turema atamalari hususida [Meaning, concept, concept and lingvokulturema terminology]. *Stilistika tilshunoslikning zamonaviy j'ynalishlarida mavzusidagi ilmiy-amaliy konferencija materiallari* [Stylistics of modern linguistics scientific-practical conference on the theme]. Tashkent, 2011. (In Uzbek).
20. Langacker R.W. *Foundations of cognitive grammar*, vol. I. Theoretical Prerequisites. Stanford, 1987.
21. Langacker R.W. *Foundations of cognitive grammar*, vol. II: Descriptive application. Stanford, California, Stanford Univ. Press, 1991.
22. Jackendoff R. *Semantics and Cognition*. 6th ed. Cambridge, The MIT Press, 1993.

УДК 811.11-112

В. Г. Караваева, С. В. Андросова

АЛЛОФОННОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ ИНТЕРВОКАЛЬНОГО /t/ В БРИТАНСКОМ НОВОСТНОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена особенностям аллофонного варьирования фонемы /t/ в интервокальной позиции внутри слова в современной британской речи. Описываются наиболее частотные канонический аллофон полного типа и одноударный аллофон. Рассматриваются случаи спондизации и двухвершинности. Результаты свидетельствуют в пользу изменений произносительной нормы за последнее десятилетие и высокой степени свободного варьирования данной фонемы.

Ключевые слова: аллофонное варьирование, интервокальная позиция, свободное варьирование, канонический аллофон, одноударный аллофон, спондизация, двухвершинность.

В современной англистике в течение последних десятилетий отмечается повышенный интерес к различным национально-региональным вариантам английского языка. При этом самым вариативным и неустойчивым обычно считался (и считается) американский вариант английского языка.

Между тем исследования целого ряда отечественных и зарубежных лингвистов явно свидетельствуют о том, что на территории Англии (речь не идет о языковых образованиях Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии) языковая ситуация также далека от стабильности. Как отмечают сами британские исследователи, британский произносительный стандарт (RP) подвергся существенным изменениям и находится в неустойчивом состоянии [20. Р. 191–211]. С. Рамсаран в сборнике памяти известнейшего английского фонетиста А. Гимсона приводит довольно внушительный список имеющих место в современном RP модификаций гласных, согласных и акцентной структуры ряда слов [24. Р. 178–190].

Согласно Р. Дэлани, за 2013 г. на территории США насчитывается 24 диалекта [19]. В то же время, на территории одной лишь Англии П. Традгилл определяет 17 диалектов [25]. Таким образом, относительно произносительного стандарта Великобритании (RP), GA более однородный. Такое многообразие диалектов появилось не в одночасье, Д. Кристал отмечает, что интерес к региональным диалектам Англии существовал всегда, однако особенно остро данная проблема стояла в 80-е гг. XX в. [18]. Это связано с распространением и популяризацией сравнительно нового языкового образования, получивше-

го название Estuary English и претендующего на роль современного стандартного британского произношения [10. С. 78–79, 83], и с неоднозначным отношением населения Великобритании к нему [17. Р. 396]. Непростой языковой климат создал благоприятные условия для реализации проекта «Голос» (серия теле и радиопередач компании BBC о диалектах и о языковой произносительной норме) [18. Р. 12–14]. Сложившаяся языковая ситуация в Англии вызывает к себе огромный интерес со стороны ученых-лингвистов, преподавателей и самих носителей языка сегодня, как и несколько десятилетий назад. И это неудивительно, ведь доказано, что в Великобритании произношение говорящего играет огромную роль при создании положительного образа в бизнесе, политике и свидетельствует об уровне образованности индивида [12].

В сложившихся условиях немаловажное значение имеет место изучение различных типов дискурса. На наш взгляд, для изучения тенденций развития стандарта особую роль играют такие типы дискурса, как политический и новостной.

Интерес к данной проблеме обусловлен тем, что вопрос воздействия СМИ является предметом серьезных дискуссий для исследователей самых разных областей. Кроме того, в современной науке все более актуальной становится проблема эффективности речевой коммуникации. Именно поэтому за последнее десятилетие можно отметить повышенное внимание к различным аспектам новостного и политического дискурса в рамках одного диалекта.

Выявлением наиболее эффективных просодических моделей речи британских дикторов

телеканалов BBC, Russia Today и Sky News занималась М. А. Дёмина [3].

Рассматривая особенности интонационного оформления британского политического дискурса, Е. Г. Мусаева уделяет особое внимание эмфатической маркированности и употреблению ударения в публичной политической речи, а также их влияние на реализацию сегментных единиц, в частности, согласных в британском варианте английского [11. С. 89–93].

Между тем, проведенных на данный момент исследований явно недостаточно для систематизации общепринятых особенностей в реализации как сегментных, так и супraseгментных единиц, что и обусловило наше обращение к новому дискусу.

Анализ акустических характеристик интервокального /t/. Материал и методика исследования. Для акустического анализа были использованы записи радиопередач теле и радио вещательной компании BBC, которые находятся в свободном доступе на официальном сайте компании (Hardtalk, Outlook). Дикторами выступили 4 коренных британца с высшим образованием, полученным на территории Англии (средний возраст 50 лет). Материал двух дикторов с достаточной длительностью звучания (40 мин) был взят для статистических подсчетов. Материал двух других дикторов – меньший по объему – использовался для подбора иллюстративных примеров. Дикторы являются ведущими (D1, D2) и участниками (D3, D4) двух радиопередач: Hardtalk [21] и Outlook [23]. Тематика бесед преимущественно затрагивает социальные и политические вопросы.

В качестве объекта исследования был выбран согласный /t/, а в качестве предмета – особенности его аллофонного варьирования в интервокальной позиции внутри слова перед безударным гласным.

Сегментация и акустический анализ проводились в программе Praat. Сегментация осуществлялась при аудиовизуальном контроле по осциллограмме и динамической спектрограмме с использованием принципов, подробно изложенных в работе П. А. Скредина [13]. Были получены динамические спектрограммы и графики движения основного тона и интенсивности. Графический материал был сохранен в eps-формате, затем переведен в tiff-формат в программе Gimp, в которой в полученные рисунки были вставлены транскрипционные знаки и метки. Транскрипционные знаки были по-

добраны таким образом, чтобы наиболее точно отразить акустическую транскрипцию.

Типы аллофонов и их акустические характеристики. У каждого из дикторов было рассмотрено по 100 реализаций /t/ в данной позиции. Эти реализации представляют четыре типа аллофонов:

1) полного типа произнесения (= канонический аллофон), реализации которого имеют в своем составе выраженные смычку, импульсный и турбулентный шум (см. об основах учения о типах произнесения / стилях произношения у Л. В. Щербы [15. С. 21–25], В. Б. Касевича et al. [6], а также у С. В. Андросовой et al. о его применении к аллофонам в английском языке [1];

2) одноударный (механизм был определен Дж. Лавером: на большой скорости кончик языка ударяет об альвеолы [22. Р. 61]) как результат продуктивного процесса ленизации, происходившего в XIX в. в ряде диалектов английского языка [16. Р. 148–149, 151];

3) спирализованый (см. общefonетическую информацию о спирализации интервокальных согласных у Л. Р. Зиндера [4. С. 259–260]), в котором отсутствуют смычка и импульсный шум;

4) двухвершинный (см. об этом, напр., у Л. Р. Зиндера [4. С. 153]) с усилением интенсивности шума внутри согласного.

Результаты их количественной обработки представлены в таблице. На данный момент можно сказать, что указанные четыре вида аллофонов находятся в отношениях свободного варьирования (см. напр., у С. В. Кодзасова и О. Ф. Кривновой: свободные варианты встречаются в одной позиции и варьируют без изменения смысла [8. С. 333] и у В. Б. Касевича о свободных вариантах с разной частотностью [7. С. 44]).

Аллофоны интервокального /t/

Диктор	Аллофоны (%)					
	основ- ной	одноу- дарный	спирализи- зованный		двухвер- шинный	
	/t/	/ɾ/	/s/	/j/	/z/	/tʰ:/
D1	51	35	7	4	-	3
D2	40	49	5	3	2	1

В ходе эксперимента было выявлено, что двумя самыми частотными аллофонами на месте интервокального /t/ в британском новостном дискурсе были аллофон полного типа и одноударный. Их соотношение в речи исследуемых дикторов разное: в речи D1 51 % – ал-

лофон полного типа и 35 % – одноударный; в речи D2 указанное соотношение изменилось в пользу одноударного: 40 % и 49 % соответственно. Типичными являются следующие примеры (D1, D2): *city* «город», *British* «британский», *competitive* «конкурентный», *getting* «получая», *political* «политический». Одноударные встретились в речи и других дикторов (D3, D4): *popularity* «популярность», *pretty* «довольно», *operating* «оперируя», *beating* «поражение», *citizen* «горожанин», *united* «объединенный». Приведем некоторые из них на нижеследующих спектрограммах.

Одноударный в слове *water* («вода», D3) имеет следующие акустические характеристики (рис. 1): длительность – 25 мс., имеются некоторое подобие смычки и слабовыраженный импульс. На всем протяжении согласного реализуется основной тон. Имеется характерное понижение интенсивности (от 72 дБ до 68 дБ) и ее повышение (до 74 дБ) на участке одноударного. Темп произнесения на данном участке речи не быстрый. Общая длительность слова составляет 287 мс, средняя длительность фонемы в нем равна 72 мс.

Другой пример реализации одноударного зафиксирован в слове *pretty* из *pretty much* «довольно» в речи D4. В данном примере длительность одноударного составила 19 мс, фаза смычки и импульс не выражены, единственным признаком присутствия одноударного является перепад по интенсивности между гласными на 5 дБ (рис. 2).

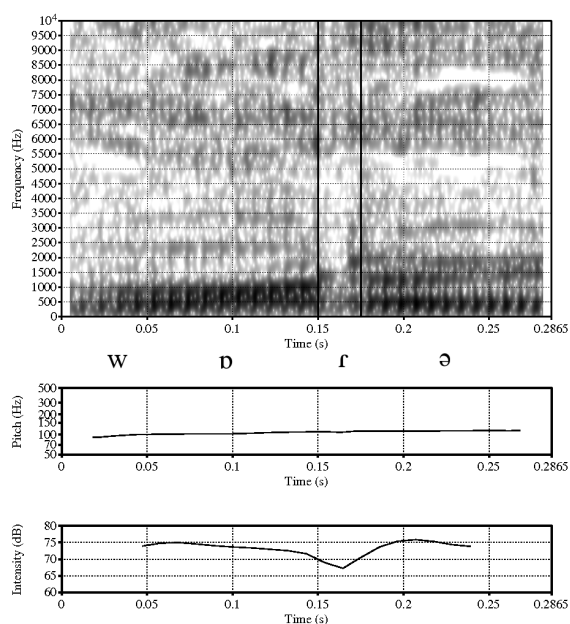

Рис. 1. Реализация одноударного аллофона в слове *water* («вода», D3)

Одноударные реализации были также отмечены для фонем /d/ и /l/. Для /d/ они встретились в интервокальной позиции при последующем безударном гласном (напр., в слове *anybody* «кто-нибудь»), а также перед слоговым /l/ (напр., в слове *pedal*). В обоих случаях имеется смычка и некоторое подобие импульса. Зафиксированы также и другие примеры: *regarded as* «рассмотренный как», *decided* «решили», *freedom* «свобода». Для /l/ одноударные встретились в следующих примерах: *feel about* «думаю о», *reality* «действительность», *ability* «способность», *stealing* «кража», *politician* «политик».

Сходные данные на материале спонтанной речи образованных носителей британского варианта английского языка были получены Ю. П. Иванашко и Е. Г. Мусаевой для /t/ и /d/ (реализация орфографических -t/-tt и -d/-dd как одноударных в спонтанной речи составила 35 % от числа потенциальных позиций, при этом 87 % одноударных были реализованы на границе слов перед ударным гласным, а остальные 13 % – внутри слова в позиции перед безударным гласным [5]).

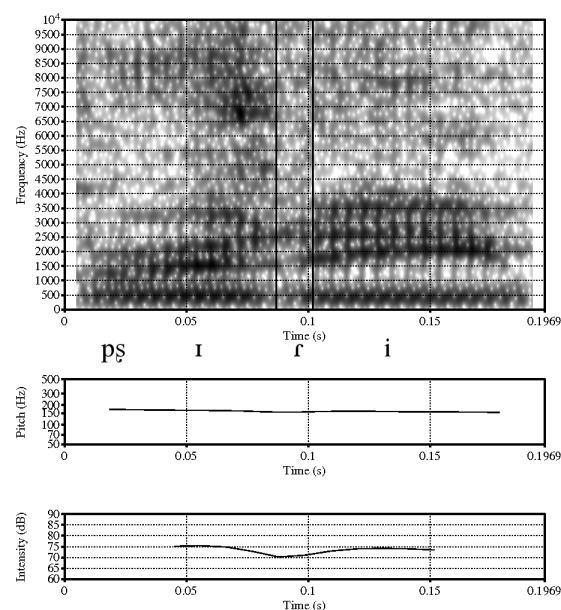

Рис. 2. Реализация одноударного аллофона в слове *pretty* («довольно-таки» D4)

На нашем материале при замедлении темпа речи, особенно в начале беседы, когда диктор произносил заранее подготовленную речь и в моменты hesitation в интервокальной позиции часто встречались аллофоны /t/ в полном типе произнесения. Таким образом количество реализованных одноударных аллофонов на ме-

сте /t/ в среднем по двум дикторам составляет 42 %, а аллофонов полного типа – 45,5 %.

Еще одной особенностью реализации интервокального /t/ внутри слова является его спонтизация, которая заключается в ослаблении / потере смычки и усилении фрикативного шума. Согласно Л. Р. Зиндеру, глухие переднеязычные смычные наиболее стойкие в отношении спонтизации [4. С. 260]. На исследуемом материале спонтизация /t/, действительно, встречалась не часто – в 10,5 % случаев в среднем у D1 и D2; у D3 и D4, данная реализация также присутствовала. При этом интервокальный /t/ был реализован, как [s] в 6 % случаев, как [ʃ] – в 3,5 % и как [z] – в 1 % случаев в целом по двум дикторам. На рисунках 3–4 приведены примеры акустической картины спонтизации. В слове *Britain* «британский» в речи D4 (рис. 3) смычка отсутствует, фрикативный шум усилен и отмечается явная двухвершинность согласного, на что указывает существенный перепад по интенсивности внутри него.

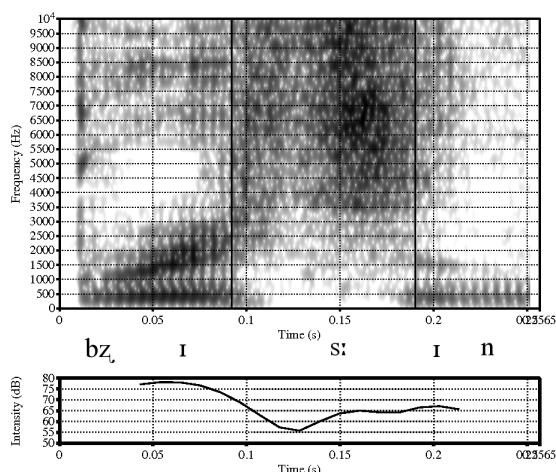

Рис. 3. Реализация спонтизированного аллофона в слове *Britain* («Британия», D4)

В слове *city* («город» D2) также отмечалась спонтизация (рис. 4), однако при этом длительность данного согласного была существенно меньше, чем в предыдущем примере и составила 75 мс, а двухвершинности зафиксировано не было. Помимо этого, наблюдалось явное озвончение, о чем свидетельствует наличие основного тона на всем протяжении согласного. Реализация спонтизированных аллофонов встретилась также у D1 и D2 в следующих примерах: *fighter* «борец», *hating* «ненавидя», *popularity* «популярность».

Двухвершинность отмечалась не только у спонтизированного аллофона, но и у смыч-

но-взрывного. Последний оказался самым низкочастотным интервокальным аллофоном фонемы /t/ на исследуемом материале и реализовался в среднем по обоим дикторам лишь в 2 % случаев. Однако поскольку такой аллофон встретился в речи всех дикторов, его нельзя считать индивидуальной особенностью говорящих.

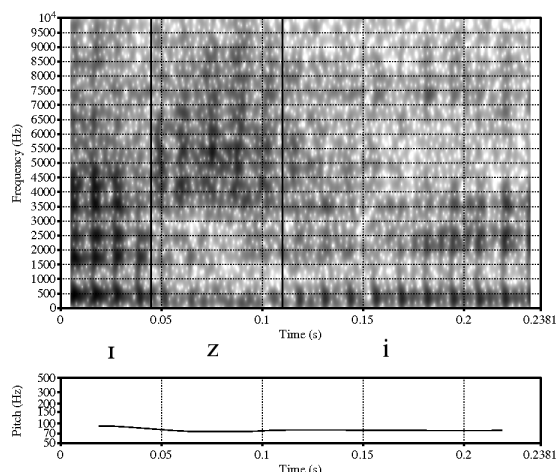

Рис. 4. Реализация спонтизированного аллофона в слове *city* («город», D2)

Реализация указанного аллофона отмечалась при разных темпах произнесения. Так, длительность слова *British* «британский» у D1 (рис. 5) составила 520 мс при 87 мс в среднем на одну фонему, у D3 эти параметры для слова *competed* «конкурировали» составили 531 мс и 66 мс соответственно, у D4 для слова *fitting* «подходящий» – 412 мс и 82 мс. При этом длительность двухвершинного в первом слове составила 120 мс, во втором – 92 мс, в третьем – 125 мс.

Проведенное исследование интервокальных аллофонов переднеязычного глухого смычно-взрывного согласного /t/ позволило выявить высокую степень свободного варьирования, когда при одних и тех же комбинаторно-позиционных условиях были реализованы четыре типа аллофонов с разной частотностью (в среднем по двум дикторам): аллофон полного типа (45,5 %), одноударный аллофон (42 %), спонтизированный (10,5 %) и двухвершинный смычно-взрывной (2 %).

Для выявления более полной картины особенностей реализации интервокального /t/ необходимо рассмотреть данную позицию на словесной границе, где предположительно ожидается увеличение количества одноударных аллофонов и сокращение количества трех

других видов аллофонов. Поскольку одноударные аллофоны встретились в экспериментальном материале не только на месте /t/, но и на месте /d/ и даже /l/, представляются целесообразными более тщательное исследование частотности одноударных на месте разных фонем и сопоставление факторов, определяющих их появление.

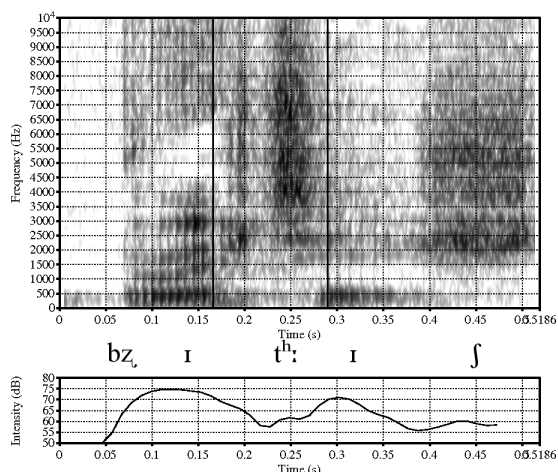

Рис. 5. Реализация двухвершинного аллофона в слове British («британский», D1)

В дальнейшем следует также предложить более исчерпывающую фонологическую интерпретацию указанных аллофонов. В частности, с позиций Щербовской фонологической школы необходимо рассмотреть вопрос о возможных живых фонетических чередованиях в случаях с одноударными и спирализованнными аллофонами. Для этого необходим соответствующий перцептивный эксперимент, проведение которого составит перспективу исследования.

Список литературы

1. Андросова, С. В. Сегменты неполного типа в английской спонтанной речи (на материале американского и австралийского вариантов) / С. В. Андросова, Е. В. Гнатюк, С. И. Гусева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2009. – Вып. 3. – С. 122–128.
2. Андросова, С. В. К вопросу о вариативности согласных фонем в спонтанной речи (на материале германских языков) / С. В. Андросова, С. И. Гусева // Проблемы фонетики. – 2007. – Вып. 5. – С. 151–162.
3. Дёмина, М. А. Фонопрагматическая обусловленность речи телеведущих информационных программ (на материале британского

варианта английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. / М. А. Дёмина. – М.: Моск. гос. лингвистич. ун-т, 2012. – 26 с.

4. Зиндер, Л. Р. Общая фонетика / Л. Р. Зиндер // Общая фонетика и избранные статьи. – СПб.: Филол. фак. С-Петербур. гос. ун-та, М.: Академия, 2007. – С. 7–354.

5. Иванашко, Ю. П. Контрастивное исследование акустических коррелятов гласных и согласных в спонтанной и подготовленной речи (экспериментально-фонетическое исследование на материале британского варианта английского языка) / Ю. П. Иванашко, Е. Г. Мусаева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 2 (256). – С. 27–29.

6. Касевич, В. Б. Стили произношения и типы произнесения / В. Б. Касевич, Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, М. В. Гордина, Л. Р. Зиндер // Вопросы языкознания. – 1974. – № 2. – С. 64–70.

7. Касевич, В. Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания / В. Б. Касевич // Труды по языкознанию. – СПб.: Филол. фак. С.-Петербур. гос. ун-та, 2006. – С. 10–238.

8. Кодзасов, С. В. Общая фонетика / С. В. Кодзасов, О. В. Кривнова. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. – 592 с.

9. Лычаная, С. А. Американский произносительный стандарт и региональные типы американского произношения / С. А. Лычаная // Социально-экономические явления и процессы. – 2011. – № 10. – С. 276–280.

10. Медведева, Т. В. Социолингвистический аспект инноваций в современном британском произношении / Т. В. Медведева // Филологические науки. – 2001. – № 4. – С. 66–71.

11. Мусаева, Е. Г. Просодические характеристики британского политического дискурса / Е. Г. Мусаева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 22 (203). – С. 89–93.

12. Островская, Т. А. Нормативный язык и современные социально-территориальные диалекты в Великобритании / Т. А. Островская // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: филология и искусствоведение. – 2007. – № 2. – С. 29–32.

13. Скредин, П. А. Сегментация и транскрипция / П. А. Скредин. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. – 106 с.

14. Шевченко, Т. И. Социофонетика: Национальная и социальная идентичность в английском произношении / Т. И. Шевченко. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 232 с.

15. Щерба, Л. В. О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слов / Л. В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – М.: Аспект Пресс, 2007. – С. 21–25.
16. Broadbent, J. M. T-to-r in West Yorkshire English / J. M. Broadbent // English Language and Linguistics. – 2008. – Vol. 12, № 1. – P. 141–168.
17. Crystal, D. Into the twenty-first century / D. Crystal // Oxford History of the English Language. – Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 394–413.
18. Crystal, D. Voices: a case study in the evolution of a linguistic climate at the BBC / D. Crystal // Analysing 21st-century British English: conceptual and methodological aspects of the 'Voices' project. – Abingdon: Routledge, 2013. – P. 12–25.
19. Delany, P. A Dialect Map of American English / P. Delany. – URL.: <https://www15.uta.fi/FAST/US1/REF/dial-map.html>.
20. Gilles, H. The social meaning of RP; an intergenerational perspective / H. Gilles, N. Coupland, K. Henwood, J. Harriman, J. Coupland // Studies in the Pronunciation of English. A Commemorative Vol. in Honour of A. C. Gimson. – Great Britain: Routledge, 1990. – P. 191–211.
21. Hardtalk // BBC. Podcasts and downloads. – URL.: <http://www.bbc.co.uk/podcasts/series/ht>.
22. Laver, J. Principles of Phonetics / J. Laver. – New York: Cambridge Univ. Press, 1994. – 736 p.
23. Outlook // BBC. Podcasts and downloads. – URL.: <http://www.bbc.co.uk/podcasts/series/outlook>.
24. Ramsaran, S. RP: Fact and Fiction / S. Ramsaran // Studies in the Pronunciation of English. A Commemorative Vol. in Honour of A. C. Gimson. – Great Britain: Routledge, 1990. – P. 178–190.
25. Trudgill, P. The Dialects of England / P. Trudgill. – Malden: Blackwell Publishers Inc, 2000. – 168 p.

Сведения об авторах

Караваева Вероника Георгиевна – аспирант Амурского государственного университета.
Berenices1988@gmail.com

Андросова Светлана Викторовна – доктор филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Амурского государственного университета.
Androsova_s@mail.ru

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 10 (365).
Philology. Arts. Issue 95. Pp. 81–88.*

ALLOPHONIC VARIATION OF THE PHONEME /t/ IN INTERVOCALIC POSITION IN BRITISH NEWS DISCOURSE

V. G. Karavaeva

Amur state university. Berenices1988@gmail.com

S. V. Androsova

Amur state university. Androsova_s@mail.ru

The article explores the allophonic variation of the phoneme /t/ in word-internal intervocalic position in modern British speech. The choice of the object is determined by (i) instability and high variability of the modern standard of British English that gives birth to widely accepted by native speakers phonological innovations that cannot be left unabated; (ii) high variability of /t/ as the most frequent consonant in English. The material of BBC news programs was used for the acoustic study. The subjects were four male native speakers of British English, in their late-forties or early-fifties, who have obtained higher education in England. The acoustic study enabled to register four types of allophones of /t/ and to classify them according to their frequency. The findings showed that the most frequent were canonical full-form and flapped allophones, which occurrence was 45,5% and 42% respectively. Spirantization and

ambisyllabicity of a number of allophones were registered in 10,5% and 2% respectively.

The results of the experiment demonstrate evident changes of British pronunciation standard over the recent decade that are reflected particularly in high rate of free variation of /t/. Further investigation suggests focusing on the intervocalic /t/ on the word boundaries and comparing word-internal and word-external patterns of /t/-variation.

Keywords: *allophonic variations, intervocalic position, free variation, canonical allophone, flap, spirantization, ambisyllabicity.*

References

1. Androsova S.V., Gnatjuk E.V., Guseva S.I. Segmenty nepolnogo tipa v anglijskoj spontannoj rechi (na materiale amerikanskogo i avstralijskogo variantov) [Segments of an incomplete type in English spontaneous speech (on the material of the american and australian versions)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serija 9. Filologija. Vostokovedenie. Zhurnalistika* [Bulletin of St. Petersburg State University. Series 9. Philology. Oriental. Journalism], 2009, issue 3, pp. 122–128. (In Russ.).
2. Androsova S.V., Guseva S.I. K voprosu o variativnosti soglasnyh fonem v spontannoj rechi (na materiale germanskih jazykov) [On the question of variability consonants in spontaneous speech (on a material of German language)]. *Problemy fonetiki* [Problems of phonetics], 2007, issue 5, pp. 151–162. (In Russ.).
3. Djomina M.A. *Fonopragmatičeskaja obuslovlennost' rechi televedushhih informacionnyh programm (na materiale britanskogo varianta anglijskogo jazyka) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Fonopragmatic conditionality speech anchors news programs (based on British English)]. Moscow, Mosk. gos. lingvistich. un-t, 2012. 26 p. (In Russ.).
4. Zinder L.R. Obshhaja fonetika [General Phonetics]. *Obshhaja fonetika i izbrannye stat'i* [General Phonetics and selected articles]. Saint Petersburg, Moscow, Akademija Publ., 2007, pp. 7–354. (In Russ.).
5. Ivanashko Ju.P., Musaeva E.G. Kontrastivnoe issledovanie akustičeskikh korrelyatov glasnyh i soglasnyh v spontannoj i podgotovlennoj rechi (jeksperimental'no-fonetičeskoe issledovanie na materiale britanskogo varianta anglijskogo jazyka) [Contrastive study of the acoustic correlates of vowels and consonants in spontaneous and prepared speech (experimentally-phonetic research on a material of the British variant of English language)]. *Vestnik Chelyabinsk State University* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2012, no. 2 (256), pp. 27–29. (In Russ.).
6. Kasevich V.B., Bondarko L.V., Verbickaja L.A., Gordina M.V., Zinder L.R. Stili proiznoshenija i tipy proiznesenija [Styles of pronunciation and utterance types]. *Voprosy jazykoznanija* [Problems of Linguistics], 1974, no. 2, pp. 64–70. (In Russ.).
7. Kasevich V.B. Fonologičeskie problemy obshhego i vostochnogo jazykoznanija [Phonological problems of general linguistics and Oriental]. *Trudy po jazykoznaniju* [Works on linguistics]. Saint Petersburg, 2006, pp. 10–238. (In Russ.).
8. Kodzasov S.V. *Obshhaja fonetika* [General Phonetics]. Moscow, Ros. gos. gumanit. un-t, 2001. 592 p. (In Russ.).
9. Lychanaja S.A. Amerikanskij proiznositel'nyj standart i regional'nye tipy amerikanskogo proiznoshenija [The American standard of pronunciation and regional types of American pronunciation]. *Social'no-jekonomičeskie javlenija i process* [Socio-economic phenomena and processes], 2011, no. 10, pp. 276–280. (In Russ.).
10. Medvedeva T.V. Sociolingvističeskij aspekt innovacij v sovremennom britanskom proiznoshenii [Sociolinguistic aspects of innovation in contemporary British pronunciation]. *Filologičeskie nauki* [Philology], 2001, no. 4, pp. 66–71. (In Russ.).
11. Musaeva E.G. Prosodičeskie harakteristiki britanskogo političeskogo diskursa [Sociolinguistic aspects of innovation in contemporary British pronunciation]. *Vestnik Chelyabinsk State University* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2010, no. 22 (203), pp. 89–93. (In Russ.).
12. Ostrovskaja T.A. Normativnyj jazyk i sovremennye social'no-territorial'nye dialekty v Velikobritanii [Statutory language and modern social and territorial dialects in the UK]. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: filologija i iskusstvovedenie* [Bulletin of Adygeya State University. Series 2: philology and art history], 2007, no. 2, pp. 29–32. (In Russ.).
13. Skrelin P.A. *Segmentacija i transkripcija* [Segmentation and Transcription]. Saint Petersburg,

1999. 106 p. (In Russ.).

14. Shevchenko T.I. *Sociofonetika: Nacional'naja i social'naja identichnost' v anglijskom proiznoshenii* [Sotsiofonetika: national and social identity in the English pronunciation]. Moscow, LENAND Publ., 2015. 232 p. (In Russ.).

15. Shherba L.V. O raznyh stiljah proiznoshenija i ob ideal'nom foneticheskom sostave slov [On the different styles of pronunciation and phonetic structure of the perfect words]. *Jazykovaja sistema i rechevaja dejatel'nost'* [Language system and speech activity]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2007, pp. 21–25. (In Russ.).

16. Broadbent J.M. T-to-r in West Yorkshire English. *English Language and Linguistics*, 2008, Vol. 12, no. 1, pp. 141–168.

17. Crystal D. Into the twenty-first century. *Oxford History of the English Language*. Oxford, Oxford University Press, 2006, pp. 394–413.

18. Crystal D. Voices: a case study in the evolution of a linguistic climate at the BBC. *Analysing 21st-century British English: conceptual and methodological aspects of the 'Voices' project*. Abingdon, Routledge, 2013, pp. 12–25.

19. Delany P. A *Dialect Map of American English*. Available at: <https://www15.uta.fi/FAST/US1/REF/dial-map.html>.

20. Gilles H., Coupland N., Henwood K., Harriman J., Couplan J. The social meaning of RP; an intergenerational perspective. *Studies in the Pronunciation of English. A Commemorative Vol. in Honour of A. C. Gimson*. Great Britain, Routledge, 1990, pp. 191–211.

21. Hardtalk. *BBC. Podcasts and downloads*. Available at: <http://www.bbc.co.uk/podcasts/series/ht>.

22. Laver J. *Principles of Phonetics*. New York, Cambridge Univ. Press, 1994. 736 p.

23. Outlook. *BBC. Podcasts and downloads*. Available at: <http://www.bbc.co.uk/podcasts/series/outlook>.

24. Ramsaran S. RP: Fact and Fiction. *Studies in the Pronunciation of English. A Commemorative Vol. in Honour of A. C. Gimson*. Great Britain, Routledge, 1990, pp. 178–190.

25. Trudgill P. *The Dialects of England*. Malden, Blackwell Publishers Inc, 2000. 168 p.

УДК 316.75: : 316.77:002
ББК (Ч)76.032

А. В. Киреева

СРЕДСТВА ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ ТЕЛЕВИЗИОННОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ДИСКУРСА

В данной публикации рассматриваются три вида средств идеологического конструирования информационного телевизионного дискурса: лингвистический, визуальный и аудио. Предлагается классификация журналистских приемов воздействия на визуальном и звуковом уровнях. Делается вывод о важности анализа средств воздействия на всех уровнях телевизионного дискурса во взаимодействии.

Ключевые слова: *медиалингвистика, телевизионный дискурс, новостной дискурс, идеология, лингвистические средства, экстралингвистические средства, визуальный дискурс, звуковой дискурс.*

Изучение особенностей телевизионного дискурса – одна из самых актуальных и интересных тем в современной науке о языке. А в силу эффективности телевидения в плане воздействия на аудиторию эта тема еще и одна из самых важных. Однако зачастую авторы акцентируют внимание только на одной стороне этого многогранного явления – вербальной. Мы же (ради получения более полной картины) предлагаем изучить все аспекты данного медийного продукта, включая и экстралингвистические характеристики.

Мы понимаем **идеологическую модальность** как «способ интерпретации информации, отражающий ту или иную систему ценностей и ориентиров» [3. С. 59].

Основной принцип реализации субъективной модальности в дискурсе можно объяснить с помощью «идеологического квадрата» Т. Ван Дейка [10. С. 44]:

- О НАС – только положительная информация.
- Отрицательная информация О НАС умалчивается.
- О НИХ – только отрицательная информация.
- Положительная информация О НИХ умалчивается.

При анализе идеологической модальности телевизионного дискурса необходимо учитывать особенности его структуры: «на телевидении новостной текст разворачивается одновременно на трех взаимосвязанных уровнях: видеосюжеты, аудио-музыкальное сопровождение и собственно текст» [3. С. 61]. Каждому из

них свойственны собственные, специфические средства идеологического воздействия: лингвистические, аудио и визуальные.

Лингвистические средства идеологического воздействия – это непосредственно вербальные методы формирования субъективной направленности, к которым можно отнести морфологические, синтаксические, лексико-семантические и другие приемы.

Морфосинтаксический уровень обнаруживает имплицитно выраженную идеологическую направленность дискурса в виде субъективных категорий, очевидных для автора и аудитории (а потому автоматически подразумевающихся в дискурсе). Что, впрочем, не исключает целенаправленного лингвистического конструирования реальности с помощью следующих приемов:

- Порядок слов в конструкциях с сочинительными союзами может оказаться не случайным: строиться по принципу субъективной релевантности или свой/чужой.
- Игра активно-пассивными конструкциями позволяет снять ответственность с определенных действующих лиц и вывести на первый план другие.
- Своеобразным фейсконтролем для аудитории может служить факт усложненности или упрощенности синтаксиса текста в целом – с целью сужения или, напротив, расширения адресата.
- Использование прямой речи добавляет фактам, описанным в медийном продукте, достоверности, а косвенная речь (не что иное, как отредактированная цитата) нередко позволяет манипулировать чужим высказыванием.

– Употребление восклицательных и вопросительных конструкций для выражения мнения и оценки: *Кого сделают виноватым в потопе в Заволжье?*

– Повторение синтаксических конструкций, синтаксическая анафора для усиления желаемого эффекта: *большую часть года, занимающую большую часть тротуара.*

Лексико-семантический – эксплицитный, активный и эффективный уровень идеологического воздействия. На этой ступени автор работает с богатейшей палитрой средств.

– «Употребление слов и словосочетаний с оценочным значением, а также с отрицательными или положительными коннотациями» [3. С. 133], в том числе – использование обценной, сниженной, просторечной лексики. Например: *шикарный гол, смертельно опасное место, сердца переполняет гордость.*

– Использование идеологической лексики: *террористы, миротворцы, радикалы нацгвардии, мирное население, ополченцы;*

– Распределение деталей по принципу: больше информации и подробностей на позитивную тему о нас, меньше или даже их отсутствии – о них.

– Противопоставление – усиление контраста между хорошими нами и плохими ними.

– Подтекст, предположения, намеки, использование ассоциаций.

– Игра оттенками смысла с помощью синонимов и перифразов: *ополчение, отряды самообороны, про-русские сепаратисты, мятежники.*

– Использование стилистических приемов: метафор, анафор, аллюзий, сравнений, иронии, каламбуров и так далее. Например: *город мертвых* (про Донецк); *global sparring over Ukraine* (глобальный спарринг за Украину).

– Частичное отрицание позволяет говорящему представить себя в лучшем свете, высказываясь негативно, о чем или ком-либо.

– Особым пунктом выделим перевод прямой или не прямой речи, которые нередко присутствуют в новостном дискурсе. Этот прием позволяет «отредактировать» речь говорящего, сохранив достоинства цитаты – документальность, правдоподобность и объективность.

Немалую роль, по мнению авторов, в анализе идеологической модальности медийного дискурса играет изучение *последовательностей предложений*. Особый интерес для нас представляет анализ на семантическом уровне: «значение или референция слов, самостоя-

тельных или самостоятельных предложений рассматриваются как функция от значений и референций, закрепленных за предшествующими предложениями» [2. С. 127]. Например: *«In addition, Russia's Defense Ministry is staging a week of military exercises involving air troops and anti-missile defense forces. The exercises are taking place in Russia's southern Astrakhan region, roughly 500 miles from the border with Ukraine»* и *«Similar military exercises in the region preceded the annexation of Crimea»* [13]. По отдельности эти высказывания передают точную и объективную информацию о произошедшем, но в одном и том же тексте наталкивают читателя на собственные выводы.

Заголовки, анонсы и вводки наиболее ярко и эффективно передают общее настроение и направленность информационного материала: *«Russian troop increase at Ukraine border raises concerns»* [14], *«Fighting in Ukraine rages on as Russia mounts thousands more troops on border»* [13], *«В Минобороны назвали дезинформацией, что Россия наращивает группировки войск у границ с Украиной»* [1], *«Очередная порция заявлений от представителя Госдепа США Джен Псаки»* [7].

Под уровнем *суперструктур* мы понимаем сценарий новостного выпуска, отдельных сюжетов и блоков новостей, распределение и соотношение рубрик, жанровое своеобразие и так далее. Все эти структурные особенности являются прямым отражением целей, задач и приоритетов авторов, редакций и телеканалов в целом. Например, известно, что в анонсы помещаются те материалы, которые, по субъективному мнению редакции, необходимо показать публике в первую очередь. *Так, 11 августа 2014 г. на Си-эн-эн (выпуск для аудитории США) первые материалы посвящены происшествиям в Ираке, Израиле и местном штате Миссури. На российском же Первом канале первые пять новостей описывают происходящее на Украине.*

К визуальным средствам идеологического конструирования телевизионного информационного дискурса мы относим ту разновидность экстралингвистической информации, которая воспринимается аудиторией зрительно.

В информационных телепередачах используются несколько видов подачи видео материала:

– ведущий в кадре (приветствие, прощание, анонс, подводки и отводки сюжетов, частичные закрытия, информации, объявления);

– интервью, беседа (ведущий и специалист, ведущий и прямое включение со специалистом, спецкором и так далее);

– видеоряд в сюжете или частичном закрытии (ЧЗ);

– видео комментариев в сюжете (В кадре – герой материала, очевидец, специалист и т. п.);

– стэндап в сюжете (в кадре – журналист на месте событий);

– графика (бегущая строка, титры, заставки, цитаты, карты, графики, таблицы и прочие разновидности графического материала);

Исходя из этого, мы выделили три вида визуального воздействия на аудиторию: *эгональный дискурс*, *технические* и *нетехнические* средства.

Эгональный дискурс – разновидность экстралингвистических средств коммуникации. Он отличается «использованием невербального поведения и невербальных коммуникаций в качестве главного средства передачи информации, организации взаимодействия, формирования образа и понятия о партнере, осуществления влияния на другого человека» [8. С. 171]. Включает в себя: особенности телосложения, лица, личности, социально-ролевого статуса, окружающего пространства. Данные средства воздействуют на аудиторию имплицитно, на подсознательном уровне. Например, эгональные средства воздействия используются при формировании имиджа телеведущих: авторитетных и серьезных, приветливых и дружелюбных.

Технические средства – разновидность экстралингвистических средств коммуникации, которые создаются с помощью кинооборудования, включая камеры, осветительные приборы, компьютеры, тележки, штативы и прочее. К техническим средствам воздействия можно отнести план, ракурс, подбор объектива, движения камеры, длительность кадра, освещение, подбор объектива, монтаж, спецэффекты, кадрирование и так далее. Несмотря на невербальный характер вышеупомянутых приемов и их неотъемлемую связь с технической составляющей телеиндустрии, именно они играют наиважнейшую роль в конструировании видеоизображения и формировании видеоповествования, которое оказывает столь серьезное воздействие на аудиторию. Технические средства оказывают имплицитное влияние на телезрителей, благодаря чему нередко проявляют себя эффективнее вербальных средств.

Нетехнические элементы – это экстралингвистические средства создания смысловых

оттенков, не использующие техническое оборудование не связанные непосредственно с внешностью человека в кадре. К ним могут относиться выбор цвета, объекты в кадре, участники действия, окружающая обстановка, известная личность в кадре, мизансцена и так далее. Например, иерархическое расположение интервьюируемых на пресс конференции относится к театральному термину мизансцена: в центральном кресле перед журналистами обычно располагается главное действующее лицо, далее значимость «актеров» уменьшается по мере удаления от центра стола. Само расположение участников призывает телезрителей уделить особое внимание словам выступающего, сидящего в центре.

К *звуковым средствам* идеологического конструирования информационного дискурса мы относим ту разновидность экстралингвистической информации, которая воспринимается зрителями с помощью органов слуха.

Арсенал аудиоуровня в информационном жанре не богат. В новостях не используются искусственные шумы, музыкальное сопровождение и прочие спецэффекты. Главным орудием информационного звука является звучащая речь, во всем ее многообразии. А точнее – ее невербальная составляющая. Остальные элементы лишь подкрепляют и усиливают эффект увиденного и услышанного. В информационных телепередачах используется несколько видов подачи аудио материала:

- подводка ведущего;
- закадровый голос автора;
- голос автора (журналиста) в кадре – стэндап, интервью;
- голос героя материала, очевидца, специалиста и так далее;
- лайф;
- фоновые шумы;
- музыкальное сопровождение – в виде редчайшего исключения.

Каждый из этих разделов может содержать коннотативную информацию. И в первую очередь, стоит обратить внимание на *фонологическую составляющую*: интонацию, логическое ударение, темп речи, высоту тона и громкость. Вышеупомянутые характеристики могут оказать непосредственное влияние на характер звучания одного и того же текста – от придания ему необходимой экспрессивной окраски до полного преобразования смысла. Например, цитата украинских властей на CNN «*We destroyed part of Russian convoy*» [12]. Журналист

может прочитать ее как вопрос, как восклицательное предложение, с ударением на “*We*”, “*destroyed*”, “*part*”, “*Russian*” или “*convoy*” или выделяя каждое слово по отдельности (что больше характерно для публичных выступлений), в низком темпе и низким тоном (выражая огорчение, вину) или, напротив, громко и высоким тоном (выражая ликование).

Фоновый шум (или интершум) – звуки, идущие фоном в новостном сюжете. Они всегда присутствуют, хотя в большинстве случаев незаметны зрителю и не играют никакой роли. Подобное сопровождение создает атмосферу плана и оживляет изображение. А порой незаметные звуковые средства не только усиливают «эффект присутствия», но и значительно преобразуют информационный материал.

Лайф – короткий отрезок видео с интершумом, не сопровождаемый закадровым голосом. В данном случае на первый план выходит интершум, который имеет определяющее или важное иллюстрирующее значение. Лайфы можно разделить на несколько видов: с героем в кадре, иллюстрационный, рекреативный, постановочный. Все эти небольшие врезки (от 5 до 30 секунд) создают особую атмосферу сюжета, украшая, накаляя ее или, напротив, разряжая.

На данном уровне мы снова возвращаемся к теме субъективного характера *переводов* иноязычных интервьюеров, но уже с позиции озвучивания. Помимо того, что в результате письменной редакции теряются характерные для первоисточника вздохи, междометия, заикания и ошибки, «дублер» не может (или не желает) в точности повторить изначальные интонации. Данный подход может быть использован авторами материала для того, чтобы изменить экспрессию, атмосферу или субъективную направленность высказывания.

Очень редко в новостях используется *музыкальное сопровождение*. Несмотря на то, что данное выразительное средство нехарактерно для формата информационного вещания, редакция может сделать исключение ради сюжетов на трагические темы – массовые гибели, минута молчания ко Дню Победы, в память об исторической личности. В данном случае звуковое сопровождение передает чувство скорби и усиливает эмоциональный фон материала.

Изучение аудиовизуальной составляющей телевизионных новостей в контексте идеологического воздействия также поднимает вопрос о взаимодействии текста, аудио и видео.

Несмотря на то, что при просмотре того или иного новостного материала складывается впечатление об обособленности, самостоятельности и самодостаточности видеоряда, это лишь один из уровней телевизионного дискурса. Так, международный информационный телеканал Euro News показал в своей популярной рубрике «No comment» [10] видео, в котором изображено как люди с украинскими флагами подпиливают и сбрасывают с пьедестала памятник Ленину. Благодаря интершуму, сопровождающему материал (радостные крики, музыка) мы понимаем, что это радостное для участников мероприятия событие. И только из комментариев к видео в титрах и на сайте телеканала мы выясняем, что действие происходит в городе Харьков: украинские протестующие разрушают самый крупный памятник В. И. Ленина на Украине.

Только «синхронизация дискурсов» позволяет закрепить за изображениями необходимые, задуманные автором смыслы. Это замечание подтверждает наше мнение о том, что визуальная составляющая дискурса предоставляет авторам разнообразные возможности для идеологического конструирования. Причем в данном случае важен не только процесс кодирования, но и декодирования информации.

Возможностью разнообразного толкования изображения журналисты обязаны тому факту, что на телевидении (и в новостях, в том числе) видеоматериал не всегда дублирует сопровождающий его текст. Мы можем выделить три вида комбинации текста и видео:

1. Совпадение – где видео является знаком иконой по отношению к тексту. Изображение на экране полностью дублирует текст.

2. Смещение – видео является знаком индексом по отношению к тексту. Изображение на экране может показывать то же событие, но не являться отображением сказанного – оно будет связано с текстом по расположенности во времени или пространстве.

3. Косвенная связь – видео является знаком символом по отношению к тексту [9. С. 216].

Подобные смещения соотношений видео и текста могут быть обусловлены объективными факторами. Так, сообщая об обстрелах Донецка национальной гвардией Украины, «Первый канал» показывает последствия: разрушенное здание, улицы (знак индекс, смещение) – так как сам обстрел никому снять не удалось [6]. Или же наоборот – субъективно, для создания определенного эффекта, идеологизации ней-

трального информационного текста. Например, рассказывая о трех девятнадцатилетних мальчиках из города Ясиноватая, «Первый канал» показывает разрушенный дом, окровавленную одежду и кровь на стенах – все, что от них осталось [5]. В данном случае при помощи смещения журналист добился невероятно сильного эмоционального эффекта: от грусти и сочувствия к юношам и их близким, до ненависти к стрелявшим.

Можно сделать вывод, что только в совокупности три уровня – аудио, видео и вербальный формируют объемную визуально-звуковую информационную картину, наполненную знаками и символами, эксплицитными и имплицитными данными. То, как она будет передана и воспринята, зависит от субъективного мышления авторов и аудитории. Кроме того, выделение и анализ только одного уровня телевизионного дискурса может дать как неполное, так и искаженное отображением субъективной авторской мысли. А, следовательно, телевизионный дискурс необходимо изучать на всех трех уровнях – как последовательно, так и во взаимодействии.

Список литературы

1. В Минобороны назвали дезинформацией, что Россия наращивает группировки войск у границ с Украиной. Первый канал. – URL: <http://www.1tv.ru/news/social/264779>.
2. Дейк, Т. А. ван Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. – Благовещенск: БГК им. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
3. Добросклонская, Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов: опыт исследования современной английской медиаречи / Т. Г. Добросклонская. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 288 с.
4. Добросклонская, Т. Г. Лингвистические способы выражения идеологической модальности в медиатекстах / Т. Г. Добросклонская // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – № 2. – С. 85–94.
5. Зенин, С. На юго-востоке Украины десятки тысяч человек буквально живут на минном поле. Первый канал / С. Зенин. – URL: <http://www.1tv.ru/news/world/269150>.

6. Локальные столкновения происходят на юго-востоке Украины. Первый канал. – URL: <http://www.1tv.ru/news/world/269174>.

7. Очередная порция заявлений от представителя Госдепа США Джен Псаки. Первый канал. – URL: <http://www.1tv.ru/news/world/264766>.

8. Романов, А. А. Основы дискурса : учебное пособие для вузов / А. А. Романов, Н. А. Белоус. – Ульяновск: УлГУ, 2009. – 290 с.

9. Hansen, A. Mass communication research methods / A. Hansen, S. Cottle, R. Negrine, C. Newbold. – New York: New York University press. 1998. – 350 p.

10. Dijk, T. A. van Ideology and Discourse. A Multidisciplinary Introduction. English version of an internet course for the Universitat Oberta de Catalunya (UOC) / T. A. van Dijk. – Barcelona, 2003. – URL: <http://www.discourses.org/download/books/>.

11. Ukrainian protesters topple Lenin statue in Kharkiv. Euronews. – URL: <http://www.euronews.com/nocomment/2014/09/29/ukrainian-protesters-topple-lenin-statue-in-kharkiv>.

12. Ukraine: We destroyed part of Russian convoy. CNN International. – URL: <http://edition.cnn.com/videos/world/2014/08/15/ath-ukraine-says-russian-convoy-destroyed.cnn>.

13. Walsh, N. P. Fighting in Ukraine rages on as Russia mounts thousands more troops on border. CNN International / N. P. Walsh. – URL: http://situationroom.blogs.cnn.com/2014/08/06/fighting-in-ukraine-rages-on-as-russia-mounts-thousands-more-troops-on-border/?hpt=sr_mid.

14. Walsh, N. P. Russian troop increase at Ukraine border raises concerns. CNN International / N. P. Walsh, L. Smith-Spark, T. Cohen. – URL: <http://edition.cnn.com/2014/08/05/world/europe/ukraine-crisis/index.html>.

Список источников

1. Первый канал. – URL: <http://www.1tv.ru/>.
2. ТПК «ПЕН-ТВ Ульяновск». – URL: <http://www.reporter73.tv/>.
3. CNN International. – URL: <http://edition.cnn.com/>.
4. Euronews. – URL: <http://www.euronews.com/>

Сведения об авторе

Киреева Александра Владимировна – аспирант кафедры английской лингвистики и перевода Ульяновского государственного университета, ассистент кафедры немецкого и французского языков Ульяновского государственного университета.

necka85@list.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 10 (365).

Philology. Arts. Issue 95. Pp. 89–95.

MEANS OF IDEOLOGICAL CONSTRUCTION IN TELEVISION NEWS DISCOURSE

A. V. Kireeva

Ulyanovsk State University, Assistant Professor of German and French Ulyanovsk State University.

necka85@list.ru

This article describes means of ideological construction of television news discourse. A classification of journalistic impact methods is proposed: the whole set of tools is divided into verbal, visual and audio. All these means coexist and interact actively within a common discourse space, forming a subjective world view. Thus we come to a conclusion about the necessity of analyzing all the television discourse levels in interaction.

Keywords: *visual discourse, media linguistics, television discourse, news discourse, ideology, linguistic means, extralinguistic means, visual discourse, audio discourse.*

References

1. *V Minoborony nazvali desinformatsiyey, chto Rossiya naraschivayet gruppirovki vojsk u granits s Ukrainoj. Pervij kanal* [The Department of Defence called the information about Russia increasing troops near Ukraine border disinformation. Channel One]. Available at: <http://www.1tv.ru/news/social/264779>. (In Russ.).
2. Dijk T.A. *van Yazyk. Poznaniye. Kommunikatsiya* [Language. Knowledge. Communication]. Moscow, 2000. 308 p. (In Russ.).
3. Dobroslonskaya T.G. *Voprosy izycheniya mediatextov: opyt issledovaniya sovremennoj anglijskoj mediarechi* [Questions of media texts studying: research experience of modern English media speech]. Moscow, 2005. 288 p. (In Russ.).
4. Dobroslonskaya T.G. *Lingvisticheskie sposoby vyrageniya ideologicheskoy modalnosti v mediatextah* [Linguistic means of expressing ideological modality in media texts]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika I mejkulturnaya kommunokaciya* [Moscow University bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication], 2009, no. 2, pp. 85–94. (In Russ.).
5. Zenin S. *Na yugo-vostoke Ukrainy desiatki tysiach chelovek bukvalno jivut na minnom pole. Pervij kanal* [In the south-eastern Ukraine tens of thousands of people are literally living one minefield. Channel One]. Available at: <http://www.1tv.ru/news/world/269150>. (In Russ.).
6. *Lokalniye stolknoveniya proishodiat na yugo-vostoke Ukrainy". Pervij kanal* [Local collisions occur in the south-eastern Ukraine. Channel One]. Available at: <http://www.1tv.ru/news/world/269174>. (In Russ.).
7. *Ocherednaya portsiya zayavlenij ot predstavatelya Gosdipa SShA Jen Psaki. Pervij kanal* [Another portion of statements from the US Department of State spokesperson Jen Psaki. Channel One]. Available at: <http://www.1tv.ru/news/world/264766>. (In Russ.).
8. Romanov A.A., Belous N.A. *Osnovy discursa: uchebnoye posobiye dlia VUZov* [Fundamentals of discourse: tutorial for higher education institutions]. Uliyanovsk, 2009. 290 p. (In Russ.).
9. Hansen A., Cottle S., Negrine R., Newbold C. *Mass communication research methods*. New York, 1998. 350 p.

10. Dijk T.A. van *Ideology and Discourse. A Multidisciplinary Introduction. English version of an internet course for the Universitat Oberta de Catalunya (UOC)*. Available at: <http://www.discourses.org/download/books/>.

11. *Ukrainian protesters topple Lenin statue in Kharkiv*. Euronews. Available at: <http://www.euronews.com/nocomment/2014/09/29/ukrainian-protesters-topple-lenin-statue-in-kharkiv>.

12. *Ukraine: We destroyed part of Russian convoy*. CNN International. Available at: <http://edition.cnn.com/videos/world/2014/08/15/ath-ukraine-says-russian-convoy-destroyed.cnn>, accessed 15.08.2014.

13. Walsh N.P. *Fighting in Ukraine rages on as Russia mounts thousands more troops on border*. CNN International. Available at: http://situationroom.blogs.cnn.com/2014/08/06/fighting-in-ukraine-rages-on-as-russia-mounts-thousands-more-troops-on-border/?hpt=sr_mid.

14. Walsh N.P., Smith-Spark L., Cohen T. *Russian troop increase at Ukraine border raises concerns*. CNN International. Available at: <http://edition.cnn.com/2014/08/05/world/europe/ukraine-crisis/index.html>.

List of sources

1. Pervij kanal [Channel One Russia]. Available at: <http://www.1tv.ru/>. (In Russ.).
2. TRK REN-TV Ulyanovsk [TRC REN-TV Ulyanovsk]. Available at: <http://www.reporter73.tv/>. (In Russ.).
3. CNN International. Available at: <http://edition.cnn.com/>.
4. Euronews. Available at: <http://www.euronews.com/>.

УДК 0.08
ББК71 К78

Б. М. Клейман

РОЛЬ СЛОВА ПРИ СЕМИОТИЧЕСКОМ ОСЛАБЛЕНИИ В БИБЛЕЙСКИХ ТЕКСТАХ

Рассматривается ослабление смысла некоторых слов текстов Библии. При применении семиотического анализа выявляются древнейшие мифологические значения протокультуры правеврейского этноса. Показано переосмысление значений слов и выявлен механизм зарождения новых знаков при ослаблении до нулевого смысла семантики слов. Показана фольклорная основа некоторых частей Библии.

Ключевые слова: семиотика, знак, слово, семантическое ослабление, Библия.

В семасиологии, науке о значениях слов, давно выявлено так называемое ослабление смысла или значения слова. Впервые на это обратили внимание еще на ранних стадиях развития сравнительно-исторического метода анализа немцы Якоб Гримм и Франц Бопп, датчанин Расмус Кристиан Раск и русский лингвист-славист Александр Христофорович Востоков.

«Принцип изучения языка как продукта человеческой культуры в тесной связи с этой культурой и на широком фоне истории носителей языка» [4. С. 459] в настоящее время активно разрабатывается В. И. Карасиком, А. С. Комковой, С. Г. Проскуриным, С. Н. Слепухиным и многими другими лингвистами-семиотиками.

Поскольку слова – это свидетели человеческой истории и культуры, «развитие языковых значений лучше любых хроник отражает судьбы, интересы, нравы, обычаи, верования, способности мышления людей» [1. С. 7–8]. Размышляя о сути сложных и противоречивых явлений, способствующих возникновению, исчезновению или сохранению тех или иных значений языковых единиц, исследователи все чаще отмечают, что в семасиологии находят отражение различные семиотические закономерности. Одна из таких закономерностей – «трансформация от сильного символа к слабому, а затем совсем слабому» (в терминах С. Г. Проскурина) [8. С. 11–18] или «выветривание знака» (в терминах В. И. Карасика) [4. С. 43–50]. Сегодня случаи семантических сдвигов, переходов, выявленные в ходе сравнительно-исторических исследований, все чаще связывают с действием закономерности семиотического характера [8. С. 14; 4. С. 45–46].

Не вдаваясь в причины такого ослабления смысла знака-слова, рассмотрим несколько примеров из Библии как наиболее распространенного древнего текста. Ветхий Завет, представляя собой сложную нарративную структуру, включает в себя древнейшие тексты фольклорного характера: мифы, гимны, плачи, сказки, свадебные и погребальные обряды. Самым древним текстом, датируемым XIII–XII вв. до н. э., ученые называют песнь пророчицы Дворы (Деборы) в Книге Судей (Суд., 5). Именно поэтому с течением времени ослабление смысла многих слов можно зафиксировать уже к моменту кодификации Торы (Пятикнижия Моисеева) во времена реформаторов Эзры и Нехемии в VIII в. до н. э. и даже ранее, как увидим позже. Так, в Книге Бытия сказано:

רבדמה-לע רשא ןרפ ליא דע ריעש םררהב ירהה-תאו

И хореев на горах их, что в Сеире, до Эль Парана, который рядом с пустыней (Быт., гл.14:6).

Здесь наряду с «хорееми» (хурритами) упоминается и древнейшее название южной части пустыни Арава, граничащей с Красным морем, – Эль-Паран, что говорит о древности этой части текста. Но обращает на себя внимание слово «Сеир», которое принято рассматривать как топоним – название горы или горного хребта. Именно в таком контексте это слово употребляется даже в египетских текстах XIII в. до н. э. и во Второзаконии – пятой книге Торы.

הברעה ןרדמ ריעשב מיבשיה ושע-ינב וניהא תאמ רבעו
רבג ןויצעמו תליאמ

И прошли мы мимо братьев наших, сыновей Эсава (Исава), осевших в Сеире, путем пустыни от Эйлата и Эцион-Гевера (Второзак., гл. 2:4).

Однако смысл слова «сеир» – «волос» – постоянно смущал исследователей. Для объяснения этого смысла, нарушающего принципы топонимики, выдвигалась даже предположение, «что в древности эти горы были покрыты густыми лесами» [5. С. 736–737]. Данное предположение не может быть принято в силу того, что оно противоречит «путям пустыни» – местности, как в древности, так и в наше время песчаной и сухой, горные складки которой состоят из осадочных известковых пород, не пригодных для произрастания «густых лесов». Для раскрытия древнего смысла этого знака следует привлечь принципы семиотики.

В Торе этот корень в форме качественного прилагательного «волосатый» употребляется в книге Бытие:

וְשָׁעַ וּמֵשׁ וְאַרְקִיָּו רַעַשׁ תְּרָדָאָךְ וּלְכָּ יְנוּמְדָא וְוִשְׂאָרָהּ אֲצִיּוּ

Первый вышел красный, весь, как (обработанная) кожа (верхнее платье), волосатый; и нарекли ему имя Эсав. (Быт., 25:25)

При этом дается его характеристика как человека, живущего охотой и звероловством:

הַדָּשׁ שִׂיאָ דִּיצ עַדִּי שִׂיאָ וְשָׁעַ יְהוּ מִרְעֻנָּה וּלְדִגְיוֹ

Дети выросли, и стал Эсав человеком искусным в звероловстве, человеком полей (Быт., 25:27).

И все дальнейшие упоминания старшего брата Якова Эсава даются Торой в контексте его рода деятельности и образа жизни – охота и звероловство, сила и стихийное мужество. Именно его хотел благословить Исаак на наследство. Здесь же вспоминается и начало Торы – рассказ о Каине и Авеле, в котором именно жертва животноводства-пастуха Авеля была принята Богом, а не оседлого земледельца Каина. То есть Бог и патриарх отдавали предпочтение кочевникам. Комментирование этих эпизодов Торы не входит в нашу задачу. Интересно, что В. Я. Пропп к представителям предков относит и «русских Полифемов»: «подобно яге, Полифем – хозяин животных, но в отличие от лесных животных, которыми распоряжается яга, Полифем разводит овец, коров или коз» [6. С. 71], что позволяет некоторые тексты Библии рассматривать как фольклорные в их генезисе.

Таким образом, можно утверждать, что слово «сеир» помимо своего прямого значения «волос» в древности имело и значение переносное – «дикарство», «нецивилизованность» как знак-оппозиция оседлости, каковая оппозиция видна на парах Каин – Авель и Эсав – Яков в культуре тех давних времен. Но осла-

бление данной коннотации в ходе аберрации социальной памяти привело к непониманию метафоры уже в XIII в. до н. э. Без сомнения, данные места в Пятикнижии следовало бы переводить как «и хореев на горах их, живущих в дикости», «...мимо наших братьев, сыновей Эсава, осевших в варварстве...». При переходе Торы в ее устной форме в чуждую египетскую культуру, последняя восприняла это слово-знак как топоним, что дает возможность утверждать: эти части Пятикнижия функционировали в праеврейской протокультуре еще до XIII в. до н. э. Однако уже к моменту возвращения евреев из вавилонского плена смысл знака-метафоры выветрился и/или подвергся обратному воздействию египетской культуры настолько, что стал окончательно восприниматься как топоним, и в качестве такового закрепился в тексте. Помимо временной бифуркации в дальнейшем возникла и пространственная: переводы Ветхого Завета на европейские языки и попадание Пятикнижия в чуждую Библии европейскую культурную среду. Сегодня мало обращают внимания на этот странный топоним, его древняя коннотация утратилась окончательно.

Подобного рода выветривания или ослабления семантики знака в отношении Торы-Пятикнижия наблюдается постоянно. В Книге Бытия о брате Эсава Якове (Иакове) рассказывается, как мать его отправляет к дяде в Месопотамию искать себе невесту, хотя и под предлогом избежать мести со стороны Эсава. В. Я. Пропп отмечает: «Решительно у всех народов, имеющих эпос при родовом строе, преобладающее, можно сказать – решающее место занимают рассказы о поисках жены» [7. С. 41]. И этот мотив, характерный для эпоса, сразу заставляет обратить наше внимание на культурный контекст эпохи, в которую создавался базис этого сюжета. Многие исследователи Пятикнижия отмечают его поэтическую структуру: тонику, ритмизированность текста. «Большинство книг Танаха написаны особой ритмизированной прозой, звучание которой очень напоминает современный верлибр», – указывает исследователь эстетики еврейской Библии Г. В. Синило и добавляет далее: «Культура библейская является культурой голоса и слуха, культурой звучащего слова» [9. С. 67, 77]. Эту же мысль подчеркивает и В. В. Бычков: «Пением и музыкой славил древний еврей Господа» [2. С. 24]. Эти наблюдения совпадают с методологическими основами пропповского анализа героического эпоса: «весь стихотворный

фольклор *всегда* поется. Форма устного стиха фольклору чужда» (курсив Проппа) [7. С. 8]. Следовательно, есть все основания полагать, что данный сюжет есть контаминация волшебной сказки (по классификации Проппа) и героического эпоса в их библеизированной форме. И контаминация, и древность происхождения текста объясняет механизм ослабления смысла слова «Лаван»:

וְהָרָה יִחַץ וְכָל-לֵאָהּ לְהַלְהֵב וְיָבֵד עִמָּךְ יְנֵב הָתָעוּ
(Быт. 27:43; 29:13–14).

А теперь, сын мой, слушай голос мой, встань, беги к Лавану, брату моему, в Харран (Быт. 27:43) – приказывает Ривка (Ребекка), мать Эсава и Якова, своему младшему сыну.

וְהָרָה יִחַץ וְכָל-לֵאָהּ לְהַלְהֵב וְיָבֵד עִמָּךְ יְנֵב הָתָעוּ
לְהַלְהֵב וְיָבֵד עִמָּךְ יְנֵב הָתָעוּ

И было, Лаван, услышав о Якове, сыне сестры своей, выбежал ему навстречу, обнял его и поцеловал его... (Быт. 29:13–14).

В исследовании В. Я. Проппа указывается на одно из свойств «яги»: она может выступать в роли тещи, шурина, зятя, племянницы, то есть ближайшего родственника [6. С. 86] – во-первых. Имя дяди Якова – Лаван, что в переводе с библейского (и современного) иврита означает «белый» – во-вторых. Но, отмечает Пропп, ссылаясь на германского фольклориста Гюнтерта, «если Хель (северная богиня подземной страны мертвых) имеет цвет трупа, то это означает не что иное, как то, что она, богиня смерти, сама есть труп» [6. С. 52]. Таким образом, слово-знак «лаван», смысл которого теряется при переводе сакрального ближневосточного текста на иные языки, включая русский, при восстановлении семантики открывает мифологический базис данного библейского сюжета. Этот вывод подтверждается и тем, что Яков, выполняя ту же функцию, что и Иван-царевич в русских волшебных сказках, и оказавшись не просто у брата своей матери, но в загробном мире, отказывается от загробной пищи. В волшебной сказке он обязан это сделать – «приобщившись к еде, назначенной для мертвецов, пришелец окончательно общается к миру умерших. Отсюда запрет прикасания к этой пище для живых», ибо «кто вкусил пищи духов, тот не вернется никогда» [6. С. 49]. Яков упрекает своего дядю, не желающего его отпустить:

יִלְכָא-אֶל-רִבְכָּה יְלִיאָהּ

И овнов стада твоего я не ел... (Быт., 31:38).

При системном культурологическом подходе становится очевидным, что эта формула –

древнейшее магическое заклинание, вошедшее в Тору, а имя «Лаван» обозначает древнюю мифологию инфернального бытия.

Не менее интересные примеры роли слова-знака при семиотическом ослаблении содержат тексты и Нового Завета. Место рождения Иисуса – Вифлеем. Но в неискаженном виде этот топоним звучит как Бейт-Лехем. В русском языке эти два слова известны как англицизм *Bedlam*. С учетом стяжения гласных и немых звуков и озвончения консонансов в слове Bethlehem (букв. Бейт-Лехем) из названия лондонского госпиталя для душевнобольных the Hospital of St. Mary of Bethlehem (госпиталь святой Марии из Бейт-Лехема). Но в переводе это слово означает «дом хлеба», «пекарня», что снова нас отсылает к фольклору: в сказках известен архетип «мальчик-с-пальчик». В этом сюжете часть тела человека или тотемного животного, оказавшись в витальной среде: тесто, опара, закваска, силос, земля, – превращается в героя. Отголосками этого сюжета являются «зубы дракона», засеваемые по одной из версий древнего греческого мифа Ясоном, по другой – основателем города Фивы Кадмом. Сказок на эту тему не счесть у разных народов – от Японии до Северной Америки. Так что и Иисус должен был родиться именно в «доме хлеба» – Бейт-Лехеме. Но на территории древней Палестины были и существуют до сих пор два города с таким названием, и оба составляли пригороды-пекарни больших и многочисленных по посещаемости городов – Иерусалима и портовой Хайфы. Совершенно очевидно, что протагонист Евангелий просто обязан был родиться в святом месте (согласно эпосу – по классификации Проппа, – героями которых были чудом рожденные Саргон, Арджуна, Гильгамеш и др.), – с одной стороны, и одновременно в «доме хлеба» согласно древней сказке – с другой стороны. Так возник христианский сюжет, пытающийся объяснить единство Иерусалима и Бейт-Лехема требованием переписи населения, не известной историкам, местом рождения Иосифа, переполненностью постоянных дворов и так далее.

Подводя итог, можно сказать, что ослабление семантики знака, каковым является слово, идет двумя путями: в результате абerrации социальной памяти слово «забывает» свой смысл и делает попытку придать сохранившемуся знаку новое понятие: так «сеир» превратился в топоним, а «лаван» – в антропоним, не сущие в своем новом функционировании ни-

какой коннотации; второй путь – полное выветривание семантики знака. Последнее часто происходит при абсорбции языком иноязычной лексемы – новозаветный топоним Вифлеем, потеряв в русском варианте даже фонетическую схожесть с оригиналом (особенно в сравнении с англицизмами, где все-таки сохранилась фонетическая передача латиницей звучание еврейского топонима), потерял эпический и сказочный архетипы, лежащие в основе эпизода рождения Иисуса. И в том, и в другом случае возникает новый, нередко сакральный смысл, весьма далекий от древнего значения слова. Так, ослабевая в своем древнем значении, сюжет «мальчик-с-пальчик» порождает новую семантику, которая в свою очередь создает огромное гнездо новых знаков сакрального для христианства культурного концепта: Вифлеемская звезда, Вифлеемское чудо, ночь перед Рождеством, дары волхвов, Вифлеемская ночь и др., – ставшие парадигмой новой христианской культуры Европы и Руси и породившие новые культурные явления. Сегодня между «Бейт-Лехемом» и «Вифлеемом» нет никакой связи, и лишь древний смысл израильского топонима сохраняет первородство архетипа.

Семиотический подход позволяет не только восстановить древнейший пласт культуры, хранимый словом, но и по-новому датировать происхождение тех или иных текстов. Применение культурологического анализа в филологии помогает увидеть контаминацию фольклорных жанров, составивших древние сюжеты Ветхого и Нового Заветов.

Список сокращений

Быт. – Бытие

Второзак. – Второзаконие
Суд. – Книга Судей

Список литературы

1. Алефиренко, Н. Ф. Спорные проблемы семантики : монография / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.
2. Бычков, В. В. Эстетика поздней античности : монография / В. В. Бычков. – М.: Наука, 1981. – 328 с.
3. Гамкрелидзе, Т. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры : монография / Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов. – Тбилиси: Тбилисский университет, 1984. – 1450 с.
4. Карасик, В. И. Лингвосемиотическое моделирование ценностей. Политическая лингвистика : сборник статей / В. И. Карасик. – Екатеринбург, 2012. – Вып. 1 (39). – С. 43–50.
5. Краткая еврейская энциклопедия. – Иерусалим: Еврейский университет, 2001. – Т. 7. – С. 736–737.
6. Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки : монография / В. Я. Пропп. – М.: Лабиринт, 2000. – 335 с.
7. Пропп, В. Я. Русский героический эпос : монография / В. Я. Пропп. – М.: Лабиринт, 1999. – 636 с.
8. Проскурин, С. Г. Эволюция права в семиотическом аспекте : сборник статей / С. Г. Проскурин // Вестник Новосибирского государственного университета. – 2008. – Т. 4, вып. 2. Право. – С. 11–18.
9. Синило, Г. В. Танах и мировая поэзия : монография / Г. В. Синило. – Минск: Экономпресс, 2009. – 879 с.

Сведения об авторе

Клейман Борис Маркович – преподаватель университета им. Бен-Гуриона в г. Беэр-Шева, филиал г. Эйлат, Израиль.
хуз2003@yandex.ru

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 10 (365).
Philology. Arts. Issue 95. Pp. 96–100.*

THE ROLE OF A WORD IN SEMIOTIC WEAKENING IN BIBLICAL TEXTS

B. M. Kleyman

Ben-Gurion University. xyz2003@yandex.ru

This article considers the weakening of some word meaning in Biblical texts. Applying semiotic analysis, ancient mythological values of the ancient Jewish people protoculture are revealed. Rethinking of the words' meanings is found out and the mechanism of new signs originwhile reducing up to zero meaning of words' semantics is identified. The folklore basis of some parts of the Bible has been displayed.

Keywords: *semiotics, sign, word, semantic weakening, the Bible.*

References

1. Alefirenko N.F. *Spornye problemy semantiki* [Controversial problems of semantics]. Moscow, 2005. 326 p. (In Russ.).
2. Bychkov V.V. *Jestetika pozdnej antichnosti* [Estetik of late antiquity]. Moscow, 1981. 328 p. (In Russ.).
3. Gamkrelidze T.V. *Indoevropskij jazyk i indoevropejcy. Rekonstrukcija i istoriko-tipologičeskij analiz prajazyka i protokul'tury* [Indoeuropean language and Indo-Europeans. Reconstruction and historical and typological analysis of parent language and protoculture]. Tbilisi, 1984. 1450 p. (In Russ.).
4. Karasik V.I. *Lingvosemiotičeskoe modelirovanie cennostej. Političeskaja lingvistika* [Lingvosemiotic modeling of values. Political linguistics], Ekaterinburg, 2012, issue 1 (39), pp. 43–50. (In Russ.).
5. *Kratkaja evrejskaja jenciklopedija* [Short Jewish encyclopedia], Ierusalim, 2001, Vol. 7, pp. 736–737. (In Russ.).
6. Propp V.Ja. *Istoričeskie korni volshebnoj skazki* [Historical roots of the magic fairy tale]. Moscow, 2000, 335 p. (In Russ.).
7. *Russkij geroičeskij jepos* [Russian heroic epos]. Moscow, 1999. 636 p. (In Russ.).
8. Proskurin S.G. *Jevoljucija prava v semiotičeskom aspekte* [Evolution is right in semiotics aspect]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta, Pravo* [Bulletin of Novosibirsk state university, Law], Novosibirsk, 2008, Vol. 4, issue 2, pp. 11–18. (In Russ.).
9. Sinilo G.V. *Tanah i mirovaja poezija* [Tanakh and world poetry]. Minsk, 2009. 879 p. (In Russ.).

УДК 801.3(=82)
ББК Ш141.12-31

О. Н. Кондратьева

МЕТАФОРИКА РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА

Предлагаемая статья посвящена описанию метафор в религиозном дискурсе и обоснованию нового научного направления – теологической метафорологии. Обозначены основные задачи нового направления, сформулированы функции метафор в религиозном дискурсе, определена специфика религиозной метафорики, описаны базовые для религиозного дискурса метафоры – метафора родства, зооморфная и милитарная метафоры.

Ключевые слова: *религиозный дискурс, теологическая метафорология, концептуальная метафора.*

Одним из наиболее перспективных направлений современной лингвистики являются дискурсивные исследования, в частности, к настоящему моменту с различных позиций достаточно подробно описаны политический, экономический, рекламный, педагогический, спортивный дискурс. Особое внимание исследователей привлекает религиозный дискурс, являющийся одним из древнейших и важнейших типов институционального общения и оказавший серьезное влияние на формирование особенностей менталитета русской нации.

Религиозный дискурс понимается нами как «общение, основная интенция которого – поддержание веры или приобщение человека к вере» [1. С. 3]. Как отметил В. И. Карасик, религиозное общение имеет следующие цели: «1) получить поддержку от Бога, 2) очистить душу, 3) призвать ближних к вере и покаянию, 4) утвердить верующих в вере и добродетели, 5) разъяснить вероучение...» [2. С. 6].

Для достижения названных целей в религиозном дискурсе используется целый комплекс средств, одним из наиболее значимых среди которых является метафора. Соответственно, можно говорить на данном этапе о необходимости разработки нового лингвометафорологического направления – теологической метафорологии – по аналогии с такими частными направлениями, как политическая метафорология, педагогическая метафорология и т. п. При выделении названных направлений «в центре внимания находится идея соотношения когнитивно-коммуникативного своеобразия соответствующего дискурса и потенциала метафоры» [8. С. 40].

Однако в данный момент положения и задачи теологической метафорологии пока не

сформулированы, существуют лишь единичные работы, сосредоточенные на анализе отдельных метафор в религиозном дискурсе [3; 4; 5; 6; 7; 9]. Обозначить специфику теологической метафорологии как нового научного направления и продемонстрировать ее эвристический потенциал в процессе анализа базовых метафорических моделей в религиозном дискурсе призвано настоящее исследование.

Теологическая метафорология имеет круг задач, среди которых в число первоочередных входят: 1) определение функций метафоры в религиозном дискурсе, 2) установление специфики религиозной метафорики, 3) выявление и анализ базовых метафорических моделей, характерных для религиозного дискурса и 4) изучение специфики метафорической репрезентации ключевых концептов религиозной сферы.

Функции метафоры в религиозном дискурсе достаточно разноплановы, основными являются когнитивная, педагогическая и прагматическая. Прежде всего, метафоры выполняют важную роль в «когнитивном познании мира и его Творца» [7. С. 21]. Посредством метафор излагаются и делаются доступными широкому кругу адресатов основные понятия теологии, поэтому вполне закономерно, что авторы работ, посвященных метафорике религиозного дискурса, исходят в своих исследованиях из понимания метафоры как когнитивного механизма, средства постижения и рубрикации действительности. Данный процесс проявляется в осмыслении одного объекта сквозь призму другого, абстрактного – через конкретное, в результате происходит вычленение и актуализация значимых свойств познаваемого объекта, тем самым в сознании верующих создаются яркие

зримые образы таких ненаблюдаемых понятий, как *вера, душа, грех, рай, ад* и так далее, формируется фрагмент религиозной картины мира.

Метафоры в религиозном дискурсе используются не только для «раскрытия соответствующих теологом в формате, доступном для восприятия со стороны «всех верующих», независимо от их теологической компетенции», но и «для педагогических, в широком смысле, целей» [7. С. 34]. Педагогическая функция метафор в религиозном дискурсе заключается в целенаправленном воздействии на индивида, стремлении сформировать его нравственный облик, ориентировать на самосовершенствование, исполнение заповедей, преодоление искушений, помощь ближнему и смирение.

Метафора в религиозном дискурсе выполняет и прагматическую функцию, являясь мощным средством воздействия на адресата, формирующим необходимое эмоциональное отношение к основным религиозным догматам, к излагаемой в проповедях и поучениях информации.

Метафорика религиозного дискурса обладает определенной спецификой, непосредственно коррелирующей с функциями, выполняемыми метафорами в данном виде институционального дискурса. Это максимальная яркость, образность, позволяющая представить в зримой, осязаемой форме основные религиозные ценности и догматы, высокая степень эмоциональной нагруженности, определяющая силу воздействия на адресата, значительный дидактический эффект.

Помимо названных особенностей религиозная метафорика обладает таким характерным качеством, как прецедентность, заключающаяся в том, что метафоры, образы, символы и аллегории, используемые в религиозной коммуникации, основаны на культовых текстах – Священном Писании и святоотеческом наследии. Приобретая в процессе многовековой эволюции новые элементы структуры, новые средства языкового воплощения, метафорические модели в целом продолжают сохранять семантику и прагматический потенциал, сформированные в древности [5].

Базовыми для религиозного дискурса являются метафоры родства, зооморфные и милитарные метафоры. Доминантность названных метафорических моделей определяется их частотностью, структурированностью, разнообразием языковых средств воплощения. Кроме того, укорененность перечисленных мета-

форических моделей в религиозном сознании проявляется и в устоявшейся терминологии, восходящей к названным типам метафор. В частности, к метафорам родства восходят наименования «отец небесный», «сыны божьи», «братья по вере», «монашеская братия», к милитарным – «воин Христов», «враг рода человеческого», «борьба с искушениями», «победа над грехом», к зооморфным – «пастырь духовный», «паства», «непорочный агнец», «овцы словесные». Остановимся на общей характеристике каждого вида метафор.

Метафоры родства реализуют два типа отношений – по горизонтали и вертикали. «Горизонтальные» метафоры родства – это метафоры братства, демонстрирующие равноправные отношения, позволяющие представить сообщество верующих как группу людей, связанных духовным родством, что обусловлено общностью веры, общими нравственными ориентирами, общими ценностями: *Только при условии, что мы так соединены со Христом верой, жизнью, любовью, всем существом нашим, что стали Его родными братьями и сестрами. Сам Христос употребляет эти слова. После Своего Воскресения, когда Он посылает жен-мироносиц к Своим ученикам, Он говорит: пойдите к братии Моей* (Ин. 20: 17). *Через свою веру, через то, что они были готовы все отдать для Него, включая свою жизнь, ученики Христа стали Ему родными братьями* (Антоний (Блум); *Приветствую наших братьев и сестер – православных христиан всего мира* (Алексий II (Ридигер).

Иерархические отношения реализуются посредством парадигмы метафор оппозиции «отец – сын», репрезентирующих отношения Бога и верующих. В Библии слова, «связанные с понятием отцовства, встречаются около тысячи раз, и образ отца предстает важнейшим библейским архетипом» [10. С. 736]. Бог как совершенный отец является родоначальником человечества, наставляет, защищает и наказывает провинившихся чад: *А тем, которые приняли Его (Христа, Сына Божия), верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими, которые ни от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились* (Ин. 1:12–13); *Ибо Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает. Если вы терпите наказание, то Бог поступает с вами, как с сынами. Ибо есть ли какой сын, которого бы не наказывал отец?»* (Евр. 12:6–7).

Аналогичные контексты употребления метафор родства представлены и в религиозном дискурсе: *Христос Богочеловек, как человек и как Бог, заполняет Собой Церковь; Дух Святой дышит в ней, и во Христе и во Святом Духе мы являемся уже не приёмными, а родными детьми Бога и Отца* (Антоний (Блум); *Отец Небесный не только наказывает чад Своих, истинных христиан, но и утешает их* (Тихон Задонский).

Метафоры родства в религиозном дискурсе реализуют исключительно положительные прагматические смыслы, реализуя модусы тесной душевной связи, близости и соборности, столь значимые для русской лингвокультуры.

Зооморфные метафоры также активно функционируют в религиозном дискурсе. Чаще других животных в Библии упоминается овца (более четырехсот раз), что определяется «особыми чертами образов овцы и пастуха, делающих их подходящими источниками метафор духовной реальности» [10. С. 707]. Один из центральных образов Священного Писания – образ Бога как пастыря своего народа: *Ибо вы были, как овцы блуждающие (не имея пастыря), но возвратились ныне к Пастырю и Блюстителю душ ваших* (1 Пет. 2: 25). Слово *пастырь* (пастух) в переносном значении употреблялось также по отношению к правителям народов, священнослужителям. Основанием для этого послужило сходство между отношением пастуха к своему стаду и отношением правителей к подчиненным, отношением Бога к своему народу: *Пастыри должны стадо овец Христовых беречь и защищать от диавола, демонов, еретиков, и прочих душевных зверей. Пастухи скотину, от стада отлучившуюся и заблудшую, ищут и загоняют в стадо. Так и пастыри должны заблудившегося христианина искать и обращать к стаду Христову* (Тихон Задонский).

Слово *овца* регулярно используется в метафорическом значении как символ человека, нуждающегося в руководстве, заботе и защите, который, будучи предоставлен себе самому, может заблудиться и погибнуть. В христианстве овцы олицетворяют паству Христа, верующих и апостолов: *ибо Он есть Бог наш, и мы – народ паствы Его и овцы руки Его* (Пс. 94: 7); *Так и овцы Христовы, христиане, поручаются Христом Господом пастырям, епископам и иереям для того, чтобы их пасли и охраняли* (Тихон Задонский). Соотнесенность зооморфных метафор с библейскими образа-

ми-архетипами в религиозном дискурсе выражается как в виде цитат, так и в виде аллюзий, происходит развертывание традиционных христианских образов и символов. Зооморфные метафоры обладают ярко выраженным позитивным прагматическим потенциалом, акцентируют идею взаимосвязанности человека и природы, заботы о братьях меньших.

Милитарные метафоры также весьма продуктивны в религиозном дискурсе. Как известно, христианская мораль проповедует непротавление злу насилием, тем не менее, вся жизнь человека в христианской традиции предстает как битва с врагами спасения. Апостол Павел призывал: *Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских, потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных. Для сего примите всеоружие Божие, дабы вы могли противостать в день злой и, все преодолев, устоять. И так станьте, препоясав чресла ваши истиною и облекшись в броню праведности, и обув ноги в готовность благовествовать мир; а паче всего возьмите щит веры, которым возможете угасить все раскаленные стрелы лукавого; и шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть Слово Божие* (Еф. 6: 11–17).

Аналогичные метафоры духовных баталий используются и в религиозном дискурсе: *Не из-за каких-либо ничтожных, последних и человеческих целей идет этот у нас бой, но Божественных ради и небесных благ* (Феодор Студит); *враг твой и то страстное влечение, с коими ты состоишь в то время в борьбе, готовые тотчас напасть на тебя* (Никодим Святогорец); *Победа над собственной греховностью есть вместе и победа над вечною смертью* (Игнатий Брянчанинов).

В библейской традиции противником в битве, врагом Бога и человека выступает Дьявол. Его именуют «врагом рода человеческого», само наименование «Сатана» происходит еврейского слова «сатан», обозначающего врага, противника: *Для любящих Бога всею душою брань с диаволом то же, что и ничто, а для любящих мир она трудна и невыносима* (Ефрем Сирин). Главным союзником и помощником в духовной борьбе, которую ведет человек и его душа, является Христос: *Дерзновенно убо да уповает душа на Христа, да призывает Его; врагов же отнюдь да не страшится: ибо не*

одна воюет, но со Страшным Царем Иисусом Христом (Исихий Иерусалимский).

С помощью метафор оружия происходит характеристика способов и средств, используемых в процессе преодоления препятствий на пути духовного спасения: *При наступлении сей особой войны и сражаться будем особым способом: обратим к небу песнопения; вместо копьев устремим туда псалмы; вознесем к Богу молитвы; ... будем сражаться оружием добродетели; панциря праведности не пробивает стрела; щиту веры не наносит вреда молния; Бог не попускает сокрушить шлем надежды...* (Иоанн Златоуст).

Таким образом, использование военных метафор в религиозном дискурсе формирует устойчивый образ земной жизни человека, представляющей собой каждодневную битву – битву с грехами, пороками, страстями и искушениями, битву с самим собой, собственным несовершенством. Итогом этой битвы должен стать духовный рост, приближение к идеалу истинного христианина, спасение души и обретение жизни вечной. Прагматический потенциал военной метафоры в религиозном дискурсе характеризуется преимущественно векторами опасности, тревожности. В названных метафорах просматривается беспокойство о человеческой душе, стремление бороться за нее изо всех сил во имя спасения.

Подводя итоги, следует отметить, что теологическая метафорология обладает существенным эвристическим потенциалом и позволяет установить особенности религиозной метафорологии, выявить ее истоки, продемонстрировать специфику преломления базовых метафор в произведениях деятелей церкви различных эпох, установить ее инвариантные и индивидуально-авторские черты. Детальное описание конкретных метафорических моделей в различных жанрах религиозного дискурса представляется нам одной из основных задач отечественной метафорологии.

Список литературы

1. Бобырева, Е. В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале

православного вероучения) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Бобырева. – Волгоград, 2007. – 37 с.

2. Карасик, В. И. Религиозный дискурс / В. И. Карасик // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики : сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 1999. – С. 5–19.

3. Кондратьева, О. Н. Метафорическая репрезентация религиозных концептов в литературе Древней Руси / О. Н. Кондратьева // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011. – № 4. – С. 36–47.

4. Кондратьева, О. Н. Метафорическое моделирование в религиозном дискурсе / О. Н. Кондратьева // Научный диалог. – 2012. – Вып. 8. – С. 191–207.

5. Кондратьева, О. Н. Динамика метафорических моделей в русской лингвокультуре (XI–XX вв.) : дис. ... д-ра филол. наук / О. Н. Кондратьева. – Кемерово, 2014. – 404 с.

6. Лосева, Т. В. Метафора в речевом пространстве проповеди / Т. В. Лосева // Университетские чтения. – URL: http://www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2008/VII/uch_2008_VII_00031.pdf.

7. Прилуцкий, А. М. Метафорика религиозного ритуального дискурса / А. М. Прилуцкий // Религия. Церковь. Общество. Исследования и публикации по теологии и религии. – СПб., 2012. – Вып. 2. – С. 21–38.

8. Резанова, З. И. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: идеи, методы, решения / З. И. Резанова // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 1 (19). – С. 26–43.

9. Силенко, О. Г. Метафора в религиозном дискурсе / О. Г. Силенко, Н. Г. Суспицына // Лингвокультурология : ежегод. сб. науч. тр. – Вып. 7. – Екатеринбург, 2013. – С. 135–147.

10. Словарь библейских образов : под. ред. Л. Райкена, Дж. Уилхойта, Т. Лонгмана. – СПб.: Библия для всех, 2008. – 1424 с.

Сведения об авторе

Кондратьева Ольга Николаевна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков Кемеровского государственного университета.

Kondr25@rambler.ru, Olnik25@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 10 (365).

Philology. Arts. Issue 95. Pp. 101–106.

METAPHORICAL SYSTEM OF THE RELIGIOUS DISCOURSE

O. N. Kondratyeva

Associate Professor of the Chair of General Linguistics and Slavic Languages, Kemerovo State University, Kondr25@rambler.ru, Olnik25@mail.ru

The present article is devoted to the description of metaphors in the religious discourse and substantiation of a new scientific approach – theological metaphorology, among which immediate tasks are: 1) stating the metaphor's functions in the religious discourse; 2) describing the specific character of the religious metaphors; 3) revealing and analyzing the basic metaphoric models functioning in the framework of the religious discourse; 4) studying the peculiarities of the religious sphere key concepts' representing.

The metaphor's functions in the religious discourse are quite diverse, the main being cognitive, pedagogical and pragmatic. The specific character of the religious metaphors consists in its precedent character; metaphors, images and symbols used in the modern religious communication are based on the cult texts – the Scripture and patristic heritage. Having acquired during centuries-old evolution new structure elements and new language representatives metaphoric models continue to preserve the semantics and pragmatic potential which were formed in ancient times.

The basic metaphors of the religious discourse are the relationship metaphors, zoomorphic and military metaphors. The dominant character of these metaphors is determined by their frequency, structuredness, diversity of language means embodiment.

The relationship metaphors (*Heavenly Father, spiritual brothers, brothers in faith*, etc.) in the religious discourse realize exceptionally positive pragmatic means having the meaning of spiritual connection, closeness, collegiality which are very significant for the Russian linguo-culture.

Zoomorphic metaphors (*spiritual shepherd, Christ's sheep*, etc.) also possess the vivid positive pragmatic potential, underline the interconnection of a man and nature, care about our youngest brothers.

Military metaphors (*archfoe, battle with devil*, etc.) in the religious discourse form an image of the mortal life, fight with sins, vices, passions, temptations on a day-to-day basis. The pragmatic potential of the military metaphor in the religious discourse is characterized by the vectors of danger and anxiety.

The detailed description of specific metaphoric models in different genres of the religious discourse is viewed as one of the main tasks of the Russian metaphorology.

Keywords: *religious discourse, theological metaphorology, conceptual metaphor.*

References

1. Bobyрева E.V. *Religioznyy diskurs: tsennosti, zhanry, strategii (na materiale pravoslavnogo veroucheniya)* [Religious discourse: values, genres, strategy (on a material of orthodox dogma)]. Volgograd, 2007. 37 p. (In Russ.).
2. Karasik V.I. Religioznyy diskurs [Religious discourse]. *Yazykovaya lichnost': problemy lingvokul'turologii i funktsional'noy semantiki* [The language person: problems of linguoculturology and functional semantics]. Volgograd, 1999, pp. 5–19. (In Russ.).
3. Kondrat'eva O.N. Metaforicheskaya reprezentatsiya religioznykh kontseptov v literature Drevney Rusi [Metaphorical representation religious concepts of the literature of Early Russia]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Questions of cognitive linguistics], 2011, no 4, pp. 36–47. (In Russ.).
4. Kondrat'eva O.N. Metaforicheskoe modelirovanie v religioznom diskurse [Metaphorical modelling in a religious discourse]. *Nauchnyy dialog* [Scientific dialogue], 2012, no. 8, pp. 191–207. (In Russ.).
5. Kondrat'eva O.N. *Dinamika metaforicheskikh modeley v russkoy lingvokul'ture (XI–XX vv.)* [Dinamika of metaphorical models in Russian linguoculture (XI–XX centuries)]. Kemerovo, 2014. 404 p. (In Russ.).

6. Loseva T.V. Metafora v rechevom prostranstve propovedi [Metaphor in speech space of the sermon]. *Universitetskie chteniya* [University readings]. Available at: http://www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2008/VII/uch_2008_VII_00031.pdf, accessed 08.01.2014. (In Russ.).
7. Prilutskiy A.M. Metaforika religioznogo ritual'nogo diskursa [Metaphorical system a religious ritual discourse]. *Religiya. Tserkov'. Obshchestvo. Issledovaniya i publikatsii po teologii i religii* [Religion. Church. A society. Researches and publications on theology and religions], St. Peterburg, 2012, rel. 2, pp. 21–38. (In Russ.).
8. Rezanova Z.I. Metaforicheskiy fragment russkoy yazykovoy kartiny mira: idei, metody, resheniya [Metaphorical fragment of Russian language picture of the world: ideas, methods, decisions]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [The bulletin of Tomsk state university], 2010, no. 1 (19), pp. 26–43. (In Russ.).
9. Silenko O.G., Suspitsyna N.G. Metafora v religioznom diskurse [The Metaphor in a religious discourse]. *Lingvokul'turologiya* [Linguoculturology], Ekaterinburg, 2013, rel. 7, pp. 135–147. (In Russ.).
10. *Slovar' bibleyskikh obrazov* [The dictionary of bible images]. St. Peterburg. 1424 p. (In Russ.).

УДК 81'42 (046)

Т. Р. Копылова

СТРАТЕГИИ ПРЕДНАМЕРЕННОГО МОЛЧАНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Политический дискурс является частотным предметом исследования в современной лингвистике. Это обусловлено тем, что политика стремится максимально расширить свое коммуникативное пространство, проникая во все сферы человеческого общения. В статье на материале официальных заявлений МИД и представителей власти рассматривается, каким образом происходит целенаправленное преобразование информации благодаря использованию стратегий преднамеренного молчания, что позволяет выявить особенности современной политической коммуникации.

Ключевые слова: коммуникация, стратегия, политический дискурс, преднамеренное молчание.

Политика все чаще проникает в повседневную жизнь человека, занимает собой все сферы общения, что актуализирует исследования политического дискурса в современной лингвистике [1; 2; 7; 8; 10]. Один из систематизирующих признаков политического дискурса – информативность – приобретает особую специфичность, обусловленную намерением политика создать некие иллюзии, сконструировать особую, часто искаженную, реальность [1; 7; 10]. Целенаправленное преобразование информации напрямую связано с истинностью высказывания – «от полного искажения (лжи) и полного умолчания до полуправды (частичного искажения и частичного умолчания)» [10. С. 178]. Именно категории *ложь/правда*, *частичность/полнота* и определяют содержание стратегий преднамеренного молчания.

Рассмотрим на материале официальных заявлений представителей власти России, Украины и МИД РФ за 2014 г., в чем особенности функционирования стратегий преднамеренного молчания в современном политическом дискурсе.

В русском языке идея преднамеренного молчания имеет богатую языковую фиксацию. Данный компонент значения характеризует и ключевую лексему отсутствия речевой деятельности *молчать* («Не высказывать открыто своего мнения, обходить молчанием что-л.»), и приставочные образования *смолчать* («Не ответить, ничего не сказать»), *промолчать* («Воздержаться от возражения, от ответа на обиду, оскорбление») [3]. Молчание с умыслом как особый вид молчания реализуется единицами

умолчать/умалчивать, *замолчать/замалчивать*, характеризующиеся особым функционированием в политическом дискурсе; *умолчание* и *замалчивание* указывают на особые коммуникативные цели участников дискурсивной деятельности.

Молчание – одна из частотных стратегий в политическом дискурсе, указывающая на коммуникативное поведение адресанта, не желающего вступать в коммуникацию, проявлять свою позицию, отвечать, открывать свои козыри. На языковом уровне данное поведение характеризуется как *молчит*, *хранит молчание*, *держит нейтралитет*, *не проронил ни слова*, *занимает позицию невмешательства*, *бездействует*, *ничего не делает*, *ничего не предпринимает* и др. Сознательное молчание обозначено в текстах как *информационный вакуум*, *тишина*, *молчание*, *зловещая тишина*, *ничего*. Молчаливое поведение часто указывает на уверенность в позиции говорящего: адресант *спокойно медлит*, *выжидает*, *спокойно следит*, *явно что-то знает* и др.:

(1) *Знающий не говорит, а говорящий не знает – кажется, древняя китайская поговорка стала заклинанием в головах китайских дипломатов* (<http://ria.ru/world/20150113/1042358426.html#ixzz3OummFiSn>).

По реакции адресата мы можем судить, насколько данная стратегия обладает сильным воздействием:

(2) *Молчание Европы даже более показательно, чем слова Яценюка* (<http://ria.ru/world/20150113/1042358426.html#ixzz3OummFiSn>);

(3) *Молчание Путина – хитрый план или предательство элит?* (<http://www.3rm.info/index.php?newsid=47974>).

Молчание одного из участников политической коммуникации вызывает смещение в лагере противника, сеет панику, вынуждает другого строить различные версии с целью угадать истинное намерение инициатора молчания:

(4) *Сверхосторожная позиция уже принесла ряд бонусов Китаю. Сохраняя нейтралитет, Китаю удалось избежать конфликта с двумя важными потенциальными союзниками – Россией и США... Китай, словно выпустив давно таившиеся в рукаве нитки, сможет управлять торговыми желаниями России, возводя в абсолют ценность своего голоса в Совбезе* (<http://politrussia.com/world/pochemu-molchit-kitay-291>).

Неуверенность адресата, вызванная молчанием оппонента вместо ожидаемого ответа, может быть выражена с помощью риторических вопросов «О чем молчит Вашингтон», «Почему молчит Китай?», «Почему молчат правозащитники?», «Что значит молчание Путина?»:

(5) *Почему же в Вашингтоне молчат? Видимо, потому, что ответить нечего* (Комментарий МИД России в связи с продолжающимися антироссийскими выпадами со стороны Администрации США, 27.07.2014).

Молчание вместо ожидаемой реакции носит явный характер, указывает на некую демонстративность инициатора молчания. Часто о преднамеренном молчании одного из участников дискурсивной деятельности сложно даже догадываться, так как оно разворачивается на фоне говорения, речевой деятельности. Речь идет лишь об утаивании информации.

Компонент «утаивание информации» реализуется в русском языке с помощью единиц *умолчание* и *замалчивание*. Стратегии умалчивания и замалчивания всегда характеризовали политический дискурс и были надежным инструментом в руках власти для манипулирования сознанием электората [1; 4; 10]. В отличие от молчаливого коммуникативного поведения, поведение, направленное на сокрытие информации, традиционно не так легко считывалось адресатом, часто оставалось незафиксированным, не носило явный характер. О данных стратегиях возможно было судить лишь при сопоставлении нескольких источников информации, не зависящих друг от друга, либо источников, разделенных временем [4] (Ср., на-

пример, умолчание и замалчивание в текстах советского дискурса).

Современный политический дискурс характеризуется несколько иными чертами. Политическая коммуникация становится все более открытой; эвфемизация, дипломатический стиль общения теряют свою эффективность. Политики стремятся в борьбе за свои интересы максимально расширить свое поле деятельности, проникнуть во все сферы человеческого общения. Открытое информационное пространство нивелирует границы территориальные, административные. Адресат подвергается воздействию одновременно нескольких адресантов. Участники политической дискурсивной деятельности не просто заявляют о своей позиции, они обличают, демонизируют, отслеживают коммуникативные ходы своих оппонентов, «срывают маски», конструируют свою картину происходящего, свою реальность. В такой ситуации стратегии преднамеренного молчания выходят на первый план.

Умолчание как коммуникативное действие может носить как осознанный, так и неосознанный характер. В политическом же дискурсе стратегия умалчивания применяется целенаправленно, реализуя компонент значения ключевой лексики «умышленно», «обычно желая утаить что-л., преследуя какие-л. цели» [5].

Анализ ответной вербальной реакции на применение данной стратегии политическими противниками, зафиксированной в текстах официальных заявлений МИД России, представителей правительства РФ и других стран, позволяет выделить особенности применения стратегий умолчания в современном политическом дискурсе.

Умолчанием обозначается коммуникативное поведение оппонента, направленное на утаивание информации. Часто коммуникативное действие оппонентов характеризуется как *недоговаривают, намекают, не замечают очевидных фактов, дезинформируют, уклоняются от признания, не отражают реальной картины*; в официальных заявлениях применение данной стратегии могут связывать с не объективностью информации. Политический противник может быть прямо изобличен в использовании стратегии умолчания:

(6) *УВКПЧ умалчивает, что украинские вооруженные силы использовали кассетные и зажигательные боеприпасы против мирного населения Донбасса* (Комментарий Департамента информации и печати МИД России в

связи с седьмым докладом Наблюдательной миссии ООН по правам человека на Украине. 21.11.2014).

На умолчание каких-то определенных фактов могут указывать и контекстуально:

(7) *Дж. Керри не упомянул публично вчера об этом документе, возродить который он согласился со мной в телефонном разговоре, а сослался на мирный план П. А. Порошенко* (Ответ Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на вопрос российских СМИ по тематике украинского кризиса, Душанбе, 30 июля 2014 г.).

(8) *К сожалению, мы не видим объективного подхода и непредвзятых оценок происходящего на Украине со стороны авторов такого документа. Авторы продолжают избирательно использовать информацию и на базе этой информации делать весьма ангажированные выводы* (Комментарий официального представителя МИД России А. К. Лукашевича относительно шестого доклада Наблюдательной миссии Управления Верховного комиссара ООН по правам человека на Украине. 9.10.2014).

Анализ текстов указывает на отличительные особенности стратегии умолчания. Данная стратегия применяется, как правило, на фоне говорения:

(9) *Г-н И. Шимонович говорит о драматическом ухудшении ситуации в регионах, контролируемых ополчением, в частности, в Луганске. Упоминает об отсутствии воды и электричества. При этом умалчивает, что украинские войска бомбили электроподстанции и очистные сооружения* (Выступление Постоянного представителя России при ОБСЕ А. В. Келина на спецзаседании Постоянного совета ОБСЕ, Вена).

Объекты умолчания подчеркивают частичность информации, сокрытой от адресата: умалчиваются конкретные факты (*расположение и количество вертолетов; применение касетных и фосфорных боеприпасов; закрытие специзлятора в Гуантанамо; аргументированное опровержение со стороны абхазских, югоосетинских и российских участников конфликта; количество жертв среди местного населения и др.*), действующие лица, проблемы, элементы события, отношения, оценки. Одной из частотных тактик данной стратегии является тактика подмены информации. Применение данной тактики в современной политической коммуникации отличается тем, что коммуникативное поведение оппонентов отли-

чает некая синхронность, «зеркальное отражение» политических ролей, оценок происходящего, действий. Тактика подмены информации часто приобретает вид политического «пинг-понга». Воздействие данной тактики усиливается благодаря сопутствующей тактике многократного повторения.

(10) *Владимир Путин предложил Киеву свой план урегулирования конфликта в Донбассе* (<http://www.dni.ru/polit/2015/1/20/292332.html>).

(11) *Президент Украины заявил, что соглашения, подписанные в Минске, являются его инициативой. «Минские соглашения, на самом деле, это мой план»* (<http://ria.ru/world/20150121/1043498873.html>).

(12) *Украинская сторона отказалась от предлагавшегося (Россией) плана и не выступила с какими-либо встречными предложениями, и, более того, снова начала боевые действия* (<http://www.interfax.ru/world/418526>).

(13) *На Украине заявили, что Москва не отреагировала на их предложение, поэтому Киев снова решил обратиться с просьбой о прекращении огня* (http://www.starguard.ru/news/id_1972/).

С утаиванием информации связано и коммуникативное поведение, обозначенное в русском языке как *замалчивание*. Словари русского языка разделяют *умолчание* как «молчание умышленное» и *замалчивание* как «преднамеренное», то есть «заранее обдуманное, умышленное (обычно о чем-нибудь плохом)». Таким образом, *замалчивание* приобретает коннотацию «злого умысла». Если *умолчать* связана с речью, ее отсутствием и толкуется как *не сказать*, то *замолчать* – с информацией, знанием, *не дать знать* [5].

Данная стратегия является не просто неотъемлемой чертой современной политической коммуникации, она отличается высокой частотностью применения. Только в текстах официальных заявлений МИД РФ за 2014 г. зафиксировано 43 случая прямого обличения в замалчивании информации. Ср., за период с 2003 по 2013 г. о применении данной стратегии политическими оппонентами указывалось всего 36 раз. Контекстуальными синонимами *замалчивать* выступают единицы *игнорировать, блокировать, не обращать внимание, оставлять без внимания, закрывать глаза, извращать, отрицать, скрывать истину, правду, не замечать* и др.

(14) *Я слышал то, о чем Вы сейчас упомянули, что нам якобы интересно создать второе*

Приднестровье, какую-то буферную зону – это глупости... Это настолько нечистоплотная попытка, что даже не хочется об этом говорить, хотя приходится, потому что факты замалчиваются, извращаются (Ответы Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на вопросы в ходе телевизионной программы «Право знать!» на канале «ТВ Центр», 13.09.2014). Часто с единицей замалчивать употребляются полностью, грубо, откровенно, просто.

Если умолчание протекает на фоне говорения, информационное поле лишь искажается, то замалчивание может, подобно молчанию, вообще это поле не создавать, чем серьезно воздействовать на информационные потоки, так как направлено на сокрытие целых информационных блоков. Анализ текстов официальных заявлений МИД за 2014 г. позволяет сделать вывод, что является объектом замалчивания: *гибель мирного населения; риски для европейской безопасности; рост националистических настроений и антисемитские призывы; давление на наблюдателей ОБСЕ; нарушение режима госграницы; нарушение прав человека и насилие; гомофобия в Европе; гуманитарная свобода; беспредел в области прав человека; все, что не отвечает официальной линии* и др.

Различие стратегий умалчивания и замалчивания осознаются участниками дискурсивной деятельности как разные по своим целям. *Замалчивание* соотносится с *умалчиванием* и по шкале *полнота/неполнота*, и по шкале *значимость/незначимость*: *замалчивается трагедия с малазийским боингом / США умалчивают о Boeing, не публикуя снимки со спутника; умалчивают о количестве погибшего мирного населения / замалчивают гибель украинских граждан / замалчивают факты массовых смертей среди мирного населения* и др. В текстах наиболее частотны сочетания *умалчивать факты, детали, проблемы* и *замалчивать случаи, процессы, тенденции, тему, роль, вклад, катастрофу* и др.

Политические оппоненты, «срывая маски», обличая своих противников в искажении информации, в умалчивании и замалчивании, дают однозначную оценку, как правило, лишённую эвфемизации: *вышли за рамки дозволенного, нарушают принцип нейтральности и беспристрастности, не отражают реальной картины, поражают свои лицемерием* и др. Подобное коммуникативное поведение *настораживает, вызывает возмущение, тревогу, глубокую озабоченность, является политиче-*

ским заказом, заставляет не верить словам. Открыто с помощью собственных имен или метонимического переноса называется и субъект-адресант: Порошенко умолчал о финансовой помощи ЕС, Меркель умалчивает вопрос о новой помощи Греции, Обама замалчивает конфронтацию с Россией по Сирии и др., США умалчивают о Boeing, Украина замалчивает правду о реверсах газа, Европа умалчивает и не желает замечать явного, Россия замалчивает информацию и др.

Таким образом, стратегии преднамеренного молчания с целью сокрытия информации либо ее части являются характерной чертой современного политического дискурса, так как способны не просто сформировать отношение адресата к происходящему, повлиять на способ мышления, заставить принять выгодную адресанту точку зрения, но и создать иллюзорную, сконструированную, реальность. Богатая фиксация идеи преднамеренного молчания в русском языке, с одной стороны, и утаивание, сокрытие как частотное коммуникативное поведение современных политиков, с другой, позволяют обозначить стратегии молчания, замалчивания и умалчивания как различные, нацеленные на искажение информации в разной степени по шкале *полнота/неполнота, значимость/незначимость*.

Анализ коммуникативного поведения политических оппонентов, их ответная вербальная реакция на применение данных стратегий выявляет черту современной политической коммуникации: коммуниканты не столько стремятся убедить в своей правоте, сколько показать неправоту и несостоятельность позиции противника – обличить, вывести его на «чистую воду». Это придает современному политическому дискурсу излишнюю агрессивность, оценочность в противовес традиционным чертам – дипломатичности, эвфемизации.

Насколько эффективны стратегии преднамеренного молчания в политическом дискурсе? К выводу о силе воздействия слова, которое не звучит, приходили многие лингвисты [6; 9; 8]. Но что стоит молчание, о котором все время говорят?

Список литературы

1. Дейк, Т. А. ван. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т. А. ван Дейк. – М.: Либроком, 2013. – 344 с.

2. Демьянков, В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ / В. З. Демьянков // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – С. 116–133.
3. Евгеньева, А. П. Словарь русского языка / А. П. Евгеньева. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – 736 с.
4. Копылова, Т. Р. Умолчание как стратегия в формировании имиджа России в испанских СМИ / Т. Р. Копылова // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. – № 21 (312). – Филология. Искусствоведение. Вып. 80. – С. 295–299.
5. Кузнецов, С. А. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.
6. Норман, Б. Ю. О креативной функции языка (на материале славянских языков) / Б. Ю. Норман // Славяноведение. – 1997. – № 4. – С. 26–33.
7. Паршина, О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России : дис. ... д-ра филол. наук / О. Н. Паршина. – Саратов, 2005. – 325 с.
8. Полякова, С. Е. Функции молчания в политическом общении / С. Е. Полякова // Политическая лингвистика. – 2013. – № 2 (44). – С. 125–128.
9. Соломник, А. Семиотика и лингвистика / А. Соломник. – М.: Молодая гвардия, 1995. – 352 с.
10. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – М.: Гнозис, 2004. – 386 с.

Сведения об авторе

Копылова Татьяна Рудольфовна – кандидат филологических наук, доцент. Гранадский университет (Испания), Удмуртский государственный университет.
k_tatiana4@mail.ru

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 10 (365).
Philology. Arts. Issue 95. Pp. 107–112.*

STRATEGIES OF DELIBERATE SILENCE IN POLITICAL DISCOURSE

T. R. Kopylova

University of Granada, Udmurt State University. k_tatiana4@mail.ru

Political discourse frequently becomes a subject of research in the modern linguistics. This is due to the fact that politics is aimed at extending its communicative space to the full by penetrating into all aspects of human interaction. The article examines how the information can be purposively converted through strategies of deliberate silence. Russian language resources make it possible not only to lexicalize the idea of silence and deliberate silence, but also to distinguish between the full and partial information concealment. Due to the language capacities as well as the characteristics of the strategies being studied (determined through analysis of statements made by representatives of authorities, especially by officers of the Ministry of Foreign Affairs in Russia) we can consider the strategy of silence, concealment and deliberate silencing as independent strategies characterized by excellent communication objectives and application features pointing to different types of communicative behavior of political discursive activity. The primary focus is not only on objects of concealment or deliberate silencing, but also on the recipient's verbal response to distortion of the information field through the use of these strategies. Relatively frequent use of silence instead of the expected response, concealment or deliberate silencing aimed to have an effect on the recipient in modern political communication highlight the new features of the political discourse.

Keywords: *communication, a strategy, a political discourse, deliberate silence.*

References

1. Dijk van T.A. *Diskurs i vlast: Rerezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and Power: Representation of Dominance in the Language and Communication]. Moscow, 2013. 344 p. (In Russ.).
2. Dem»yankov V.Z. Interpretatsiya politicheskogo diskursa v SMI [Interpretation of Political Discourse in the Mass Media]. *Yazyk SMI kak ob"ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya* [Mass Media Language as an Object of the Interdisciplinary Research]. Moscow, 2001, pp. 116–133. (In Russ.).
3. Evgen»eva A.P. *Slovar» russkogo yazyka* [Russian Dictionary]. Moscow, 1999. 736 p. (In Russ.).
4. Kopylova T.R. Umolchanie kak strategiya v formirovanii imidzha Rossii v ispanskikh SMI [Concealment as a Strategy to Form the Image of Russia in the Spanish Mass Media]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie* [Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philology. Study of Art], 2013, no. 21 (312), issue 80, pp. 295–299. (In Russ.).
5. Kuznetsov S.A. *Bol»shoy tolkovyy slovar» russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Great Russian Language]. St. Petersburg, 1998. 1536 p. (In Russ.).
6. Norman B.Yu. O kreativnoy funktsii yazyka (na materiale slavyanskikh yazykov) [On Creative Functions of the Language (based on Slavic Languages)]. *Slavyanovedenie* [Slavonic Studies], 1997, issue 4, pp. 26–33. (In Russ.).
7. Parshina O.N. *Strategii i taktiki rechevogo povedeniya sovremennoy politicheskoy elity Rossii* [Speech Behavior Strategies and Tactics of the Modern Political Elite of Russia]. Saratov, 2005. 325 p. (In Russ.).
8. Polyakova S.E. Funktsii molchaniya v politicheskom obshchenii [Functions of Silence in Political Discourse]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2013, issue 2 (44), pp. 125–128. (In Russ.).
9. Solomnik A. *Semiotika i lingvistika* [Semiotics and Linguistics]. Moscow, 1995. 352 p. (In Russ.).
10. Sheygal E.I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics and Political Discourse]. Moscow, 2004. 386 p. (In Russ.).

УДК 80-2
ББК 81.2.

А. Ю. Корбут, Li Huizi

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕПРЕЗЕНТАНТОВ КОНЦЕПТА «ДЕНЬГИ» В КИТАЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ (традиционный слой)

Осуществляется сопоставление традиционного слоя концепта «деньги» в китайском и русском языках. Результаты получены при анализе репрезентантов концепта в китайских и русских сказках и пословицах. Обнаружено преобладание отрицательных эмоций в структуре традиционного слоя русского концепта и преобладание положительных эмоций в структуре традиционного слоя китайского концепта.

Ключевые слова: *китайский и русский концепт «деньги», репрезентанты, традиционный слой концепта, паремии, сказки.*

Древняя культура является базой для формирования традиционной части языковой картины мира народа. По мнению Ю. С. Степанова, концепт «деньги» (далее КД) является одним из базовых концептов культуры, участвующих в категоризации мира сегодня [1]. И. А. Майоренко приходит к выводу: «анализ функций денег показывает, что они являются ступенью огромной социальной и психологической энергии, одухотворяющей деятельность людей и цивилизирующей быт» [2]. Поскольку деньги входят в круг насущных интересов человека с древнейших времен, пословицы и поговорки отражают традиционную позицию относительно КД во фрагменте языковой картины мира (как способ концептуализации действительности).

Пословицы и сказки рассматриваются как один из основных «кодов» культуры, как «язык веками сформировавшейся обыденной культуры», передающийся из поколения в поколение и отражающий все категории и установки жизненной философии народа – носителя языка [3]. Изучая пословицы и сказки того или иного народа, можно многое узнать о самом народе и его культуре.

Наше исследование динамики репрезентации КД основано на сравнении традиционного и актуального слоев концепта. Традиционный исторический слой КД сформирован в прошлом, является базовым слоем концепта. Наше исследование отталкивается от наблюдения древней репрезентации КД в связи с тем, что этот слой концепта стабилен, в отличие от его актуального слоя, который подвергается из-

менениям. Исследование репрезентантов КД в пословицах и сказках актуально, так как они представляют традиционный слой этого концепта.

Было исследовано 8 китайских сказок и 4 русских сказки, содержащих репрезентанты КД [4; 5; 6]. Китайских пословиц исследовано 277. Русских пословиц исследовано 722.

В китайских сказках и пословицах найдено 74 репрезентанта КД. Представим их список по группам в порядке частотности (в скобках указано количество употреблений в материале):

Деньги (189), золото (96). **Группа 1:** время (19), знание (16), нефрит (14), серебро (13), универсальные (11), истина (11), земля (10), человечность (8), смерть (8), барьер (8), нет друзей (8), дружба (8), море (7), трудность (7), нужные вещи (6), все в порядке (6), раб (5), нейтральные (5), хорошие соседи (5), средство (4), радость (4), не радость (4), лицо (4), блестящие вещи (4), добрые (4), тощее тело у старика (здоровье) (4), счастье (4), честь (4), трагедия (4), общественное положение (3), гора (3), тоска (3), торговля (3), кожа (3), дракон (3), дерево, на котором растут деньги (3), жемчуг (3), плод (3), насекомое (3), таз с неиссякаемыми драгоценностями (3), ад (2), бедняк (2), бережливые (2), богатство (2), богач (2), верность (2), власть (2), внизу, колени мужчины (2), жизнь (2), душевный друг (2), зло (2), источник богатства (2), книги (2), кредитор (2), могила (2), мудрец (2), настоящий мужчина (2), помощь (2), рай (2), самоанализ (2), самые грязные (2), самые чистые (2), слова (речь) (2), смелость (2), старик (2), трудолюбие (2), улыбка (ра-

дость) (2), хорошие новости (2), экономия (2).
Группа 2: золотые монеты (1), драгоценные изделия (1), ювелирные изделия (1).

В полевой структуре КД репрезентанты распределяются на ядро, ближайшую периферию и дальнюю периферию. Частотность репрезентанта «деньги» в материале имеет максимальный коэффициент и составляет 189 употреблений, так как он относится к ядру и является именем концепта. Коэффициент 189 рассматривается как 100 % (берется за единицу). Частотность остальных репрезентантов КД оценивается относительно коэффициента 189. Репрезентанты с относительной частотностью более 40 % занимают ближайшее к ядру место.

В китайском языке обнаружен 1 репрезентант КД с частотностью более 50 %. Это репрезентант «золото», который встретился 96 раз ($96:189 \times 100 = 50.79\%$.) Этот факт позволяет отнести репрезентант «золото» к ядру КД. Таким образом, в ядре традиционного слоя исследуемого концепта в китайском языке оказываются два репрезентанта: «деньги» и «золото».

Репрезентанты КД, имеющие количество употреблений, равное единице, в традиционном слое отнесены к дальней периферии (см. в списке группу 2).

Ближайшую периферию составили репрезентанты с частотностью от 2 до 19 (см. в списке группу 1).

Итак, структура традиционного слоя КД в китайском языке имеет следующие числовые показатели. Ядро – 2: «деньги», «золото». Ближайшая периферия – 69 (употреблены в материале от 2 до 19 раз). Дальняя периферия – 3: «золотые монеты», «драгоценные изделия», «ювелирные изделия».

В русских сказках и пословицах найдено 172 репрезентанта КД. Представим их список в порядке частотности (разбит на 2 группы, в скобках указано количество употреблений в материале).

Деньги (152), богатый (богат) (61).
Группа 1: дорогой (дороже, дорог) (59), рубль (49), золото (золотце, злато) (35), копейка (35), купить (купленный, куплен) (34), грош (31), богатство (26), бедный (беден, бедна) (25), золотой (19), долг (18), счет (16), цена (16), доход (13), беречь (поберечь) (13), стоить (13), алтын (12), убогий (убоги) (11), бедность (11), алмаз (10), лень (9), скупой (9), сумма (9), бережливость (8), голь (8), нажить (наживать) (8), платить (8), прибыль (8), серебро (8), базар (7), убыток (7), копить (6), дешевый (дешев) (6),

клад (6), скупость (5), заработать (5), кошелек (5), мощна (5), нищий (5) прожить (проживать, прожито) (4), добро (4), казна (4), наживаться (4), небогат (4), плата (4), полушка (4), продать (продавать) (4), отдать (отдавши) (4), товар (товарец) (3), взятка (3), гривна (3), достаток (3), займ (3), займы (3), заработанный (3), карман (3), полтина (3), пятак (3), серебряный (3), торговать (3), хлопоты (3), бедняк (2), береженный (2), богач (2), бык рогатый (2), взять (взявши) (2), голытьба (2), даровой (2), залог (2), запас (2), корысть (2), нажива (2), недостаток (2), платеж (2), пошлина (2), разбогатеть (богатеть) (2), растрата (2), сокровища (2), торг (2), трата (2), хозяйство (2), чек (2).

Группа 2: актив (1), барыш (1), бирюза (1), благополучие (1), взяточник (1), воровство (1), впрок (1), время (1), выигрыш (1), главный нерв войны (1), голодный (1), голубь (1), горе (1), гости (1), грабить (1), доха (шуба) (1), дебет-кредит (1), дельце (1), долгища (долг) (1), дорожать (1), доходный (1), жемчуг (1), забор (1), забота (1), заклад (1), зло (1), заработок (1), зарплата (1), камень (1), касса (1), копеечный (1), краденный (1), кража (1), магарыч (1), медный грош (1), медь (1), миллионер (1), монетка (1), неистраченный (1), недорогой (1), наживное дело (1), нажитый впрок (1), нажито (1), наторговать (1), не щепки (1), откупиться (1), озолотить (1), отдать (1), прибыток (прибыль) (1), прикупить (1), плохой хозяин (1), подспорье (1), позолота (1), полтинник (1), поплатиться (1), порука (1), покупиться (1), каменная палата (1), приход (1), проигрыш (1), промотаться (1), прорешка (прореха) (1), пух (1), разбой (1), разжива (1), раззолочен (1), расхватать (1), расплата (1), растратчик (1), расход (1), рублевый (1), рынок (1), сберечь (1), сколотить (1), скопидомка (1), скопить (1), скуповато (1), стоимость (1), сытый (1), торговля (1), убожество (1), хороший слуга (1), сотня (1), самоцветные камни (1), золотое яичко (1), золоченая коляска (1), дерево с золотыми и серебряными яблоками (1).

Структура традиционного слоя поля русского КД определяется по названному выше принципу. Самый популярный репрезентант – «деньги» – имеет коэффициент частотности 152. Отсюда: 40 % от 152 составляет 60.8 ~ 61. Следовательно, все репрезентанты КД, у которых частотность более 61, относятся к ядру. Поэтому к ядру мы отнесли два репрезентанта: «деньги» (152) и «богатый (богат)» (61). Репрезентанты КД с частотностью, равной единице, отнесены к дальней периферии.

Остальные репрезентанты – к ближайшей периферии.

Структура традиционного слоя КД в русском языке имеет следующие числовые показатели. Ядро – 2: «деньги», «богатый». Ближайшая периферия – 81 (употреблены от 2 до 59 раз). Репрезентанты ближайшей периферии перечислены в группе 1. Дальняя периферия состоит из 89 репрезентантов, каждый из которых употреблен 1 раз (см. в списке группу 2).

Структура ядра традиционного слоя КД в китайском и русском языках имеет идентичный числовой показатель – 2. Однако содержание (семантика) представителей ядра в сопоставляемых языках имеет различия. В традиции русского языкового сознания ядро КД проявляет более абстрактные свойства: «деньги – это богатство». В китайском языковом сознании традиционно активизируются более конкретные (вещественные) представления о КД: «деньги – это золото».

Имеются количественные различия в составе ближайшей периферии традиционного слоя русского и китайского языков: 81 и 69 репрезентантов соответственно. Очень значительны в сопоставляемых языках различия в количественном составе дальней периферии: 3 китайских репрезентанта противостоят 89 русским репрезентантам.

На данном этапе исследования мы предполагаем, что факт различия численных показателей непосредственно связан с типологией языков. Разветвленная словообразовательная и морфологическая структура русского флективного языка противостоит сугубо семантической (а потому и компактной) структуре китайского изолирующего языка.

Схематически это изображено на рисунке 1.

Сопоставительное исследование репрезентантов традиционного слоя КД позволило сде-

лать некоторые интересные наблюдения.

В пословицах и сказках чаще используются метафоры для выражения сущности КД, деньги как предмет сравниваются с другими предметами. Репрезентанты КД в китайской языковой картине мира имеют следующую национально-культурную специфику. Репрезентант «дракон» означает «богатый человек», а репрезентант «насекомое» имеет значение «бедный человек». Некоторые китайские репрезентанты КД образуют антонимические пары, например, «ад» и «рай», «радость» и «не радость». Этот факт означает, что принципиально деньги в традиционном языковом сознании китайцев являются нейтральным понятием, поэтому в китайский КД входят репрезентанты «универсальные», «нейтральные» и др.

Национальную специфику имеют репрезентанты КД: «нефрит», «земля», «дерево, на котором растут деньги», «таз с неиссякаемыми драгоценностями» (присущие китайской языковой картине мира).

Национальную специфику имеют русские репрезентанты: «самоцветные камни», «золотое яичко» «золоченая коляска», «дерево с золотыми и серебряными яблоками» (принадлежащие русской языковой картине мира).

При сравнении русского и китайского КД найдены идентичные репрезентанты: «время», «зло», «раб» («хороший слуга»), «бедняк», «богач». В структуре русского и китайского КД есть также идентичные репрезентанты, называющие одинаковые ценные предметы: «жемчуг», «серебро», «золото».

В структуре русского КД имеются репрезентанты со значением «нарушение закона, правила и др.»: «взяточник», «растратчик», «кража», «грабить», «воровство» и др. Репрезентанты с таким значением отсутствуют в структуре китайского КД.

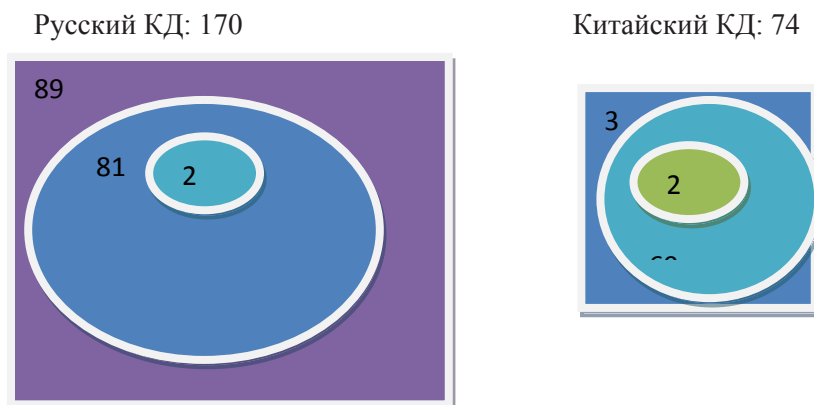

Рис. 1. Количественная структура концепта «деньги» в русском и китайском языках

В структуре русского КД обнаружена значительная дифференциация достоинства денежных единиц. Русские традиционные репрезентанты КД в этом смысле богаче, чем китайские. Например, обнаружен один китайский репрезентант «золотые монеты», тогда как в традиционном слое русского КД найдены «рубль», «копейка», «грош», «алтын», «полушка», «гривна», «полтина», «пятак», «копеечный», «медный грош», «медь», «монетка», «полтинник», «рублевый», «сотня».

На первый взгляд нам показалось, что в русском традиционном КД больше репрезентантов с отрицательной оценкой, например: «убогий», «скупой», «голодный». Исследование коннотации мы посчитали актуальным, поэтому на следующем этапе работы был выполнен сопо-

ставительный анализ коннотативной семантики репрезентантов КД традиционного слоя.

Семы положительной или отрицательной оценки дифференцировались при анализе незначительно, так как была поставлена задача выявить принципиальное наличие эмоционального отношения к каждому репрезентанту КД, то есть наличие эмоциональной составляющей в семантической структуре КД. Наличие потенциальной эмоциональной семы репрезентантов, проявляющейся только в контексте как положительная или отрицательная оценка, не учитывалось как принципиальное наличие коннотации.

В эмоциональной структуре традиционного слоя китайского и русского КД найдены существенные различия. Результаты исследования отражены в таблице 1.

Таблица 1

Эмоциональная окраска концепта «деньги» в русском и китайском языках

Коннотация	Семантическая подгруппа	Русский КД	Китайский КД
Наличие семы отрицательной оценки	Сема «недостаток денег»	бедный (25), долг (18), убогий (11), бедность (11), нищий (5), голь (8) убыток (7), полушка (4), бедняк (2), голытьба (2) недостаток (2), горе, голодный, долг, медный, грош, проигрыш, прорешка, промотаться, убожество, копеечный Репрезентантов: 21 Употреблений: 105	бедняк (2) Репрезентантов: 1 Употреблений: 2
	Сема «нарушение»	взятка (3), растрата (2), кража, краденный, разбой, грабить, воровство, взяточник, растратчик Репрезентантов: 9 Употреблений: 12	–
	Иные семы	скупой (9), лень (9), скупость (5), наживаться (4), прожить (проживать) (4) хлопоты (3), нажива (2), корысть (2), трата (2), дорожать, забота, зло, заплатить, плохой хозяин, поскуниться, подспорье, расплата, скопидомка, скуповато, расход Репрезентантов: 21 Употреблений: 52	смерть (8), барьер (8), тоска (3), самые грязные (2), нет друзей (8), трагедия (4), не радость (4), ад (2), зло (2), могила (2) Репрезентантов: 11 Употреблений: 43
	Всего отрицательных	Репрезентантов: 51 Употреблений: 168	Репрезентантов: 12 Употреблений: 45

окончание табл. 1

Наличие семы положительной оценки		богатый (61), богатство (26), доход (13), бережливость (8), прибыль (8), клад (6), заработать (5), добро (4), достаток (3), запас (2), сокровища (2), хозяйство (2), барыш, впрок, магарыч, благополучие, выигрыш, доходный, прибыток, сытый, хороший слуга, прикупить, наживное дело, нажитый впрок, нажито, на торговать, не щепки, откупиться, озолотить, подспорье, приход, разжива, сберечь	знание (16), истина (11) человечность (8), дружба (8), нужные вещи (6), хорошие соседи (5), все в порядке (6) раб (5) счастье (4), честь (4), добрые (4), радость (4), общественное положение (3), гора (3), настоящий мужчина (2), верность (2), задушевный друг (2), мудрец (2), богач (2), смелость (2), рай (2), трудолюбие (2), улыбка (радость) (2), самые чистые (2), хорошие новости (2), помощь (2), богатство (2), жизнь (2), помощь (2),
	Всего положительных	Репрезентантов: 33 Употреблений: 160	Репрезентантов: 41 Употреблений: 119
Итого		Репрезентантов: 84 Употреблений: 329	Репрезентантов: 53 Употреблений: 164

Количество репрезентантов русского КД с нейтральной коннотацией в языковой системе преобладает над имеющими коннотацию незначительно: 86 к 84 соответственно. Например, русские репрезентанты с нейтральной коннотацией: «сумма», «базар», «торговать», «рубль», «копейка», «цена», «время», «рынок», «касса», «зарплата», «полтинник». Среди репрезентантов китайского КД в языковой системе, напротив, преобладают репрезентанты, имеющие коннотацию: 53 к 21 соответственно. Примеры китайских репрезентантов с нейтральной коннотацией: «время», «универсальные», «нейтральные», «средство». Можно констатировать тот факт, что в структуре китайского КД нейтральны ядро и дальняя периферия.

Доля репрезентантов, содержащих какую-либо эмоциональную оценку, вычисляется по отношению названного количества к общему количеству репрезентантов. В китайском языке это: 53/74. Доля репрезентантов содержащих эмоциональную оценку (+/-) в структуре китайского КД составила 71,6 %. Доля репрезентантов, содержащих эмоциональную оценку (+/-) в структуре традиционного слоя русского КД составила 49,4 % (84/170).

Обнаруженный факт говорит о том, что доля эмоциональных сем в языковой структуре КД достаточно высока в обоих языках. Приблизительно каждый второй репрезентант содержит эмоциональную сему в системе русского языка. Это значит, что осмысление долей

положительной и отрицательной коннотации очень актуально.

Доля положительных и отрицательных эмоций в традиционном слое КД, если его рассматривать как фрагмент языковой модели мира, определяется по количеству репрезентантов, содержащих положительные и отрицательные семы. По этому критерию доля отрицательных эмоций в традиционном слое русского КД составляет 30 % (вычисляется по отношению количества 51/172). Доля положительных эмоций в русском традиционном КД составляет 19,2 % (33/172).

В китайской традиционной языковой картине мира наблюдается противоположная картина: доля отрицательных эмоций в традиционном слое китайского КД составляет 16,2 % (12/74), а доля положительных эмоций составляет 55,4 % (41/74).

Однако концепты отражают не только более стабильную языковую модель мира, зафиксированную в языковой системе, но и более подвижную концептуальную модель мира, зафиксированную в речевой системе. Формирование концептуальной модели мира осуществляется в процессе деятельности, в том числе речевой. Структура традиционной деятельности отражена в речевой деятельности, которая в данном случае зафиксирована в виде сказок и пословиц. Следовательно, выявление эмоциональной составляющей КД только по количеству репрезентантов недостаточно справедливо.

В связи со сформулированным положением, доля эмоций (+/-) вычисляется также по общему количеству употреблений репрезентантов с отрицательной или положительной коннотативной семой в материале. Судя по обобщенному количеству употреблений репрезентантов КД, доля отрицательных эмоций в структуре китайского КД составляет 7,7 % (45/587) – а в структуре традиционного русского КД составляет 17 % (169/998).

Доля положительных эмоций в структуре традиционного китайского КД составляет 20,3 % (119/587). Доля положительных эмоций в структуре традиционного русского КД составляет 16 % (160/998). Более наглядно сопоставление представлено в таблице 2.

Таблица 2

**Уровень эмоциональности концепта
«деньги» в русском и китайском языках**

		Китайский	Русский
Доля эмоций всего	Языковая система	71.6 %	49.4 %
Доля отрицательных эмоций	Языковая система	16.2 %	30 %
	Речевая система	7.7 %	17 %
Доля положительных эмоций	Языковая система	55.4 %	19.4 %
	Речевая система	20.3 %	16 %

Общая картина преобладания отрицательных или положительных эмоций в процессе деятельности, связанной с КД, не изменилась. В русском КД отрицательные эмоции преобладают над положительными, а в китайском КД положительные эмоции преобладают над отрицательными. Однако все доли имеют меньшие числовые значения в концептуальной модели мира, которая отражена в речевой системе. То есть в реальной речи не более чем каждый третий случай репрезентации КД содержит какую-либо эмоцию. Это значит, что в процессе деятельности, связанной с деньгами,

любая эмоциональная оценка проявляется гораздо реже, чем это зафиксировано в языковой модели мира, отраженной в языковой системе.

Этот факт в очередной раз демонстрирует наличие разницы между языковой моделью мира, зафиксированной в языковой системе и выполняющей регулятивные функции, и концептуальной моделью мира, отражающей взаимоотношения явлений в процессе деятельности.

Список литературы

1. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М.: Языки рус. культ., 1997. – 824 с.
2. Майоренко, И. А. Концепт «деньги» в языковой картине мира (на материале русской и английской фразеологии) / И. А. Майоренко // Язык. Дискурс : Междунар. науч. конф., посв. юбилею В. П. Малащенко. – Ростов-на-Дону, 2004. – С. 115–120.
3. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический, лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
4. Корбут, А. Ю. Слоистая структура концепта «деньги» в китайском языке (традиционные и актуальные репрезентанты) / А. Ю. Корбут, Ли Хуйцзы // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2015. – № 1. – Вып. 96. – С. 259–264.
5. Ли Хуйцзы Репрезентанты концепта «деньги» в русских и китайских сказках / Ли Хуйцзы // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 26. Филология. Искусствоведение. – Вып. 93. – С. 64–66.
6. Ли Хуйцзы Традиционные и актуальные репрезентанты концепта «деньги» в китайском языке / Ли Хуйцзы // Теория и методика международного образования: традиции и новации в обучении студентов стран азиатско-тихоокеанского региона : сб. науч. тр. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2014. – С. 45–47.

Сведения об авторах

Корбут Александра Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры филологии и методики Иркутского государственного университета.
aukrbsv@mail.ru

Li Huizi – аспирант кафедры филологии и методики Иркутского государственного университета.
liavrill@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 10 (365).

Philology. Arts. Issue 95. Pp. 113–119.

A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE REPRESENTATIVES OF THE CONCEPT “MONEY” IN CHINESE AND RUSSIAN LANGUAGES (TRADITIONAL LAY)

A. Yu. Korbut

Department of Philology and Technique of Irkutsk State University. aukrbsv@mail.ru

Li Huizi

Department of Philology and Technique of Irkutsk State University. liavril@yandex.ru

This paper is an investigation of concept “Money” in the traditional layer of the Chinese and Russian languages. The representatives of the concept are analyzed in Chinese and Russian fairy tales and proverbs. It is found out that in the structure of the traditional Russian layer negative connotations predominate while in the structure of the traditional Chinese layer there is a predominance of positive connotations.

Keywords: *Concept “Money” in Chinese and Russian, traditional layer of a concept, representatives of a concept, proverbs, fairy tales.*

References

1. Stepanov Ju.S. *Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovanija* [Constants. Dictionary of Russian culture. Previous studies]. Moscow, School Jazyki russkoj kul'tury, 1997. 824 p. (In Russ.).
2. Majorenko I.A. *Koncept «den'gi» v jazykovej kartine mira (na materiale russkoj i anglijskoj frazeologii)* [The concept of “money” in a language picture of the world (on a material of Russian and English phraseology)]. *Jazyk. Diskurs* [Language. Discourse]. Rostov-on-Don, 2004, pp. 115–120. (In Russ.).
3. Telija V.N. *Russkaja frazeologija. Semanticheskij, pragmaticheskij, lingvokul'turologičeskij aspekty* [Semantic, pragmatic lingvokulturological aspects]. Moscow, Jazyki russkoj kul'tury, 1996. 288 p. (In Russ.).
4. Korbut A.Ju. *Sloistaja struktura koncepta «den'gi» v kitajskom jazyke (tradicionnye i aktual'nye reprezentanty)* [Layered structure of the concept of “money” in the Chinese language (off traditional and current representant)]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta* [Bulletin of Irkutsk State Technical University], 2015, no. 1, issue 96, pp. 259–264. (In Russ.).
5. Li Hujczy *Reprezentanty koncepta «den'gi» v russkih i kitajskih skazkah* [Representants concept of “money” in the Russian and Chinese fairy tales]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2014, no. 26, issue 93, pp. 64–66. (In Russ.).
6. Li Hujczy *Tradicionnye i aktual'nye reprezentanty koncepta «den'gi» v kitajskom jazyke* [Traditional and current representantov concept of “money” in the Chinese language]. *Teorija i metodika mezhdunarodnogo obrazovanija: tradicii i novacii v obuchenii studentov stran aziatsko-tihookeanskogo regiona* [Theory and methods of international education: traditions and innovations in teaching students of the Asia-Pacific region]. Irkutsk, Izd-vo IrGTU, 2014, pp. 45–47. (In Russ.).

ББК Ш.166.31

УДК 81'367.626.3'282:811.511.152.2

М. З. Левина, В. П. Гришунина

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ УПОТРЕБЛЕНИЯ УКАЗАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В ДИАЛЕКТАХ МОКШАНСКОГО ЯЗЫКА

Детально проанализирована парадигма словоизменения указательных местоимений в диалектах мокшанского языка. Выявлены особенности функционирования и ареалы распространения местоименных форм, составляющих довольно обширный семантический разряд. Важность обозначенной проблемы определяется конкретностью и малой изученностью материала исследования, необходимостью представления своеобразия и неповторимости данного языка.

Ключевые слова: диалекты и говоры мокшанского языка, местоимение, морфологические особенности, грамматические признаки.

Указательные местоимения в говорах и диалектах мокшанского языка, абсолютное большинство которых восходит к финно-угорским архетипам Указательные местоимения в говорах и диалектах мокшанского языка, абсолютное большинство которых восходит к финно-угорским архетипам *ty-, *t'ÿ-, *sÿ-, *Jy-, *ÿ-, *o-, *n-, составляют довольно обширный семантический разряд [7. С. 7].

Из-за полидиалектности их основ они весьма своеобразны и выступают в различных формах: t'ä, t'e, t'i'te, t'ät'e, t'ät'ä – этот, t'akə – этот же, t'aftamə – такой же (как этот), tona, kajna / kajtna – тот, šä, še, šice, šécä, šáce – тот, šakə – тот же, stamə – такой же (как тот), šat – те, эти самые, hä, he, hat, hathe – эти, hakə, hakət'hə – эти же, pona, ponat'he – те, t'ənarə/tənarə, šənarə/sənarə – столько. Отличительная их особенность заключается в многослойности, возникшая на основе контаминации древних местоименных корней, имеющих в речи носителей исследуемых говоров и диалектов, что обогатило данную систему новыми формами. Мордовские указательные местоимения, по мнению Б. А. Серебренникова, представляют собой конгломерат из указательно-местоименных основ с добавлением эмфатических частиц [9. С. 97].

Указательные местоимения, как известно, служат средством выделения предмета или предметов из ряда однородных, определяют предмет, действие или состояние в отношении качества, количества, места путем указания на другой известный предмет, действие или состояние.

Функции указательных местоимений весьма многогранны и чрезвычайно важны для

языка. При их помощи можно обратить внимание на то, о чем будет идти речь в дальнейшем (предваряющая функция), можно отсылать к тому, о чем говорилось ранее (анафорическая функция). Местоименные слова данной группы входят в самую употребительную часть лексики: обладая способностью заменять не только отдельные слова, но и целые предложения и даже большие отрывки текста. Они помогают экономно выражать мысли, избегать излишних повторений, то есть делают речь разнообразной и стилистически обработанной.

В говорах и диалектах мокшанского языка выработалась трехчленная система основных указательных местоимений, выражающих две оппозиции: по дальнему и близкому расположению относительно говорящего, ср.: t'ä – этот, но šä, tona – тот. Оппозиция по дальнему расположению представлена двумя местоименными формами – šä и tona, одна из которых выражает указание на расстояние менее четко. Исторически представителем общего (нейтрального) типа указания является местоимение šä [8. С. 70]. Например: šä avas šembə t'ef'nəñ mašcəñə / a t'ä ańcək pekənc kolga afši/ tona i efäj af kal'd'avstə (Та женщина все дела умеет делать, а эта только о пище думает, та поэтому и живет неплохо). Нужно особо подчеркнуть, что отношение говорящего к определенному предмету выявляется в языке только в двучленной оппозиции. Отсутствие в речевой ситуации одного члена оппозиции исключает из речи понятие «близкое и далекое».

Из указательных местоимений, встречающихся в речи носителей говоров мокшанского

языка, с точки зрения их становления, фонетического облика и природы присоединяемого компонента необходимо выделить следующие словообразовательные разновидности:

1) присоединение другого указательно-местоименного компонента к основному местоименному компоненту: *śnat* – эти. Данная местоименная форма состоит из двух указательных местоимений: *śä* – тот' и *nä / ne* – эти. Она осложнена универсальным суффиксом множественного числа **-t**. Местоимение *śnat* возникло из аналитической конструкции *śä nāt* (это те) и употребляется в говорах западного диалекта в номинативе, генитиве, дативе, аблативе и каузативе [4. С. 376]. Идентичная форма отмечена в смешанных говорах мокшанского и эрзянского языков [2. С. 16; 1. С. 17];

2) повторение основного указательно-местоименного компонента: *t'ite, t'ate, t'ätä* – этот, *śice, śäcä, śäce* – тот, где второй компонент данных форм, употребляемых в западном диалекте, является не суффиксом, а только повторением первого компонента, то есть образованы путем сложения двух одинаковых местоименных основ, о чем совершенно ясно свидетельствует форма множественного числа *nehe*, которая употребляется в эрзянском языке [9. С. 100];

3) соединение суффиксальных частиц: *śakä* – тот же, *takä* – этот же. В рассматриваемых местоименных формах произошло осложнение местоимений *śä* – тот, *t'ä* – этот постпозитивным суффиксальным элементом **-ka**, выступающим с усилительным значением; местоимение *tona* (тот самый) состоит из указательно-местоименной основы **to** (< ф.-у. ***ty**), к которой присоединяется местоименный суффикс **-na** (< ф.-у. ***ny/nj**).

Интересно отметить, что в говорах юго-западного диалекта, в отличие от мокшанского литературного языка, данные местоимения согласуются с определяемым словом в числе. Например: *čoraś koRtaj: t'it'ä lepoškañeš tanč'idangə tanč'i / koda tamañ lofcəñ* (Парень – тот говорит: эта лепешка – та вкуснее вкусного, как из материнского молока); *mon lac moršəkšñəñ / lamə morə sodañ / teñi af sodasaž śat morə'ñəñ* (Я хорошо певала. Много песен знала. Теперь не знают тех песен – тех) [4. С. 375–376]. Данная тенденция характерна и для многих финно-угорских языков.

Особенности становления местоименных форм и их специфика, внутреннее свойство проявляются в парадигмах словоизменения.

Указательные местоимения *t'e / t'ä* (этот), *śe / śä* (тот) в диалектах мокшанского языка изменяются чаще по неопределенному, определенному и реже притяжательному. Местоименные образования *t'ite, t'ate, t'ätä* – этот, *śice, śäcä, śäce* – тот, употребляемые в западном диалекте, имеют форму лишь генитива и датива: *t'iteñ, t'ateñ, t'ätäñ* – этого, *śiceñ, śäcäñ, śäceñ* – того; *t'iteñdi, t'ateñdi, t'ätändi* – этому, *śiceñdi, śäcändi, śäceñdi* – тому.

Синтетические формы местоимений широко используются в аблативе, инессиве, иллативе, компаративе и абессиве: *t'ä/t'e, śä/se* – абл. *t'ada, tedə, śada* играют роль частиц для образования сравнительной степени прилагательных и часто воспринимаются как вспомогательные слова, теряя основную семантику: *śada čebär* – лучше (того), *śada mazi* – красивее (того). А формы инессива: *t'asa* – здесь, элатива – *t'asta* – отсюда, иллатива – *t'aza* – сюда – представляют собой застывшие формы косвенных падежей, выступают только в качестве обстоятельств, что привело их к переходу в разряд наречий.

Формы компаратива указательных местоимений образуется двояко: 1) падежный формант **-ška** агглютинирует непосредственно к местоименной основе: центр. д. *t'äška*, юго-вост. д. *t'eška, t'aška* – ростом как этот, *śäška, šeška, śaška* – ростом как тот; 2) на основе генитива: зап. д. *t'änčka, teñčka* – ростом как этот'; *śänčka šeñčka* – ростом как тот, где элемент суффикса **-č** – результат аффрикации **š > č** (ср.: мокш. лит. *t'aška* – ростом как этот', *śaška* – ростом как тот').

Во многих говорах и диалектах синтетические образования компаратива, субстантивирываясь, могут принимать падежные и лично-притяжательные суффиксы, например: ном. *t'ä-ška-c, t'e-ška-c, t'a-ška-c, śä-ška-c, šeška-c, śaška-c*; ген. *t'ä-ška-n-c, t'e-ška-n-c, t'a-ška-n-c, śä-ška-n-c, še-ška-n-c, śa-ška-n-c*; дат. *t'ä-ška-n-c-tj, t'e-ška-n-c-tj, t'a-ška-n-c-tj, śä-škan-c-tj, še-ška-n-c-tj, śa-ška-n-c-tj*.

В абессиве употребляются параллельные образования, одни из которых образованы на основе генитива указательного местоимения: зап. д. *teñftəmə* – без этого, *śañčftəmə* – без того; другие агглютинируют непосредственно к местоименной основе: *t'aftəmə* – без этого, *śaftəmə* – без того.

Изменения местоимений *t'ä / te* – этот, *śä / se* – тот по типу определенного склонения, который наблюдается в говорах центрального и юго-восточного диалектов. Следует выделить,

что формы генитива и датива единственного числа больше характерны для темяшевского диалекта мокшанского языка [3. С. 130]. Например: *t'ác* – этот, *šác* – тот, *t'át* – этого, *sát* – того, *t'áti* – этому, *šáti* – тому, *t'át'ňá* – эти, *šát'ňá* – те, *t'át'ňán* – этих, *šát'ňán* – тех, *t'át'ňánd'i* – этим, *šát'ňánd'i* – тем. Выявленные диалектные словоформы местоимений употребляются и с лично-притяжательными суффиксами: зап. д. – ном. *t'ac* – этот, *šac* – тот, ген. *t'anc* – этого, *šanc* – того, дат. *t'ancij* – этому, *šancij* – тому и так далее. Падежный суффикс абессива **-ftámə** присоединяется не к корневой морфеме, как в мокшанском литературном языке, а следует за притяжательной формой генитива: абес. *t'a-n-c-ftámə*, *ša-n-c-ftámə*, мокш. лит. *t'a-ftámə* – без этого, *ša-ftámə* – без того.

Падежные формы местоимения *tona* (тот самый) почти не употребительны, за исключением номинатива, генитива, датива и каузатива. В притяжательном склонении в форме 3 лица единственного числа местоимение *tona* (тот самый) утратило притяжательное значение и стало выполнять указательную функцию. Форма *tonac* означает не – то-его, а – то-то с усиленным оттенком. Кроме того, форма 3 лица употребляется параллельно с формой неопределенного склонения этого же местоимения. Так, русское предложение: *Ты принеси то* (например, *платье*) на мокшанский язык можно перевести двояко: 1) *ton kantk tonan* (генитив основного склонения от указательного местоимения *tona* – тот); 2) *ton kantk tonanc* (генитив притяжательного склонения от того же местоимения). В обоих мокшанских предложениях точно выражено одно и то же значение *Ты принеси то* [11. С. 145].

В рыбкинско-мамолаевских говорах центрального диалекта и в говорах юго-восточного диалекта вместо указательных местоимений *šá* (тот) и *ňá*, (эти), *tona* (тот самый) выступают образования *kajtna*, *kajna*, указывающие на дальнейшее расположение говорящего, ср. рыбк.-ммл. г. *kajtna kutt'ňá*, мокш. лит. *šá kutt'ňá* – те дома; рыбк.-ммл. г. *kajtna valmäs*, мокш. лит. *šá valmäs* – то окно; красн.-синдр. г. *kajna šraš*, мокш. лит. *tona šraš* – тот стол; красн.-синдр. г. *kajna vir's*, мокш. лит. *tona vir's* – тот лес.

Формы *kajtna*, *kajna* образованы при помощи усилительной частицы **kaj-** и местоимения **tona** в результате ряда фонетических процессов: выпадения гласного основы – в первом варианте и местоименной основы – во втором (остаточный элемент в данном случае местои-

менный – суффикс **-na**). Этот процесс можно представить следующим образом: *kaj + tona > kaj-t-na, kaj-na*. В парадигме склонения у местоименных образований *kajtna/kajna* нет форм транслатива и каузатива.

Следует отдельно остановиться на качественно-указательных местоимениях *t'aftamə* – такой же, как этот, *stamə* – такой же, как тот, которые играют роль определения и характеризуются неизменяемостью: *t'aftamə lomañ* – такой человек, *t'aftamə loma't'* – такие люди. Если определяемое существительное отсутствует, то эти местоимения изменяются по всем трем склонениям: ном. *t'aftamə* – такой, ген. *t'aftaməñ* – такого, дат. *t'aftaməñd'i* – такому; ном. *t'aftaməs*, *staməs*, ген. *t'aftamət'*, *stamət'*, дат. *t'aftamə'i*, *stamə'i*. В подобных субстантивированных указательных местоимениях роль притяжательного склонения заключается в обозначении не только падежных отношений, но и отношений принадлежности [11]. Например: ном. *t'aftaməže(ə)* – мое такое, как это, *t'aftaməće(ə)* – твое такое, как это, *t'aftaməc* – его такое, как это, *staməže(ə)* – мое такое, как то, *staməće(ə)* – твое такое, как то, *staməc* – его такое, как то; ген. *t'aftaməžəñ*, *t'aftaməćəñ*, *t'aftamənc*, *staməžəñ*, *staməćəñ*, *stamənc*; дат. *t'aftaməžəñd'i*, *t'aftaməćəñd'i*, *t'aftaməncij*, *staməžəñd'i*, *staməćəñd'i*, *staməncij*; абл. *t'aftamədən*, *t'aftamədət*, *t'aftamədəndza*, *stamədən*, *stamədət*, *stamədəndza* и так далее.

В некоторых говорах западного диалекта встречается форма указательного местоимения *ekstamə* – такой, который имеет, по-видимому, общий источник происхождения с эрзянским местоимениям *istamo*, представляющим собой сложное образование из местоименных основ и суффиксов. Данная форма отмечена и в городищенском диалекте мокша-мордовского языка [6].

В свою очередь, количественно-указательные местоимения *t'ənarə/tənarə*, *šənarə/sənarə* (столько) указывают на количество, выделяя это количество из другого количества. Исторически сложившиеся лексемы представляют собой: указательные местоимения *t'ä* (этот), *šä* (тот) и количественный послелог *ñar*, показывающий приблизительное количество в сравнении с каким-либо определенным количеством [10]. В западном диалекте в анлауте слов количественно-указательных местоимений употребляются непалатализованные согласные: *tənarə*, *sənarə* – столько. Данные слова могут функционировать с лично-притяжательным формантом. Например: *šənarəže(ə)* – мое столь-

ко, *śnarǎce(ə)* – твое столько, *śnarǎc* – его столько, *śnarǎńke(ə)* – наше столько, *śnarǎń'e(ə)* – ваше столько, *śnarǎsna(ə)* – их столько.

Местоимения *śä* (тот), *śat* (те) имеют формы единственного и множественного числа, местоимения *ńä, ńat, nona* – только множественного числа. Местоименные слова с основой на **п-**, в мордовских языках указывающие на множество предметов, выступают как супплетивные (образованные от другой основы) формы множественного числа. Несомненно, что корнем послужило указательное местоимение, сохранившееся лишь в некоторых языках. В мордовских языках форма множественного числа основных указательных местоимений производится от супплетивной основы **п-**, причем нередко на нее наращивается **-t** суффикс множественного числа или **-t'ne** суффикс определенной формы множественного числа. Усилительные частицы в данных формах сохраняются. Например: *ńat, ńeń'e* – эти, *nonat, nonat'ne* – те, *ńatka, ńeń'ǎvǎk* – и эти, *nonatka, nonat'ńǎvǎk* – и те.

Таким образом, мокшанские диалектные указательные местоимения в единственном и во множественном числах имеют разные основы, причем во множественном числе они начинаются на **п, ń**: *śä śraś* – этот стол – *ńä śrat'ńǎ* – эти столы; *tona śraś* – тот стол – *nona śrat'ńǎ* – те столы. В говорах юго-восточного и западного диалектов генитив неопределенного склонения от местоимения *ńat* (эти) образуется как и в эрзянском языке: *ńeń*, которая является основой образования косвенных падежей, в том числе датива, компаратива, абессива и каузатива. Например: *ńeńdi* – этим, *ńeńfi'ǎmǎ* – без этих, *ńanksa, ńeńksa* – за этих. На большей части территории западного диалекта употребляется сложная местоименная форма множественного числа – *śnat* – эти, которая имеет формы генитива, датива, аблатива и каузатива: *śneń* – этих, *śneńdi* – этим, *śnada* – от этих, *śneńksa* – за этих [5. С. 8].

Также следует отметить, что на основе анализа словоизменения указательных местоимений в диалектном ареале мокшанского языка выявляется: 1) утрата или сокращение словоформы; 2) сохранение или восстановление форм прамордовского языка; 3) употребление новообразований, возникших на основе контаминации древних местоименных корней; 4) замена одних падежных форм другими без разницы в значении; 5) усиление элементов аналитического строя за счет вытеснения синтетических форм падежей.

Сокращения

абл. – аблатив
ген. – генитив
дат. – датив
зап. д. – западный диалект мокша-мордовского языка
красн.-синдр. г. – краснослободско-синдровский говор мокша-мордовского языка
ном. – номинатив
мокш. лит. – мокшанский литературный язык
рыбк.-ммл. г. – рыбкинско-мамолаевский говор мокшанского языка
центр. д. – центральный диалект мокша-мордовского языка
юго-вост. д. – юго-восточный диалект мокша-мордовского языка

Список литературы

1. Агафонова, Н. А. Словоизменение существительного и местоимения в смешанных мордовских говорах Куйбышевской области : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. А. Агафонова. – Тарту, 1983. – 20 с.
2. Ананьина, К. И. Верхне-алатырские говоры мокшанского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук / К. И. Ананьина. – Тарту, 1974. – 20 с.
3. Бабушкина, Р. В. Темяшевский диалект мокша-мордовского языка / Р. В. Бабушкина // Очерки мордовских диалектов : в 5 т. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1966. – Т. 4. – С. 16–225.
4. Деваев, С. З. Средне-вадский диалект мокша-мордовского языка / С. З. Деваев // Очерки мордовских диалектов : в 5 т. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1963. – Т. 2. – С. 261–433.
5. Левина, М. З. Эволюция местоимений в диалектах мокшанского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. З. Левина. – Саранск, 2003. – 16 с.
6. Ломакина, Т. И. Городищенский диалект мокша-мордовского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. И. Ломакина. – Тарту, 1975. – 27 с.
7. Майтинская, К. Е. Местоимения в мордовских и марийских языках / К. Е. Майтинская. – М.: Наука, 1964. – 104 с.
8. Майтинская, К. Е. Местоимения в языках разных систем / К. Е. Майтинская. – М.: Наука, 1969. – 308 с.
9. Серебренников, Б. А. Историческая морфология мордовских языков / Б. А. Серебренников. – М.: Наука, 1967. – 261 с.

10. Современный марийский язык. Морфология. – Йошкар-Ола: Марийск. кн. изд-во, 1961. – 324 с.

11. Феоктистов, А. П. Категория притяжательности в мордовских языках / А. П. Феоктистов. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1963. – 184 с.

Сведения об авторах

Левина Мария Захаровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры мокшанского языка Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (Саранск).

Lev.Mariya@mail.ru

Гришунина Валентина Петровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры мокшанского языка Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (Саранск).

grishuninavalentina@rambler.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 10 (365).

Philology. Arts. Issue 95. Pp. 120–125.

ON THE USAGE OF DEMONSTRATIVE PRONOUNS IN THE DIALECTS OF THE MOKSHA LANGUAGE

M. Z. Levina

Moksha Mordovia State University. NP Ogarev (Saransk). Lev.Mariya@mail.ru

V. P. Grishunina

Moksha Mordovia State University. NP Ogarev (Saransk). grishuninavalentina@rambler.ru

The author of the article studies the paradigm of demonstrative pronouns' inflection in the dialects of the Moksha language. The features and operation of the area distribution of pronominal forms constitutes a fairly extensive semantic category. The value of such research derives from the specificity of the material and its unexplored character, as well as the need to demonstrate the singularity and uniqueness of the Moksha language.

Keywords: *dialects and parlances of the Moksha language, pronoun, morphological characteristics, grammatical characteristics.*

References

1. Agafonova N.A. *Slovoizmenenie sushhestvitel'nogo i mestoimenija v smeshannyh mordovskih govoraх Kujbyshevskoj oblasti* [Inflection of the noun and pronoun in mixed Mordvin dialects Kuibyshev region]. Tartu, 1983. 20 p. (In Russ.).

2. Anan'ina K.I. *Verhne-alatyrskie govory mokshanskogo jazyka* [Upper Alatyrsky dialects Moksha]. Tartu, 1974. 20 p. (In Russ.).

3. Babushkina R.V. *Temjashevskij dialekt moksha-mordovskogo jazyka* [Temyashevsky dialect Moksha-Mordovian language]. *Oчерки mordovskih dialektov* [Essays Mordovia dialects]. Saransk, Mordov. kn. izd-vo, 1966, vol. 4, pp. 16–225. (In Russ.).

4. Devaev S.Z. *Sredne-vadskij dialekt moksha-mordovskogo jazyka* [Medium vadsky dialect Moksha-Mordovian language]. *Oчерки mordovskih dialektov* [Essays Mordovia dialects]. Saransk, Mordov. kn. izd-vo, 1963, vol. 2, pp. 261–433. (In Russ.).

5. Levina M.Z. *Jevoljucija mestoimenij v dialektah mokshanskogo jazyka* [Evolution pronouns in dialects Moksha]. Saransk, 2003. 16 p. (In Russ.).

6. Lomakina T.I. *Gorodishhenskij dialekt moksha-mordovskogo jazyka* [Horodysheche dialect Moksha-Mordvin Language]. Tartu, 1975. 27 p. (In Russ.).

7. Majtinskaja K.E. *Mestoimenija v mordovskih i marijskih jazykah* [Pronouns in Mordovia and Mari]. Moscow, Nauka Publ., 1964. 104 p. (In Russ.).

8. Majtinskaja K.E. *Mestoimenija v jazykah raznyh sistem* [Pronouns in the languages of different systems]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 308 p. (In Russ.).
9. Serebrennikov B.A. *Istoricheskaja morfologija mordovskih jazykov* [Historical morphology of Mordovian languages]. Moscow, Nauka Publ., 1967. 261 p. (In Russ.).
10. *Sovremennyj marijskij jazyk. Morfologija* [Modern Mari. Morphology]. Joshkar-Ola, Marijsk. kn. izd-vo, 1961. 324 p. (In Russ.).
11. Feoktistov A.P. *Kategorija pritjazhatel'nosti v mordovskih jazykah* [Category possessiveness in Mordovian languages]. Saransk, Mordov. kn. izd-vo, 1963. 184 p. (In Russ.).

УДК 811.111+82
ББК 81.2+83

А. В. Луговской

МОТИВ «ПОЯВЛЕНИЕ НА ОСТРОВЕ»: СЕМАНТИКА И ПОЭТИКА

Статья посвящена проблеме изучения мотива «появление на острове» в семантическом аспекте. На основе анализа произведений английской литературы на островную тематику предлагается инвариантная модель мотива и языковые средства репрезентации ее компонентов, рассматривается значимость мотива с точки зрения его мифопоэтического содержания.

Ключевые слова: *мотивный анализ, повествовательный мотив, структура мотива, остров, миф.*

Интерес к художественному произведению со стороны изучения его мотивов возник в отечественной филологической науке в начале двадцатого века с появлением работ А. Н. Веселовского и В. Я. Проппа. Поставив перед литературоведением ряд проблем, исследователи положили начало отдельному направлению исследования фольклорных и художественных текстов, который позднее был определен как мотивный анализ. Данный термин трактуется как «разновидность постструктуралистского подхода к художественному тексту и любому семиотическому объекту», направленный на выделение в тексте мотивов и рассмотрение их в тексте с позиции значимости для поэтики [13. С. 180].

Проблему мотива в своих работах рассматривают А. Н. Веселовский, В. Я. Пропп, А. И. Белецкий, О. М. Фрейденберг, Б. Н. Путилов, Е. М. Мелетинский, И. В. Силантьев, Н. А. Криничная и другие. В качестве объекта изучения выделяется повествовательный мотив, однако отдельное внимание уделено также мотивам психологическим, философским, социальным и политическим.

Трактовка мотива может быть различной. Это связано, в частности, с тем, рассматривается ли данный феномен с точки зрения фольклористики и сравнительно-исторического литературоведения, либо с позиции целостного анализа художественного произведения, в котором немалую роль играет лингвистическая составляющая. Выбор подхода определяет и специфику мотивного анализа: будет ли он сводиться к анализу семантики мотива, либо его тематического наполнения, либо его роли в структуре художественного произведения или более широком интертекстуальном контексте.

Целью настоящего исследования является рассмотрение семантического содержания мотива «появление на острове» в произведениях английской литературы на островную тематику. Объектом исследования является мотив «появление на острове». Предмет исследования – языковые средства репрезентации данного мотива.

Одним из первых исследователей, поставивших проблему семантики мотива в отечественной филологии, является А. Н. Веселовский. В своей работе «Поэтика сюжетов» исследователь дает следующие определения мотива:

1) «Под *мотивом* я разумею формулу, отвечающую на первых порах общественности на вопросы, которые природа всюду ставила человеку, либо закрепляющую особенно яркие, казавшиеся важными или повторявшиеся впечатления действительности. Признак мотива – его образный одночленный схематизм; таковы неразлагаемые далее элементы низшей мифологии и сказки: солнце кто-то похищает (затмение), молнию-огонь сносит с неба птица; у лосося хвост с перехватом: его ущемили и т. п.» [3. С. 301].

2) «Под *мотивом* я разумею простейшую повествовательную единицу, образно ответившую на разные запросы первобытного ума или бытового наблюдения. При сходстве или единстве *бытовых* и *психологических* условий на первых стадиях человеческого развития такие мотивы могли создаваться самостоятельно и вместе с тем представлять сходные черты» [3. С. 305].

Данные определения значимы тем, что в них, как отмечает И. В. Силантьев, прослеживается очень важная идея в семантической трактовке мотива – его *семантическая целост-*

ность [14. С. 12]. Выделяя мотивы как элементарные схемы, простейшие повествовательные единицы, А. Н. Веселовский утвердил принцип семантической неразложимости мотива, что важно для понимания данного феномена в целом.

Тем не менее, идея о семантической целостности мотива была подвергнута критике В. Я. Проппом в его работе «Морфология сказки». Исследователь подчеркивает: «По Веселовскому мотив есть неразлагаемая единица повествования <...> Однако, те мотивы, которые он приводит в качестве примеров, раскладываются. Если мотив есть нечто логически целое, то всякая фраза сказки дает мотив <...> Это было бы совсем не так плохо, если бы мотивы действительно не разлагались. Это дало бы возможность составить указатель мотивов. Но вот возьмем мотив “змей похищает дочь царя” (пример не Веселовского). Этот мотив разлагается на 4 элемента, из которых каждый в отдельности может варьировать. Змей может быть заменен Кощеем, вихрем, чортом, соколом, колдуном. Похищение может быть заменено вампиризмом и различными поступками, которыми в сказках достигается исчезновение. Дочь может быть заменена сестрой, невестой, женой, матерью. Царь может быть заменен царским сыном, крестьянином, попом. Таким образом, вопреки Веселовскому, мы должны утверждать, что мотив не одночленен, не неразложим» [11. С. 22].

В. Я. Пропп внес значительный вклад в развитие теории мотивного анализа, однако ошибочность его понимания концепции А. Н. Веселовского заключается в том, что последний рассматривал неразложимость мотива не с точки зрения его логической структуры, но с позиции образной, эстетически значимой семантики, при которой фабульная вариативность мотива не нарушает его семантического единства, на что указывает И. В. Силантьев [14. С. 21].

Каково бы ни было изначальное различие в трактовке мотива, оно, тем не менее, сыграло важную роль в понимании онтологической природы мотива, примилив позиции в так называемой дуальной, или дихотомической концепции мотива.

Одним из первых исследователей, рассматривавших проблему соотношения инвариантного значения мотива и его фабульных вариантов, стал А. И. Белецкий. Ученый различает «мотив реальный» и «мотив схематический».

Под «реальным мотивом» А. И. Белецкий понимает непосредственную реализацию мотива в конкретном произведении. «Схематический мотив» представляет собою инвариантную «сюжетную схему», слагаемую из так называемых «отношений-действий» [2. С. 98].

Позднее дихотомическая концепция мотива в отечественной филологической науке была развита в трудах Б. Н. Путилова и Е. М. Мелетинского.

В своей статье «Мотив как сюжетобразующий элемент» Б. Н. Путилов указывает на то, что выявление закономерностей и внутренних свойств мотива возможно в рамках структурно-типологического подхода.

По мнению исследователя, структурность мотива проявляется в том, что он является одним из слагаемых эпического сюжета. Функционирование мотива происходит в составе системы, в которой он, с одной стороны, соотносится с целым сюжетом, с другой стороны, вступает во взаимодействие с другими мотивами. Такое свойство сюжета, как динамичность (то есть развитие его событий во времени и пространстве) проявляется через серию мотивов, под которыми Б. Н. Путилов понимает «определенным образом организованные моменты движения сюжета» [12. С. 143]. Помимо этого, сюжет способен к внутренним изменениям, что также обусловлено спецификой мотивов, проявляющейся в их способности меняться, трансформироваться, вступать в новые отношения.

В отношении *типового, формульного* характера мотива Б. Н. Путилов подчеркивает, что мотив существует не только как повествовательный элемент данного эпического произведения, но как элемент данного эпоса вообще. Эпический мотив – это типовая формула, включающая в себя наиболее устойчивые обобщения, которые в той или иной форме проявляются в конкретных сюжетах. В этом смысле ученый проводит параллель между мотивом и словом: мотив одновременно принадлежит к конкретному сюжету, речевой реализации (*parole*) и существует на уровне эпоса в целом, что в данном контексте можно трактовать как язык (*langue*). Потому мотив следует рассматривать в двух планах: синтагматическом и парадигматическом [12. С. 143–145].

Идея инвариантного и вариативного содержания мотива была развита в работах Е. М. Мелетинского, главным достижением которого явилось представление структурно-

семантической модели мотива. Ученый принял во внимание достижения лингвистики, в частности, падежной грамматики Ч. Филлмора, на основе которой он выдвинул свой основной тезис: «Структура мотива может быть уподоблена структуре предложения (суждения). Мы предлагаем рассматривать мотив как одноактный микросюжет, основой которого является действие. Действие в мотиве является предикатом, от которого зависят аргументы-актанты (агенс, пациенс и так далее)» [8. С. 118]. В качестве примера автор берет мотив творения, моделирует его структуру, в которой выделяет следующие компоненты: агенс (активный деятель), предикат (действие), объект, материал, источник, хозяин (источника).

К проблеме структурности мотива обращается Н. А. Криничная. Взяв за основу идеи В. Я. Проппа и Е. М. Мелетинского, исследовательница русского фольклора выделила следующие элементы структуры мотива: субъект (центральный персонаж), объект (то, на что направлено действие), само действие (функция) или состояние, а также обстоятельства действия, обозначающие локально-временные рамки повествования и способ действия [6. С. 18].

Исходя из предложенных классификаций, мы можем выделить в структуре мотива «появление на острове» следующие компоненты: субъект, действие, объект, обстоятельства действия, среди которых особое внимание уделим обстоятельствам причины и способа действия. Состояние мы выделим в отдельную группу, так как оно играет значительную роль в мотиве, выполняя определительную функцию в его инвариантной структуре.

За основу анализа нами было отобрано девять произведений английской художественной литературы, в которых эксплицируется рассматриваемый нами мотив: «Робинзон Крузо» (*Robinson Crusoe*) Д. Дефо, «Путешествия Гулливера» (*Gulliver's Travels*) Д. Свифта, «Коралловый остров» (*The Coral Island*) Р. Баллантайна, «Остров сокровищ» (*Treasure Island*) Р. Л. Стивенсона, «Остров доктора Моро» (*The Island of Dr. Moreau*), «Мистер Блетсуорси на острове Рэмполь» (*Mr. Blettsworthy on Rampole Island*), «Замечательный случай с глазами Дэвидсона» (*The Remarkable Case of Davidson's Eyes*) и «Остров Эпиорниса» (*Aepiornis Island*) Г. Уэллса, «Повелитель мух» (*Lord of the Flies*) У. Голдинга.

Субъектом зачастую является герой мужского пола, один («Робинзон Крузо», «Путе-

шествия Гулливера», «Замечательный случай с глазами Дэвидсона») или с попутчиками («Остров сокровищ», «Остров доктора Моро»), либо группа детей («Коралловый остров», «Повелитель мух»), оказавшихся на острове.

Причины появления героев на острове могут быть разными: кораблекрушение, попадание в плен, ссылка на остров, поиск сокровищ, случайное снесение волнами либо ветром к берегу, ментальное расстройство. Последнее эксплицируется в двух произведениях Г. Уэллса: «Мистер Блетсуорси» и «Замечательный случай с глазами Дэвидсона», где герои оказываются на воображаемых ими островах.

Обозначенные причины представлены в следующих примерах:

*On the 5th of November, which was the beginning of summer in those parts, **the weather being very hazy**, the seamen spied a rock within half a cable's length of the ship; but **the wind was so strong, that we were driven directly upon it, and immediately split** [20].* (Кораблекрушение)

"I AM anxious to tell the story of my adventures upon Rampole Island in the order in which they happened to me <...> I was in a delirium when the savages seized me" [22. С. 101]. (Пленение)

"Were you shipwrecked?"

*"Nay, mate," said he – **marooned.**" [19. С. 106].* (Ссылка)

*"Boys," said I, "here's Flint's treasure; let's **land and find it.**" The cap was displeased at that; but my messmates were all of a mind and **landed** [19. С. 112].* (Поиск сокровищ)

"Then came the atoll. Came out of the sunrise, as it were, suddenly, close up to me. I drifted straight towards it until I was about half a mile from shore, not more, and then the current took a turn, and I had to paddle as hard as I could with my hands and bits of the Aepyornis shell to make the place. However, I got there" [21].

*"I want to know how I came to be here, looking at Manhattan Island, when **I thought I was far away from all the world on a quite different island off South America. My mind, I know, plays strange tricks. What trick is it playing now?**" [22. С. 155].* (Ментальное расстройство)

Действия заслуживают отдельного рассмотрения. Прежде всего, необходимо отметить, что действия, сопровождающие появление на острове, выражены глаголами с семантикой движения. В большинстве произведений глаголы движения можно сгруппировать в три семантических класса, соответствующих этапам появления на острове: *покидание корабля*

– перемещение по воде – достижение суши. К первой группе глаголов относим следующие: *drop, sink, slip (over), get into (the boat), embark, shove off, throw, swing, let down*. Вторая группа представлена такими глаголами, как *swim, drive, drift, carry, row, paddle, steer, draw (nearer), come (nearer), approach, race for (the beach), push (towards the shore), pull (to the island), make (on) towards the land*. В третью группу входят глаголы *ground, strike, reach, land*.

Употребление глаголов с семантикой движения можно наглядно продемонстрировать в следующих трех предложениях:

*In a jiffy I had **slipped over** the side, and curled up in the foresheets of the nearest boat, and almost at the same moment she **shoved off*** [19. С. 96–97].

*I **drifted** very slowly to the eastward, **approaching** the island slantingly; and presently I saw, with hysterical relief, the launch come round and return towards me* [23. С. 21].

*After we **landed** I saw them endeavouring to **pull towards** us* [17].

Обращает на себя внимание тот факт, что в некоторых произведениях представлены либо два этапа из трех (перемещение по воде – достижение суши), либо присутствует лишь последний этап из трех. Последнее происходит в тех случаях, когда герои попадают на остров не морем, а воздухом («Повелитель мух»), либо если их появление является результатом умственного помешательства («Мистер Блетсуорси»).

С синтаксической стороны отличительной особенностью действий является то, что часто они выражены глаголами в страдательном залоге со вторым компонентом в виде страдательного причастия: *swallowed, driven, lifted, carried, buried, covered, dropped, thrown, flung, pushed*, что можно видеть в приведенных контекстах:

*<...> and twice more I **was lifted up** by the waves and **carried** forwards as before, the shore being very flat* [18. С. 38].

*<...> I remember my impact upon the ribs of the long canoe into which I **was dropped**. <...> I **was thrown** down among a lot of recently caught fish* [22. С. 102].

Употребление страдательных форм глагола акцентирует внимание на конфликте, происходящем между героем и водной стихией, либо между героем и другими людьми. Герой оказывается на острове не столько по собственной воле, сколько по воле иных сил. По сути, речь идет о некотором переносе героя с одного пространства в пространство острова – момент до-

статочно значимый и символический, на что будет обращено внимание ниже.

Основным объектом, на которое направлено действие, выступает остров, ведь именно на нем в итоге оказываются герои. Однако необходимо выделить ряд сопутствующих объектов, посредством которых происходит перемещение героев. К таковым, в частности, относятся транспортные средства: *ship, boat, canoe, launch, dingey, schooner, vessel*, а также стихии: *water, air, land*, включающие в себя составные компоненты: *waves, tide, wind, sand, rock*. Помимо функции перемещения стихии выполняют и другую немаловажную функцию: *причинение вреда судну, участие в кораблекрушении*, как то представлено, в частности, в «Коралловом острове»:

*The **ship** was now very near the **rocks**. The men were ready with the **boat**, and the captain beside them giving orders, when a tremendous **wave** came towards us. We three ran towards the bow to lay hold of our oar, and had barely reached it when the **wave** fell on the deck with a crash like thunder. At the same moment the **ship** struck* [17].

Особое внимание следует уделить состояниям, сопровождающим героев в момент перемещения и попадания на остров. Мы подразделяем языковые средства на три группы в зависимости от того, какое состояние они выражают: *умственное, эмоциональное или физическое*. К первой группе относим словосочетания *the confusion of mind, mental disturbance, state of insensibility, confused consciousness*, а также существительные *obscurity, disconnectedness, delirium*. Вторая группа представлена прилагательными *dismayed, stunned, empty*, существительными *stupor, terror, despair*, глаголом *tremble*. Третью группу составляют прилагательные *tired, faint, weak*, существительное *weariness*. Это можно продемонстрировать примерами из произведений:

*But I am sorry to say that because of **the confusion that came to my brain** there must be here and there a certain **obscurity and disconnectedness**. <...> I was in a **delirium** when the savages seized me, and for some time my **mental disturbance** must have been very considerable* [22. С. 102].

*He stood, **blanched with terror and trembling** with his right arm clutching his left* [24].

*I was still **weak**, you must remember, from my exposure in the boat; I was **empty** and very **faint*** [23. С. 20].

Языковые средства, характеризующие состояния героев, оказывающихся или осозна-

ющих возможность оказаться на острове, зачастую несут ярко выраженную негативную коннотацию. В умственном плане это, прежде всего, помутнение рассудка, потеря связи с реальностью, смутность сознания и бредовые состояния. Эмоциональный план сопровождается ощущением страха, отчаяния и ступором. В физическом плане герой испытывает усталость, изнуренность и обморочное состояние.

Принимая во внимание отмеченные выше моменты, представим структуру мотива *появление на острове* в виде инвариантной модели (см. таблицу).

С одной стороны, семантика представленной структуры мотива находит свое выражение в конкретных текстах, в той или иной степени репрезентирующих отдельные компоненты этой структуры. С другой стороны, эта семантика уходит своим содержанием в более глубокие структуры, через которые находят свое выражение миф и обряд, составляющие мифопоэтический аспект мотива «появление на острове».

Зачастую под мифом понимается «предание, сказание, обычно о богах, духах, первопредках, героях, действовавших в начале времен и участвовавших прямо или косвенно в создании мира, его элементов, как природных, так и культурных» [9. С. 49].

Однако понимания мифа как предания недостаточно для решения того круга проблем, которые ставит перед собою гуманитарная наука. Миф является исторически первой формой культуры, в которой содержались первичные представления человека об окружающей действительности, потому целесообразно рас-

сматривать миф как «особое состояние сознания, исторически и культурно обусловленное» [13. С. 169]. Общие представления, запечатленные в мифах, претворялись в чувственно-конкретных формах искусства и литературы, использовавших мифы в художественных целях. Отсюда возникла необходимость введения в обиход термина «поэтика мифа», или «поэтика мифотворчества», того раздела литературы, который изучает бессознательно-поэтическое (мифологическое) начало произведений, или то, как первичные мифологические прототипы находят свое выражение в новых художественных формах [7. С. 7–8].

Появление на острове как часть более сложного мотива *путешествие* можно отнести к так называемому *солярному мотиву*, рассматриваемому в концепции О. М. Фрейдберга. Исследовательница утверждает, что мотив «плавающего» или «шествующего» солнца находит свое выражение через странника и морехода, через мотивы *исчезновения* и *появления* [15. С. 224]. Странствующее солнце олицетворяет собою цикличность смены дня и ночи, времени года, символизируя тем самым метафорическую смерть и новое рождение.

Мы утверждаем, что все многообразие способов появления на острове можно свести к четырем основным типам: переправа на лодке, самостоятельная переправа в воде после кораблекрушения, воображаемый перенос, спуск с воздуха. Каждый из этих способов имеет свою мифологическую природу, что будет описано ниже.

Переправа на лодке на остров обращает нас к древним культам и обрядам, описанным в

Инвариантная модель мотива «Появление на острове»

Субъект	Действие	Обстоятельства		Объект		Состояние		
		причины	образа/ способа	1	2	умственное	эмоциональное	физическое
Герой Герой и попутчики Группа героев (дети)	приплывает	из-за кораблекрушения	по собственной воле	на водном транспорте	на остров(е)	с помутненным рассудком в бреду	в страхе в ступоре в отчаянии	в усталости в изнеможении в слабости
	ментально переносится	из-за аварии из-за ссылки из-за сокровищ	не по собственной воле	самолетом				
	падает	из-за умственного расстройства из-за пленения		волною течением				
	приносится	случайно		ветром				

различных мифологиях. В своей знаменитой работе «Исторические корни волшебной сказки» В. Я. Пропп в качестве примера приводит обряды погребения в Океании, совершаемые при помощи лодок, которые либо сжигаются, либо подвешиваются на дереве, либо спускаются на воду. Подобный обряд совершался и в Древнем Египте, где ладья мертвых следует за солнцем, а также Вавилоне. Переправа через реку присутствует и в мифологии греков: перевозчик Харон переправляет душу умершего через реку Стикс в Аид [10. С. 179].

К этому мифу напрямую обращается Г. Уэллс в «Мистере Рэмполье». Герой размышляет во время его перевозки туземцами на остров:

Had some sudden twist of time and space carried me and my wreck into a different age or on to a different planet? Or was the winding water channel some such river as the Styx, and these the rowers who bring in souls from their final shipwreck to the coasts of another world? [22. С. 103].

Ко второму типу появления на острове мы относим перемещение героев непосредственно через водную стихию в результате кораблекрушения (у Дефо, Свифта, Баллантайна).

В свое время М. М. Бахтин замечал, что мотив кораблекрушения наряду с такими мотивами, как буря, войны и похищения, был разработан античным эпосом [1. С. 239]. Эта мысль совершенно справедлива, учитывая географическое расположение государств античности и их страсть к морским путешествиям. Но и за этими мотивами кроется более архаическая мифологическая форма – обряд перехода, очень детально рассматриваемый А. ван Геннепом в своем труде.

Согласно французскому фольклористу и этнографу, «самый факт жизни делает неизбежными последовательные переходы из одной среды в другую, от одного общественного положения к другому» [4. С. 9]. Человек проходит различные стадии, совершая при этом определенные обряды. Обрядовость перехода была заложена еще в архаических культурах, имевших определенный набор ритуалов, которые сопровождали тот или иной переход, был ли он связан с фактом рождения, смерти или смены общин.

Особое внимание уделялось обряду перехода с одной территории на другую. Тот, кто переходил на иную территорию, оказывался между двумя мирами: реальной жизнью и не-

ким магически-религиозным пространством. Геннеп характеризует эту ситуацию как «промежуточная». Подобное промежуточное состояние характерно для переходов различного рода, включая и такой, как крещение, при котором большая роль отводится воде.

По утверждению М. Элиаде, «воды символизируют совокупность вселенских потенций <...> Они предваряют любые формы и служат основой всего мироздания. Наглядным образом мироздания может служить остров, внезапно “являющийся” среди волн» [16. С. 228].

Играя ведущую роль в совершении акта крещения, вода проводит границу между миром реальным, земным, и миром божественным, тем самым символизируя метафорическую смерть крещенного и возрождение его в новом сакральном статусе.

Третий тип появления на острове – воображаемый перенос героя – также может быть объяснен с позиции «промежуточности», когда реальное и воображаемое находятся в конфликте друг с другом, что выражается в эмоциональном и умственном состоянии героев, когда они находятся одновременно и в мире реальном, и кажущемся. Подобное происходит, в частности, с героем Г. Уэллса, который, находясь в Нью-Йорке, думает, что находится на острове Рэмполь:

“This is New York. Of course – this is New York.”

“There’s the Brooklyn Bridge.”

“This is not Rampole Island?”

Mutely she shook her head [22. С. 154].

Пограничность состояния придает особый сакральный статус герою романа Г. Уэллса, поэтому он считается кем-то наподобие пророка, «святого безумца» (*sacred lunatic*), как нарекают его дикари.

Что касается четвертого типа появления на острове – спуск сверху, – то здесь в явном виде прослеживается миф нисхождения. Перемещение вниз символизирует собою падение человеческой природы, утрату сакральности и, опять же, метафорическую смерть героя. Этот миф прослеживается у У. Голдинга, где герои оказываются на острове в результате высадки с самолета:

“He must have flown off after he dropped us. He couldn’t land here.” [5. С. 41].

Принимая во внимание вышесказанное, мы можем утверждать, что с мифопоэтической точки зрения мотив «появление на острове» в целом являет собою древнее мифологическое

представление о переходе души из одного мира в другой. Герой появляется на острове через совершение сакрального акта, метафорически символизирующего смерть, акта, после которого следует его рождение в ином статусе. Не случайно и употребления следующих лингвистических средств в момент совершения акта перехода: обращений *Lord!* [12], *O God!* [18. С. 37], *Good God!* [24], эпитета *the blaze was so infernal* [21], сравнения *the canoe was as black as sin* [21].

Данный мотив имеет дуальную природу. С одной стороны, появление на острове героя (героев) имеет свою специфику в отдельно взятом романе. С другой стороны, всю вариативность этого мотива можно свести к абстрактной инвариантной структуре, уподобленной структуре предложения.

Остров в исследуемых нами произведениях предстает как мифологическое пространство загробной жизни, ада. Переход в это пространство, несмотря на способы, зачастую оказывается актом болезненным, что сопровождается соответствующими негативными состояниями, выраженными лексикой с отрицательной коннотацией. Акт перехода конфликтен по своей природе и сопровождается либо борьбой со стихией, либо подчинением собственной воли иным силам, что также репрезентировано на языковом уровне.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.
2. Белецкий, А. И. Избранные труды по теории литературы / А. И. Белецкий. – М., 1964. – 483 с.
3. Веселовский, А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. – М.: Высшая школа, 1989. – 406 с.
4. Геннеп, А. ван Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / А. ван Геннеп. – М., 1999. – 198 с.
5. Голдинг, У. Повелитель мух. Пирамида. Чрезвычайный посол. – / У. Голдинг. – М.: Прогресс, 1982. – 496 с.
6. Криничная, Н. А. Русская народная историческая проза. Вопросы генезиса и структуры / Н. А. Криничная. – Л., 1987. – 232 с.
7. Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. – М., 2000. – 407 с.
8. Мелетинский, Е. М. Семантическая организация мифологического повествования и проблема семантического указателя мотивов и сюжетов / Е. М. Мелетинский // Труды по знаковым системам. – Тарту, 1984. – № 16. – С. 115–125.
9. Мифология. Большой энциклопедический словарь / под ред. Е. М. Мелетинский. – М.: БРЭ, 1998. – 736 с.
10. Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – М.: Лабиринт, 2000. – 336 с.
11. Пропп, В. Я. Морфология сказки / В. Я. Пропп. – Л.: АCADEMIA, 1928. – 152 с.
12. Путилов, Б. Н. Мотив как сюжетобразующий элемент / Б. Н. Путилов // Типологические исследования по фольклору : сб. науч. ст. / под ред. Е. М. Мелетинского. – М., 1975. – С. 141–155.
13. Руднев, В. П. Словарь культуры XX века / В. П. Виноградов. – М.: Аграф, 1999. – 384 с.
14. Силантьев, И. В. Мотив в системе художественного повествования : дис. ... д-ра филол. наук / И. В. Силантьев. – Новосибирск, 2001. – 278 с.
15. Фрейденберг, О. М. Поэтика сюжета и жанра / О. М. Фрейденберг. – М.: Лабиринт, 1997. – 448 с.
16. Элиаде, М. Образы и символы. Эссе о магико-религиозной символической / М. Элиаде // Миф о вечном возвращении. – М.: Ладомир, 2000. – 414 с.
17. Ballantyne, R. M. The Coral Island. – URL: <http://www.readcentral.com/chapters/RM-Ballantyne/The-Coral-Island/005>.
18. Defoe, D. The Life and Adventures of Robinson Crusoe / D. Defoe. – Moscow, 1935. – 420 p.
19. Stevenson, R. L. Treasure Island : third edition / R. L. Stevenson. – Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1963. – 278 p.
20. Swift, J. Gulliver's Travels. – URL: <http://www.literaturepage.com/read/gulliverstravels-9.html>.
21. Wells, H. G. Aepyornis Island / H. G. Wells. – URL: <http://www.classicreader.com/book/809/1/>.
22. Wells, H. G. Mr. Blettsworthy on Rampole Island / H. G. Wells. – London: MCM XXXIII. – 206 p.
23. Wells, H. G. The Island of Dr. Moreau / H. G. Wells. – URL: <http://ebooks.adelaide.edu.au/w/wells/hg/w45is/index.html>.
24. Wells, H. G. The Remarkable Case of Davidson's Eyes / H. G. Wells. – URL: <http://www.online-literature.com/wellshg/2867/>.

Сведения об авторе

Луговской Александр Витальевич – аспирант Дальневосточного государственного гуманитарного университета (г. Хабаровск).

lugovskoy_2004@mail.ru

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 10 (365).
Philology. Arts. Issue 95. Pp. 126–134.*

**MOTIF OF “APPEARANCE ON AN ISLAND”:
LINGUISTIC AND MYTHOPOETICAL ASPECTS**

A. V. Lugovskoy

Far-Eastern State University of Humanities (Khabarovsk). lugovskoy_2004@mail.ru

The article deals with the study of the motif “Appearance on an Island” in the semantic aspect. Analyzing a number of island fiction books, the author offers an invariant model of the motif and describes linguistic means of its component representation, defines the significance of the motif from the mythopoetic perspective.

Keywords: *motif analysis, narrative motif, motif structure, island, myth.*

References

1. Bahtin M.M. *Voprosy literatury i jestetiki. Issledovanija raznyh let* [Questions of Literature and Aesthetics]. Moscow, Hudozhestvennaja literatura, 1975. 504 p. (In Russ.).
2. Beleckij A.I. *Izbrannye trudy po teorii literatury* [Collected Works on Theory of Literature]. Moscow, 1964. 483 p. (In Russ.).
3. Veselovskij A.N. *Istoricheskaja pojetika* [Historical Poetics]. Moscow, Vysshaja shkola, 1989. 406 p. (In Russ.).
4. Gennep A., van. *Obrjady perehoda. Sistematicheskoe izuchenie obrjadov* [The Rites of Passage]. Moscow, 1999. 198 p. (In Russ.).
5. Golding U. *Povelitel' muh. Piramida. Chrezvyčajnyj posol* [Lord of the Flies. The Pyramid. Envoy Extraordinary]. Moscow, Progress, 1982. 496 p. (In Russ.).
6. Krinichnaja N.A. *Russkaja narodnaja istoricheskaja proza. Voprosy genezisa i struktury* [Russian Folk Historical Prose: Questions of Genesis and Structure]. Leningrad, 1987. 232 p. (In Russ.).
7. Meletinskij E.M. *Pojetika mifa* [The poetics of Myth]. Moscow, 2000. 407 p. (In Russ.).
8. Meletinskij E.M. *Semanticheskaja organizacija mifologicheskogo povestvovanija i problema semanticheskogo ukazatelja motivov i sjuzhetov* [Semantic Organization of Mythological Narration and the Problem of Semantic Index of Motifs]. *Trudy po znakovym sistemam* [Sign Systems Studies]. Tartu, 1984, no. 16, pp. 115–125. (In Russ.).
9. *Mifologija. Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar'* [Mythology. Big Encyclopedic Dictionary]. E.M. Meletinskij (ed.), Moscow, BRJe, 1998. 736 p.
10. Propp V. Ja. *Istoricheskie korni volshebnoj skazki* [Historical Roots of the Wonder Tale]. Moscow, Labirint, 2000. 336 p. (In Russ.).
11. Propp V. Ja. *Morfologija skazki* [Morphology of the Tale]. Leningrad, ACADEMIA, 1928. 152 p. (In Russ.).
12. Putilov B. N. *Motiv kak sjuzhetoobrazujushhij jelement* [Motif as a Plot-forming Element]. *Tipologicheskie issledovanija po fol'kloru : sb. nauch. st.* [Typological study of folklore]. E.M. Meletinskij (ed.), Moscow, 1975. p. 141–155. (In Russ.).
13. Rudnev V.P. *Slovar' kul'tury XX veka* [The Dictionary of Culture of the XX-th Century]. Moscow, Agraf, 1999. 384 p. (In Russ.).
14. Silant'ev I.V. *Motiv v sisteme hudozhestvennogo povestvovanija : dis. ... d-ra filol. nauk* [Motif in the System of Fictional Narrative: Dissertation]. Novosibirsk, 2001. 278 p. (In Russ.).

15. Frejdenberg O.M. *Pojetika sjuzheta i zhanra* [The Poetics of Plot and Genre]. Moscow, Labirint, 1997. 448 p. (In Russ.).
16. Jeliade M. *Obrazy i simvoly. Jesse o magiko-religioznoj simbolike / M. Jeliade* [Images and Symbols: Studies in Religious Symbolism]. *Mif o vechnom vozvrashhenii* [The myth of the eternal return]. Moscow, Ladomir, 2000. 414 p. (In Russ.).
17. Ballantyne R.M. *The Coral Island*. Available at: <http://www.readcentral.com/chapters/RM-Ballantyne/The-Coral-Island/005>.
18. Defo D. *The Life and Adventures of Robinson Crusoe*. Moscow, 1935. 420 p.
19. Stevenson R.L. *Treasure Island. Third Edition*. Moscow, Foreign Languages Publishing House, 1963. 278 p.
20. Swift J. *Gulliver's Travels*. Available at: <http://www.literaturepage.com/read/gulliverstravels-9.html>.
21. Wells H.G. Aepyornis Island. Available at: <http://www.classicreader.com/book/809/1/>.
22. Wells H.G. *Mr. Blettsworthy on Rampole Island*. London, MCM XXXIII. 206 p.
23. Wells H.G. *The Island of Dr. Moreau*. Available at: <http://ebooks.adelaide.edu.au/w/wells/hg/w45is/index.html>.
24. Wells H.G. *The Remarkable Case of Davidson's Eyes*. Available at: <http://www.online-literature.com/wellshg/2867/>.

УДК 80/81
ББК 81.2

А. С. Мухина

РЕЧЕВОЙ ЖАНР ОПРЕДЕЛЕНИЯ В СТИХОВОМ РЯДЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Статья соотносится с разрабатываемой автором теорией глубинного изучения поэтического текста с помощью инструментария генристической поэтики. На примере анализа идиостиля А. Ахматовой, С. Есенина, В. Маяковского выделены различные модели поэтических дефиниций, создаваемые в поэтической лаборатории поэтов Серебряного века. Речевой жанр определения занимает периферийное положение в репертуаре речевых жанров названных поэтов, однако именно он позволяет выразить онтологическую сущность слова, раскрыть его семантическое наполнение.

Ключевые слова: художественный текст, языковая личность, генристическая поэтика, теория речевых жанров, речевой жанр определения.

Природа художественного текста осмысливается учеными сквозь призму различных теорий, концепций, позиций: лингвоцентрической, текстоцентрической, антропоцентрической, когнитивной, психолингвистической, прагматической и др. Однако представители каждой из школ в своих определениях «схватывают» какие-либо стороны или существенные характеристики этого сложного понятия, оставляя не решенными многие вопросы, касающиеся его глубинной смысловой структуры, способах презентации личности автора в слове, коммуникативной интенции авторского послания. Художественный текст (в частности, поэтический) – это форма диалога автора и читателя, в ходе которого происходит постижение смысла человеческого бытия, раскрытие микро- и макрокосма, прикосновение через слово к идее вещи, ее истинной сути. В нем в художественной форме воплощен сложный познавательный процесс, отражающий динамику авторского сознания, его точку зрения на предметы и явления действительности.

Перспективным в этом отношении может стать коммуникативно-прагматический подход к изучению художественного текста, который позволит по-новому взглянуть на образ лирического героя и рассмотреть его как языковую личность (см. у Г. И. Богина [4], а также у Ю. Н. Караулова [11]), представляющую собой многослойную и многокомпонентную парадигму личностей речевых. Этот ракурс исследования обуславливает обращение к новым методам, в частности, к генристической поэти-

ке, которая позволяет не только проанализировать специфические черты речевого поведения лирического героя в каждом конкретном тексте, выявить его отношение к собеседнику (адресату послания), но и найти «единую плоскость» для систематизации анализа моделей речевого поведения разных персонажей, чтобы описать «я-концепцию», представленную в виде сложной модели авторского художественного мышления, которое можно считать проекцией эстетической парадигмы на реальный мир.

Термин «речевое поведение» в этом случае трактуется как реализация языка в речи с учетом определенных психологических установок, поскольку на поведение говорящего оказывает влияние его внутренняя картина мира, включающая представление и о языковой сфере, и о правилах ведения речи. Мы считаем, что особенности речевого поведения в поэтическом тексте напрямую связаны с репертуаром речевых жанров, используемых лирическим героем, так как именно «теория речевых жанров предполагает – хотя бы в потенции – универсальный подход к речевому поведению человека, механизмам порождения и интерпретации речи» [9]. Данная метода помогла проанализировать креативные модели речевого поведения лирических героев и позволила сделать определенные выводы по проблеме коммуникативно-речевого сознания автора, его языковой личности и психофизиологическом статусе [14; 33]).

В рамках статьи мы ограничились рассмотрением речевого жанра определения (РЖ) на

материале поэзии Серебряного века. По данным нашей картотеки, в лирике М. Цветаевой зафиксировано более 200 примеров речевого жанра определения, а в лирике А. Ахматовой – только около 50. Нужно отметить, что лирический герой С. Есенина, как и лирический герой В. Маяковского, редко обращается к этому речевому жанру – в их речевом репертуаре менее 30 определений.

Исследованию дефиниции (определения) с позиций формальной и философской логики посвящено немало работ отечественных и зарубежных ученых [8; 19; 34]. В логике под дефиницией понимают «внутрилингвистическую операцию, устанавливающую отношение синонимии между двумя лингвистическими выражениями» [34]. Логические дефиниции пронизывают современный научный текст, являясь способом презентации информации в концентрированном виде. Этот прием конденсации смысла, использованный в литературном произведении, получил название «художественной дефиниции». Впервые термин в отечественной науке был введен Э. И. Ханпирой в работе, посвященной этому художественному явлению [29]. Под художественной дефиницией автор работы понимает прием «раскрытия содержания художественного понятия посредством явной дефиниции» [29. С. 235]. Например, И. Бродский достаточно часто обращается к этому приему, поскольку задача поэта – «расколдовать вещь» [30. С. 53], то есть пересотворить, перевоскресить, переоживить предмет, переименовав его. Именование – это творческий акт, это ответ поэта на вопрос действительности: *Жизнь – сумма мелких движений; Время есть холод; Жизнь есть товар на вынос:/ торса, пениса, лба; Развалины – род упрямой архитектуры* [6]. Художественные дефиниции поэта подробно проанализированы в работе В. Е. Трусова в свете логических структур и категорий [27].

Учитывая коммуникативно-прагматический аспект исследования художественного текста, мы отдаем предпочтение термину речевой жанр определения, поскольку для нас актуальным является изучение способов постижения мира, представленное с помощью моделей речевого поведения лирического героя или героини.

Семантику речевого жанра определения формирует синонимический ряд глаголов с ведущим словом *определить* – «с точностью выяснить что-либо по каким-либо признакам, данным или путем наблюдения, изучения»

[13. С. 585]; «1. Найти, диагностировать, признать, распознать, зафиксировать, означить, установить; 2. Обусловить» [12. С. 36].

Функционируя в речи, жанр определения выполняет несколько функций: во-первых, выявляет сущность определяемого предмета, указывает его свойства и качества; во-вторых, является актом переименования предмета; в-третьих, направлен на адресата с целью объяснить, уточнить, истолковать исходные координаты рассуждения. Речевой жанр определения, с одной стороны, отражает когнитивный процесс, является актом познания мира, с другой стороны, воздействует на адресата, изменяя его взгляды и убеждения.

В художественном (в частности, поэтическом) тексте речевой жанр определения становится элементарным звеном создания диалогической ситуации между автором и героем и между автором и читателем. Этот тип высказывания презентует авторское видение предмета, побуждая читателя занять ответную позицию. В творческом акте именовании запечатлен сложный когнитивный поиск сущности вещи, ее идеи: назвать – значит понять, постигнуть, прикоснуться к божественной сути с помощью слова. Логическая формула, лежащая в основе речевого жанра определения, – А есть Б – выделяет слово, делая его ключевым в контексте стихотворения. «Эти слова светятся как звезды. Из-за них существует стихотворение», – писал А. Блок [3. С. 380].

Блоковская мысль о роли слова в создании смыслового поля стихотворения в своей образной глубине созвучна лингвифилософской концепции слова философов-имяславцев: «Обустроивая текст, слова как смысловые точки литературной конструкции и центры свернутой эйдетической информации координируются друг с другом, разворачивая в художественной речи энергетически доступные им стороны самих сущностей через предметы их изображения в авторское их понимание и сообщение. Это, кроме всего, объясняет синергичную основу словесного творчества, «реалистическую природу поэтической интуиции» и его «бытийственные корни» [28. С. 47–49].

По мнению современного исследователя В. Р. Тимирханова, философское наследие ученых-имяславцев еще не достаточно оценено: «Имяславская традиция онтологии слова располагает богатыми, но пока еще ограниченно востребованными языкознанием методологическими возможностями, сильным научно-ана-

литическим ресурсом и актуальными перспективами для решения сложных задач современного теоретико-лингвистического моделирования» [23].

Творчески осмысливая идеи ученых имяславцев об онтологической сущности слова, исследователь предлагает методику построения лингводидактической модели художественного текста, в которой ключевые слова «обеспечивают концентрированное выражение смысловых опор текста, его ядерного семантического пространства, осуществляют разметку этого пространства в прямом соответствии с содержанием этической мысли автора, кумулируют семантические потенции развертывания существенных в этом отношении языковых и контекстных значений, а также реализацию релевантных валентностей этически окрашенных слов» [23. С. 321].

Как мы уже отмечали выше, РЖ определения занимает периферийное положение в речевом поведении лирической героини А. Ахматовой, лирического героя В. Маяковского и лирического героя С. Есенина. Тем не менее запечатленный в лаконичной формулировке взгляд поэта на вещи представляется интересным, достойным внимания объектом исследования.

А. Ахматова последовательно раскрывает в лирике тему любви, получающую различные интерпретации и вариации: от разлуки и «невстречи» до понимания любви как эстетического эталона взаимоотношений, который возможен только после смерти. Именно поэтому большая часть поэтических дефиниций поэта касается этого феномена: А. Ахматова пытается постичь смысл художественного слова за счет привлечения других поэтических образов, погружения ключевого слова в смежные дискурсы, столкновения с противоположными понятиями. По мнению Н. Бердяева, «женщина часто бывает гениальна в любви, ее отношение к любви универсальное, она вкладывает в любовь всю полноту своей природы... И в стихии женской любви есть что-то жутко страшное для мужчины, что-то грозное и поглощающее, как океан. Притязания женской любви так безмерны, что никогда не могут быть выполнены мужчиной. На этой почве вырастает безысходная трагедия любви» [2. С. 433]. Драматические вариации на тему любви наши свое воплощение в поэтических дефинициях, представленных в лирических миниатюрах А. Ахматовой.

Речевой жанр определения как форма осмысления явлений и предметов действитель-

ности изменяет само отношение к слову, поскольку сокращается «словесная перспектива», смысловое пространство текста сжимается и становится насыщенным, а лирическое повествование приобретает лаконизм и интенсивность. С помощью этого приема автор высекает из слова необходимый смысл, унисонный основному семантическому заданию текста. Углубление содержания поэтического послания происходит за счет уточнения ключевого слова вторым членом поэтической дефиниции, который и создает эмоционально-семантический акцент. А. Ахматова прямо не говорит о любви, специфика ее поэтических определений в том, что тема любви дана имплицитно, она сопровождает и пронизывает все реалии действительности: *Жизнь мне кажется дивным загадочным сном,/ Где лобзанья – цветы.//; Пытка сильных – огненный недуг!//; Ночь моя – бред о тебе,/ День – равнодушное пусть!//; Дыши последней свободой,/ Оттого что это – любовь* [1].

В определениях поэтессы любовь – это испепеляющая страсть, болезненное состояние и свобода, которая дарована человеку свыше. А. Ахматова использует различные стратегии определения и уточнения смысла ключевого слова, одной из которых является эксплуатация приема интертекстуальности, то есть погружение определяемого понятия в уже известное контекстуальное окружение. И. П. Смирнов определяет интертекстуальность как «слагаемое широкого родового понятия, так сказать, ИНТЕР<...>АЛЬНОСТИ, имеющего в виду, что смысл художественного произведения формируется посредством ссылки на иной текст, который отыскивается в творчестве того же автора, в смежном искусстве, в смежном дискурсе или в предшествующей литературе» (выделено автором. — А. М.) [22. С. 11]. Другими словами, в поэтике интертекстуальности априори заложено взаимодействие текстов-источников, или претекстов, которые образуют ткань поэтического определения за счет создания культурных ассоциаций: *Я не хочу ни трепета, ни боли,/ Мне муж – палач, а дом его – тюрьма* [1].

Поэтическая дефиниция помогает определить сценарий взаимоотношений лирического героя и лирической героини, поскольку четко обозначена ролевая партия героя, указан его репертуарный диапазон. *Палач – 1) лицо, которое приводит в исполнение приговор к смертной казни через повешение, отсечение головы,*

а также производит по приговору тяжелые телесные наказания. 2) перен. Жестокий мучитель, угнетатель. 3) перен. Притеснитель, губитель [25]. Значение слова намечает черты характера лирического героя: жестокий, бессердечный, холодный, суровый, грубый, беспощадный. В первой части поэтической дефиниции воссоздана традиционная для русской культуры модель взаимоотношений мужа – мучителя и покорной жены, закрепленная устойчивой песенной традицией. Например: *Ты побойся молодца Ивана Васильевича,/ Как и есть у меня, молодца, шелкова плеточка,/ Шелковая плеточка, погрозней твоего батюшки,/ Потульней твоей матушки* [35].

Предметом осмысления во второй части поэтической дефиниции становится пространственная категория. По глубокому суждению П. Флоренского, «миропонимание – это пространствопонимание». Топос *дом* получает отрицательные коннотации за счет сближения со вторым членом речевого жанра определения, то есть дом – это место, где жить нельзя. Лирическая героиня не принимает традиционной модели поведения замужней женщины, отвергает сложившиеся в русской культуре стереотипы и правила, поскольку воспринимает их как посягательство на собственную свободу в любви и творчестве: *Покорна я одной Господней воле*. Речевой жанр определения является одним из жанров, формирующих речевой жанр жалобы, которая адресована возлюбленному лирической героини. Показательно, что в поэтической дефиниции дважды задействованы интертекстуальные связи с предыдущими текстами. Во-первых, это аллюзия на русские лирические песни, а во-вторых, на стихотворение самой поэтессы: *Муж хлестал меня узорчатым,/ Вдвое сложенным ремнем.// Для тебя в окошке створчатом/ Я всю ночь сижу с огнем* [1].

Причем сохранена не только ролевая партия мужа, но и любовная коллизия, в которой участвуют муж, лирическая героиня и ее возлюбленный.

Еще одна значимая для А. Ахматовой тема, закрепленная в речевом жанре определения, – тема поэта и поэзии: *Он говорил о лете и о том,/ Что быть поэтом женщине – нелепость; Поэт – приветливый хозяин,/ Читатель – благосклонный гость; Но, может быть, поэзия сама –/ Одна великолепная цитата; Поэт не человек, он только дух –/ Будь слеп он, как Гомер,/ Иль, как Бетховен глух, –/ Все видит,*

слышит, всем владеет.; От странной лирики, где каждый шаг – секрет,/ Где пропасти налево и направо,/ Где под ногой, как лист увядший, слава,/ По-видимому, мне спасенья нет [1].

Речевой жанр определения помогает лирической героине А. Ахматовой выразить сущность поэзии, энергетику художественного текста, его магическую силу воздействия на читателя. Перебирая зрительные, слуховые, вкусовые и осязательные впечатления, лирическая героиня импровизирует, постепенно «выплывающая» поэтическую дефиницию: *Это – выжимки бессонниц,/ Это – свеч кривых нагар,/ Это – сотен белых звонниц/ Первый утренний удар...// Это – теплый подоконник/ Под черниговской луной,/ Это – пчелы, это донник,/ Это пыль, и мрак, и зной* [1].

Все смысловые элементы определения связаны общей темой и представляют собой различные варианты ее развития. Их сцепление усилено структурным единообразием: каждый новый образ передан с помощью двусоставной синтаксической конструкции, в которой роль подлежащего играет указательное местоимение «это». В контексте стихотворения слово *это* становится резервуаром, наполняемым новыми смыслами. Поэтические образы, составляющие суть поэзии, представляют собой мозаику различных семантических пластов: первое звено ассоциативно связано с тяжелым трудом поэта, пытающего услышать или почувствовать ключевое слово будущего произведения. Показательно, что первое слово в поэтической дефиниции приобретает переносное значение: *выжимки*, то есть *остатки от выжимания из чего-н. сока, жидкости, масла* [24], в контексте стихотворения характеризуют напряженное состояние поэта, его работу по поиску нужного слова, соразмерного внешней действительности и внутреннему миропониманию.

Второй образ имеет глубокие символические корни: во-первых, свеча означает свет во тьме жизни, озарение, живительную силу Солнца, а также неверную жизнь, которую так же легко погасить, мимолетность. В христианстве *свеча – это божественный свет, сияющий в мире, Христос, как Свет миру, духовная радость, восставший из мертвых в сиянии преображения Христос, благочестие, освещенное любовью*. *Свечи по обе стороны от креста на алтаре означают двойственную природу Христа, человеческую и божественную* [21]. Таким образом, свеча – это символ озарения, божественного дара, которым наделен поэт и

в тоже время это символ быстротечной жизни. Не случайно в народной памяти сохранились половицы: *Свеча погасла* (Перм. О смерти одного из супругов или другого очень близкого человека); *Днем со свечою поискать* (Народн. о чем-л. редком, удивительном) [5].

А. Ахматова продолжает развивать в определении семантическую линию *слово – божественный дар*, но обращается теперь уже к звуковому образу. Колокол в общем смысле воплощает пассивное, женское начало, его форма символизирует небесный свод, а также обозначает ход времени. Этот образ имеет амбивалентное семантическое значение, поскольку покачивание колокольчика знаменуют собой крайности добра и зла, смерти и бессмертия. В христианстве святой колокол возвещает о присутствии Христа на богослужении. Церковные колокола призывают и ободряют верующих, обращают в бегство злых духов и успокаивают бури. Полость и язык колокола (било) – это уста и язык проповедника [31]. Подобно колокольному перезвону, слово в поэзии играет своими смысловыми гранями, выдвигая на первый план то одно, то другое значение, несет божественный свет, выражает идею вещи или явления.

Поэзия для А. Ахматовой – это сочетание духовного и телесного, прекрасного и безобразного, одухотворенного и вещественного, божественного и земного, поэтому следующий образ возникает как противопоставление предыдущему. Он воплощает материальное начало, звуковую основу языка. Топонимический образ теплого подоконника создает впечатлительные уют, семейного тепла, возникающего у человека, когда он находится в деревенском доме, родном и обжитом пространстве, защищенном от хаоса внешнего мира. Поэзия – это всегда сочетание полярных сущностей, явлений, признаков, далекого и близкого, знакомого и незнакомого, маленького и большого, она возникает на грани, поэтому каждым новым образом А. Ахматова углубляет эту амбивалентность.

Следующая пара поэзия – *пчела, донник* – это еще один семантический вектор развития ключевого образа. Образ пчелы вводит тему напряженного каждодневного труда поэта, а также подчеркивает божественную природу его дарования. Пчела символизирует бессмертие, возрождение, трудолюбие, порядка, чистоту души. Ее сущность – небесная, а мед – приношение высшим божествам. Возникает

аналогия с жизнью поэта: он преподносит свое искусство как дар, наделяет материальный мир смыслом, воплощает в слове удивительную музыку души. Согласно Вергилию, пчела – это дыхание жизни, и эту метафору можно продолжить – это рождение нового слова, нового образа, нового взгляда на мир [21].

Последняя смысловая цепочка образов подчеркивает негативные коннотации в ключевом образе. А. Ахматова делает акцент на том, как тяжело порой бывает настоящему художнику увидеть, почувствовать, найти то единственное слово, образ, из которого прорастет все стихотворение. Для нее творчество – это интенсивная работа, колоссальное напряжение всех сил, это полное подчинение своей жизни воле слова. *Пыль, мрак, зной* – это символическое изображение процесса наполнения слова смыслом, возвращение ему той первоначальной энергии, когда оно было произнесено впервые, освобождение от слоя бессмысленных повторов и фальши.

Лирический герой С. Есенина, формируя в стихотворении свою речевую партию, так же как и лирическая героиня А. Ахматовой, редко обращается к жанру определения. Структурно-семантические особенности есенинской номинации заключается в эмоциональном и смысловом сближении двух слагаемых – ключевого и определяющего слов. Именно поэтому ключевое слово в речевом жанре определения приобретает такие дополнительные смыслы, которые где-то заложены в слове, но в общеязыковом употреблении не реализованы. О семантическом потенциале слова писал А. Ф. Лосев: «Значение данного слова есть множество бесконечных семантических оттенков, непрерывно переходящих один в другой в зависимости от контекстуального параметра... Тут важно то, что слово, с одной стороны, всегда сохраняет в себе нечто единое и самотождественное; а, с другой стороны, в своих конкретных значениях оно вечно живет, вечно меняется, вечно зацветает неожиданными оттенками, которые непрерывным образом переливаются один в другой в зависимости от бесконечно разнообразных параметров-контекстов» [15. С. 193].

Рефлексии и эмоциональному постижению у С. Есенина подвергаются слова, обозначающие философские категории и сущности, явления природного мира, эмоциональные состояния и внутренние переживания. В форме речевого жанра определения поэт обращается к традиционному мотиву непредсказуемости,

случайности, стохатичности жизни, репрезентированному в тексте с помощью образных слов *ложь*, *обман*. С. Есенин постепенно приближался к пониманию жизни, часто задавался вопросом о ее смысле, пробовал выразить эту философскую категорию сначала в прозе, чтобы потом запечатлеть ее в лаконичной поэтической формуле. Об этом свидетельствуют многочисленные выдержки из писем друзьям: «*Живу ли я, или жил ли я?*» – *такие задаю себе вопросы, после недолгого пробуждения.* <...> *Жизнь... Я не могу понять ее назначения, и ведь Христос тоже не открыл цель жизни. Он указал только, как жить, но чего этим можно достигнуть, никому не известно*» [18]. Например: *Жизнь – обман с чарующей тоскою,/ Оттого так и сильна она,/ Что своею грубою рукою/ Роковые пишет письма* [10].

Ключевая семантическая пара определения *жизнь – обман* отсылает к стихотворению А. С. Пушкина, в котором этот мотив представлен в речевом жанре совета. Изменение жанрового регистра свидетельствует о смысловом повороте ключевого слова. А. С. Пушкин воспринимает обман как временную неудачу и оптимистично смотрит в будущее, его строки проникнуты светлым чувством надежды, предвкушения счастья, ожидания благодати: *Если жизнь тебя обманет,/ Не печалься, не сердись!// В день уныния смиришь:/ День веселья, верь, настанет* [20].

В есенинской интерпретации жизнь человека уже определена роком, события свершаются не по его воле, а в силу необъяснимой случайности, непреодолимой необходимости, зависимости от обстоятельств. Ключевой образ приобретает черты антропоморфизма и метонимически связан с образами древнегреческих богинь судьбы, которые часто изображались в виде трех древних старух: Клото, прядущей нить жизни, Лахесис, назначающей человеку его судьбу, и Атропос, обрезающей нить [32]. В определении С. Есенина имплицитно актуализировано этимологическое значение слова «текст» (от лат. *textus* – ткань, соединение (слов): древнегреческие богини прядут, ткуют, а есенинская жизнь «роковые пишет письма», то есть создает текст судьбы человека. Например: *Я всегда, когда глаза закрою,/ Говорю: «Лишь сердце потревожь,/ Жизнь – обман, но и она порою/ Украшает радостями ложь»* [10].

С. Есенин воспринимает окружающую действительность как существование, лишённое

смысла, пронизанное лживыми помыслами и сиюминутными желаниями, в котором только случайность или вмешательство рока может заставить человека задуматься над смыслом жизни, оценить свои поступки, пересмотреть идеи и ценности. Определение, построенное на основе приема оксюморона, подчеркивает различные смысловые векторы развития этого понятия в рамках стихотворения: жизнь – судьба, обладающая властью и в тоже время это сила, останавливающая человека от падения в пропасть; жизнь – это дар, благодать и мучение, бремя, крест, который несет каждый; жизнь – радость существования, это возможность самореализации и в тоже время периоды бессилия, отчаяния, потери надежды. Обобщая свои размышления о жизни, С. Есенин приходит к лаконичной дефиниции: *жизнь – стезя*, в которой два образных понятия равновелики по своему смысловому потенциалу. Она носит абстрактно-обобщенный характер, вбирает в себя первые два определения: жизнь – это путь, судьба, сценарий, который уже определен, но человек усилием воли может внести некоторые изменения. Например: *Хорошо в черемуховой вьюге/ Думать так, что эта жизнь – стезя* [10].

Форма отображения поэтом внутренней, интимной жизни лирического героя индивидуальна и неповторима. В определениях, посвященных эмоциям, чувствуется фольклорная основа. Любовь у С. Есенина осмысливается как страшная смертельная болезнь, сжигающая и опустошающая человека: *Я не знал, что любовь – зараза,/ я не знал, что любовь – чума* [10].

Тема поэта и поэзии важна для каждого художника слова, в лаконичных образных формулировках С. Есенин представляет свою философию творчества: поэтический дар ведет поэта, имеет над ним безграничную власть, за редкие минуты истинного вдохновения заставляет страдать, поэт – Христос, принявший грехи людей: *Дар поэта – ласкать и карябать,/ Роковая на нем печать; Невеселого счастья залог – / Сумасшедшее сердце поэта; И душа моя – поле безбрежное – / Дышит запахом меда и роз; Быть поэтом – это значит то же./ Если правды жизни не нарушить,/ Рубцевать себя по нежной коже,/ кровью чувств ласкать чужие души* [10].

Незначительное место в репертуаре речевых жанров лирического героя В. Маяковского отведено речевому жанру определения. Специфика использования этого художественного приема отражает общие авангардные

представления поэта о тексте. Поэт сознательно обращается к эксперименту над языковым материалом, качественно изменяя его и создавая новые поэтические формы мысли. В. Маяковский выступает в роли «инженера мысли» (Г. О. Винокур), образуя поэтическую дефиницию, он сталкивает полярные слова, обозначающие абстрактное и материальное, духовное и телесное, живое и неживое, таким образом заставляя ключевое слово раскрыть свои смысловые возможности, поскольку только слово способно сотворить виртуальный мир в сознании читателя. Однако поэтическое слово «не дано художнику в его лингвистически девственном виде. Это слово уже оплодотворено теми жизненными ситуациями и теми поэтическими контекстами, в которых они встречались с этим словом» [7. С. 231], поэтому задача автора – найти неожиданное контекстуальное окружение, создать ту смысловую стихию, где ключевой образ обретет свежее содержание, прорастет новыми значениями и коннотациями, относящимися к духовному миру человека.

В. Маяковский разрушает поэтический ореол ключевого слова, осмысливая его через конкретный образ, указывающий на неодушевленный или одушевленный предмет действительности. Так рождается неожиданная авангардная интерпретация: *и любовь моя - / триумфальная арка:/ пышно,/ бесследно пройдут сквозь нее/ любовницы всех столетий.//; любовь моя – тяжкая гиря ведь...; Не слова – судороги, слипшиеся комом...* [16] Подробно рассмотрим следующий пример: *Сердца – такие ж моторы.// Душа такой же хитрый двигатель* [16].

Внутренний мир поэта, его душевные страдания представлены привычными языковыми метонимиями *душа, сердце*, однако соположение их со вторым членом поэтической дефиниции, репрезентирующим тему тяжелого физического труда, дает возможность примирить мир идей и мир вещей, идеальное и материальное начала. *Сердце и душа* – традиционные поэтические образы, развиваемые во всех стилях и жанрах – от народных лирических песен, до романтических баллад и поэм. Только столкновение со вторым членом дефиниции позволяет приглушить поэтический ореол традиционного образа и подчеркнуть его материальную конкретность. В. Маяковский возрождает этимологию определяемого слова, транспонируя качества неодушевленного предмета на человека: мотор от латин. *motor* - тот, кто двигает [26].

В. Маяковский создает поэтическую дефиницию, в которой вторым определяющим компонентом выступает зооним: *солнце погналось – желтый жираф; толпа – трусящий заяц...* [16]. Осмысление ключевого образа с помощью зоонима свидетельствует о мифологическом основании в речевом жанре определения.

Рассмотрим следующую поэтическую дефиницию, построенную с использованием зоонима: *Толпа – нестрошертая быстрая кошка...* [16].

В определении В. Маяковский дает трактовку традиционному образу романтической парадигмы восприятия мира. В концепции романизма *толпа* – нерасчлененное множество людей, живущих бессмысленной, однообразной и обыденной жизнью. Например, в стихотворении Пушкина «Поэт и толпа» интересующее нас слово занимает сильную позицию, поскольку находится в заголовке, то есть представляет собой ключевое для автора понятие, а сам текст раскрывает и проясняет заявленный вначале образ: толпа – «чернь тупая», народ «бессмысленный» и «непосвященный». Например: *Поэт по лире вдохновенной/ Рукой рассеянно бряцал.// Он пел – а хладный и надменный/ Кругом народ непосвященный/ Ему бессмысленно внимал* [20].

Такой же ограниченной, инертной и равнодушной силой предстает толпа в творчестве английского романтика Дж. Байрона. В стихотворении «The Adieu» («Прощание») он называет толпу «тупой» и «подлой».

В интерпретации В. Маяковского ключевое слово *толпа* проясняет мифологический образ *кошки*, который вступает с ним в противительные отношения, поддержанные на разных смысловых уровнях. Во-первых, слова, составляющие основу речевого жанра определения, имеют разный семантический потенциал. *Толпа* – 1) а) нестройное, неорганизованное скопление людей; сборище; б) перен. нестройное скопление мыслей; 2) перен. безликая масса людей (обычно с оттенком пренебрежительности) [25]. В то время как *кошка* – это многогранный мифологический образ, способный концентрировать в себе различные смысловые оттенки и стилистические нюансы. Кошка – символ хитрости, обмана, тьмы и злобы. В средневековых суевериях считалось, что Сатана ловит человеческие души, подобно коту, хватающему когтями мышь. Согласно многим преданиям, кошка приносит несча-

стве, потому что дьявольски изворотлива. Она нередко рассматривается в качестве символа смерти [21]. Таким образом, *толпа* в речевом жанре определения, осмысленная через соположение с мифологическим образом наделена агрессивностью, злобой по отношению к человеку, способна к спонтанным необдуманным поступкам и сильным эмоциональным переживаниям. Именно эти качества мифологического образа показывают семантическую область пересечения значений в одной дефиниции двух различных слов. Кроме того, ключевое слово в рамках поэтического дискурса приобретает стилистически сниженную оценку. Оно намечает еще одну традиционную для лирики антитезу – *поэт и толпа*, которая получает развитие в последнем четверостишии. Мифологический образ многогранен: в свернутом виде он содержит в себе идею неконтролируемого движения, захвата пространства, способности к подчинению. Все эти характеристики нашли свое воплощение в развернутых концепциях социологов, изучавших феномен толпы. Например, о толпе С. Московичи писал: «Толпа – это социальное животное, сорвавшееся с цепи. Моральные запреты сметаются вместе с подчинением рассудку... Беспреданно кишащая людская масса в состоянии бурления – вот что такое толпа. Это неукротимая и слепая сила, которая в состоянии преодолеть любые препятствия, сдвинуть горы или уничтожить творение столетий» [17].

В лирике В. Маяковского можно выделить и обратную тенденцию в построении речевого жанра определения, когда ключевые слова, обозначающие конкретные предметы и явления, осмысливаются с помощью ярких метафорических образов: *Река – сладострастье, растекшееся в слюни; Дорога – рог ада...; Комната – глава в крученывском аде ...* [16]

Таким образом, анализ моделей речевого поведения лирических героев и героинь на примере РЖ определения показал, что в лирике М. Цветаевой речевой жанр определения является одним из ведущих, формирует основную линию речевого поведения ее лирической героини, в то время как у других поэтов Серебряного века (А. Ахматовой, С. Есенина, В. Маяковского) ему принадлежит второстепенная роль. Обращение к этому типу высказывания свидетельствует о когнитивной направленности поэтических посланий М. Цветаевой, о ее стремлении запечатлеть в слове сложную палитру чувств и представле-

ний, раскрыть эмоциональные и семантические возможности слова за счет сближения со вторым членом художественной дефиниции. Ключевое слово, выделенное в речевом жанре определения, отсылает читателя к определенной реалии в том ее пластическом и эмоциональном облике, какой задуман автором. Этот жанр позволяет лирической героине занять доминантную позицию в диалоге, выступить в роли модератора поэтического языка, реализовать различные стратегии постижения сущности предмета, продемонстрировать свободный творческий процесс рождения нового знания о мире. В фокусе авторского видения различные ментальные и материальные объекты действительности через акт переименования раскрывают свою божественную сущность.

Список литературы

1. Ахматова, А. Собрание сочинений в 6 томах / А. Ахматова. – М., 1998.
2. Бердяев, Н. А. Философия свободы. Смысл творчества / Н. А. Бердяев. – М.: Правда, 1989.
3. Блок, А. Из дневников и записных книжек / А. Блок // Сочинения : в 2 т. / А. Блок. – М.: Гос. изд-во художеств. лит., 1955. – Т. 2.
4. Богин, Г. И. Речевой жанр как средство индивидуализации / Г. И. Богин // Жанры речи. – Саратов: Изд-во Государственного учебно-научного центра «Колледж», 1997. – Вып. 1. – С. 12–23.
5. Большой словарь русских поговорок. – URL: <http://enc-dic.com/russaying/Svecha-44810.html>.
6. Бродский, И. Урания: Стихотворения / И. Бродский. – СПб.: Азбука-классика, 2004.
7. Волошинов, В. Н. О границах поэтики и лингвистики / В. Н. Волошинов // В борьбе за марксизм в литературной науке. – Л., 1930.
8. Горский, Д. П. Определение: Логико-методологические проблемы / Д. П. Горский. – М.: Мысль, 1974.
9. Дементьев, В. В. Когнитивная генристика: внутрикультурные речевые ценности / В. В. Дементьев, В. В. Фенина // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 2005. – Вып. 4. Жанр и концепт. – С. 5–34.
10. Есенин, С. А. Полное собрание сочинений в 7 томах / С. А. Есенин. – М., Наука-Голос, 1995.
11. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность. 3-е изд. / Ю. Н. Караулов. – М., 2003.

12. Кожевников, А. Ю. Большой синонимический словарь русского языка. Речевые эквиваленты: практический справочник : в 2 т. / А. Ю. Кожевников. – СПб.: Нева, 2003. – Т. 2.
13. Комплексный словарь русского языка / под ред. А. Н. Тихонова. – М.: Рус. яз. : Медиа, 2005.
14. Кудрякова, А. С. Речевое поведение лирических героинь А. Ахматовой и М. Цветаевой : дис. ... канд. филол. наук / А. С. Кудрякова. – Уфа, 2005. – 220 с.
15. Лосев, А. Ф. Введение в общую теорию языковых моделей / А. Ф. Лосев. – М.: Едиториал УРСС, 2004.
16. Маяковский В. Полное собрание сочинений в 13 томах / В. Маяковский. – М.: Гос. изд-во художеств. лит., 1955.
17. Московичи. – URL: <http://ru.scribd.com/doc/11279741/Московичи-Век-толп>.
18. Письма С. Есенина к Г. А. Панфилову. – URL: <http://serge-esenin.jimdo.com/письма/г-а-панфилову/>
19. Попа, К. Теория определения / К. Попа. – М., 1976. – 247 с.
20. Пушкин, А. С. Сочинения : в 3 т. / Пушкин, А. С. – М.: Художеств. лит., 1985.
21. Словарь символов. – URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/simvol/705>.
22. Смирнов, И. П. Порождение интертекста (элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б. Л. Пастернака) / И. П. Смирнов. – СПб., 1995.
23. Тимирханов, В. Р. Моделирование лингвофилософских явлений в свете имяславской традиции : дис. ... д-ра филол. наук / В. Р. Тимирханов. – Уфа, 2009. – 410 с.
24. Толковый словарь / под ред. С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой. – URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/32742>.
25. Толковый словарь / под ред. Т. Ф. Ефремовой. – URL: <http://enc-dic.com/efremova/Palach-66163.html>.
26. Толковый словарь / под ред. Д. Н. Ушакова. – URL: http://-ushakov.info/Словарь_Ушакова/30779/Мотор.
27. Трусов, В. Е. Своеобразие дефиниции в различных функциональных стилях как разновидности типов мышления: (на материале научного и художественного стилей) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. Е. Трусов. – Саратов, 2008. – 22 с.
28. Флоренский, П. А. Имена / П. А. Флоренский. – СПб.: Авалонь : Азбука-классика, 2007. – С. 47–49.
29. Ханпира, Э. И. О художественной дефиниции Текст / Э. И. Ханпира // Проблемы структурной лингвистики. – М., 1982.
30. Цветаева, М. И. Об искусстве / М. И. Цветаева. – М.: Искусство, 1991.
31. Энциклопедия Кирилла и Мефодия. – URL: [http://megabook.ru/article/Колокол%20\(символ\)](http://megabook.ru/article/Колокол%20(символ)).
32. Энциклопедия мифологии. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_myphology/797/Мойры.
33. Яковлева, Е. А. Речевой жанр вопроса в ранней лирике А. Ахматовой и М. Цветаевой / Е. А. Яковлева, А. С. Кудрякова // Исследования по семантике : межвуз. науч. сб. – Уфа: РИО БашГУ, 2004. – Вып. 22. Взгляд ученых Башкортостана разных поколений. – С. 124–132.
34. Robinson, A. A result of consistency and its application to the theory of definition / A. Robinson // *Indagationes Mathematicae*. – 1956. – № 18. – С. 47–58.
35. URL: http://dugward.ru/library/kostomarov/kostomarov_velikorususkaya_narodnaya.html.

Сведения об авторе

Мухина Александра Сергеевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры филологии и массовых коммуникаций Нижневартковского государственного университета kudri80a@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 10 (365).
Philology. Arts. Issue 95. Pp. 135–145.*

SPEECH GENRE OF DEFINITION IN A VERSE NUMBER OF THE SILVER AGE

A. S. Mukhina

Nizhnevartovsk state university. kudri80a@mail.ru

The article deals with the studying of poetic text with the help of genre poetic tools. Different models of the Silver Age poetic definitions are found out in the case of A. Akhmatova, S. Yesenin and V. Mayakovsky idiostyles. Although the speech genre of definition plays peripheral role in speech genres of the named poets, it allows to express the ontological and semantic word essence.

Keywords: *literary text, linguistic personality, genristic poetics, speech genre theory, speech genre of definition.*

References

1. Ahmatova A. *Sobranie sochinenij v 6 tomah* [Collected Works in 6 volumes]. Moscow, 1998. (In Russ.).
2. Berdjaev N.A. *Filosofija svobody. Smysl tvorcestva* [Philosophy of freedom. The meaning of creativity]. Moscow, Pravda, 1989, p. 433. (In Russ.).
3. Blok A. *Iz dnevnikov i zapisnyh knizhek* [From the diaries and notebooks]. *Blok A. Sochineniya* [Writings]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1955, vol. 2, p. 380. (In Russ.).
4. Bogin G.I. *Rechevoj zhanr kak sredstvo individualizacii* [Speech genres as a means of individualization]. *Zhanry rechi* [Genres of speech]. Saratov, Izd-vo Gosudarstvennogo uchebno-nauchnogo centra «Kolledzh», 1997, issue 1, pp. 12–23. (In Russ.).
5. *Bol'shoj slovar' russkih pogovorok* [Big dictionary of Russian proverbs]. Available at: <http://encdic.com/russaying/Svecha-44810.html>. (In Russ.).
6. Brodskij I. *Uranija: Stihotvorenija* [Urania: Poems]. Saint Petersburg, Azbuka-klassika, 2004. (In Russ.).
7. Voloshinov V.N. *O granicah pojetiki i lingvistiki* [On the limits of poetics and linguistics]. *V bor'be za marksizm v literaturnoj nauke* [In the struggle for Marxism in literary scholarship]. Leningrad, 1930, p. 231. (In Russ.).
8. Gorskij D.P. *Opreделение: Logiko-metodologicheskie problemy* [The logical and methodological problems]. Moscow, Mysl, 1974. (In Russ.).
9. Dement'ev V.V., Fenina V.V. *Kognitivnaja genristika: vnutrikul'turnye rechezhanrovye cennosti* [Cognitive genristika: intracultural rechezhanrovye values]. *Zhanry rechi* [Genres of speech]. Saratov, Kolledzh, 2005, issue 4, pp. 5–34. (In Russ.).
10. Esenin S.A. *Polnoe sobranie sochinenij v 7 tomah* [Complete Works in 7 volumes]. Moscow, Nauka–Golos, 1995. (In Russ.).
11. Karaulov Ju.N. *Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'* [Russian language and linguistic identity]. Moscow, 2003. (In Russ.).
12. Kozhevnikov A.Ju. *Bol'shoj sinonimicheskij slovar' russkogo jazyka. Rechevyje jekvivalenty: prakticheskij spravocnik* [Great Russian dictionary of synonyms. Speech equivalents: a practical guide]. Saint Petersburg, Neva Publ., 2003, vol. 2, p. 36. (In Russ.).
13. *Kompleksnyj slovar' russkogo jazyka* [Comprehensive Dictionary of Russian]. Moscow, Rus. jaz. – Media, 2005, p. 585. (In Russ.).
14. Kudrjakova A.S. *Rechevoe povedenie liricheskij geroin' A. Ahmatovoj i M. Cvetaevoj* [Speech behavior lyrical Anna Akhmatova and Marina Tsvetaeva]. Ufa, 2005, p. 220. (In Russ.).
15. Losev A.F. *Vvedenie v obshhuju teoriju jazykovyh modelej* [Introduction to the general theory of linguistic models]. Moscow, Editorial URSS, 2004, p. 193. (In Russ.).
16. Majakovskij V. *Polnoe sobranie sochinenij v 13 tomah* [Complete Works in 13 volumes]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1955. (In Russ.).

17. Moskovichi [Moscovici]. Available at: <http://ru.scribd.com/doc/11279741/Moskovichi-Vek-tolp>. (In Russ.).
18. *Pis'ma S. Esenina k G.A. Panfilovu* [Letters from S. Esenin to G.A. Panfilov]. Available at: <http://serge-esenin.jimdo.com/pis'ma/g-a-panfilovu/>. (In Russ.).
19. Popa K. *Teorija opredelenija* [The theory of definition]. Moscow, 1976. 247 p. (In Russ.).
20. Pushkin A.S. *Sochinenija* [Works]. Moscow, Hudozhestvennaja literatura, 1985. (In Russ.).
21. *Slovar' simvolov* [Simbol Dictionary]. Available at: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/simvol/705>. (In Russ.).
22. Smirnov I.P. *Porozhdenie interteksta (jelementy intertekstual'nogo analiza s primerami iz tvorcestva B.L. Pasternaka)* [Generation of intertextuality (elements intertextual analysis with examples from the work of Boris Pasternak)]. Saint Petersburg, 1995, p. 11. (In Russ.).
23. Timirhanov V.R. *Modelirovanie lingvofilosofskih javlenij v svete imjaslavskoj tradicii* [Modeling lingvophilosophy phenomena in the light of tradition imyaslavskoy]. Ufa, 2009, p. 410. (In Russ.).
24. *Tolkovyj slovar'* [Explanatory Dictionary]. Available at: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/32742>. (In Russ.).
25. *Tolkovyj slovar'* [Explanatory Dictionary]. Available at: <http://enc-dic.com/efremova/Palach-66163.html>. (In Russ.).
26. *Tolkovyj slovar' Ushakova* [Explanatory Dictionary]. Available at: http://-ushakov.info/Slovar'_Ushakova/30779/Motor. (In Russ.).
27. Trusov V.E. *Svoeobrazie definicii v razlichnyh funkcional'nyh stiljah kak raznovidnostjah tipov myshlenija: (na materiale nauchnogo i hudozhestvennogo stilej)* [Peculiarity definitions in different functional styles as a kind of type of thinking: (based on scientific and artistic styles)]. Saratov, 2008, p. 22. (In Russ.).
28. Florenskij P.A. *Imena* [Names]. Saint Petersburg, Avalon, Azbuka-klassika, 2007, pp. 47–49. (In Russ.).
29. Hanpira Je.I. O hudozhestvennoj definicii Tekst [About artistic definition of Text]. *Problemy strukturnoj lingvistiki* [Problems of structural linguistics]. Moscow, 1982. (In Russ.).
30. Cvetaeva M.I. Ob iskusstve [About art]. Moscow, Iskusstvo, 1991, p. 53. (In Russ.).
31. *Jenciklopedija Kirilla i Mefodija* [Encyclopedia of Cyril and Methodius]. Available at: [http://megabook.ru/article/Kolokol%20\(simvol\)](http://megabook.ru/article/Kolokol%20(simvol)). (In Russ.).
32. *Jenciklopedija mifologii* [Encyclopedia of Mythology]. Available at: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_myphology/797/Mojry. (In Russ.).
33. Jakovleva E.A., Kudrjakova A.S. *Rechevoj zhanr voprosa v rannej lirike A. Ahmatovoj i M. Cvetaevoj* [Speech genres issue in early poetry of Anna Akhmatova and Marina Tsvetaeva]. *Issledovanija po semantike: mezhvuzovskij nauchnyj sbornik. Vyp. 22. Vzgljad uchenyh Bashkortostana raznyh pokolenij* [Research on semantics: interuniversity scientific collection. Issue 22. Looking Bashkortostan scientists of different generations]. Ufa, RIO BashGU, 2004, pp. 124–132. (In Russ.).
34. Robinson A. A result of consistency and its application to the theory of definition. *Indagationes Mathematicae*, 1956, no. 18, pp. 47–58. (In Russ.).
35. Available at: http://dugward.ru/library/kostomarov/kostomarov_velikorussskaya_narodnaya.html. (In Russ.).

УДК 81: 811.112.2
ББК 81: 81.2 нем

В. О. Радищева

КОНЦЕПТ «LÜGE» (ЛОЖЬ) В НЕМЕЦКОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Анализируется концепт «LÜGE» (ложь) как категория лингвокультурологии на материале корпуса текстов немецкого языка. Определено, что концепт ложь является нравственным концептом. Выявлено наличие основных когнитивных признаков концепта «LÜGE» в публицистическом дискурсе: масштабность и моральный признак.

Ключевые слова: лингвокультурный концепт, когнитивный признак, языковая репрезентация, лингвистический корпус, национальная культура, публицистический дискурс.

Отличительной чертой современной гуманитарной парадигмы знания является повышенный интерес к изучению национальных менталитетов [1. С. 24]. Интерес вызван, с одной стороны, глобальными процессами в постиндустриальной цивилизации, которые грозят нивелировать национальные ценности и культурную самобытность народов, с другой стороны, возрастающим ощущением взаимозависимости народов, стремлением к взаимопониманию и консенсусу [13. С. 159]. Анализ концептов и исследование национальной структуры языка позволяет получить достоверную и надежную информацию об универсальных, идиоэтнических чертах мировоззрения любого народа, о духе народа [9. С. 14]. Анализ репрезентации одного и того же концепта в разных языках дает возможность выявить национальную специфику языковых систем, которая проявляется в разных способах репрезентации данного концепта в различных лингвокультурах.

Цель настоящей статьи – выявить национальную специфику лингвокультурного концепта «LÜGE» (ложь) на основе когнитивного анализа исследуемого концепта в публицистическом дискурсе. Актуальность обусловлена неослабевающим интересом к изучению национальных картин мира посредством исследования национальных концептов.

Начиная еще с античных философов, Аристотеля и Платона, были попытки разобраться в сущности лжи и обмана, в морально-психологических аспектах этих явлений, а также выявить способы, позволяющие воспрепятствовать распространению лжи. Так, занимаясь разоблачением софистов и их уловок в ходе

различного рода обсуждений, Аристотель пришел к формулировкам основных законов формальной логики [3. С. 192].

В настоящее время основные исследования лжи, причины ее возникновения и формы проявления являются предметом изучения юриспруденции, философии, педагогики, социологии, психологии, этики. С XX в. внимание исследователей привлекли теоретические и практические аспекты применения «детектора лжи», полиграфа. Ложь, являясь сложным переплетением нравственных, интенциональных и когнитивных аспектов, сопровождает человеческую коммуникацию и реализуется в ней, знаменуя конфликт между нормой, моралью и правдой как фундаментальными бытийными ценностями [9. С. 237].

Ложь – противоречивый и многоплановый феномен, который имеет философскую, житейскую, этическую, логическую, психологическую, юридическую и лингвистическую стороны. Проявление различных форм лжи во всех сферах человеческой жизни очевидно. Это привело к необходимости глубокого изучения лингвистической природы лжи. Ложь как значимый социокультурный и психологический феномен находит активное воплощение в коммуникативной деятельности человека. Интерес к исследуемому феномену лжи подтверждается возникновением целого лингвистического направления – лингвистика лжи [7]. А. В. Ленец дает следующее определение данному явлению в лингвистике: «...многоуровневая система лингвистического изучения данного явления, в которой каждый из уровней обобщает и интегрирует теоретические результаты исследований лжи, достигнутые такими

современными лингвистическими направлениями, как лингвофилософия, логический анализ языка, психолингвистика, социолингвистика, юрислингвистика, семиотика, лингвокультурология, литературоведение» [8. С. 3].

Многоплановость и многоаспектность феномена лжи объясняет существование значительного количества определений дефиниции «ложь» в отечественной и зарубежной лингвистике. В словаре С. И. Ожегова мы находим следующее определение: «Ложь – намеренное искажение истины, неправда, обман» [11. С. 331]. По мнению Н. Н. Панченко, содержательный минимум понятия «ложь» по определениям русских толковых словарей включает: 1) искажение, противоречие истине; 2) несоответствие действительности; 3) намеренное введение в заблуждение, 4) высказывание, оформленное вербально [12]. В толковом немецком словаре ложь имеет следующую дефиницию: “absichtlich falsche Aussage, Aussage zur bewussten Täuschung anderer (намеренно ложное высказывание, высказывание с целью намеренного введения в заблуждение)” [16. С. 2420]. Предметом нашего исследования является концепт «LÜGE» в немецкой лингвокультуре.

В настоящей статье мы придерживаемся дефиниции концепта, данной В. И. Карасиком, который рассматривает концепты как ментальные образования, представляющие собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта [6. С. 25]. Существенной для лингвокогнитивного исследования является классификация концептов по их принадлежности к определенным группам носителей. С этой точки зрения выделяют универсальные концепты (земля, родина, дом) и национальные концепты, присущие только одной национальной культуре (концепты «духовность», «авось» в русской культуре; «толерантность», «вызов», «приватность» в западной культуре) [9. С. 83]. По нашему мнению, ложь следует относить к универсальным концептам.

Универсальные концепты подразделяются на социальные, эмоциональные и нравственные концепты. С точки зрения данной классификации концептов, В. А. Маслова относит ложь к нравственным концептам [9. С. 84]. С. Г. Воркачев относит концепт *ложь* к метафизическим концептам наряду концептами *свобода*, *истина*, *душа*, *любовь*, *счастье*, которые являются ментальными сущностями высокой степени

абстрактности, они отсылают к «невидимому миру» духовных ценностей, смысл которых может быть выражен только посредством символа-знака, предполагающего использование своего образного предметного содержания для выражения содержания абстрактного [2. С. 94]. Мы придерживаемся мнения В. А. Масловой и считаем, что ложь следует относить к нравственным концептам, отражающим отношение человека к обществу и культуре. Исследование языковой репрезентации феномена лжи служит источником информации о системе ценностей, менталитете немецкого народа, культурных стандартах, регулирующих жизнь немецкого общества, его материальную и духовную культуру. Несмотря на тот факт, что исследуемый нами концепт «ЛОЖЬ» является человеческой универсалией, мы полагаем, что немецкий концепт «LÜGE» обладает характерными особенностями, присущими только немецкой лингвокультуре. Лингвокультурологический подход позволяет выявить национальные ценностные особенности концепта той или иной культуры.

В настоящей статье использован метод когнитивного анализа для выявления важных когнитивных признаков концепта «LÜGE» (ложь) в публицистическом дискурсе. В рамках лингвокультурологии проводится анализ различных дискурсных сфер, в которых актуализированы номинанты концептов, с целью определения основных когнитивных признаков и расширения представления о содержании исследуемого концепта в языковой картине мира, а также выявления характерных для той или иной культуры когнитивных признаков концепта. Следует отметить, что лингвокультурологические характеристики концепта могут меняться в зависимости от политической обстановки в стране, идеологического мировоззрения, господствующего в обществе, культурного уровня населения.

Национально-культурные особенности культурно-языковых концептов находят отражение на уровнях языка и в различных жанрах, в том числе и в публицистике. Газетная периодика отражает общественно-социальную обстановку в стране, настроения народа, культурное состояние нации. На основе фрагментов из журнальных текстов, репрезентирующих концепт «LÜGE», мы провели когнитивный анализ исследуемого концепта.

Мы проанализировали 100 фрагментов из газеты «ZEIT» [15]. Источником языкового материала, на основе которого сделан анализ упо-

ребления концепта «LÜGE» в немецком языке, является лингвистический корпус DWDS – цифровой словарь немецкого языка XX в. Академии Наук (Берлин, Германия) [14]. Под лингвистическим, или языковым, корпусом текстов понимается большой, представленный в электронном виде, унифицированный, структурированный, размеченный, филологически компетентный массив языковых данных, предназначенный для решения конкретных лингвистических задач [5. С. 3]. Исследование материалов корпуса позволяет выявить метатекстовую информацию, а также особенности употребления тех или иных языковых элементов и конструкций.

Газета «ZEIT» – немецкая еженедельная газета, вышедшая впервые 21 февраля 1946 г. Газета придерживается центристских взглядов на политику. По состоянию на 2009 г., по всему миру каждую неделю продается до полумиллиона экземпляров газеты. Как и многие другие издания, газета «ZEIT» имеет собственную онлайн-редакцию «Zeit Online» [17].

Следует заметить, что публицистика касается социальных вопросов или рассматривает частные проблемы. Дискурсивные публицистические практики как объект интерпретации отражают изучение различных проблемных ситуаций, социальных противоречий, поиск ответов на решение социально-политических, экономических, нравственных и других вопросов, на анализ и прогнозирование социальных последствий [10. С. 97]. Социальная функция публицистики предполагает не только важность поставленных проблем и убедительных фактов, но и социально-психологическое воздействие на аудиторию, которое включает в себя убеждение и внушение [4. С. 3].

Публицистический дискурс информационно-политического журнала «ZEIT» играет большую роль в формировании общественного мнения в Германии, так как публицистика напрямую связана с идеологической сферой, в которой находят свое отражение разные формы общественного сознания.

Нами выделено две группы фрагментов из журнальных текстов, номинирующих концепт «LÜGE»:

1) высказывания о лжи, характеризующие данный феномен как социальное и культурное явление;

2) тексты, в которых описаны ситуации, воспринимаемые как обман или характеризующиеся как ложь.

Нами проанализирована первая группа фрагментов журнальных текстов, выражающих отношение к феномену лжи в немецкой лингвокультуре. Анализ контекстов (100 единиц) публицистической дискурсивной сферы показал, что в них актуализированы следующие когнитивные признаки:

1) Масштабность лжи – в данном когнитивном признаке нами выделены следующие уровни масштабного распространения лжи:

военный: ложь является верной спутницей войны (*“Lüge war schon immer eine treue Begleiterin des Krieges”*), ложь в одном ряду с войной, голодом, гестапо (*“... das Nazi-Paradies – Krieg, Hunger, Lüge, Gestapo”*, *“Kriege werden mit Bomben und mit Lügen geführt”*); ложь распространена в диктатурах (*“...Aber Lügen kommen ja selbst in den besten Diktaturen mal vor”*).

политический: ложь, смешанная с правдой, сравнивается с чаем, который подают в политике (*“...Das ist also die erste Lüge und zugleich die Wahrheit: Lügentea”*); ложь встречается на уровне дипломатии (*“...die Ebene der Selbstdarstellung und des Selbstbetrugs, der Diplomatie und der Lüge”*).

медийный: ложь проникла в средства массовой информации (*“Medien”*); ложь и полуправда распространялась мелочными, злонамеренными и узколобыми репортерами и журналистами (*“Die Lügen und Halbwahrheiten ... von kleineren, böswilligen und engstirnigen Reportern und Journalisten verbreitet wurden”*).

витальный (жизненный, относящийся к явлениям жизни): ложь проникла в человеческое тело (*“Lügendzentrum im Gehirn”*); ложь живет в генной памяти человека (*“Unsere Gene sind auf Lug und Trug programmiert”*).

Анализ языкового материала позволил выявить второй когнитивный признак концепта «LÜGE».

2) Моральный аспект

Мораль – это общепринятые традиции, негласные правила, принятые в обществе представления о хорошем и плохом, правильном и неправильном, добре и зле, а также совокупность норм поведения, вытекающих из этих представлений [14].

В центре немецкого мироздания стоят ложь, неверность, упадок обычаев (*“Untreue. Lüge, Verfall der Sitten im Zentrum stehen”*). Личность не хочет жить во лжи (*“Sie wollen nicht in der Lüge leben”*), так как ложь – это грех (*“Welch teuflische Lüge”*). Ложь для носителя немецкой культуры – преступление (*“Verbrechen”*),

порок, предательство, она всегда соседствует с лицемерием (“*Die Heuchelei und Lügen, die hier verbreitet werden, unerträglich*”). Ложь в политике производит деморализующее впечатление (“*...fördert die Lüge... demoralisierenden Eindruck*”). В мире она всегда находится рядом с пошлостью и изменой (“*...immer schon Teil der verkommenen Welt aus Lüge, Gemeinheit, Verrat*”).

Анализ ценностных характеристик показывает, что отобранные фрагменты журнальных текстов содержат отрицательную оценку отношения ко лжи. В ходе анализа языкового материала нами выявлены также следующие характеристики лжи: “*traurigste Lüge*” (самая удручающая ложь), “*dreiste Lüge*” (наглая ложь), “*politische Lüge*” (политическая ложь).

Таким образом, нами проанализирован концепт «LÜGE» в немецкой лингвокультуре на материале фрагментов газетных текстов, содержащих исследуемый концепт. Нами выявлено, что в данных фрагментах актуализированы два основных когнитивных признака: 1) «масштабность» лжи – распространение лжи на военном, политическом, медийном и витальном уровнях; 2) моральный аспект – оценка лжи с моральной точки зрения в немецкой лингвокультуре. Масштабное проникновение лжи связано в сознании немца с моральным упадком общества, так как ложь распространяется индивидами с низкими моральными и нравственными принципами. Ложь является неискоренимым явлением, так как человек запрограммирован на ложь на генном уровне.

Следует отметить, что исследование лингвокультурного концепта «LÜGE» является перспективным в лингвистической науке, так как оно дает возможность выявить информацию о национальных чертах мировоззрения немецкого народа.

Список литературы

1. Бабаева, Е. В. Культурно-языковые характеристики отношения к собственности (на материале немецкого и русского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Бабаева. – Волгоград, 1997. – 24 с.
2. Воркачев, С. Г. Методологические основания лингвоконцептологии / С. Г. Воркачев // Теоретическая и прикладная лингвистика. – Воронеж, 2002. – С. 79–95.
3. Грачев, Г. В. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия / Г. В. Грачев. – М., 1999. – 235 с.
4. Дедюкова, М. В. Языковая личность в публицистическом дискурсе (на материале немецких журнальных текстов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. / М. В. Дедюкова. – Москва, 2010. – 26 с.
5. Захаров, В. П. Корпусная лингвистика / В. П. Захаров. – СПб., 2005. – 48 с.
6. Карасик, В. И. Культурогенные концепты / В. И. Карасик // Язык. Культура. Коммуникация: материалы Международной науч. конф. : в 3 ч. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2006. – Ч. 1. – С. 24–28.
7. Ленец, А. В. Прагматика лжи / А. В. Ленец. – Ростов н/Д.: ИПО ПИ ЮФУ, 2008. – 284 с.
8. Ленец, А. В. Коммуникативный феномен лжи: лингвистический и семиотический аспекты (на материале немецкого языка) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А. В. Ленец. – Ростов н/Д, 2010. – 38 с.
9. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика : учеб. пособие / В. А. Маслова. – Минск: Тетра Системс, 2008. – 272 с.
10. Немец, Г. Н. Публицистический дискурс как методологический конструкт / Г. Н. Немец // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2010. – № 3 (63). – С. 96–101.
11. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов. – М.: Азбуковик, 1999. – 944 с.
12. Панченко, Н. Н. Ложь в коммуникации / Н. Н. Панченко. – URL: <http://communication.vspu.ru>.
13. Приходько, А. Н. Концепт «Ordnung» как мерная единица немецкого этнического менталитета (лингвокультурный аспект) / А. Н. Приходько // К юбилею профессора С. Г. Воркачева : сб. ст. – Краснодар: Атриум, 2007. – С. 159–172.
14. Энциклопедический словарь. – М.: Гардарики, 2004, 1072 с. – URL: <https://ru.wikipedia.org>
15. Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache des 20. Jahrhunderts. – URL: <http://www.dwds.de/>.
16. Wahrig, G. Deutsches Wörterbuch. Gütersloh / G. Wahrig. – München: Bertelsmann Lexikon Verlag, 1997. – 1420 s.
17. Zeit online. – URL: zeit.de.

Сведения об авторе

Радищева Виктория Олеговна – специалист по учебно-методической работе кафедры иностранных языков Ростовского филиала Российской таможенной академии.
v-radischewa@yandex.ru

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 10 (365).
Philology. Arts. Issue 95. Pp. 146–151.*

THE CONCEPT “LÜGE” (LIE) IN THE GERMAN PUBLICISTIC DISCOURSE

V. Radishcheva

Rostov branch of Russian Customs academy. v-radischewa@yandex.ru

The article analyzes the concept “LÜGE” (lie) as a category of the linguoculturology, the case study being the corpus of the German language. The concept “lie” is determined to be a moral concept. The main cognitive characteristics of this concept in the publicistic discourse are found to be “immensity” and “moral aspect”.

Keywords: *linguocultural concept, cognitive characteristics, linguistic representation, corpus, national culture, publicistic discourse.*

References

1. Babaeva E.V. *Kul'turno-yazykovye kharakteristiki otnosheniya k sobstvennosti (na materiale nemetskogo i russkogo yazykov) : avtoref. dis. ... kand. fil. nauk* [Cultural and linguistic characteristics of the relationship to the property (based on the German and Russian)]. Volgograd, 1997. 24 p. (In Russ.).
2. Vorkachev S.G. Metodologicheskie osnovaniya lingvokontseptologii [Methodological basis of linguoconceptology]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics]. Voronezh, 2002, pp. 79–95. (In Russ.).
3. Grachev G.V. *Manipulirovanie lichnost'yu: organizatsiya, sposoby i tekhnologii informatsionno-psikhologicheskogo vozdeystviya* [Manipulation of personality: the organization, methods and technologies of information and psychological impact]. Moscow, 1999. 235 p. (In Russ.).
4. Dedyukova M.V. *Yazykovaya lichnost' v publitsisticheskom diskurse (na materiale nemetskiikh zhurnal'nykh tekstov) : avtoref. dis. ... kand. fil. nauk* [Language person in journalistic discourse (based on the German text of journal)]. Moscow, 2010. 26 p. (In Russ.).
5. Zakharov V.P. *Korpusnaya lingvistika* [Corpus Linguistics]. Saint Petersburg, 2005. 48 p. (In Russ.).
6. Karasik V.I. Kul'turogennyye kontsepty [Culturegenic concepts]. *Yazyk. Kul'tura. Kommunikatsiya: materialy Mezhdunarodnoy nauch. konf. : v 3 ch.* [Language. Culture. Communication: international scientific materials]. Volgograd, Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo, 2006, ch. 1, pp. 24–28. (In Russ.).
7. Lenets A.V. *Pragmatika lzhi* [Pragmatics of lie]. Rostov-on-Don, IPO PI YuFU, 2008. 284 p. (In Russ.).
8. Lenets A.V. *Kommunikativnyy fenomen lzhi: lingvisticheskiy i semioticheskiy aspekty (na materiale nemetskogo yazyka) : avtoref. d-ra filol. nauk* [Communicative phenomenon lies: linguistic and semiotic aspects (on a material of German language)]. Rostov-on-Don, 2010. 38 p. (In Russ.).
9. Maslova, V.A. *Kognitivnaya lingvistika : ucheb. posobie* [Cognitive linguistics]. Minsk, Tetra Sistems, 2008. 272 p. (In Russ.).
10. Nemets G.N. Publitsisticheskiy diskurs kak metodologicheskiy konstrukt [Publicistic discourse as a methodological construction]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Adygeya State University], 2010, no. 3 (63), pp. 96–101. (In Russ.).
11. Ozhegov S.I. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy*

[Dictionary of Russian language: 80000 words and idiomatic expressions]. Moscow, Azbukovik, 1999. 944 p. (In Russ.).

12. Panchenko N.N. *Lozh' v kommunikatsii* [It lies in communication]. Available at: <http://communication.vspu.ru>. (In Russ.).

13. Prikhod'ko A.N. Kontsept «Ordnung» kak mernaya edinitsa nemetskogo etnicheskogo mentaliteta (lingvokul'turnyy aspekt) [The concept “Ordnung” as a unit of measure of the ethnical mentality (linguocultural aspect)]. *K yubileyu professora S. G. Vorkacheva : sb. statey* [On the anniversary of Professor SG Vorkacheva]. Krasnodar, Atrium, 2007, pp. 159–172. (In Russ.).

14. *Jenciklopedicheskij slovar'* [Encyclopedic dictionary]. Moscow, Gardariki, 2004. 1072 p. Available at: <https://ru.wikipedia.org>. (In Deutsch).

15. *Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache des 20. Jahrhunderts*. Available at: <http://www.dwds.de/>. (In Deutsch).

16. *Wahrig G. Deutsches Wörterbuch. Gütersloh. München, Bertelsmann Lexikon Verlag, 1997. 1420 p.* (In Deutsch).

17. *Zeit online*. Available at: zeit.de. (In Deutsch).

УДК 811.161.1
ББК 81.411.2

Е. Г. Соболева, Е. Ю. Дуреко

СПЕЦИФИКА ФОКУСИРОВАНИЯ КЛЮЧЕВЫХ СМЫСЛОВ «ЕКАТЕРИНБУРГ – СТОЛИЦА» В РЕГИОНАЛЬНОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

В региональном медийном пространстве сформировались дискурсы со смысловой доминантой «Екатеринбург – столица»: «третья столица», «столица Евразии», «столица Урала». Каждое из этих смысловых полей фокусирует ключевые смыслы особым образом. Выделенность ключевых смыслов достигается с помощью определенных механизмов и зависит от особенностей хронотопа дискурсов – привязки к определенной территории, временных рамок существования смыслов и специфики внешнеполитической ориентации региона.

Ключевые слова: *медийный дискурс, ключевой смысл, фокусирование, «Екатеринбург – столица».*

Наше исследование связано с тем, что в 90-х гг. XX в., когда город Свердловск стал частью истории и на его месте появился современный Екатеринбург, в региональном медийном дискурсе появились смыслы «Екатеринбург – столица». Представления о городе как о столице в информационном пространстве стали источником ключевых смыслов «Екатеринбург – третья столица», «столица Урала», «столица Евразии». В проводимом нами исследовании анализу впервые подверглись названные ключевые смыслы, специфика их фокусирования. Рассмотрение ключевых смыслов «Екатеринбург – столица» позволило выявить их элементы и механизмы репрезентации в медийном дискурсе.

Осмысление процессов фокусирования ключевых смыслов «Екатеринбург – столица» в региональном медийном дискурсе требует, в первую очередь, обращения к теории дискурса. Сегодня актуален взгляд на дискурс как на сложное комплексное образование, элементарными единицами которого являются «излагаемые события, участники этих событий, перформативная информация и “не события”, то есть обстоятельства, сопровождающие события, фон и ценностно-смысловые оценки участников события и т. п.» [2. С. 97–98]. Исследователи отмечают, что в пространстве дискурса выделяются «... ключевые слова-концепты, вобравшие в себя смысловую и экспрессивно-оценочную энергетику всего коммуникативного события» [2. С. 127].

Подчиняясь общим принципам функционирования дискурса, медийный дискурс обладает спецификой. Коммуникация в медийном дискурсе осуществляется посредством медиатекстов. Исследование ключевых смыслов в современных медиатекстах, проведенное Л. М. Майдановой, показало, что ключевые слова «рассматриваются как факты человеческого сознания» [8. С. 6]. Являясь репрезентантами ключевых смыслов, ключевые слова выступают «механизмом, на который опираются рефлексивные усилия читателя» [4. С. 155]. Так как отношения между языком, мышлением и объективной действительностью в их триединстве «носят не статический, а динамический характер ввиду того, что мышление – всегда деятельность» [13. С. 43], элементы ключевых смыслов в медийном дискурсе обладают и определенной динамикой.

Динамика ключевых смыслов обусловлена не только сущностными характеристиками медийного дискурса, но и процессами фокусирования-дефокусирования, которые описаны О. К. Ирисхановой. Специфика фокусировки связана с выделенностью определенных элементов ключевых смыслов, а выделенность связана с «непосредственной активацией концептов и концептуальных структур в конкретных речевых актах и событиях» [3. С. 29]. При этом отбор и помещение в фокус внимания какого-либо аспекта информации о референте или коммуникативном событии может быть как результатом осознанной деятельности, так и «ассоциативной активации» [3. С. 29].

Ряд исследователей, в частности В. Е. Чернявская, рассматривает дискурс как совокупность тематически объединенных текстов, каждый из которых воспринимается и идентифицируется как «языковой коррелят определенной социально-культурной практики» [15. С. 149]. В силу тесной взаимосвязи дискурсивной формации с социально-культурными практиками усиление внимания к ключевым смыслам «Екатеринбург – столица» в региональном медийном дискурсе обладает пространственно-временной спецификой.

Опираясь на опыт исследований основных принципов функционирования ключевых смыслов в дискурсе [2; 15], организации смысловой структуры и роли ключевого смысла в тексте [4; 7; 13], исследования ключевых смыслов в медиатексте [8] и фокусировки ключевых смыслов в дискурсе [3], мы провели исследование дискурсов со смысловой доминантой «Екатеринбург – столица»: «третья столица», «столица Евразии», «столица Урала». Исследование нацелено на выявление специфики фокусирования ключевых смыслов «Екатеринбург – столица» в региональном медийном дискурсе. В работе решалось несколько задач: во-первых, выявление того, какие смысловые признаки актуализируются в процессе фокусировки ключевых смыслов «третья столица» и «столица Евразии»; во-вторых, выявление механизмов, с помощью которых выделяются те или иные смыслы; в-третьих, выявление взаимосвязи специфики фокусирования ключевых смыслов с хронотопом регионального медийного дискурса.

Материалом для исследования послужили тексты печатных и электронных СМИ, опубликованные с 1996 по 2014 г. Для исследования специфики фокусирования ключевых смыслов «Екатеринбург – столица» методом сплошной выборки было отобрано 843 текста, критерием отбора послужило наличие в текстах ключевых слов «третья столица», «столица Урала» и «столица Евразии», которые употреблялись в качестве вторичной номинации или характеристики Екатеринбурга.

Хронотоп активности ключевого смысла «Екатеринбург – третья столица» связан с кардинальными подвижками в политической системе постперестроечной России и выходом на политическую арену новых субъектов – регионов. В первоначальный период самоидентификации новых политических агентов города-миллионники точкой отсчета выбирали пред-

ставления о жизни в первых столицах страны – Москве и Санкт-Петербурге. Фокусировка смыслов «Екатеринбург – столица» связана со стереотипными представлениями о притягательности жизни в столице. Они частично зафиксированы в словаре Ю. Н. Караулова как реакции *большой город, огромный город Москва, центр, цивилизность* [5. С. 631]. Различные толковые словари также фиксируют в семном составе слова «столица» смыслы *главный город, место средоточения чего-либо, центр средоточения чего-либо, административно-политический центр государства; употребляется как символ чего-либо передового, культурного, образованного* [9. С. 926; 10. С. 272]. Стереотипные представления о жизни в столицах в региональных дискурсивных практиках активировали элементы смыслов, связанные со спецификой жизни в «третьей столице» и особенностями ее облика.

Внимание фокусируется на трех основных смысловых направлениях: описании жизни в «третьей столице», особенностях облика «третьей столицы», сравнении «третьей» с «первой» и «второй» столицами. В ряде медиатекстов выделенность достигается путем создания контраста между современным Екатеринбургом – «третьей столицей» и старым Свердловском. Так, в одном из материалов выделен такой смысл: *в третьей столице развита новая поп-культура и субкультура* (Деловой квартал. 1996. 29 февраля). О. К. Ирисханова указывает на то, что язык следует «естественному делению воспринимаемой сцены на фигуру и фон» [3. С. 35]. Выделенность достигается путем использования молодежной лексики при описании современного Екатеринбурга – третьей столицы: слова *экстази, рейв, скейтборд* и др. Они усиливают смысловой контраст между образцами нового Екатеринбурга и старого Свердловска. Фоном в данном медиатексте является описание «прежнего» Екатеринбурга-Свердловска – города машиностроителей, где танцевали и развлекались только по выходным и нерабочим дням, а на танцплощадках звучали шансон и рок-н-ролл.

При описании жизни в «третьей столице» фокусируется внимание на смыслах «третья столица – богатый город», «город, где хорошо, интересно жить», «город, где проходят крупные культурные, политические мероприятия». Выделенность смысловых элементов в ряде медиатекстов достигается путем ассоциативной активации, при которой одна структура зна-

ний «вытягивает» [3. С. 29] другую. Так, представления о хорошей жизни в третьей столице в региональном медийном дискурсе связаны с концептами «центр», «деньги», «бизнес», «иностранец», «свой»/«чужие», если идет речь о признании столичного статуса города «чужими»: *чтобы руководители государств, которые придут к нам, сказали: «Да, Екатеринбург – настоящая третья столица России»* (Областная газета. 2009. 22 сентября; URA.ru. 2006. 21 сентября).

Особым образом фокусируется внимание и на облике «третьей столицы». Выделяются обязательные элементы ее культурно-исторического пространства – высокая башня, река, небоскребы: *Екатеринбург – третья столица России, на дворе XXI век, а у нас до сих пор нет ни одного небоскреба* (URA.Ru. 2007. 8 мая); *мы же столица Урала, третья столица России, и без нормальной реки нам несолидно* (URA.Ru. 2008. 24 марта). Трансляторами этих смыслов в медийном дискурсе чаще всего выступают руководители Екатеринбурга и Свердловской области, что подчеркивает стремление властных элит усилить значимость города в глазах центральной власти.

Сравнение «третьей» столицы с «первой» и «второй» направляет фокус внимания на определенные параметры «столичности» Екатеринбурга: *...Екатеринбург сегодня третья столица России. Москва – административная столица, Санкт-Петербург – культурная* (Областная газета. 2013. 29 мая). В фокусе внимания оказываются смыслы: *Екатеринбург – серьезный конкурент других городов-миллионников в борьбе за бренд «третья столица России»* (ИТАР-ТАСС. 2009. 17 июня; Бизнес-газета. 2009. 29 июня); *это третий по числу населения город* (Новый регион. 2010. 24 ноября).

При фокусировании ключевых смыслов используются специфические механизмы семной модификации: когнитивная метафора, ирония, наведение сем. При этом в некоторых медиатекстах эти механизмы задействованы одновременно. Так, в русской версии журнала «Forbes» вышел материал, посвященный Екатеринбургу и его претензиям на статус третьей столицы. Ключевые смыслы «Екатеринбург – третья столица» актуализируются уже в заголовке: *Третья столица. Екатеринбург хочет казаться чем-то большим, чем он есть на самом деле. Отличный стимул для развития* (Forbes. 2007. 3 февраля). В зачине текста говорится о *богатом купце, с тугим пузом и большими по-*

блескивающими ключами от сундуков, полных разного добра. Автор иронизирует по поводу схожести этого купца с городом Екатеринбургом – его жители точно так же любят демонстрировать свое богатство и успешность. Механизм наведения сем предполагает включение в смысл слова отдельных компонентов, «не свойственных его значению, но присутствующих в качестве актуализированных в смыслах других слов» [7. С. 88]. В процессе фокусирования в ключевой смысл «третья столица» с помощью механизмов наведения сем, создания иронии и развернутой метафоры (купец – город) привносится дополнительный смысл: в третьей столице любят выставлять свое благополучие напоказ. При этом ироничный образ купца постепенно становится фоном, на котором автор материала разворачивает цепочку аргументов-фактов, подтверждающих столичный статус Екатеринбурга.

Дискурс «Екатеринбург – третья столица», активный в конце XX в. и в начале нынешнего столетия, в региональных СМИ был потеснен текстами, объединенными темой «Екатеринбург – столица Евразии». Среди причин смены смысловой доминанты можно указать социально-экономическое выравнивание статусов городов-миллионников и в силу этого недостаточностью идентифицирующей роли третьей позиции в ряду активных политических субъектов на политической сцене страны.

Анализ показывает, что в дискурсе «Екатеринбург – столица Евразии» меняется фокусировка смыслов, которая сосредоточена на трех смысловых направлениях: описании жизни в «столице Евразии», характеристики облика города, демонстрации особой роли столицы в мировых политических, культурных и иных процессах.

При описании жизни в «столице Евразии» фокусируется внимание на том, что уникальное географическое положение города играет особую роль в развитии транспортно-логистической системы страны и Екатеринбург номинируется как *транспортная столица Евразии* (Областная газета. 2010. 10 марта). Город называют также *молодежной столицей Евразии* (ИТАР-ТАСС. 2012. 17 августа), выделяя смыслы, связанные с преимуществами, которые дает географическое положение в налаживании политических связей. Фокусировка внимания на политических отношениях и срединном положении Екатеринбурга между Европой и Азией усиливается в преддверии крупных

политических событий: *в этом году цивилизации решили встретиться ровно на полпути: на Урале, в Екатеринбурге <...> саммит ШОС превратил Екатеринбург в столицу Евразии* (www.vesti.ru. 2009. 15 июня).

Особым образом происходит фокусировка смыслов «облик столицы Евразии». Основные элементы облика – материальные объекты, своей формой передающие идеи евразийства. Это может быть *здание* (ИТАР-ТАСС. 2008. 25 января); *герб* (ИТАР-ТАСС. 2006. 28 ноября); *ледовый городок* (ИТАР-ТАСС. 2006. 4 октября); в южной части Екатеринбурга на границе Европы и Азии появится поселок с домами в виде букв «Е» и «А», при этом *буква «Е» разместится в европейской части поселка, а буква «А» – в азиатской* (ИТАР-ТАСС. 2010. 28 июля).

Частотны представления об особой роли «столицы Евразии» в мировых политических, культурных и иных процессах. При фокусировке этих элементов ключевого смысла ярко выделяются символы окна, котла, ворот, дороги, моста: *город стал воротами из Европы в Азию, или наоборот* (РИА Новости. 2009. 11 июня); *мы выполняем роль географического моста между Европой и Азией* (Областная газета. 2009. 23 сентября). Тем самым подчеркивается смысл *столица Евразии – место единения и связи между двумя сакральными пространствами* [11. С. 26, 88, 132, 118].

Особенностью фокусировки ключевых смыслов «Екатеринбург – столица Евразии» является создание в смысловом пространстве регионального медийного дискурса особой ментальной модели мира, которая «реализуется не как систематизация эмпирической информации, но как сочетание разных семиотических воплощений» [14. С. 5]. Фокус внимания в смысловом поле «Екатеринбург – столица Евразии» направляется положениями концепции евразийства. Смысл этой концепции, по Ю. С. Степанову, заключается в том, чтобы «понять Россию как явление геополитическое и как духовное, как территорию, соединяющую Европу и Азию именно в их стыке, в России, соединяющую землю, обширное и разнообразное население и культуры» [12. С. 213]. У евразийства есть своя геософия, которая «основана на внимании к объективным, прежде всего, к природным и этнографическим условиям («голос земли»)» [6. С. 164]. Включение в смысловое поле «столица Евразии» фрейма концепции евразийства является основным ме-

ханизмом, с помощью которого фокусируется внимание на тех или иных ключевых смыслах.

Выделенность смыслов «облик столицы Евразии» связана с механизмом символической репрезентации места. Как указывает В. В. Абашев, в процессе символической репрезентации места «...формируется более или менее стабильная сетка семантических констант. Они становятся доминирующими категориями описания места и начинают по существу программировать этот процесс в качестве своего рода матрицы новых репрезентаций» [1. С. 12]. Фокусировка внимания в смысловом поле «столица Евразии» на особых материальных объектах, передающих идею единения Европы и Азии, на наш взгляд, направлена на создание такой матрицы.

Ключевые смыслы «столица Урала» представлены самым обширным корпусом медиатекстов: нами выделено 700 публикаций, где встречаются эти ключевые слова. В результате исследования установлено, что они циркулируют в медийном дискурсе как вторичная номинация Екатеринбурга, не образуя смыслового поля. Временные рамки хронотопа ключевого смысла «столица Урала» охватывают как советский и современный периоды.

В результате исследования ключевых смыслов «третья столица», «столица Евразии», «столица Урала» нами выявлено, что фокусировка смыслов «Екатеринбург – столица» связана со стереотипными представлениями о притягательности жизни в столице. Каждое из этих смысловых полей с доминантой «Екатеринбург – столица» связано с определенными единицами ментального языка, представлениями об облике столицы, жизни в ней. В смысловом поле «третья столица» присутствуют концепты «деньги», «бизнес», «успех», представления о хорошей, богатой жизни в столичном городе. «Столица Евразии» наделяется сакральной ролью, это символический мост, ворота, котел, место связи между разными народами и цивилизациями.

Выделенность элементов смысла «третья столица» в ряде медиатекстов достигается посредством применения специфических механизмов – наведение сем, создание иронии, концептуальной метафоры. Фокусировка элементов смысла «столица Евразии» направляется не только стереотипными представлениями о столичности, но и идеями евразийства и стремлением представить Екатеринбург как сакральное место единения двух цивилизаций.

Фокусировка определенных смыслов направляется актуализацией представлений о негласной иерархии столиц.

На процесс фокусировки ключевых смыслов «Екатеринбург – столица» воздействуют особенности хронотопа дискурсов. В региональном медийном дискурсе происходит привязка ключевых смыслов к определенной территории и ее характеристикам, временным рамкам существования смыслов, связанных с теми или иными событиями, и специфике внешнеполитической ориентации региона. Часто ключевые смыслы транслируются политиками и связаны с политическими событиями, что демонстрирует очевидное влияние дискурса власти на бытование и фокусировку смыслов «Екатеринбург – столица».

Исследование фокусировки ключевых смыслов «Екатеринбург – столица» в медийном дискурсе показывает, что это сложный и многомерный феномен и дальнейшее изучение его специфики важно как для развития теории дискурса, так и для анализа процессов геобрендинга территорий.

Список литературы:

1. Абашев, В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX в. / В. В. Абашев. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2000. – 404 с.
2. Алефиренко, Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 288 с.
3. Ирисханова, О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования / О. К. Ирисханова. – М.: Языки славян. культ., 2014. – 320 с.
4. Караулов, Ю. Н. Словарь Пушкина и эволюция русской языковой способности / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1992. – 168 с.
5. Караулов, Ю. Н. Русский ассоциативный словарь : в 2 т. / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. – М.: Астрель; АСТ, 2002. – Т. 1. От стимула к реакции : ок. 7000 стимулов. 784 с. ; Т. 2. От реакции к стимулу : более 100 000 реакций. – 992 с.
6. Колесов, В. В. Русская ментальность в языке и тексте / В. В. Колесов. – СПб.: Петербург. востоковед., 2006. – 624 с.
7. Кузнецова, Э. В. Лексикология русского языка / Э. В. Кузнецова. – М.: Высш. шк., 1989. – 216 с.
8. Майданова, Л. М. Единый афоризм как самостоятельный радиотекст: ключевые смыслы / Л. М. Майданова // Слово и ключевые смыслы в современных медиа-текстах. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. – С. 10–42.
9. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / Акад. Наук СССР, Ин-т русского языка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР; Наука, 1963. – Т. 14. – 1390 с.
10. Словарь русского языка в четырех томах / под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Рус. яз., 1988. – Т. IV. С–Я. – 795 с.
11. Словарь символов и знаков. – Минск; Москва: АСТ: Харвест, 2006. – 239 с.
12. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М., 2004. – 992 с.
13. Уфимцева, А. А. Лексическое значение: Принцип семиологического описания лексики / А. А. Уфимцева. – М., Едиториал – УРСС, 2009. – 240 с.
14. Цивьян, Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы / Т. В. Цивьян. – М.: Ком-Книга, 2006. – 280 с.
15. Чернявская, В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность / В. Е. Чернявская. – М.: Либроком, 2009. – 248 с.

Сведения об авторах

Соболева Елена Григорьевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой языков массовых коммуникаций департамента маркетинговых коммуникаций и брендинга Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина.

egsobol@yandex.ru

Дуреко Елена Юрьевна – соискатель кафедры языков массовых коммуникаций Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина.

dureko@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 10 (365).

Philology. Arts. Issue 95. Pp. 152–158.

THE SPECIFIC FOCUS OF THE KEY MEANINGS “EKATERINBURG IS THE CAPITAL” IN REGIONAL MEDIA DISCOURSE

E. G. Soboleva

*Head of the chair of languages mass communications of the Ural Federal University named after
B. N. Yeltsin. egsobol@yandex.ru*

E. Yu. Dureko

*The applicant of the chair of languages mass communications of the Ural Federal University named
after B. N. Yeltsin. dureko@mail.ru*

In regional media space discourses with the semantic dominant of “Ekaterinburg is the capital” namely “the third capital”, “capital of Eurasia”, “capital of the Urals” is formed. Each of these semantic spaces focuses the key meanings in a special way, paying attention to notions of life in the capital, its outlook. In the discourse of “Yekaterinburg is the third capital” the ideas of semantic features “rich city”, “center for the implementation of major projects”, “city with an active cultural life”, “city with a special appearance”, “clean city” are focused. In the discourse of “Ekaterinburg is the capital of Eurasia” focus is on different other semantic features: “developing center”, “city with active youth”, “city with a unique geographical objects”, “large transport hub”, “place of geopolitical, spiritual, cultural amalgamation of Europe and Asia”. The salience of the key meanings is achieved through specific mechanisms and depends on the characteristics of the chronotope of discourses: binding to a specific territory, the period of existence, of meaning and specific foreign policy orientation of the region.

Keywords: *media discourse, focusing, key meaning, “Ekaterinburg is the capital”.*

References

1. Abashev V.V. *Perm' kak tekst. Perm' v russkoy kul'ture i literature XX veka* [Perm as text. Perm in the Russian culture and literature of the twentieth century]. Perm, 2000. 404 p. (In Russ.).
2. Alefirenko N.F. *Lingvokul'turologiya. Tsennostno-smyslovoe prostranstvo yazyka* [Linguistic and cultural studies. Axiological space language]. Moscow, 2010. 288 p. (In Russ.).
3. Iriskhanova O.K. *Igry fokusa v yazyke. Semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniya* [Game focus in language. Semantics, syntax and pragmatics of defocusimage]. Moscow, 2014. 320 p. (In Russ.).
4. Karaulov Y.N. *Slovar' Pushkina i evolyutsiya russkoy yazykovoy sposobnosti* [Dictionary of Pushkin and the evolution of the Russian language ability]. Moscow, 1992. 168 p. (In Russ.).
5. Karaulov Yu.N., Cherkasova G.A., Ufimtseva N.V., Sorokin Yu.A., Tarasov E.F. *Russkiy assotziativnyy slovar': v 2 t.* [Russian associative dictionary: In 2 volumes]. Moscow, 2002, vol. 1. 784 p.; vol. 2. 992 p. (In Russ.).
6. Kolesov V.V. *Russkaya mental'nost' v yazyke i tekste* [Russian mentality in the language and text]. St. Petersburg, 2006. 624 p. (In Russ.).
7. Kuznetsova E.V. *Leksikologiya russkogo yazyka* [Lexicology of the Russian language]. Moscow, 1989. 216 p. (In Russ.).
8. Maydanova L.M. *Edinyy aforizm kak samostoyatel'nyy radiotekst: klyuchevye smysly* [A common aphorism as an independent radio text: key meanings]. *Slovo i klyuchevye smysly v sovremennykh media-tekstakh* [The word and key meanings in contemporary media texts]. Ekaterinburg, 2004, pp. 10–42. (In Russ.).
9. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka : v 17 t.* [Dictionary of the modern Russian literary language in 17 volumes (large academic vocabulary)]. Moscow ; Leningrad, 1963, vol. 14. 1390 p. (In Russ.).
10. *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language in four volumes (small academic vocabulary)]. Moscow, 1988, vol. IV. 795 p. (In Russ.).
11. *Slovar' simvolov i znakov* [Dictionary of symbols and signs]. Minsk, Moscow, 2006. 239 p. (In Russ.).

12. Stepanov Y.S. *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian culture]. Moscow, 2004. 992 p. (In Russ.).
13. Ufimtseva A.A. *Leksicheskoe znachenie: printsip semiologicheskogo opisaniya leksiki* [Lexical meaning: the principle of semiological description of vocabulary]. Moscow, 2009. 240 p. (In Russ.).
14. Tsiv'yan T.V. *Model' mira i ee lingvisticheskie osnovy* [The model of the world and its linguistic basis]. Moscow, 2006. 280 p. (In Russ.).
15. Chernyavskaya V.E. *Lingvistika teksta: Polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost'* [Text linguistics: Policoding, intertextuality, interdiscursivity]. Moscow, 2009. 248 p. (In Russ.).

УДК 82-523
ББК 83.3(0)44.

Т. Н. Соловьева

ЖИТИЙНЫЕ ТРАДИЦИИ В «СЛОВЕ О ЖИЗНИ СВ. ГРИГОРИЯ ЧУДОТВОРЦА»

Исследуется влияние житийных традиций на христианское похвальное слово. В ходе анализа выяснилось, что структурно-композиционная схема памятника в целом отвечает каноническим требованиям к структуре двух жанров – античного энкомия и жития. Во всех компонентах структуры данного энкомия (похвального слова) выявлено влияние традиций разных жанровых разновидностей агиографии. В произведении, повествующем о деяниях святителя, реализуются мотивы, характерные для преподобнического, мученического, исповеднического и непосредственно святительского жития.

Ключевые слова: энкомий, житийный мотив, канон, структурная схема, святительское житие.

Объектом исследования является «Слово о жизни св. Григория Чудотворца», созданное в IV в. св. Григорием, епископом Нисским.

Григорий Чудотворец (родился ок. 213 г., г. Неокесария Понтийская (совр. Никсар, Турция), умер после 270 г. Память 17/30 ноября) – апостол Понтийской страны, видный церковный деятель второй половины III в., основатель Неокесарийской Церкви.

Целью статьи является исследование влияния житийных традиций на христианское похвальное слово. Затронута проблема взаимодействия и взаимообогащения жанров энкомия и агиографии в ранневизантийской литературе.

Необходимо остановиться на определениях, принятых в исследовании.

Панегирик, или энкомий (греч. «восхваление»), – прежде всего, литературный жанр: хвалебная речь [9].

Агиография (от греч. «святой» и «пишу») – вид церковной литературы, жизнеописания святых. Жития святых – биографии духовных и светских лиц, канонизованных христианской церковью [9].

Значительное влияние античных традиций на византийскую литературу IV–VII вв. отмечал С. С. Аверинцев. По мнению исследователя, в византийской литературе указанной эпохи продолжали свое развитие такие античные жанры, как риторика, эпос, эпиграмма; при этом огромное воздействие на литературу оказывало Христианство [8. С. 409]. Говоря об энкомии – «продукте старой античной традиции, восходящей еще к Исократу (IV в. до н. э.)», С. С. Аверинцев

утверждал, что в ряде энкомиев византийской эпохи «новой является христианская тенденция» [8. С. 412]. Она проявилась, по его словам, в частности, в том, что «идеальный монарх должен быть не только “справедливым” и “непобедимым”, но и “боголюбивым”»; а объекты сопоставления берутся не из греко-римской мифологии или истории, а из Библии [8. С. 412].

Безусловно, христианское мировоззрение должно было еще более повлиять на литературу о святых подвижниках, подтверждением чему является «Слово о жизни св. Григория Чудотворца».

Сам Григорий Нисский обозначил свое произведение как «хвалу слово» [4. Стлб. 2653]. Один из исследователей памятника Луи Меридье отмечал, что это житие должно быть помещено среди похвальных слов [18. С. 239], поскольку в целом произведение соответствует законам энкомия [18. С. 241].

М. А. Поляковская относит к характерным чертам энкомия своеобразие структуры произведения. По ее словам, в энкомии, ведущем свою историю от античных времен и подчиненном давно сложившимся традиционным законам жанра, принято выделять следующие части: вступление, род (предки), воспитание, деяния, сравнение, заключение [13. С. 82]. Однако известно, что подобные компоненты обозначаются среди основных и при анализе жанрово-композиционной агиографической схемы [10]. Таким образом, необходимо отметить наличие общих черт, характерных для двух различных жанров – энкомия и жития.

Проанализированные Х. М. Лопаревым житийные канонические мотивы, соотносятся, по мнению исследователей, с имеющими сугубо биографический характер основными тематическими мотивами, характерными для жанрово-композиционной схемы преподобнического жития [11. С. 125]. При этом преподобническое житие, основой композиции которого являлось хронологически последовательное повествование о трудах и подвигах святого [11. С. 161], выдвигается в качестве точки отсчета при анализе жанровых разновидностей произведений агиографии.

Известно, что каждый герой житийного произведения избирал свой путь следования Христу, с чем и связано возникновение различных жанровых разновидностей агиографии. В них реализовывались, соответственно, и различные виды канонической житийной схемы.

Жанрово-композиционная схема «Слова о жизни св. Григория Чудотворца», представляющего собой энкомий, тем не менее реализует типологические агиографические мотивы, в том числе мотивы святительского жития. Для жанровой разновидности святительского жития, по нашим наблюдениям, характерно использование, наряду с традиционными компонентами «преподобнической схемы», элементов исповеднического и мученического жития.

Прежде всего, необходимо отметить наличие в исследуемом памятнике, достаточно пространного вступления, что соответствует житийной традиции. По мнению Л. Меридье, «Вступление («Слова о жизни св. Григория Чудотворца») подчинено ... предписаниям, установленным для *пробѣшов* (преамбулы) похвального слова, и почти все “топосы” разворачиваются в традиционном порядке, несмотря на неоднократные высказывания самого автора» [18. С. 241].

Наличие вступления характерно как для жанра энкомия, так и для жанра жития, однако с содержательной стороны вступления к этим двум типам произведений не идентичны. М. А. Поляковская называет типичным для «запевки» энкомия следующие мотивы: «нелепо и несправедливо не воспеть того, кто достоин этого; многие василевсы были воспеты, но более достоин этого ты, лучший из всех» [13. С. 82]. Первый мотив в той или иной степени может звучать в произведениях агиографии. Мотив превосходства прославляемого святого над другими, уже прославленными подвижниками, напротив, не характерен, на наш взгляд,

для житийной литературы. Так, в «Слове о жизни св. Григория Чудотворца» обозначаются следующие причины, побудившие Григория Нисского приступить к сочинению: «*чтобы оный муж чрезъ воспоминание о его добродетеляхъ*» *явился присутствующиъ такимъ же, какимъ онъ самъ былъ для видевшихъ дела его, современниковъ*» [16. С. 128], то есть явить образец христианского поведения. Кроме того, повествование о добродетельной жизни святого, по мнению автора, способствует просвещению души читателя/слушателя и указывает путь к добру: «*...свещи подобно, памятию просветилася дшамъ ваши добраа жизнь сего: пут на добротъ и исходящему и слушающимъ бываетъ*» [4. Стлб. 2653].

Содержательное различие вступлений, несомненно, объясняется тем, что лейтмотивом энкомия являлся «ты – лучший из всех» [13. С. 83]; тогда как агиография призвана была не только восхвалить и «максимально превознести» своего героя [7. С. 44] (хотя, безусловно, не лишённая этого мотива), но, прежде всего, «...воплотить в литературе христианское учение о святом подвижнике как о человеке, стремящемся к достижению христианского идеала...» [12. С. 195], и, следовательно, дать пример христианского поведения, образец для подражания.

Подтверждает эту мысль ряд исследованных нами житийных памятников. Так, Житие Спиридона Тримифунтского автор создал для прославления святого отца Спиридона, а также для подражания и примера тем, кто всей душой желает своего спасения [1. Стлб. 935]. Житие Иоанна Милостивого Леонтий Неапольский создавал с надеждой, что оно послужит для благочестивого подражания и будет полезным для читателя, а также возникла необходимость (по мнению агиографа) показать, что и «*...при насъ рачившая и свою волю понудивша вышьяша насъ явитися...*» [2. Стлб. 813]. Житие Иоанна Златоуста было написано «*...на пользу почитающимъ...*» и с целью «*...показати его теплое рвение святаго о божественемъ, чистое и богоугодное ему житие, и како ся печаше человекими душами...*» [3. Стлб. 900]. Описывая жизнедеятельность Николая Мирликийского, Метафраст заявлял, что изложение благочестивого жития «*...многы привлечетъ и умолитъ на добродетель и весма к подобному ражаеть ревность...*» [1. Стлб. 695].

Начиная с предисловия, агиографы очень часто к имени святого прибавляют эпитет «ве-

ликий», то есть великий святой [10. С. 20]. Реализован этот мотив в «Слове о жизни св. Григория Чудотворца». Автор, гиперболизируя святость своего героя, называет его: «...Григорие бо Великий...» [4. Стлб. 2652].

Следуя агиографическому канону и понимая ответственность за предпринятое сочинение, Григорий Нисский говорит о необходимости призвания на помощь молитвы и «*С(вя)таго Д(у)ха дарь*» [4. Стлб. 2652], а также традиционно для жития признает неуверенность в том, возвысится ли его слово до величия деяний прославляемого: «...*аще и ка мя возвеличити вышотою делесь слово укрепить, аще ли то ни*» [4. Стлб. 2653]. Обычная и для энкомия, формула признания автором своего писательского несовершенства, по мнению М. А. Поляковской, несет явные признаки трафарета, присущего византийской риторике [13. С. 78].

Сообразуясь со спецификой христианского мировосприятия, автор делит мир на «внешних», «них», для которых важным является богатство, власть, мирское могущество, победы, и «нас», для которых одно отечество – рай, «град небесный», одна «роду краса» – близость к Богу [4. Стлб. 2655].

Наличие общих черт, характерных для жанров энкомия и жития проявляется в том, что основная часть и энкомия, и агиографического произведения посвящалась всецело личности прославляемого и обычно содержала сведения о родине, предках святого, его образовании, добродетелях, деяниях. Кроме того, каноническая житийная схема требовала наличия повествований о чудесах и праведной кончине подвижника.

Четкая позиция автора-христианина – ничто земное не способно прославить святого, заставляет Григория Нисского отказаться призвать на помощь в восхвалении Григория Великого его родину и предков: «...*и ни отчине Великаго Григориа приложим, ни родитель на помощь хвалами поимем...*» [4. Стлб. 2656]. По словам Н. И. Сагарды, похвальное слово не включает всех необходимых биографических данных: «Св. Григорий Нисский, в противоположность греческим ораторам ... не хочет брать на помощь своему похвальному слову его предков, не упоминает и о родителях его, виновниках его плотского происхождения, отказывается говорить об их богатстве, чести и мирской знатности» [15. С. 64]. Так, автор заявляет: «*Всего того небрегу: ни дедь, ни отць емуже наменяю, иже и плотию родиша и кор-*

миша: ни ихъ богатством славы сказаю. Кую бо есть теми похвалу отбершити...». Понимание личности Григория Чудотворца как не мирского человека приводит к тому, что Григорий Нисский старается избежать использования средств светской литературы при создании образа своего героя. Автор демонстрирует нежелание следовать образцам мирских ораторов. Намеренно умалчивая о том, от кого произошел, в каком городе изначально проживал святой, автор поясняет, что эта информация никоим образом не послужит для целей прославления. [4. Стлб. 2659]. По этому поводу Л. Меридье отмечал: «...Впрочем, здесь происходит забавный факт. После этих четких заявлений Григорий упоминает о родине Григория Чудотворца.» [18. С. 239]. Действительно, Григорий Нисский спешит добавить несколько слов о родине будущего святителя из опасения, что читатели могут подумать, будто бы ему нечего сказать к чести родины святого и его предков. Так, он вспоминает Понт, известный добродетелью своих первых поселенцев: «...*первое дошедшимъ места добротъ сведома есть...*»; хвалит гостеприимство этой области и обилие всего необходимого для человека: «...*имже приходящимъ стуждимъ добро приимати от них...*», «...*иже отвсюду приходить жизнь всяку строино подаате...*», «...*еже есть члку на жизнь нужно, тому обилна суци...*». И вновь Григорий Нисский противоречит себе, замечая: «*Но ничтож то есть противу нашему уму...*» [4. Стлб. 2658]. «Но оговорка, таким образом сформулированная, – писал Л. Меридье, – имеет лишь значение чисто ораторского приема; это лишь неловко предьявленное умолчание.» [18. С. 240].

Среди утвердившихся в жанре энкомия добродетелей главного героя исследователи называют следующие: ум, ораторские способности, умение предпочесть дела словам, справедливость, замечательные полководческие качества, филантропия, благотворительность и пр. [13. С. 79, 80]. По мнению М. А. Поляковской, вышеупомянутые достоинства, освещаемые в энкомии, в частности, Николаем Кавасилой, настолько безлики и шаблонны, что могли бы быть приписаны любому другому правителю [13. С. 80]. Однако и обозначенные в «Слове о жизни Григория Чудотворца» добродетели святого являются традиционными качествами практически любого героя агиографического произведения, реализующего канонический мотив непорочной жизни. По по-

воду трафаретности в агиографии, в том числе житийных персонажей, Г. П. Федотов писал: «...он (общий закон агиографического стиля) требует подчинения частного общему, растворения человеческого лица в небесном прославленном лике» [17. С. 30]. В исследуемом памятнике автором выделяются такие типичные качества, как: целомудрие, воздержание, «негорделивость», «негневливость», презрение к богатству [4. Стлб. 2660], нетребовательность, отсутствие лени [4. Стлб. 2682]. Традиционное для житий пренебрежение земным благополучием звучит, кроме прочего, в поучительном призыве святителя не заботиться о «земных хлевинах» (жилищах), но помнить о Божьей обители [4. Стлб. 2675]. Житийный шаблон предписывал говорить, что святой в юношеском возрасте не любил ни «...конских ристалищ, ни светских песен, ни плясок ... и наука ему давалась очень легко.» [10. С. 25]. Так и Григорий *«Всехъ оста уношьскихъ буетиш: на коних ловления, въ ризы утворения, пиров и игръ...»*. Подобно герою агиографического произведения, святой с юного возраста показал, каким будет: «...показа собою сада истинна суца, яко *“праведникъ яко финикъ процвететь”*» [4. Стлб. 2660].

Григорий Нисский, акцентируя внимание на немаловажной, с его точки зрения, информации, реализует один из традиционных житийных мотивов – стремление святого к постижению наук [10. С. 25]. Так, в начале повествования о жизнедеятельности своего героя автор не раз возвращается к теме его образования. Одной из первых добродетелей Григория Чудотворца названо стремление к мудрости (учению) [4. Стлб. 2660]. Наряду с познанием «внешней хитрости», эллинского учения, автор упоминает о пребывании праведника в Александрии Египетской, привлекавшей множество молодых людей *«...иже тцааху философию учити и врачевъную хитрость...»*, и о беседах Григория с товарищами на философские темы [4. Стлб. 2663]. Завершается процесс его образования уже у «правителя христианской веры» – Оригена [4. Стлб. 2664].

Необходимо отметить своеобразие реализации характерных как для жанра энкомия, так и для жанра жития элементов сравнения (синкрисиса). В отличие от традиционного энкомия, содержащего обычно сравнения с известными родами, великими деятелями древности (Александром Македонским, Киром, Ксерксом), сравнения с солнцем и океаном [13. С. 83], со

спортивными состязаниями, Олимпийскими играми и военной жизнью [7. С. 32], в исследуемом памятнике проводятся в основном характерные для агиографии параллели между главным героем и ветхозаветными персонажами. По поводу сравнений в агиографии Хр. Лопарев в своем классическом труде писал (правда, относительно заключительной части), что параллель между героем и ветхо- и новозаветными святыми встречается уже в житиях V в. и ранее [10. С. 35]. Подобно патриарху Аврааму, воспользовавшемуся мудростью Халдеев для приближения к «непостижимому и высокому», Григорий Чудотворец пришел к Христианству через прилежное изучение эллинской мудрости [4. Стлб. 2661]. Как изучивший в свое время всю египетскую мудрость Моисей, Григорий, уразумев эллинскую философию и поняв ее «слабость и несостоятельность», начал изучать Евангелие [4. Стлб. 2662]. Моисею же уподобляется святой, молитвой укрепляя силы единоверцев для борьбы с язычниками [4. Стлб. 2694]. Внося в текст пересказ известного библейского Соломонова суда непосредственно перед эпизодом разрешения Григорием спора между двумя братьями по поводу наследия отцовского озера, Григорий Нисский тем самым проводит параллель между мудростью легендарного библейского царя и своего героя [4. Стлб. 2679–2680].

Однако подобные сопоставления с библейскими персонажами свойственны не только агиографическим произведениям. С. С. Аверинцев отмечал эту особенность и у энкомиев, созданных христианскими авторами: они (авторы) сравнивают прославляемых персонажей не «с героями греко-римской мифологии или истории», а с героями из Священного Писания [8. С. 412].

Помимо вышеназванных мотивов, утвердившихся в канонической преподобнической схеме (обозначение причин, побудивших приступить к сочинению; неуверенность автора в своих способностях; осознание необходимости призвания на помощь молитвы; информация о родине; типичные христианские добродетели; стремление к учению; параллели между главным героем и ветхозаветными персонажами), еще ряд мотивов, зачастую присутствующих в композиции преподобнического жития, находят свою реализацию в исследуемом памятнике.

Так, мотив ухода от мира [10. С. 27] как воплощение одного из важных принципов христианской идеологии – пренебрежение земны-

ми, «плотскими», интересами – выражается в стремлении Григория полностью посвятить себя Богу: он удаляется на некоторое время от «*соборнаго вопля*», пренебрегая общественными делами, проблемами в государстве [4. Стлб. 2665].

Канонический мотив бегства от власти [10. С. 29; 11. С. 165] звучит в упорном нежелании Григория, меняющем место своего пребывания в пустыне, принять епископский сан («...*мысляше како того угоньзнути...*») и наложить на себя «*бремя жречества*» [4. Стлб. 2666]. Упоминанием о посвящении Григория Федином Амассийским в сан «заочно», без личного присутствия первого, автор, несомненно, настаивает на стремлении Григория избежать хозяйственных забот и участия в общественной жизни, то есть возвращения «в мир». С другой стороны, тем самым подчеркивается предызбранность будущего святителя и невозможность уйти от Божьего промысла. Усилению этого мотива способствует следующая фраза: «*Тако убо по беде (наильно) въпрязжень бывъ во ярьемь...*» [4. Стлб. 2667].

Типичный непосредственно для агиографических произведений мотив деяний, основанных на чудесах и помощи Божественной силы святому, в полной мере реализуется в «Слове о жизни св. Григория Чудотворца». Так, Григорий изгоняет демонов из языческого храма; перемещает скалу, следствием чего становится обращение в христианство языческого жреца; строит со многими уверовавшими помощниками храм, устоявший, в отличие от других общественных построек, во время землетрясения; чудесным образом иссушает озеро, являвшееся предметом спора между братьями; ограждает разливы бурной реки Волк; против воли знатных лиц города Команы посвящает в епископы угольщика Александра, убогого видом, «в последней нищете» мужа, прозрев о его благочестивой жизни; исцеляет юношу от беса; помогает дьякону молитвой в избавлении от бесовских козней в бане; прекращает тяжелую болезнь, постигшую многих горожан в качестве Божьей кары за пристрастие к «*игрищу*» и «*позорищу*».

Мотив Божественной помощи подвижнику служит одним из средств выражения традиционной для агиографии исключительности главного героя. Ту же цель преследует Григорий Нисский, вводя в текст фразы типа: «*Тогда апостольскими чудесы, яже во граде и окрсть беаше, всем ужасшемся...*»; «...*не чаша ни жизненным прям иного судища ис-*

кати добреиша, но весь суд и всеа злобедныа пря сплетение сего съветом расуждено будыше...» (то есть за советом и судом обращались к святителю, не думая искать никого другого) [4. Стлб. 2678].

Энкомий, восхваляя и прославляя своего героя, также демонстрирует его исключительность. Однако относительно элемента чудесного необходимо заметить, что различие жанров агиографии и энкомия заключается в том, что отсутствие описания чудес – характерная для энкомия черта [7. С. 32], в то время как изображение чудес – обязательная норма агиографического канона.

Повествования о некоторых деяниях Григория Чудотворца представляют собой поучительные рассказы. Так, эпизод о возведении «*на церковный стол*» угольщика указывает на превосходство для христианина внутреннего содержания человека над внешностью; рассказ о двух евреях, обманувших святителя, свидетельствует о небезопасности лгать «*ч(е)л(ове) ку Бжию*» [4. Стлб. 2689–2690].

В соответствии с житийным канонам, Григорий заранее знает о своей кончине («...*разуме свое прешествие...*»), дает последнее наставление пастве: верующим – усовершенствоваться в вере, а неверующим – приобщиться к вере. Далее кратко, не противореча канону, сообщается о факте смерти святого («...*тако от чльскы жизни преступни къ Бгу...*») [4. Стлб. 2700].

Григорий Нисский реализует в своем произведении и характерное для христианской литературы представление о символической значимости света, выражающего распространение Божьей благодати [11. С. 159]: «...*еже то во глухонощи светъ си явившимся ему точно с ними просветися, яко великы свеца просветившася...*» [4. Стлб. 2668].

Как отмечают исследователи, важное место в житийной композиции занимало описание бесовских козней, что, несомненно, связано с верой в торжество силы Господа над сатаной. Демонология была особенно развита в византийских агиографических произведениях [11. С. 147], подтверждением чему является наличие подобных эпизодов в житиях Василия Великого, Григория Акрагантского [6. Стлб. 28–34; 5. Стлб. 3191; 3204] и пр. Не является исключением в данном случае и «Слово о жизни св. Григория Чудотворца», содержащее повествования о борьбе святого с нечистой силой. Так, с помощью крестного

знамения и призвания имени Христова Григорий прогоняет бесов из храма [4. Стлб. 2671]; изгоняет беса из «*детница*» дыханием уст и наложением руки [4. Стлб. 2690]; молитвой помогает дьякону преодолеть многочисленные бесовские проделки во время омовения в бане [4. Стлб. 2696–2697].

Наличие в исследуемом памятнике эпизодов видений, пророчества и снизошедшего на главного героя или кого-либо из действующих лиц Божьего откровения [4. Стлб. 2664; 2666; 2668; 2688; 2695; 2697] является традиционным для структуры агиографического произведения (ср. жития Иоанна Златоуста, Василия Великого, Спиридона Тримифунтского и так далее).

Все вышеперечисленные мотивы в целом характерны для жанрово-композиционной схемы преподобнического жития.

Необходимо отметить, что наряду с каноническими мотивами преподобнической житийной схемы в исследуемом памятнике наблюдаются элементы, традиционные для жанрово-композиционной схемы мученика. Они выражаются в описании гонений на Григория и христиан подчиненной ему области («*И беаху ведоми мнози мужи и жены и дети во град, и быша наполнены темнице...*») [4. Стлб. 2694]. Однако, в отличие от героя мученического жития, принимающего смерть решительно и бесстрашно, порой даже радостно [11. С. 117], Григорий советует христианам «*бегом дшу свою избавити от смрти*» и, подавая им пример, сам прежде других «*...бежа от беды тоа...в пустыню бежавъ, въ дрязде (в засаде) седе...*» [4. Стлб. 2692].

Мотив бегства от гонителей, на наш взгляд, является в данном случае одним из средств создания образа святителя. Григорий – иерарх, «*пастырь словесных овец*»; его долг – находиться в центре «*мирской жизни*» [11. С. 120]. Кроме того, как отец церкви, святитель обязан заботиться о благополучии и сохранении своей паствы. Подтверждением этой идеи является следующая фраза из текста памятника: «*Сохранив бо самъ ся бегом, на помощь всемъ борющимся за веру*» [4. Стлб. 2694].

Тем не менее Григорий Чудотворец, подобно герою-мученику, сумел впоследствии, при приближении гонителей, показать непоколебимость и крепость веры: «*...зря на небо обратном оком, руце воздвиг, телом просто стоа, Б(о)га моли*» [4. Стлб. 2693].

В «Слове о жизни св. Григория Чудотворца» в определенной степени реализуется и ха-

рактерный для византийских мучеников мотив пыток, мучений героев [11. С. 117]. Так, автор приводит указ «*старейшего*»-гонителя подвергать всевозможным истязаниям всякого, кто наречет имя Христово («*...да всякъ, иже имя наречетъ Хво, то да всяцыми муками дручень*»); описывает врожденную лютость правителя области, готового «*предати на смртъ и на всяцкаа томила*» любого послушавшегося [4. Стлб. 2691–2692]; повествует о преследователях, потерявших надежду когда-либо поймать Григория и обрушивших гнев на всех, кто верует имени Христову («*...тогда на оставшаа свои изъврати бесъ ти пуствивъ всямо пытать: кто веруетъ имени Х(ристо)ву*»); рассказывает о заполнении темниц христианами любого пола и возраста («*И беаху ведоми мнози мужи и жены и дети во град, и быша наполнены темнице...*») и о единственном занятии «*старейшин*»-язычников – подвергать мучениям верующих («*...да всех, муками всяцескими паче промышляюще, томят тех, иже веры держат*») [4. Стлб. 2694].

Христианское мировоззрение, четко разделяющее мир на добро и зло, заставляет Григория Нисского в особо негативных тонах передавать все, что связано со «*старейшим*»-гонителем: его неудержимый гнев и зависть («*...тоцно ту велики гневъ и зависть влезетъ того, ижъ тогда владеа старейшинъ...*») [4. Стлб. 2691]; врожденную лютость правителя области («*...велику имаа отъ вещи изъуть лютость, велми ся гнева на веровавшиа...*») [4. Стлб. 2692].

В изучаемом памятнике, кроме прочих, звучат мотивы, явно восходящие к канонической схеме исповеднического жития. Исповедническое житие описывало деяния апостолов и исповедников, несших христианскую веру в среду язычников и иноверцев [11. С. 119]. Григорий Великий, подобно исповеднику, «*имеет ревность*» видеть всех жителей вверенной ему области обратившимися к спасительной вере [4. Стлб. 2700]. В результате его деятельности все поклонники языческих идолов, за исключением семнадцати, обратились к благочестивой вере; жизнь человеческая очистилась от идольской скверны, нечистые жертвенники угасли и «*всему злу потопиу*» [4. Стлб. 2691].

Мотивы непосредственно святительского жития, на наш взгляд, выражаются в описании главного героя как ответственного за свою паству владыки, долгом которого являлось участие в мирской жизни и личное духовное

воздействие на нее. Заняв престол, Григорий проповедовал, увещевал, учил, исцелял, привлекал к вере [4. Стлб. 2677], вел беседы о добродетели. Проявив мудрость правителя, позволил пока еще во многом заблуждавшемуся населению предаваться веселью и ликованию в дни памяти святых («...показа имъ стыхъ памятми веселитися и добрити и галити...») [4. Стлб. 2699].

С целью более полного раскрытия образа Григория-святителя автор обращает особое внимание на объекты поучений («иж в печали», «уноша», «старей», «раби», «вдки», «кто ниць», «женам», «детем», «оцемь») и, соответственно им, темы поучений [4. Стлб. 2677].

Как показало исследование, в агиографии имеют место фрагменты, повествующие о попытках с привлечением блудницы опорочить святого. Повествования о подобных кознях содержатся в изучаемом произведении [4. Стлб. 2663], а также в исследованном житии Григория Акрагантского [5. Стлб. 3179–3181]. При этом в том и другом памятнике идентична развязка этих сюжетов: в качестве наказания за грех обе женщины становятся одержимы бесом, а исцеляются лишь после молитв святых, прощающих блудниц по примеру самого Бога-«человеколюбца» [4. Стлб. 2664; 5. Стлб. 3204].

Краткое заключение «Слова о жизни св. Григория Чудотворца», не содержащее необходимых канонических мотивов (таких как риторическое прославление подвигов и добродетелей святого, сравнение героя с библейскими персонажами, молитвенное обращение к святому за помощью [10. С. 35–36]), нетипично для агиографического памятника. Однако подобное заключение нельзя считать традиционным и для энкомия, поскольку эпилог энкомия должен представлять собой «собрание наивысших похвал василевсу и утверждение его вечной славы» [13. С. 83].

Таким образом, в ходе анализа выяснилось, что похвальное слово «Слово о жизни св. Григория Чудотворца», созданное св. Григорием Нисским, несмотря на некоторые отступления от канона (отсутствие информации о предках главного героя, нетипичное заключение), – что являлось нередким явлением в ранневизантийской литературе, – построено с соблюдением трехчастной композиции, традиционной для жанра жития. Кроме того, проведенное исследование позволяет утверждать, что структурно-композиционная схема памятника в целом

отвечает каноническим требованиям к структуре двух жанров – античного энкомия и жития. Это согласуется с выводами Т. В. Поповой о характерной для ранневизантийской агиографии IV–V вв. ориентации на образцы античной биографии [14. С. 225].

В то же время исследованный памятник, в котором на уровне структуры сошлись традиции жанров энкомия и жития, наполняет эту структурную схему иным, христианским содержанием. Влияние различных жанровых разновидностей агиографии выявлено практически на всех компонентах структуры энкомия (похвального слова). В итоге произведение, повествующее о деяниях святителя, реализует мотивы, характерные для преподобнического, мученического, исповеднического и непосредственно святительского жития.

Таким образом, «Слово о жизни св. Григория Чудотворца» является одним из произведений, отражающих процесс взаимовлияния жанров, характерный для византийской литературы IV–VII вв., когда новое идейное содержание наполняло традиционные античные жанры.

Список литературы

1. Великие Минеи Четьи. Декабрь, дни 6–17. – М., 1904. – Стлб. 695–935.
2. Великие Минеи Четьи. Ноябрь, дни 1–12. – СПб., 1897. – Стлб. 812–880.
3. Великие Минеи Четьи. Ноябрь, дни 13–15. – СПб., 1899. – Стлб. 898–1131.
4. Великие Минеи Четьи. Ноябрь, дни 17–22. – М., 1914. – Стлб. 2652–2704.
5. Великие Минеи Четьи. Ноябрь, дни 23–25. – М., 1916. – Стлб. 3123–3224.
6. Великие Минеи Четьи. Январь, дни 1–6. – М., 1910. – Стлб. 8–53.
7. Древние жития святителя Иоанна Златоуста. Тексты и комментарий. – М.: Паломник, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, ИМЛИ РАН, 2007. – 528 с.
8. История Византии. – М.: Наука, 1967. – Т. 1. – 525 с.
9. Краткая литературная энциклопедия. – URL: <http://feb-web.ru/feb/kle/default.asp>. – Дата обращения: 30.12.2014.
10. Лопарев, Х. М. Византийские жития святых VIII–IX веков / Х. М. Лопарев // Византийский временник. – СПб., 1911. – Т. 17, вып. 17. – С. 1–43.
11. Минеева, С. В. Проблемы комплексного анализа древнерусского агиографического

текста (на примере Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких) : монография / С. В. Минева. – Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 1999. – 198 с.

12. Мир житий. Сборник материалов конференции. – М.: Имидж-Лаб, 2002. – 304 с.

13. Поляковская, М. А. Энкомии Николая Кавасилы как исторический источник / М. А. Поляковская // Античная древность и средние века. — Свердловск, 1973. — Вып. 9. – С. 77–88. – URL: <http://hdl.handle.net/10995/2465>. – Дата обращения: 30.12.2014.

14. Попова, Т. В. Античная биография и византийская агиография / Т. В. Попова // Античность и Византия. – М.: Наука, 1975. – С. 218–266.

15. Сагарда, Н. И. Св. Григорий Чудотворец, еп. Неокесарийский: Его жизнь, творения и богословие. – Пг.: Воскресение, 1916. – С. 61–128.

16. Творения св. Григория Нисского // ТСОП. – М., 1871. – Т. 45, ч. 8. – С. 126–198.

17. Федотов, Г. П. Святые Древней Руси. – М.: Моск. рабочий, 1990. – 269 с.

18. Meridier, L. L'influence de la seconde sophistique sur l'oeuvre de Gregoire de Nysse / L. Meridier. – Paris, 1906. – 289 p. – URL: <https://archive.org/stream/linfluenceelasec00mr#page>. – Дата обращения: 30.12.2014.

Сведения об авторе

Соловьева Татьяна Николаевна – старший преподаватель кафедры русского и иностранных языков Курганской государственной сельскохозяйственной академии, аспирант Курганского государственного университета.

Solovyeva-05.04@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 10 (365).

Philology. Arts. Issue 95. Pp. 159–167.

LIFE TRADITIONS IN THE “WORD OF LIFE OF ST GREGORY THAUMATURGUS”

T. N. Solovyeva

Teacher of Kurgan State Agricultural Academy, post graduate student of Kurgan State University.

Solovyeva-05.04@mail.ru

The article is dedicated to the analysis of genre, compositional scheme and the complex of motifs that are realized in the “Word of life of St Gregory Thaumaturgus”. The aim of the article is to investigate the life traditions influence on the Christian laudable word, created according to the laws of encomia. In the course of the research it is established that the structural and compositional scheme of the monument despite of some deviations from the canon, meets the requirements made for the structure of both antique encomium and life. Moreover, the influence of different genre types of hagiography is evident on almost every structural component of the studied encomium (laudable word). Thus, the motifs typical for a Reverend’s life, a martyr, a confessor’s life and directly for a sanctifier’s life are realized in this monument narrating about the deeds of a bishop. Thereby the “Word of life of St Gregory Thaumaturgus” is one of the works that reflect the process of interaction and mutual enrichment of genres which was typical for the Byzantine literature of the IV-VII centuries.

Keywords: *encomium, life motif, canon, structural scheme, sanctifier’s life.*

References

1. *Velikie Minei Chetyi. Dekabr, dni 6–17* [Great Menology. December, days 6–17]. Moscow, 1904, columns 695–935. (In Russ.)

2. *Velikie Minei Chetyi. Noyabr, dni 1–12* [Great Menology. November, days 1–12]. Saint-Petersburg, 1897, columns 812–880. (In Russ.)

3. *Velikie Minei Chetyi. Noyabr, dni 13–15* [Great Menology. November, days 13–15]. Saint-Petersburg, 1899, columns 898–1131. (In Russ.).
4. *Velikie Minei Chetyi. Noyabr, dni 17–22* [Great Menology. November, days 17–22]. Moscow, 1914, columns 2652–2704. (In Russ.).
5. *Velikie Minei Chetyi. Noyabr, dni 23–25* [Great Menology. November, days 23–25]. Moscow, 1916, columns 3123–3224. (In Russ.).
6. *Velikie Minei Chetyi. Yanvar, dni 1–6* [Great Menology. January, days 1–6]. Moscow, 1910, columns 8–53. (In Russ.).
7. *Drevnie zhitiya svyatitelya Ioanna Zlatousta. Teksty i kommentariy* [The old lives of Saint John Chrysostom. Texts and comments]. Moscow, Pilgrim, Orthodox Svyato-Tikhonovskiy humanitarian university, 2007. 528 p. (In Russ.).
8. *Istoriya Vizantii* [History of Byzantium]. Moscow, Science, 1967, vol. 1. 525 p. (In Russ.).
9. *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya*. [Brief literature encyclopedia]. Available at: <http://feb-web.ru/feb/kle/default.asp>, accessed 30.12.2014. (In Russ.).
10. Loparev Kh.M. *Vizantiyskie zhitiya svyatykh VIII–IX vekov* [Byzantine lives of VIII–IX centuries]. *Vizantiysky vremennik* [Byzantine vremennik]. Saint-Petersburg, 1911, vol. 17, pp. 1–43. (In Russ.).
11. Mineeva S.V. *Problemy kompleksnogo analiza drevnerusskogo agiograficheskogo teksta (na primere Zhitiya prep. Zosimy i Savvatiya Solovetskikh)* [Problems of complex analysis of an Old Russian hagiographic text (by the example of Life of Reverend Zocima and Savvatij Solovetskiye)]. Kurgan, Kurgan State University Publ., 1999. 198 p. (In Russ.).
12. *Mir zhitiy* [World of lives]. Moscow, RFK «Image-Lab» Publ., 2002. 304 p. (In Russ.).
13. Polyakovskaya M.A. *Enkomii Nikolaya Kavasily kak istoricheskiy istochnik* [Encomia of Nicholas Kavasila as a historical source]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Ancient antiquity and Middle Ages]. Sverdlovsk, 1973, issue 9, pp. 77–88. Available at: <http://hdl.handle.net/10995/2465>, accessed 30.12.2014. (In Russ.).
14. Popova T.V. *Antichnaya biografiya i vizantiyskaya agiografiya* [Antique biography and Byzantine hagiography]. *Antichnost i Vizantiya* [Antiquity and Byzantium]. Moscow, Science Publ., 1975, pp. 218–266. (In Russ.).
15. Sagarda N.I. *Sv. Grigoriy Chudotvorets, ep. Neokesariyskiy: Ego zhizn, tvoreniya i bogoslovie* [Saint Gregory Thaumaturgus, Bishop of New Caesarea: his life, works and theology]. Petrograd, Resurrection Publ., 1916, pp. 61–128. (In Russ.).
16. *Tvoreniya sv. Grigoriya Nisskogo* [Works of Saint Gregory of Nysse]. *Tvoreniya svyatykh ottsov v russkom perevode* [Works of Saint Fathers in Russian translation]. Moscow, 1871, vol. 45, part 8, pp. 126–198. (In Russ.).
17. Fedotov G.P. *Svyatye Drevney Rusi* [Saints of Old Russia]. Moscow, Moscow worker Publ., 1990. 269 p. (In Russ.).
18. Meridier L. *L'influence de la seconde sophistique sur l'oeuvre de Gregoire de Nysse* [The influence of the second sophistry on the work of Gregory of Nysse]. Paris, 1906. 289 p. Available at: <https://archive.org/stream/linfluenceelasec00mr#page>, accessed 30.12.2014. (In French).

УДК 81'36
ББК 81'2

Ф. А. Царикаева

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Произведен анализ различных классификационных подходов сложноподчиненных предложений осетинского языка, который позволил установить, что вопрос о сущности сложноподчиненных предложений, его грамматической природе, его функциональных возможностях не имеет в трудах ученых-лингвистов однозначного решения.

Ключевые слова: осетинский язык, грамматика, синтаксис, сложноподчиненное предложение, главная часть, придаточная часть.

Несмотря на то что структурные и смысловые особенности сложноподчиненных предложений (далее – СПП) осетинского языка изучались многими лингвистами еще с начала XIX в. (А. М. Шёгрэн (1844 г.) [7], Г. Розен (1846 г.) [8], Р. Штакельберг (1886 г.) [9], К. Е. Гагкаев (1956) [3], В. И. Абаев (1959 г.) [1], Н. Х. Кулаев [4]), вопрос грамматической природы, разновидностей, значений сложноподчиненных предложений остается в теории осетинского языка наиболее актуальным.

В настоящее время в осетинском языкознании используются две концепции сложноподчиненных предложений: Н. К. Багаева [2] и классификация СПП, изложенная в учебнике для студентов высших учебных заведений «Нырыккон ирон æвзаг» («Современный осетинский язык») [5].

Н. К. Багаев, акцентируя внимание вслед за Н. Х. Кулаевым на синтаксической зависимости частей СПП, сложноподчиненным предложением называет такое, «в котором одно предложение бывает синтаксически подчинено другому» [2. С. 388], и «...состоит из неравноправных, неравнозначных простых предложений». Предложение, подчиняющее себе другое предложение, называется главным предложением, а ему подчиненное – придаточным предложением [2. С. 388].

Н. К. Багаев также указывает на то, что придаточное предложение может относиться в осетинском языке к одному либо группе членов главного предложения, либо ко всему главному предложению. Однако, как и предшествующими синтаксистами, им не было дано четкого разграничения сложноподчинен-

ных предложений в соответствии с этим ведущим конструктивным признаком, определяющим особенности строения и семантики СПП, вследствие чего дифференциация сложноподчиненных предложений включает «придаточные предложения» подлежащего, сказуемого, определения, приложения, дополнения, условные, уступительные и обстоятельства (образа действия, времени, причины, места, меры и степени, цели).

Система сложноподчиненных предложений, предложенная Н. К. Багаевым, на наш взгляд, не имеет грамматической опоры и подвергается критике, так как построена на основе разных классификационных подходов: традиционном (придаточные «предложения» делятся в зависимости от того, какое значение определенного члена «главного предложения», выраженного соотносительным местоимением или наречием, поясняется или раскрывается придаточным «предложением»; какую синтаксическую функцию выполняет придаточное «предложение» по отношению к главному) и структурно-семантическом (учитываются грамматические средства связи (подчинительные союзы и соотносительные слова) СПП, позиционное положение придаточных «предложений», отнесенность к одному члену или группе членов главного либо ко всему главному «предложению»).

Кроме того, в отдельных случаях неверно определяется тип придаточной части. Например, в предложении *Хъаеумæ цас хæстæгдæр кодта Фидар, уыйбæрц йæ зæрдæ тынгдæр змæлыди* (Цæгæраты М. Фидар). – **Чем** больше приближался Фидар к селу, **тем** сильней

билось его сердце придаточная часть сопоставительная определяется как придаточная степени. Придаточные сравнительные, относящиеся к отдельному самостоятельному типу, рассматриваются в составе придаточных «предложений» образа действия, хотя соотношение союзов *цыма*, *куыд* – как *будто*, *будто*, *точно*, *словно*, *как если бы*, а также союзного слова *куыд* – как с местоименными наречиями *уыйау*, *уый хуызан* (досл.: «подобно тому», «подобно этому», «будто») выражают сравнительные отношения без каких-либо оттенков (в то время как СПП с придаточными образа действия, имеющие в своем составе союз *куыд* – как и союзное слово *куыд* – как в соотношении с местоименным наречием *афтæ* – так могут осложняться сравнительным оттенком значения):

Цъутæ иттæг рæсугъд зарын райдыдтой, цыма хуры скастæн æгасцуаймæ сæхи цæттæ кæнынц æмæ сæ циндзинад хуры скасты кадаен у, уый хуызан (Санаты У. Партизантæ). – **Подобно тому** начали петь птицы очень красиво, **будто** готовились к приветствию с солнечным восходом и (**будто**) веселье их было посвящено восходу солнца.

Хæдзармæ бахизæны галиуырдыгæй къуымы дыууæ лæдзæджы, цыма сæ дард балцы фæстæ сæ фæллад уадзынц, уый хуызан сæхи къулыл банцой кодтой (Цæгæраты М. Фондзы кæстæр). – *У входа в помещение слева в углу две палки прислонились к стене, **будто (подобно тому)** после далекого своего путешествия отдыхали.*

Ошибочным является и утверждение, в основе которого лежат научные представления К. Е. Гагкаева и В. И. Абаева, что связь в сложноподчиненных предложениях может быть не только союзной (то есть придаточные «предложения» присоединяются к главному при помощи союзов и союзных слов), но и бессоюзной, при помощи одной только интонации [2. С. 433], с дополнением о том, что типы придаточных в таких предложениях аналогичны союзным сложноподчиненным предложениям, за исключением бессоюзных придаточных обстоятельства места, не встречающихся в осетинском языке [2. С. 436], поэтому бессоюзные СПП включают придаточные подлежащего, сказуемого, определения, дополнения и обстоятельства: образа действия, причины, времени, меры и степени, условные, уступительные, цели. Особняком расположены пояснительные бессоюзные придаточные «предложения»,

уточняющие и поясняющие значение главного.

Таким образом, классификация Н. К. Багаева не учитывает всех структурных особенностей сложноподчиненных предложений и характера отношений между частями.

Классификацию сложноподчиненных предложений, предложенную Н. К. Багаевым, можно изобразить в виде схемы (рис. 1).

В настоящее время в осетинском языке используется классификация сложноподчиненных предложений, изложенная в учебнике для студентов высших учебных заведений «Нырыккон ирон æвзаг» («Современный осетинский язык») [5] и построенная на основе определения формально-грамматических и семантических особенностей СПП. В отличие от предыдущих теорий, авторы данного учебника верно определили синтаксическую целостность сложноподчиненного предложения, являющегося отдельной самостоятельной коммуникативной единицей, состоящей не из двух и более простых предложений, а из нескольких предикативных частей, соединенных между собой при помощи подчинительных союзов или союзных слов. Вместо же терминов «придаточное предложение» и «главное предложение» верно используются термины «придаточная часть» (*уæлæмхæст хай*) и «главная часть» (*сæйраг хай*).

В данном случае при дифференциации придаточных частей предлагается учитывать грамматические средства связи СПП (союзы, союзные и соотносительные слова), позиционное положение частей СПП, соотношение видовременных форм глаголов главной и придаточной частей, интонацию, соотношенность придаточной части с предикативной основой либо отдельным второстепенным членом главной части, и выделять среди сложноподчиненных предложений СПП с придаточными частями определительными (*бæрæггæнæны*), изъяснительными (*æмбарынгæнæн*), обстоятельственными (*фадатон*): времени (*афоны*), места (*бынаты*), причины (*æфсоны*), цели (*нысаны*), образа действия (*архайды хуызы*), меры и степени (*къæпхæны æмæ бæрцы*), сравнительными (*абарсты*), условными (*бадзырды*), уступительными (*ныхмæвæрды*) [5. С. 256–261].

Хотя авторами вскользь упоминается основной признак определения семантики и структуры СПП, показателем чего служит соотношенность придаточной части с одним словом или словосочетанием в главной части либо со всей главной частью, однако внимание акцен-

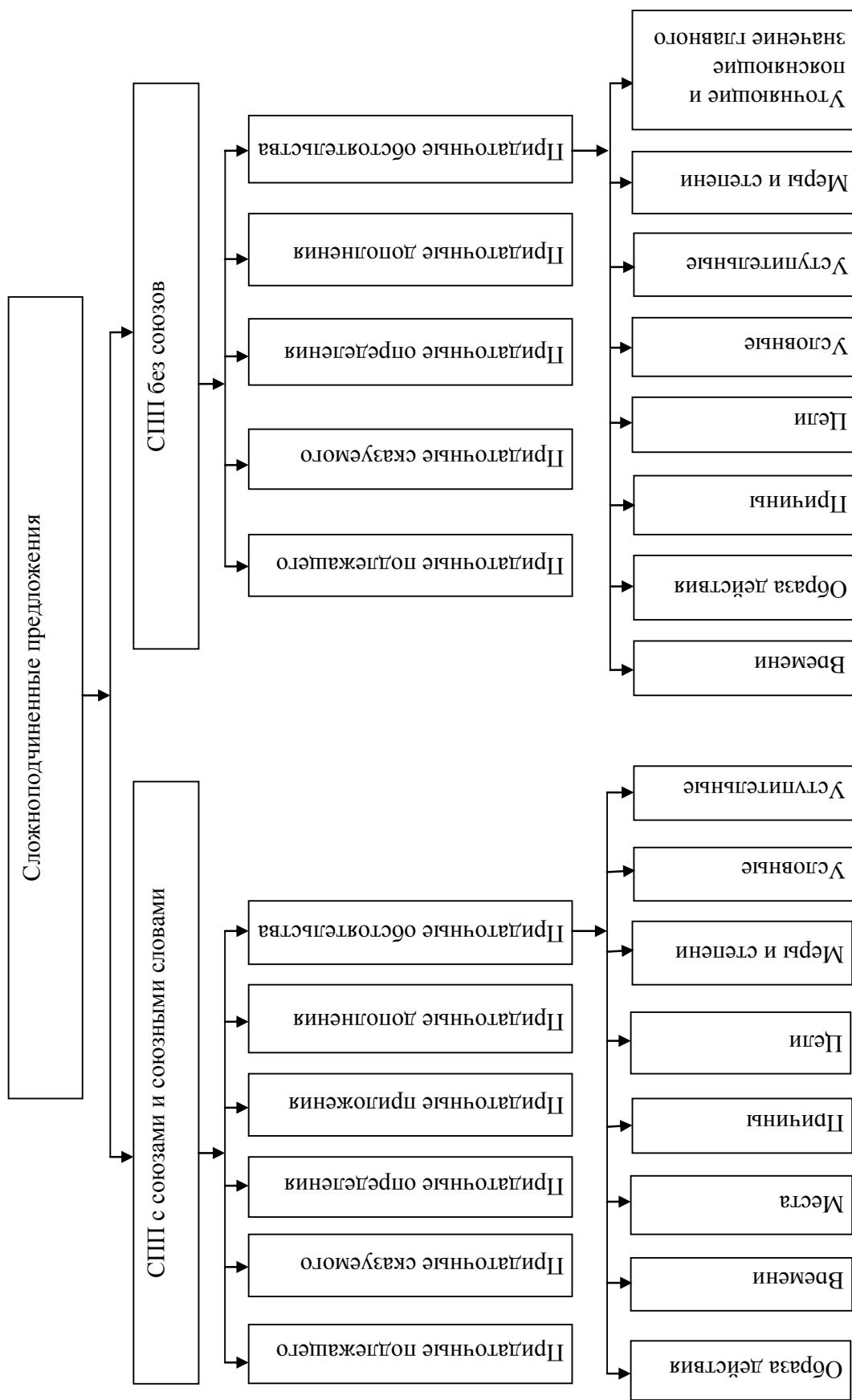

Рис. 1. Классификация сложноподчиненных предложений осетинского языка по Н. К. Багаеву

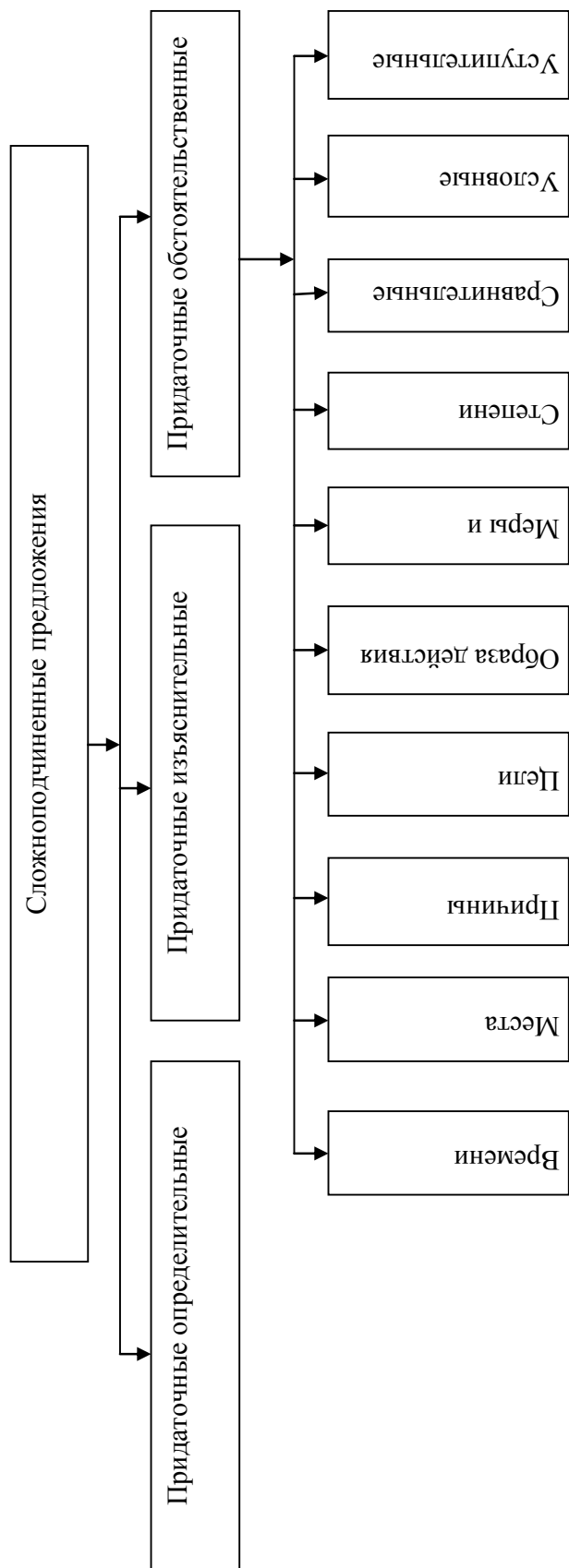

Рис. 2. Классификация сложноподчиненных предложений осетинского языка, представленная в учебнике для студентов высших учебных заведений «Современный осетинский язык»

тируется больше на союзах и союзных словах, являющихся грамматическим средством связи установления синтаксических отношений между частями сложноподчиненного предложения. Классификация придаточных частей не может зависеть от значения союзов, ибо семантические союзы, имеющие одно конкретное значение, выражают определенные смысловые отношения между частями СПП (причинные, временные, места и так далее), в то время как асемантические союзы выражают присловную зависимость придаточной части, поскольку не имеют определенного семантического значения.

Классификацию сложноподчиненных предложений, описанную в учебнике «Современный осетинский язык» можно изобразить в виде схемы (рис. 2).

Таким образом, проведенный анализ различных точек зрения на классификацию сложноподчиненных предложений осетинского языка установил, что в настоящее время в осетинском языкознании существует два классификационных подхода: первый основан на совмещении традиционного и структурно-семантического классификационных подходов, второй – на определении формально-грамматических и семантических особенностей СПП.

Список литературы

1. Абаев, В. И. Грамматический очерк осетинского языка / В. И. Абаев. – Орджоникидзе: Северо-Осет. кн. изд-во, 1959. – 168 с.
2. Багаев, Н. К. Современный осетинский язык : в 2 ч. / Н. К. Багаев. – Орджоникидзе: Ир, 1982. – Ч. 2. – 493 с.
3. Гагкаев, К. Е. Синтаксис осетинского языка / К. Е. Гагкаев. – Орджоникидзе, 1956. – 276 с.

4. Газдарова, А. Х. Поэзия правды и любви / А. Х. Газдарова. – Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2010. – 208 с.

5. Газдарова, А. Х. Мифо-фольклорные традиции и художественная историософия в романе Н. Джусойты «Кровь предков» / А. Х. Газдарова, И. Х. Хозиева // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. – 2013. – № 4. – С. 237–241.

6. Грамматика осетинского языка : в 2 т. – Орджоникидзе, 1969. – Т. 2. – 387 с.

7. Джусойты, К. Г. Нырыккон ирон æвзаг: Ахуыргæнæн чыныг уæлдæр скъолаты студенттæн / К. Г. Джусойты, З. Б. Дзодзыккаты, Р. Г. Цопанты. – Дзæуджыхъæу: ЦИПУ-фы рауагъдад, 2010. – 309 с.

8. Каргаева, Т. А. Придаточные части места русского и осетинского языков в сравнительно-сопоставительном аспекте / Т. А. Каргаева, Ф. А. Царикаева // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 5. – URL: <http://www.science-education.ru/105-7240>.

9. Царикаева, Ф. А. Структурные типы сложноподчиненного предложения / Ф. А. Царикаева // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. – 2012. – № 2. – С. 374–378.

10. Шёгрэн, А. М. Осетинская грамматика : в 2 ч. / А. М. Шёгрэн. – СПб., 1844. – Ч. 1. – 560 с.

11. Rosen, G. Über die Ossetische Sprache / G. Rosen // Abhandlungen der Königlicheh Akademie der Wissenschaften zu Berlin, 1846. – P. 361–405.

12. Stackelberg, R. von. Beiträge zur Syntax des Ossetischen / R. von Stackelberg. – Strassburg, 1886. – 99 p.

Сведения об авторе

Царикаева Фатима Ахсарбековна – кандидат педагогических наук, докторант кафедры технологий и инноваций в социальной работе Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова.

fcarikaeva@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 10 (365).
Philology. Arts. Issue 95. Pp. 168–173.*

THEORETICAL BASES FOR STUDYING COMPLEX SENTENCES IN THE MODERN OSSETIAN LANGUAGE

F. A. Tsarikaeva

*Candidate of pedagogical sciences, the doctoral candidate of chair of technologies and innovations
in social work of the North Ossetian state university of Costa of Levanovich of Khetagurov.
fcarikaeva@mail.ru*

In the article different classifying approaches to the complex sentences in the Ossetian language is given. It allows stating that the essence of the complex sentence, its grammatical meaning and its functional opportunities do not have a unique solution in the works of linguistic scholars.

Keywords: *Ossetian language, grammar, syntax, compound subordinated sentence, main clause, subordinate clause.*

References

1. Abaev V.I. *Grammaticeskij ocherk osetinskogo jazyka* [Grammar essay the Ossetian language]. Ordzhonikidze, Severo-Oset. kn. izd-vo, 1959. 168 p. (In Russ.).
2. Bagaev N.K. *Sovremennyj osetinskij jazyk : v 2 ch.* [Modern Ossetian language]. Ordzhonikidze, Ir Publ., 1982, part 2. 493 p. (In Russ.).
3. Gagkaev K.E. *Sintaksis osetinskogo jazyka* [The syntax of the Ossetian language]. Ordzhonikidze, 1956. 276 p. (In Russ.).
4. Gazdarova A.H. *Pozejzija pravdy i ljubvi* [Poetry of truth and love]. Vladikavkaz, Izd-vo SOGU, 2010. 208 p. (In Russ.).
5. Gazdarova A.H., Hozieva I.H. Mifo-fol'klornye tradicii i hudozhestvennaja istoriosofija v romane N. Dzhusojty «Krov' predkov» [Mythological and folk traditions and art historical philosophy in the novel N. Dzhusojty "Blood of ancestors"]. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Kosta Levanovicha Hetagurova* [Bulletin of the North Ossetian State University of Cost Levanovich Khetagurov], 2013, no. 4, pp. 237–241. (In Russ.).
6. *Grammatika osetinskogo jazyka : v 2 t.* [Grammar of Ossetian language]. Ordzhonikidze, 1969, vol. 2. 387 p. (In Russ.).
7. Dzhusojty K.G., Dzodzykkaty Z.B., Copanty R.G. *Nyrykkon iron ævzag: Ahuyrgænæn chinyg uældær sk#olaty studenttæn* [Modern Ossetian language: textbook for university students]. Ordzhonikidze, CIPU-jy rauag#dad, 2010. 309 p. (In Ossetian).
8. Kargaeva T.A., Carikaeva F.A. Pridatochnye chasti mesta russkogo i osetinskogo jazykov v sravnitel'no-sopostavitel'nom aspekte [Subordinate part of Places Russian and Ossetian languages in comparative comparative aspect]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija* [Modern problems of science and education], 2012, no. 5. Available at: <http://www.science-education.ru/105-7240>. (In Russ.).
9. Carikaeva F.A. Strukturnye tipy slozhnopodchinennogo predlozhenija [Structural types of complex sentence]. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Kosta Levanovicha Hetagurova* [Bulletin of the North Ossetian State University of Cost Levanovich Khetagurov], 2012, no. 2, pp. 374–378. (In Russ.).
10. Shëgren A.M. *Osetinskaja grammatika : v 2 ch.* [Ossetian grammar]. Saint Petersburg, 1844, part 1. 560 p. (In Russ.).
11. Rosen G. Uber die Ossetische Sprache [About the Ossetian language]. *Abhandlungen der Königlich Akademische der Wissenschaften zu Berlin* [Memoirs of Königlich Akademische der Wissenschaften to Berlin], 1846, pp. 361–405. (In German).
12. Stackelberg R.von. *Beiträge zur Syntax des Ossetischen* [Contributions to the syntax of the Ossetian]. Strassburg, 1886. 99 p. (In German).

УДК 811.161.1:81'35
ББК81.056+81.2 рус.

Е. Н. Широкова

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РУССКОЙ ПУНКТУАЦИИ (по данным массмедийного и художественного дискурсов)

На материале художественного и массмедийного дискурсов рассматриваются динамические процессы в области пунктуации, обусловленные клиповым характером мышления современного человека: активизация знаков пунктуации, находящихся на периферии пунктуационной системы; изменения в позиции знака при сохранении традиционных функций, а также частные текстовые функции параграфемных знаков. Показывается роль этих знаков в формировании прототипических признаков массмедийных дискурсивных жанров. Описывается участие знаков пунктуации в объединении разрозненной информации в единое текстовое пространство при сохранении смысловой самостоятельности отдельных фрагментов.

Ключевые слова: *пунктуация, параграфемика, знаки препинания, активные процессы, дискурсивные жанры, клиповое мышление.*

У многих представителей молодого поколения клиповый характер мышления преобладает над логическим, что напрямую зависит «от способа потребления и анализа поступающей информации» [1. С. 320] и связано с развитием электронной коммуникации, обусловившим появление гипертекстов и увеличение количества креолизованных текстов, которые представляют «особый лингвизуальный феномен» [2. С. 73]. В настоящее время «клиповость мышления становится нормой» [1. С. 323]. Целью данной статьи является рассмотрение некоторых динамических процессов в области русской пунктуации, детерминированных активизацией клипового мышления у современного человека.

Именно клиповый характер восприятия во многом определяет поиск новых способов оформления письменных текстов, и стратегии современных СМИ «направлены на визуально активное взаимодействие с читателем» [8. С. 29]. В частности, при значительной доле неинформативных заголовков в масс-медиа внимание читателя организуется с помощью специального параграфического оформления постоянных рубрик, что делает их визуально узнаваемыми при беглом просмотре печатных изданий. Прототипические признаки таких текстов определяются не только типологическими чертами определенного дискурсивного жанра, но и заголовком рубрики в сочетании со способами ее оформления, в том числе пунктуационными, которые разрабатываются многими изданиями специально для каждой рубрики.

Причем заголовок рубрики нередко совпадает с названием дискурсивного жанра, например: «СМС-жалобы», «Ответы на вопросы».

В широком понимании к знакам пунктуации относятся типографские – композиционно-пространственные и шрифтовые – средства печатного текста [6. С. 214; 9. С. 66 и др.], которые организуют периферию современной русской пунктуации [9. С. 66] и изучаются филологами в теории текстовой пунктуации [4], в лингвистике текста [2], а также в рамках теории визуализации текста [8. С. 29], невербальной семиотики [10. С. 185]. Мы будем рассматривать такие знаки в аспекте полевой организации системы русской пунктуации в связи с тенденцией к активизации знаков пунктуации, которые традиционно относятся к периферии пунктуационной системы.

Так, некоторые знаки пунктуации, участвующие в оформлении постоянных рубрик, выполняют одновременно две функции: отделяют разрозненные информативные фрагменты, следующие друг за другом, и, повторяясь в одних и тех же позициях, объединяют эти информативные фрагменты в единое текстовое пространство рубрики. В частности, в газете «PROгород» есть постоянная рубрика «СМС-жалобы». Название рубрики располагается на фоне фотографии известного горожанам места. Под заголовком и фотографией в несколько столбцов, выровненных по левому краю, располагаются короткие жалобы горожан, отделенные друг от друга линейками и шрифтовым

выделением одного или двух первых слов каждой жалобы, например:

Очень жаль, что никто не следит за ходом часов на площади Горького. Ведь они «убежали» уже на 6 минут! За город обидно!

Во дворе дома № 4 на улице Политбойцов ужасная дорога, ее не могут сделать уже который год. Невозможно пройти с коляской. Просто безобразия! (ПРОГород НН. 2014. 20 сент.)

Знаки пунктуации (шрифтовое выделение, линейка) в таком случае выполняют особую делимитативно-интегративную функцию – объединяют разрозненную информацию в единое текстовое пространство дискурсивного жанра с сохранением смысловой самостоятельности отдельных фрагментов. Аналогичную функцию выполняют знаки пунктуации и при оформлении дискурсивного жанра «Интервью», который представлен в современных масс-медиа двумя модификациями:

- интервью со свернутой позицией корреспондента;
- интервью с актуализированной позицией корреспондента.

В первом случае интервью, по сути, трансформируется в монолог интервьюируемого, разбитый корреспондентом на микротемы. Позиция корреспондента проявляется в названиях микротем и закрепляется с помощью шрифтового выделения и пробелов. Так, в традиционной рубрике «Мысли на ходу» газеты «ПРОГород» каждый абзац имеет одинаковое двухчастное строение: расположенное после знака хэштег (#) набранное полужирным шрифтом и выделенное цветом и курсивом название микротемы, за которым следует немаркированная прямая речь интервьюируемого, например:

#Желание выделиться. Желание сделать ретроавтомобиль у нас с братом было с самого детства /.../.

#Бизнес и эмоции. Да, автомобиль получился отнюдь не дешевый. Но мы с братом не собираемся возмещать затраты, сдавая нашу красавицу на свадьбы или праздники. Разве что готовы поучаствовать на каких-либо выставках (ПРОГород НН. 2014. 20 сент.).

При этом авторизация инициальных предложений-заголовков как принадлежащих корреспонденту осуществляется на основе вынесенной в позицию концевой сноска стереотипной для данной рубрики фразы: *Беседовал(а) (имя, фамилия), фото автора.*

Таким образом, происходит активизация знаков пунктуации, находящихся на периферии пунктуационной системы и выполняющих акцентно-выделительную и делимитативно-интегративную текстовые функции.

Во втором случае позиция корреспондента нередко актуализируется не только шрифтовым выделением, но и с помощью препозитивного вопросительного знака, отличающегося от остальных знаков препинания размером и цветом и (или) расположением на цветном фоне, например:

Насколько было сложно донести до властей важность установки культового сооружения в городе? Не сложно, у нас на постах много прогрессивных людей с широкими взглядами. Было получено принципиальное согласие, но на условиях пока не сошлись (Место встречи. Сибирь. 2013. № 11).

При использовании вопросительного знака наблюдается частная тенденция к изменению позиции знака с сохранением его основной смысловой функции маркирования функционального типа предложения. Ср. также употребление препозитивного вопросительного знака в жанре «Ответы на вопросы»:

?– В Нижнем то и дело устанавливают памятники, причем не самые привлекательные. Могут ли горожане сами установить скульптуру?

– **Вам следует** обратиться в городской совет депутатов, который рассматривает поступающие от граждан предложения /.../ (ПРОГород НН. 2014. 20 сент.).

Особое положение (препозиция), специфическое графическое оформление и дополнительные функции (в ряде случаев вопросительный знак замещает собой вводящее прямую речь предложение или даже название рубрики) сближают такой знак препинания с непунктуационным параграфическим знаком, выполняющим компрессивную функцию.

В художественном дискурсе при сохранении основной структурной (разделительной) и смысловой функции вопросительный знак употребляется в несвойственной ему позиции – на стыке предикативных частей полифункционального сложного предложения, если по

функции одна предикативная часть вопросительная или вопросительно-повествовательная (риторический вопрос), а следующая за ней предикативная часть повествовательная или побудительная, например:

Вы, дескать, в Столовую Избу? и я с вами (Т. Толстая. Кысь); *Злись не злись, а слово поперек Никите Иванычу как скажешь? – как есть он Главный Истопник* (Т. Толстая. Кысь); *Только сердце прыгало внутри его, как отдельное, живое и несогласное: тебя, может, и убьют, а меня? меня за что? пусть тебя бьют, а меня выпусти!..* (З. Прилепин. Обитель).

На наш взгляд, вопросительный знак в таких случаях выполняет не только интонационно-актуализирующую функцию, связанную с передачей особенностей разговорной речи, но и репрезентирует фрагментарность клипового мышления, подчеркивая смысловую самостоятельность предикативных частей и быстрый переход от одного информативного блока к другому. Однако одним из самых приспособленных для этого знаков препинания является многоточие.

В научной литературе многоточие относится к знакам препинания, выполняющим компрессионно-компенсирующую, или восполняющую, функцию. Такие знаки сигнализируют о смене пропозиции [4. С. 26–27]. По наблюдению Н. С. Валгиной, «иногда многоточие ставится в начале абзаца, передавая разрыв в повествовании, резкий переход от одной темы к другой. Таким образом намечается пауза, помогающая переключить внимание читающего» [3. С. 270–271]. Поскольку клиповое мышление и соответствующая ему так называемая «мозаичная культура» характеризуются «фрагментарностью информационного потока, алогичностью, полной разнородностью поступающей информации, высокой скоростью переключения между частями, фрагментами информации, отсутствием целостной картины восприятия окружающего мира» [7], то современный читатель, как правило, уже не нуждается в паузе для переключения внимания. Положительной стороной клипового мышления является большая скорость обработки информации. Поэтому многоточие становится знаком, маркирующим переходы между разрозненными текстовыми фрагментами, знаком, репрезентирующим клиповое мышление. Причем в такой функции многоточие может использоваться на стыке и предложений, и абзацев (в позиции конца или начала абзаца), например:

Неприятные эмоции являются таким же необходимым ингредиентом любой игры, как подъем санок в гору. Удовлетворение, которое испытывает игрок, связано с их преодолением... Как ты думаешь, почему стала возможна Великая Частотная Революция? (В. Пелевин. Бэтман Апполо);

Именно в такие минуты люди зачинают детей – потому что уверены в ждущем их солнечном счастье.

Вот только рождаются эти дети почему-то в феврале ...

Мертвая голова Иштар лежала (мне хотелось сказать «восседала», как если бы речь шла о большой жабе) на огромном золотом блюде (В. Пелевин. Бэтман Апполо).

При этом многоточие нередко маркирует переход от одной субъектной сферы, сквозь призму которой ведется повествование, к другой, от прямой речи персонажа к речи повествователя. При отсутствии пунктуационного выделения прямой речи на фоне авторской, что характерно для современной художественной речи, такие переходы оказываются особенно резкими. При этом эффект клиповости восприятия может усиливаться за счет сочетания разных способов введения прямой речи (пунктуационно маркированного и не маркированного), связанных с передачей внешней и внутренней речи [5. С. 16], а также использованием строчной буквы после многоточия в начале абзаца, например:

– Я, милый, знаешь, как чувствую, – тихо, не сходя с места, продолжал шептать владычка, – Соловки – ветхозаветный кит, на котором поселились христиане. И кит этот уходит под воду /.../ Не уходи под воду, милый мой, не погружайся во мрак, тут и так все во мраке.

– Уйди, – повторил Артем, чувствуя, что его сейчас вырвет.

“... он всем говорит про доброту, – заводил он себя с припадочной злобой, сжимая изо всех сил зубы. – Каждому лагернику здесь. А любой из них – злая тварь, мечтающая зарыться в свою прогнившую телогрейку и переждать, пока все вокруг передохнут...”

Артем так стоял еще с минуту, потом оглянулся – и, никого не увидев, поймал себя на мысли, что хотел бы застать владычку на том же самом месте – зачем он ушел? Мать бы не ушла! /.../ А этот, с бородой, наобещал всего, – а может и не дожждаться! Может забыть!

...от долгого переизбытка раздражения – Артема вдруг охватила вялость (З. Прилепин. Обитель).

Таким образом, активизация клипового мышления детерминирует изменения в сфере оформления письменной речи. Использование знаков пунктуации с целью объединения в единое текстовое пространство разрозненных смысловых фрагментов при сохранении их информативной обособленности обусловило активизацию знаков пунктуации, находящихся на периферии пунктуационной системы, появление у знаков пунктуации (многоточия, вопросительного знака, типографских знаков пунктуации) новых частных функций, употребление знаков в несвойственной позиции, в частности, препозитивного и интерпозитивного (на стыке предикативных частей сложного полифункционального предложения) вопросительного знака.

Список литературы

1. Аксенов, Л. Б. Влияние клипового мышления на образовательный процесс в вузе / Л. Б. Аксенов // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2014. – № 10. – С. 320–323.
2. Анисимова, Е. Е. Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) / Е. Е. Анисимова // Вопросы языкознания. – 1992. – № 1. – С. 71–78.
3. Валгина, Н. С. Активные процессы в современном русском языке : учеб. пособие / Н. С. Валгина. – М.: Логос, 2001. – 304 с.
4. Кольцова, Л. М. Художественный текст через призму авторской пунктуации : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Л. М. Кольцова. – Воронеж, 2007. – 48 с.
5. Николина, Н. А. Новые тенденции в оформлении чужой речи / Н. А. Николина // Русский язык в школе. – 2013. – № 6. – С. 13–17.
6. Реформатский, А. А. О перекодировании и трансформации коммуникативных систем / А. А. Реформатский // Исследования по структурной типологии. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 208–215.
7. Семеновских, Т. В. «Клиповое мышление» – феномен современности / Т. В. Семеновских // Оптимальные коммуникации (ОК). – URL:<http://jarki.ru/wpress/2013/02/18/3208>. – Дата обращения: 24.12.2014.
8. Семьян, Т. Ф. Визуальный облик журнала «Сноб» / Т. Ф. Семьян // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Лингвистика. – 2013. – № 1, т. 10. – С. 28–32.
9. Шварцкопф, Б. С. Современная русская пунктуация: система и ее функционирование / Б. С. Шварцкопф. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
10. Шубина, Н. Л. Невербальная семиотика печатного текста как область лингвистического знания / Н. Л. Шубина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2009. – № 97. – С. 184–192.

Сведения об авторе

Широкова Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и культуры речи Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина.

shirokelena@yandex.ru

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 10 (365).
Philology. Arts. Issue 95. Pp. 174–178.*

NEW TENDENCIES IN RUSSIAN PUNCTUATION (ON THE BASIS OF MASS-MEDIA AND BELLES-LETTRES DISCOURSES)

E. N. Shirokova

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University. shirokelena@yandex.ru

The dynamic processes in the field of punctuation specified by the clip character of the euhominid's mentality on the basis of mass-media and belles-lettres discourses are analyzed.

It is shown that prototypical characteristics of permanent mass-media columns are determined not only by the typological peculiarities of the discursive genre but also by the column's heading in relation

to the ways of its design including punctuation means, the latter being worked specially for each column.

Punctuation marks participating in the design of permanent columns fulfill two functions simultaneously: divide scattered informative fragments which follow each other and unite these informative fragments into interconnected text space recurring in one and the same positions. These facts let us come to the conclusion that punctuation marks possess structural and compositional function which is specified by the clip mentality the essence of which is to unite scattered information into the interconnected text space of a discursive genre while preserving the independence of separate fragments.

Besides printing punctuation marks the interpositional (on the border of the predicative parts of the polyfunctional compound sentence) question mark and the ellipsis performing the same function in the belles-lettres discourse the former being the signs of transition between scattered text fragments and consequently represent clip mentality.

Thus rapid development of clip mentality determines the changes in the sphere of written text's design: activation of punctuation marks which are situated on the circumference of punctuation system; ellipsis and questions mark's new functions; using the marks in the extrinsic position namely pre-positional and interpositional question mark.

Keywords: *punctuation, paragaphemics, punctuation marks, active processes, discursive genres, clip mentality.*

References

1. Aksenov L.B. Vliyanie klipovogo myshleniya na obrazovatel'nyj process v vuze [The influence of the clip mentality on the educational process in the institute of higher education]. *Aktual'nye problemy gumanitarnyx i estestvennyx nauk* [Actual problems of natural Sciences and Humanities], 2014, no. 10, pp. 320–323. (In Russ.).
2. Anisimova E.E. Paralingvistika i tekst (k probleme kreolizovannyx i gibridnyx tekstov) [Paralinguistics and text (to the problem of creolized and semi-digital texts)]. *Voprosy yazykoznanija* [Questions of Linguistics], 1992, no. 1, pp. 71–78. (In Russ.).
3. Valgina N.S. *Aktivnye processy v sovremennoe russkom yazyke* [Active processes in modern Russian language]. Moscow, 2001. 304 p. (In Russ.).
4. Kol'cova L.M. *Hudozhestvennyj tekst cherez prizmu avtorskoj punktuacii: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk* [Belles-lettres text through the lenses of the author's punctuation: abstract of the thesis]. Voronezh, 2007. 48 p. (In Russ.).
5. Nikolina N.A. Novye tendencii v oformlenii chuzhoj rechi [New Tendencies in Representing Reported Speech]. *Russkij yazyk v shkole* [Russian language in school], 2013, no 6, pp. 13–17. (In Russ.).
6. Reformatskij A.A. O perekodirovanii i transformacii kommunikativnyx system [About Recoding and Transformation of Communication Systems]. *Issledovaniya po strukturnoj tipologii* [Research on structural typology]. Moscow, 1963, pp. 208–215. (In Russ.).
7. Cemenovskix T.V. «Klipovoe myshlenie» – fenomen sovremennosti [Clip Mentality – the Phenomenon of Contemporaneity]. Optimal'nye kommunikacii (OK) [Optimal Communication (OK)]. Available at: <http://jarki.ru/wpress/2013/02/18/3208>, accessed 24.12.2014. (In Russ.).
8. Sem'yan T.F. Vizual'nyj oblik zhurnala «Snob» [Visual Appearance of the «Snob» Magazine]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Lingvistika* [Bulletin of South Ural State University. Linguistic], 2013, vol. 10, no. 1, pp. 28–32. (In Russ.).
9. Shvarckopf B.S. *Sovremennaya russkaya punktuaciya: sistema i ee funkcionirovanie* [Modern Russian punctuation: system and its functioning]. Moscow, 1988. 192 p. (In Russ.).
10. Shubina N.L. Neverbal'naya semiotika pechatnogo teksta kak oblast' lingvisticheskogo znaniya [Text's Non-Verbal Semiotics: Field of Linguistic Knowledge]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Sciences], 2009, issue 97, pp. 184–192. (In Russ.).